

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

**КАВКАЗСКИЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

IV

Ответственный редактор *В. К. ГАРДАНОВ*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • 1969

Книга содержит исследования по малоизученным вопросам кавказоведения. В ней помещены материалы по этнической истории и этническим процессам у народов Кавказа и Закавказья, рассказывается о положении женщин Дагестана в прошлом и настоящем, о семейном быте азербайджанцев Апшерона, о развитии жилища лаков в XVIII—XX вв.

1 – 6 – 2
4 – 69(I)

Н. Г. ВОЛКОВА

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАКАВКАЗЬЕ В XIX-XX вв.¹

В Закавказье на пространстве 186,1 тыс. кв. км расселено около тридцати народов, в лингвистическом отношении представляющих большинство языковых семей Советского Союза. Здесь, как и в других многонациональных областях нашей страны, на первый план выступает проблема культурного и языкового взаимодействия. Такого рода процессы, издавна происходившие на Кавказе, наиболее четко проявляются не только в областях с пестрым лингвистическим составом, но и на стыке этнических границ. При этом взаимодействовать могут как родственные, так и неродственные по языку и культуре народы или этнографические группы одного народа (например, локальные группы армян). Ярким примером может служить взаимодействие тюркоязычных и ираноязычных народов (азербайджанцев, татов, талышей), абхазского и мегрельского населения и т. п. Характер и результаты происходящих при этом процессов, естественно, зависят от многих причин: внешнеполитических условий, различного в прошлом социально-экономического и культурного уровня взаимодействующих народов, направления и длительности политических, экономических и культурных связей, численности народов и компактности их расселения. В итоге имеют место различные изменения в языке и культуре контактирующих народов: одни, нивелируя этнографические особенности локальных групп, приводят к формированию единого национального коллектива, в результате других через двуязычие² происходит переход

---

¹ Настоящая работа, являющаяся первой попыткой исследования этнических процессов в Закавказье, основана на литературных, архивных и статистических материалах. При дальнейшей разработке темы необходимы широкие полевые исследования, которые в условиях такой сложной в национальном отношении области, как Закавказье, под силу лишь большому коллективу этнографов, лингвистов, социологов, историков, фольклористов и ученых других специальностей.

² Вопросы двуязычия на материалах Северного Кавказа и Дагестана освещены лишь в ряде работ советских этнографов. См., например: Л. И. Лавров. Некоторые итоги Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», ХТХ, 1953; о н ж е. Рутульцы. «Сов. этнография», 1953, Л» 4; З. А. Никольская. Работы Цахурского отряда Дагестанской экспедиции 1952 г. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», XIX, 1953; Г. А. Сергеева. Арчинцы. М., 1967; Н. Г. Волкова. Вопросы двуязычия на Северном Кавказе. «Сов. этнография», 1967, № 1. Эта тема разрабатывается также языковедами. См.: 10. Д. Д е ш с р и е в. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы про

народа на язык более крупного по численности народа (одновременно с этим обычно осуществляется и культурная ассимиляция). В результате третьих имеет место сближение и обогащение языков и культур обеих взаимодействующих этнических общностей.

ИЗМЕНЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ

Исследование этнических процессов в Закавказье требует прежде всего рассмотрения основных этапов формирования национального состава населения края и изменений его в отдельные исторические периоды. При этом большое значение имеют миграции — передвижение народов в Закавказье и за его пределы, переселение различных национальностей на территорию Закавказья и др. Многие факты исторических переселений, повлиявшие на этническую карту исследуемого края, относятся к глубокой давности, однако без знания некоторых из них многое не может быть ясным и в характере современных этнических процессов.

Так, когда в начале XII в. Давид IV Строитель для развития ремесла и торговли поселяет армян в заново отстроенном Гор³, а в XIV в. В связи с завоеванием Армении турками тысячи армян устремляются в Грузию, образуя значительный массив в Тбилиси и окрестных территориях, тем самым создается древний пласт армянского населения среди грузин. Когда же Давид Строитель в начале XII в., усиливая военную мощь Грузии, поселяет в стране 45 тыс. кипчакских семей, то тем самым образуется значительный массив тюркоязычного населения⁴. Период наступления персидских шахов на Грузию оставляет след поселением в 1480-х годах азербайджанцев по южным рубежам страны — по р. Акстафе, Дебет и др. (казахская, памбакская и шурагельская группы)⁵. Часть армянского населения Памбака в связи с этим уходит в Грузию⁶. К XVI—XVII вв.

исхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963; он же. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966, и др.

³ Ш. А. М е с х и а. Города и городской строй феодальной Грузии XVII—XVIII вв. Тбилиси, 1959, стр. 43, 44.

⁴ «История Грузии», т. I. Тбилиси, 1962, стр. 163.

⁵ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. XII. Тифлис, 1901, стр. 25, 26.

⁶ Там же, стр. 26.

относятся переселения в Азербайджан полукочевых тюркоязычных племен: на Мугань - шахсевенов, в западные районы - падаров⁷. Персидско-турецкая война начала XVII в. также оставляет большой след на этнической карте Закавказья: тактика «сожженной земли» Шах-Аббаса - это опустошение и выселение жителей многих областей, в том числе и левобережного Аракса, - азербайджанцев и армян. Около 20 тыс. Пленных иноверцев, насильно обращенных в ислам, были отправлены в Персию и поселены на неосвоенных землях Мазандерана⁸. Вслед за этим начинаются выселения жителей Эривана и Нахичевана: первых - в район Карадага, вторых - в области Дизмара и Карадага⁹. Полное разорение Кахетии в 1616 г. персидскими войсками завершается уводом в плен свыше 100 тыс. Жителей области¹⁰. Через несколько лет Сефевиды начинают заселять опустошенные земли, в частности, из Карабаха сюда переселяются несколько азербайджанских племен во главе с Пейкар-ханом; в разоренную Кахетию спускаются дагестанские горцы - аварцы, цахуры, образуя на южных склонах Кавказского хребта Цахурское султанство и Джаро-Белоканские «вольные» общества¹¹.

Для Самцхе-Саатабаго (Месхетия), области Южной Грузии, находившейся в сфере политического и религиозного влияния Турции с XV в. и в первой четверти XVII в., составившей административную единицу Османской империи, длительное владычество турок не прошло даром - часть ее населения была отуречена.

В течение многих веков на южные склоны Главного Кавказского хребта переселяются осетины¹². Эти миграции шли несколькими потоками и закончились в основном в середине XVIII в., когда присоединение к России Северной Осетии дало возможность осетинам переселяться на равнину

⁷ «История Азербайджана», т. I. Баку, 1956, стр. 266.

⁸ А. Рахмаи. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Паку. 1960. стр. 101, 105.

⁹ Там же, стр. 102.

¹⁰ Там же, стр. 105.

¹¹ Народные предания рассказывают, что дагестанские пароды «мишлешы, цахури, кесерухи, чурмуты, калали — под общим названием глуходари, жившие дозаселения ими Кахотии за хребтом, от бедности и скудного произведений земли их в холодном климате приходили и поныне [запись 1826 г.—Я. В.] приходят на лето в изобильные долины Кахетии, где занимались отправлять самые тяжелые работы» (Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА), ф. ВУА, д. 18498, л. 1 об.).

¹² См. об этом: Б. А. К а л о е в. Осетины. М., 1967; 3. Н. В а н е е в. К вопросу о времени заселения Юго-Осетии. «Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института», т. III. Сталиппри, 1936; Г. Р. Л а з а р а ш в и л и. О времени переселения осетин в Грузию. «Сов. этнография», 1966, № 2.

Северного Кавказа¹³. Основными центрами формирования в Закавказье осетинского населения были бассейн Большой Лиахвы и Кударское ущелье; осетины - жители верховий рр. Ксани и Арагви - более поздние переселенцы с северных склонов хребта¹⁴.

Время появления в горной Грузии (Гушетии) вейнахоязычного населения-бацбийцев и кистин с. Парсма¹⁵-еще научно не определено, однако уже в XVI—XVII вв. известны факты установления между ними и Грузией тесных экономических и политических контактов¹⁶.

Походы Ага-Мухаммед-хана в конце XVIII в., междоусобная борьба феодальных правителей Закавказья вызвали многочисленные передвижения жителей внутри края и за его пределы. Таковы переселения карабахцев в Тифлис в 1795 г., поселения более 700 армянских семей из Карабаха на свободные земли в Болниси и но 100- в Аджикала и Узунлары¹⁷. Немало армян в течение XVIII в. перешло также на Северный Кавказ¹⁸. В начале XVIII в. армяне из различных провинций Персии оселяются на Тереке, а в течение первой половины того же столетия они из Персии переселяются в места, где впоследствии возник г. Кизляр¹⁹. В 1797 г. основная масса армян, перейдя на Кавказскую линию из Бакинского, Дербентского и Кубинского ханств, расселилась в Кизляре, Моздоке, Старых Маджарах и других местах Кавказской губернии²⁰. Переселившиеся с царем Вахтангом VI в 1724 г. 1,5 тыс. грузин образовали в Москве грузинскую колонию; некоторая часть переселенцев осталась по дороге в Моздоке и Кизляре, где в 1730-х годах осели также грузины - участники персидского похода Петра I. В эти же годы появляются грузины на Тереке - в станицах Шелкозаводской,

¹³ Б. А. К а л о е в. Указ. соч., стр. 55

¹⁴ Там же, стр. 55-58.

¹⁵ Бацбийцы, но народным преданиям, пришли из местности Вабуа (Горная Ингушетия), парсмские кистины — из Горной Чечни.

¹⁶ А. Г е н к о. Из культурного прошлого ингушей. «Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР», т. V. Л., 1930, стр. 699.

¹⁷ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. XII, стр. 30; А. Ц а г а р е л и. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся до Грузии, т. II, вып. 2. СПб., 1902, стр. XXIII.

¹⁸ Наиболее давние поселенцы Северного Кавказа — армяне, жившие среди западноадыгских племен (шапсугов, темиргоевцев, натухайцев). Появление их среди адыгов, по-видимому, относится к XII—XIII вв. (см.: Н. Г. В о л к о в а. О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX в. «Историко-филологический журнал», 1966, № 3 (34), стр. 257).

¹⁹ «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. III. М., 1838, стр. 331.

²⁰ П. Г. Б у т к о в. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.. ч. II. СПб., 1869, стр. 169, 265, 424, 425.

Александроневской и др.²¹

Ко второй половине XVIII в. относятся миграции в Закавказье греческого населения из Турции. Две тысячи переселенцев, преимущественно рудокопов, приглашаются в 1763 г. царем Ираклием и основывают колонию в местности Борчалы, где вскоре возникают Дамблудский и Алавердский медеплавильные заводы²².

* **

Значительные изменения в этнической карте Закавказья происходили в первой половине XIX в. В начале столетия армяне Памбака, Апарана поселяются в Лорийской степи (Борчалинский уезд). Одновременно в Памбак и Шурагель продолжается переселение азербайджанцев, а в - 1820-е годы здесь обосновываются некоторые из армян-католиков²³.

Однако особенно ошутимы были передвижения населения после двух войн: русско-персидской 1828 г. и русско-турецкой 1828-1829 гг. Пятнадцатая статья Туркманчайского мирного договора разрешала в течение года армянам - подданным Персии - перейти за Аракс - новую границу Российской империи. Жители селений, смежных Туркманчаю, марагинские, тавризские армяне, из ханств Салмасского, Хойского, Урмийского двинулись в Закавказье. Только за 3,5 месяца более 8 тыс. армянских семей, большинство которых осело в Карабахе, Нахичеванской и Эриванской областях, перешли в пределы Закавказья²⁴. По Адрианопольскому договору, заключенному с Турцией в 1829 г., к России отошел Ахалцихский пашалык, составивший Ахалцихский и Ахалкалакский уезды Тифлисской губернии. Среди жителей присоединенной территории преобладали грузины, помимо которых здесь жили азербайджанцы, турки, армяне, курды. Вскоре после окончания военных действий из вновь присоединенных территорий в Турцию ушли турки, курды, часть азербайджанцев, а на их места поселились около 30 тыс. Турецких армян из Эрзерумского и Карского пашалыков²⁵.

Около 45 тыс. армянских переселенцев из Эрзерумского и Баязетского пашалыков были устроены в 1830 г. на пустых землях по юго-

---

²¹ Д.Аракишвили. Поездка к казакам-грузинам в Терскую область. «Этнографическое обозрение», кн. 63, № 4. М., 1904, стр. 166, 167.

²² Ст. Гулишамбаров. Обзор фабрик и заводов Закавказского края. Тифлис, 1894, стр. 31.

²³ ЦТВИА, ф. ВУА. д. 18481, л. ИЗ.

²⁴ С. Глинка. Описание переселения армян азербайджанских в пределы России. М., 1831, стр. 92

²⁵ «Акты Кавказской археологической комиссии», т. VII. Тифлис, 1878, стр. 310.

восточному берегу оз. Севан; переселенцы из Карского пашалыка водворились также в с. Гюмры и других местах Эриванской области²⁶. Таким образом, этнический состав последней за 1828-1829 гг. изменился - в Турцию и Персию ушла большая часть мусульманского населения и на их место поселились персидские и турецкие армяне. По камеральному описанию 1831 г., в Эриванской области насчитывалось 50 тыс. мусульман; преимущественно азербайджанцев, 20,1 тыс. армян-старожилов и 45,2 тыс. армян-переселенцев²⁷. В Нахичеванской области, по тем же данным, азербайджанцев было 17,1 тыс. человек, армян-старожилов - 27 тыс., армян-переселенцев - 10,7 тыс.; в Ордубадский округ перешли 1,4 тыс. армян.

В 1829-1831 гг. турецкие переселенцы-греки и армяне обосновываются также на Цалке, откуда в конце XVIII в. прежнее грузинсконаселение почти все ушло из-за постоянных набегов дагестанцев²⁸. В 1830 г. на Цалке насчитывалось 2,6 тыс. человек, в том числе 1,9 тыс. дреков и 0,7 тыс. армян²⁹. Миграции греков из Турции продолжались и в последующие годы. В 1847 г. в Зангезурском уезде Елисаветпольской губернии грек-уста Алаверды налаживает медеплавильное дело, а в 1860-х годах из Анатолии на Цалку переселяется вторая партия греков численностью в 3,5 тыс. человек³⁰. В поисках работы малоземельное греческое крестьянство нередко переселялось на Северный Кавказ, в Крым и другие области Российского государства.

К первой половине XIX в. относится также появление в Закавказье русских. Русские населенные пункты создавались в основном за счет переселенцев из России и поселений отставных солдат, остававшихся в Закавказье после окончания военной службы³¹. Однако главную часть русского населения составили сектанты, переведившиеся по административному распоряжению. С середины 1833 г. началось их переселение в Шемахинский и Шушинский уезды, затем в Ленкоранский уезд, причем в городах им жить запрещалось. Лишь несколько позднее русские поселенцы образовали слободы в Шемахе и Ленкорани, а в 1859 г.

²⁶ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 839, д. 98а, лл. 7 об., 23.

²⁷ «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. XII, стр. 229.

²⁸ Е. С. Т а к а й ш в и л и. Археологические экскурсии, разыскания и заметки. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее — СМО-МПК), вып. 43. Тифлис, 1913, стр. 3, 4.

²⁹ Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях», ч. IV. СПб., 1836, табл. А.

³⁰ Ст. Г у л и ш а м б а р о в. Указ. соч., стр. 64.

³¹ «Кавказ». 1868, № 9.

им было разрешено поселение слободой в Баку³². Всего в Бакинской губернии в конце 1860-х годов эти поселенцы занимали свыше 20 населенных пунктов, а с городским населением их насчитывалось более 13 тыс. человек.

В 1841-1845 гг. по административному распоряжению к югу от Ахалкалаки поселяются духоборы. Отсюда они впоследствии расселились в Елисайетпольскую губернию и Карсскую область³³. В Закавказье переселялись также русские из Тамбовской, Саратовской, Таврической, Воронежской, Оренбургской, Енисейской губерний и Бессарабской области. Всего в крае русских поселений в 1886 г. было 78, кроме того, в Эриванском уезде было одно русско-армянское и в Горийском уезде - два русско-осетинских селений. Численность русских в селах достигала 44,5 тыс. человек³⁴.

***

Кратко остановлюсь еще на одном виде миграций - переселении жителей гор на равнину. Такого рода передвижения, характерные для Кавказа в целом, имели место и в Закавказье. Эти факты зафиксированы среди тушин, в том числе цова-тушин в XVIII -первой половине XIX в.³⁵ Переселившиеся в 1840-1850-х годах из горной Чечни майстинцы, малхинцы, хильдыхароевцы, эрстхоевцы заняли в Тушетии Панкисское ущелье³⁶. Главная причина этих движений - малоземелье в горах Чечни - фактор, заставлявший многих вейнахов в течение XIX - первой четверти XX в. уходить на равнину Терской области и в Тушетию к своим сородичам. Малоземелье являлось также основной причиной переселения с гор части грузинских горцев. Так, в первой половине XIX в. На равнину переселились

---

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ К 1897 г. относится начало заселения русскими Мугани, где до 1917 г. образовалось 48 селений (Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (далее — ЦГАОР СССР), ф. 1319, оп. 1, д. 13, л. 90 об.).

³⁵ В а х у ш т и. География Грузии. «Записки Кавказского отдела РГО», кн. 24, вып. 5. Тифлис, 1904, стр. 132; Г. Р а д д е. Хевсурия и хевсуры. Тифлис, 1881, стр. 313; А. Н. Г е Е к о. Указ. соч., стр. 700; Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков, стр. 87.

³⁶ И. Ю. А л и р о е в. Кистинский диалект чеченского языка. «Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы», г. III, вып. 2. Грозный, 1902, стр. 3.

79 дымов хевсур³⁷. В последующие 1873-1886 гг. из Пшавии на равнину выселилось 125 семей, из Хевсурии - 23, из Тушетии - 12 дымов³⁸. Пшавы и хевсуры выселялись в основном в Эрцо-Тионетскую долину и Душетский уезд, менее - в Кахетию, Тифлиссский и Горийский уезды. Тушины - преимущественно в Кахетию и отчасти в Дагестан³⁹.

***

Этнический состав населения исследуемого края подвергся большим изменениям и во второй половине XIX- начале XX в. В этот период в числе других причин следует указать на некоторые территориальные изменения, вызванные русско-турецкой войной 1877-1878 гг. По Сан-Стефанскому мирному договору Турцией была возвращена часть Южной Грузии. Некоторые из вновь присоединенных территорий составили Батумскую область. В течение 1880-1881 гг. из этой области ушли в Турцию свыше 31 тыс. мусульман (аджарцев, кобулетцев и др.), однако в начале 1890-х годов часть переселенцев возвратилась обратно на покинутые более десятилетия назад места⁴⁰.

В 1853-1877 гг. в пределы Закавказья продолжались переселения курдов, часть которых перешла из Персии еще в 1828 г.⁴¹ Курды – переселенцы этих лет – в большинстве езиды — из Турции. Подвергаясь там религиозным преследованиям, они расселялись в пределах Армении⁴².

В изменении этнического состава населения причерноморских областей, в частности Абхазии, большую роль сыграла Кавказская война. После ее окончания в течение ряда лет часть абхазов переселилась в Турцию⁴³. Например, из Кодорского участка Очемчирского округа, где до 1864 г. насчитывалось 3935 семей, выселилась 1071 семья. Население Гумистинского участка Пицундского округа (10 тыс. человек) выселилось

³⁷ «Кавказ», 1868. № 42.

³⁸ М. В. Мачабели, Экономический быт государственных крестьян Тионетского уезда Тифлиской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. V. Тифлис, 1887, стр. 344.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Н. Г. Батумская иммиграция. «Новое обозрение», 1893, № 3128.

⁴¹ Переселенцы заняли пограничные азербайджано-персидские области — территории современных Зангланского и Лачинского районов Азербайджана. Позднее некоторые родовые группы курдов-мусульман переселились отсюда в Армению (см.: Т. Ф. А р и с т о в а. Курды Закавказья. М., 1966, стр. 37, 39, 40).

⁴² Там же, стр. 42.

⁴³ В этих событиях нельзя не учитывать сильных связей, в том числе родственных, абхазов с адыгами и особенно убыхами, после Кавказской войны в 1864 г., выселившимися в Турцию.

полностью; из Гудаутского участка того же округа (5293 семей, 23545 человек) ушло в Турцию 3775 семей (17160 человек) и т. д. В целом до 1864 г. Население Сухумского отдела насчитывало 23 369 семей (75698 чел.), из которых к 1877 г. выселилось 7061 семей (31964 человек)⁴⁴. Часть абхазских переселенцев (махаджиры) осела в Батумской области; в те годы входившей в состав Турции, где им были отведены земельные участки. В Батуме абхазы вместе с переселившимися адыгами жили в отдельном квартале Нурие, в окрестностях города и на левом берегу р. Чороха, рядом с крепостью Гониа. В 1877 г. еще до вступления русских войск в Батум махаджиры ушли из этих мест.

Из 10,4 тыс. абхазов Цебельдинского общества после ухода их в Турцию в 1867 г. осталось лишь около 150 человек. В эти же годы начинается заселение Цебельды другими народами. Ранее всех здесь поселяются 70 греческих семей (каменщики и рудокопы) и 150 семей чехов⁴⁵.

В 1894—1895 гг. в эти районы и далее по побережью на северо-запад из Турции переселяются армяне. Эти миграции возникли вследствие политики уничтожения армянского населения, проводившейся в султанской Турции в эти годы.⁴⁶

Этнический состав населения Закавказья (по данным переписи населения 1897 г.)					
Народ	Абс. (в тыс. чел.)	%	Народ	Абс. (в тыс. чел.)	%
Всего населения в том числе:	4644,0	100	Абхазцы.....	59,7	1,2
Азербайджанцы.....	1439,8	32,3	Курды.....	54,3	1,1
Грузины*.....	1339,1	29,9	Греки.....	43,8	0,9
Армяне.....	1005,7	21,6	Тальши.....	35,0	0,7
Русские.....	153,3	3,2	Аварцы.....	34,1	0,7
Таты.....	91,3	1,9	Немцы.....	16,2	0,3
Осетины.....	67,3	1,4	Удины.....	7,0	0,0
Лезгины.....	63,9	1,3	Кистины.....	2,2	0,0

* Грузины, имеретины, мегрелы, сваны.

Таким образом, к концу XIX в. этнический состав Закавказья

⁴⁴ «Известия Кавказского отдела РГО», т. V. Тифлис, 1877—1878, стр. 234.

⁴⁵ И. В. А в е р к и е в. С северо-восточного побережья Черного моря. «Кавказ», 1866, № 76; Н. Дьячков-Тарасов. Несколько слов о заселении Цебельды. «Кавказ», 1868, № 129.

⁴⁶ См.: «Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материала». Ереван, 1966

представлял следующее. По переписи 1897 г. (см. табл. 1), наибольшую долю, около 84%, составили три крупных народа: азербайджанцы, грузины и армяне. Удельный вес других коренных народов колебался в пределах 1,9—0,7 %. Сравнительно невелик был процент некоренного населения, среди которого, кроме русских, греков, немцев, были украинцы, поляки, «европейские» евреи, эстонцы и др.

В начале XX в. и особенно в период первой мировой войны этническая карта Закавказья подвергается немалым изменениям. Продолжение политики геноцида в отношении армян младотурецким правительством в 1909—1918 гг. привело к истреблению более 1,5 млн. и выселению из Турции 800 тыс. армян, нашедших убежище на Кавказе, Арабском Востоке и других местах⁴⁷. В частности, во время отступления русских войск от Вана в 1915 г. с армией ушло 200 тыс. армян, часть которых осталась в Закавказье, преимущественно в Эриванской губернии⁴⁸. В этом же году в Ахалкалакском уезде и Эриванской губернии разместились 8,9 тыс. беженцев-греков и 6,4 тыс. айсоров. Некоторое число греков осело в Батумской области и в Ахалцихе. Более трех тысяч ассирийцев ушло в Тифлис и на Северный Кавказ⁴⁹.

* * *

Большие перемещения населения в Закавказье наблюдаются в период господства здесь буржуазно-националистических партий.

Почти трехлетний произвол мусаватистов в Азербайджане и дашнаков в Армении оставил страшную разруху; некоторые районы были совершенно опустошены, жители изгнаны. Потоки беженцев армян, азербайджанцев, курдов, русских перемещались по Закавказью и уходили за его пределы. Этнографическая карта края в эти годы значительно изменилась. В Азербайджане, там где ранее жили армяне, оставались пустые земли или были поселены азербайджанцы и курды. В Шемахинском уезде было разрушено 24 селения с 17 тыс. жителей, в Нухинском уезде — 20 селений с 20 тыс. То же наблюдалось в городах Агдаме, Гяндже, Нухе, Шемахе⁵⁰. Армянское население уцелело лишь в местах, куда не проникли мусаватисты: нагорье Елисаветпольской губернии (Казахский, Елисаветпольский, Джеванширский уезды). В Армении места с азербайджанским населением также опустели. Здесь дашнаками проводилась

⁴⁷ Там же, стр. XII.

⁴⁸ «Геноцид армян в Османской империи», стр. 268.

⁴⁹ «Однодневная перепись беженцев из Турции, Персии и из мест, пограничных с Турцией», Эриван. 1915, стр. 40.

⁵⁰ Я. Я. Тяжелое наследство. «Жизнь пациональностей», 1921. № 4.

политика «чистки страны от инородцев» и в первую очередь от мусульман, которые были изгнаны из Новобаязетского, Эриванского, Эчмиадзинского и Шаруро-Даралагезского уездов. 1917 год был годом стихийного движения закавказских греков на родину. Под влиянием политики дашнаков в Грецию ушло 78 тыс. человек (в том числе 60 тыс. из Карсской области)⁵¹. В 1918 г. ушла на Северный Кавказ значительная часть русского населения Мугани. В октябре и ноябре 1920 г. после августовского наступления турок на Армению к большому числу беженцев прибавились новые потоки армян, азербайджанцев, русских, греков, многие из которых стихийно устремились на Северный Кавказ⁵².

Как повлияли события 1918—1920 гг. на этнический состав населения некоторых местностей Закавказья, видно на примере Зангезура. В 1897 г. из 137,9 тыс. населения здесь жило 63,6 тыс. армян (46,2%), 71,2 тыс. азербайджанцев (51,7%), 1,8 тыс. Курдов (1,3%). По данным сельскохозяйственной переписи 1922 г., все население Зангезура насчитывало 63,5 тыс. человек, в том числе 56,9 тыс. армян (89,5%), азербайджанцев 6,5 тыс. (10,2%), русских 0,2 тыс. (0,3%)⁵³.

В Грузии передвижение населения в годы гражданской войны было значительно меньшим, за исключением Ахалкалакского уезда, временных переселений армян Борчалинского и Тифлиского уездов и ухода во Фракию и Смирну части цалкинских и сухумских греков⁵⁴. Из Кутаисской губернии часть имеретин-рачинцев переселилась в Восточную Грузию, в Сигнахский уезд, на земли, занятые ранее русскими переселенцами⁵⁵. Происходили отдельные передвижения мегрелов в Абхазию. Несколько тысяч осетин из Южной Осетии после подавления грузинскими меньшевиками восстания ушли в Северную Осетию. Усилилась миграция дагестанцев в Закатальский округ и Кубинский уезд⁵⁶.

Все это население, согнанное из родных мест, и в первые годы после установления Советской власти еще скиталось по краю и в сопредельных странах — в Турции и Персии. Перед Советской властью стояла задача возвращения беженцев. В 1921 г. в Баку из Энзели вернулись азербайджанские беженцы⁵⁷. В течение того же года возвращаются русские

⁵¹ Там же.

⁵² ЦГАОР СССР, ф. 1319, оп. 1, д. 1, л. 58.

⁵³ Г. Чурсин. Армяне Зангезура. «Научные записки Закавказского коммунистического университета им. 26-ти», т. I, вып. 6. Тифлис, 1931, стр. 230.

⁵⁴ А. Журбенко. Передвижение населения Закавказья во время революции «Жизнь национальностей», 1922, № 4.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1319, оп. 1, д. 2, л. 63.

— жители Мугани, хотя часть их осталась на Северном Кавказе и в других областях РСФСР. В 1921 г. по сравнению с 1916 г. на Мугань вернулось менее половины русского населения этой области (2,8 тыс. человек)⁵⁸. В 1922 г. возвращаются армяне из Месопотамии. Наркомат внутренних дел Армении рассылает телеграммы в Лори, Александрополь, Караклис об организации помощи переселенцам, в частности, специальных питательных пунктов.⁵⁹ Репатриация армян продолжалась и в последующие годы. Всего до настоящего времени из зарубежных стран в Армянскую ССР их вернулось около 179 тыс. человек⁶⁰.

В наши дни происходят также осуществляемые по плану переселения с гор на равнину целых населенных пунктов. Подобные передвижения имеют место в горных районах Армении: Гехаркуник, Ширак, Вайоцзор, Зангезур и др.⁶¹ Население районного центра Горис начало постепенно переселяться на равнину еще в 90-х годах прошлого столетия. Процесс этот закончился к 1940-м годам. Из горного селения Сарнахбюр Аниинского района Армянской ССР, где до 1939 г. насчитывалось около 900 семей, в 1939, 1949—1950 гг. половина жителей переселилась в равнинный Октомберянский район⁶². Некоторые селения Армении, как Хачик, Хндзореск, Шишкерт, Караберд и другие, находившиеся в неблагоприятных географических условиях, начали переселяться в последние годы в более удобные места — обычно из ущелий на плато⁶³. Нередко перемещение населенных пунктов связано также с проведением дорог, строительством гидросооружений и т. д., причем переселенцы нередко попадают в иные природно хозяйственные условия. Например, жители селений Касах и Зовуни Апаранского района Армянской ССР, занимавшиеся прежде земледелием, овощеводством, скотоводством, в середине 1960-х годов были переселены в Аштаракский район, где в силу новых природных условий стали заниматься садоводством и виноградарством⁶⁴.

Подобные переселения в 1940—1950-е годы происходили в Грузии: горцы-рачинцы (сел. Глола и Чиора) перешли жить в населенные пункты

⁵⁸ Там же, л. 35 об.

⁵⁹ «Жизнь национальностей», 1922, № 6-7.

⁶⁰ Д. С. В а р д у м я н, Э. Т. Карапетян. Семья и семейный быт колхозников Армении. Ереван, 1963, стр. 32 (на арм. яз.).

⁶¹ Там же.

⁶² Полевые материалы А. Е. Панян (1966 г.). Архив института этнографии АН СССР, ф. комплексной экспедиции, ед. хр. 102.

⁶³ Полевые материалы К. Б. Сехбосяпа (1964—1965 гг.). Текущий архив сектора этнографии Института археологии и этнографии АН Армянской ССР.

⁶⁴ Там же.

Болнисского района; в течение 1950-х годов часть кахетинцев имеретин, мтиулов, пшавов, хевсур переселилась в Самгорскую долину Так в сел. Сартичала в настоящее время живут 1053 семьи, из которые коренных обитателей — всего 200 семей. Остальные - переселенцы и; имеретинских селений Орджоникидзевого района (сел. Гадсамания Вашлевисхеви, Надабури), из Тионетского района (пшавы, хевсуры-сел. Сиони, Сакарауло, Джихо, Гондаура, Сасахле и др.). То же наблюда лось в сел. Гамарджвеба, где поселились 284 семьи из сел. Череми (Кахетия), 172 семьи-из Хевсуретии, 12 семей-из Мтиулети и других мест Грузии. В течение последних лет немало хевсур переселилось также в сел. Млаше Душетского района⁶⁵.

Изменения в этническом составе населения Закавказья в советские годы видны при сравнении материалов переписей 1926 и 1959 гг (см. табл. 2). За прошедшие 33 года численность населения Закавказья в целом возросла почти на 62%. Увеличилась абсолютная численности азербайджанцев, армян, грузин, лезгин, абхазов, осетин. Однако удельный вес некоторых из них в населении края в исследуемый период несколько уменьшился, что объясняется различными темпами прироста этих народов. Если прирост азербайджанцев, армян, лезгин в эти годы был равен соответственно 66,7%, 82,3%, 151%, то численность грузин за это же время возросла на 45,2%, осетин-на 25%, абхазов-на 10,6%. Статистические данные показывают, что численность некоторые закавказских народов, несмотря на высокий естественный прирост, уменьшилась абсолютно и относительно (курды, таты, аварцы, цахуры и др.). В этом немалое влияние оказывает интенсивно продолжающийся процесс слияния названных народов с азербайджанцами.

Особо следует остановиться на изменениях в национальном составе городского населения. Известно, что города в Закавказье имеют многовековую историю. Они упоминаются в урартских надписях, в античных, византийских, армянских, грузинских и арабо-персидских источниках. Часть городов образовалась в XIX в.: Александрополь (современный Ленинакан), на месте которого в начале XIX в. было сел. Гюмры, Ново Баязет (ныне г. Камо). где в 1828 г. поселились армяне из турецкого г. Баязета, Казах -административный центр Казахского уезда Елисаветпольской губернии и др. Некоторые города Закавказья построены уже в советские годы: Мингечаур, Сумгаит, Дашкесан и др.

Слабое промышленное развитие Закавказья (за исключением Баку) вплоть до последней четверти XIX в. не способствовало росту городов края.

---

⁶⁵ Нолевые материалы Н. Б. Рехвиашвилд и Г. В. Джалабадзе. Текущий архив отдела этнографии Государственного музея Грузии им. С. П. Джанашиа; Д. Н. С о н -г у л а ш в и л и н .
Материалы к истории быта и культуры грузинского народа. Тбилиси. 1904, стр. 8, 9 (на груз. яз.).

Большинство их представляли собой торгово-ремесленные центры, часть жителей которых сохраняла связь с сельским хозяйством. Даже внешний облик многих закавказских городов почти не отличался от крупных сельских поселений. По данным 1886 г., в Закавказье насчитывалось 35 городов, однако в большинстве они были невелики по числу жителей. Самые крупные из них - Баку и Тифлис, насчитывавшие 80-90 тыс. человек. Численность населения Елисаветполя, Кутаиси, Шемахи, Александрополя, Нухи, Шуши колебалась в пределах 20-26 тыс. человек.

Некоторое развитие промышленности в Закавказье в 1880-1890-х гг., а также строительство железных дорог (Баку - Батум, Тифлис - Потти и др.) значительно ускорили рост городов, способствовали вовлечению в промышленное производство крестьянского населения Азербайджана, Армении, Грузии, переселенцев из центральных губерний России. Население Тифлиса и Баку к 1897 г. возросло соответственно до 160 и 112 тыс. жителей. Кроме этих городов, значительно вырос Батум, ставший с прокладкой нефтепровода Баку — Батум крупным портом в торговле с Европой нефтепродуктами. В этот период развитие городов настолько усилилось, что рост городского населения значительно опережал рост населения Закавказья в целом. Так, например, общее число жителей края с 1897 г. По 1913 г. увеличилось на 32,1%, а городское население возросло за тот же период на 74,2%. Однако последнее распределялось по отдельным областям очень неравномерно: в 1913 г. наиболее высокий процент городских жителей был в

**Этнический состав населения Закавказья
(по данным переписей населения 1926 и 1959 гг.)**

Народ	абс. (тыс. чел.)	%	абс. (тыс. чел.)	%
Всего населения.....	5861,7	100	9504,8	100
в том числе:.....				
Азербайджанцы	1652,8	28,3	2755,7	28,9
Грузины	1798,0	30,6	2610,9	27,4
Армяне	1333,2	22,7	2436,6	25,6
Русские	336,2	5,7	965,7	10,1
Осетины	114,5	1,9	143,3	1,5
Талыши	77,3	---	—*	—
Лезгины	40,7	0,6	102,2	1,5
Украинцы	35,4	0,6	83,6	0,8
Греки	57,9	0,9	72,9	0,7
Абхазы	56,9	0,9	62,9	0,6
Евреи	30,2	0,5	49,1	0,5

Курды	66,7	1,1	43,3	0,4
Евреи				
а) грузинские	21,3	0,3	35,3	0,3
б) горские	10,3	0,1	8,4	0,0
Татары	10,6	0,1	35,0	0,3
Аварцы	19,1	0,3	17,3	0,1
Ассирийцы	61	0,1	10,7	0,1
Белорусы	3,8	0,0	9,4	0,0
Таты	28,5	0,4	5,9	0,0
Поляки	6,3	0,1	4,2	0,0
Удины	2,5	0,0	3,2	0,0
Цахуры	15,5	0,2	2,9	0,0
Ингуши	1,9	0,0	---	
Даргинцы	---	---	1,5	0,0
* Зафиксировано лишь 10,6 тыс. Человек азербайджанцев, говорящих на талышском языке.				

Грузии и Азербайджане (25,6% и 23,7%)⁶⁶, тогда как в Армении доля горожан была невелика— всего лишь 10,4%.

Национальный состав населения закавказских городов складывался из сельского населения окружающей их территории, в большинстве однородного по своим этническим компонентам с населением города, населения соседних закавказских областей и населения сопредельных с Закавказьем стран — Турции и Ирана, составлявшего значительный процент в городах Армении, Азербайджана, пограничной полосы Грузим. Однако этнический состав переселенцев был довольно однородным: преимущественно это были армяне, затем шли греки и ассирийцы.

В отличие от Северного Кавказа, в Закавказье основную долю среди жителей городов составляло коренное население. По данным 1897 г., в городах края насчитывалось 199,0 тыс. армян, 163,0 тыс. Азербайджанцев и 121,4 тыс. грузин. Таким образом, удельный вес городского населения среди армян был равен 33,8%, среди азербайджанцев и грузин—соответственно 24,1% и 18,0%. Материалы той же переписи дают подробное представление о национальном составе закавказских городов. Среди жителей городов значительный процент составляло армянское население, причем не только в городах Армении, но также в Грузии и Азербайджане, где жили переселенцы

⁶⁶ См.: «Народное хозяйство СССР в 1965 г. Статистический ежегодник». М., 1966, стр. 9,10.

1828, 1829 гг. И поздние — 1915 г. С этими же переселенцами связано также резкое возрастание численности армянского населения в городах самой Армении. Азербайджанцы обосновались преимущественно в городах Азербайджана: в Баку, Шуше, Нухе, Шемахе, Нахичеване их доля колебалась в пределах 45—80%, в Сальянах и Ордубаде—90—100%. Кроме того, около 20 тыс. азербайджанцев являлись жителями Тифлиса, Эривана, Александрополя. Грузины населяли главным образом городские центры Грузии; более всего их насчитывалось в Тифлисе и Кутаисе (всего 64,2 тыс. человек). Немало грузин жило в Сигнахи, Гори, Поты, Батуме и других городах Кутаисской и Тифлисской губерний. В населении этих городов грузины составляли 15—55%. Талыши и горские евреи были жителями Ленкорани и Кубы, городов, находившихся в пределах этнической территории этих народов. Абхазы, южные осетины, лезгины, курды в городах Закавказья до революции почти не жили.

Кроме коренного населения, в закавказских городах проживали русские, греки, немцы, поляки и др. Русские располагались в основном в промышленном Баку (34,8%), в общекавказском центре Тифлисе (33,0%), в портовом Батуме (46,0%). Греки главным образом селились в Батуме (20,1%), в других городах—Поты, Александрополе, Тифлисе и Кутаисе - их число было невелико (0,5—0,2 тыс. человек). В 1915 г., помимо армян и ассирийцев, из Турции и Ирана в пределы Закавказья перешли также греки, поселившиеся в Ахалкалаки, Александрополе, Ахалцихе и Батуме.

Таким образом, судя по приведенным материалам, население закавказских городов, за исключением Тифлиса, Баку, Батума, было этнически довольно однородным. В этом существенное отличие закавказских городов от городов Северного Кавказа, население которых было многонациональным за счет частых передвижений из России, Европы и Закавказья⁶⁷. Данные переписи 1897 г. показывают, что самой многочисленной была группа городов, население которых включало представителей 2—3 национальностей. Например, Нахичевань, Шуша, Ордубад, среди жителей которых преобладали азербайджанцы и армяне, Телави — с грузинским и армянским населением, Шемаха, где жили азербайджанцы, армяне и русские и др. Менее значительна была группа городов с однонациональным составом населения: азербайджанские Сальяны, армянские Новобаязет, Вагаршапат и др. Преобладание определенной национальности в населении большинства городов Закавказья во многом определялось этническим составом окружающей их территории. Например, основное население Ахалкалаки в последней четверти XIX в.—

---

⁶⁷ См.: Н. Г. Волкова. Изменения в национальном составе городского населения Северного Кавказа за годы Советской власти. «Сов. этнография», 1965, № 2.

армяне; они же составляли 71% населения территории вокруг города. Этническое окружение Ленкорани — талыши; они же являлись основными жителями города и т. п. Национальный состав Тифлиса, Баку, Батума, помимо названного фактора, в значительной мере определялся их промышленной, административной и культурной ролью не только для народов Кавказа, но и России в целом.

Большие сдвиги в развитии городского населения Закавказья произошли за годы Советской власти. Наиболее интенсивно процесс урбанизации происходил в 1930—1946-е годы, причем, как и прежде, рост городского населения значительно опережал рост населения в целом. Если в 1926—1939 гг. все население исследуемой территории возросло на 36,7%, то городское за тот же период—на 83,5%. В 1939—1959 гг. Наблюдается несколько меньшее возрастание этих категорий населения: число жителей Закавказья увеличилось на 18,3%, а городского населения—на 69,2%. В 1959—1965 гг. городское население края возросло на 28,9%.

В целом по Закавказью доля городских жителей в населении края в 1926, 1939, 1959 и 1965 гг. неуклонно повышалась и соответственно равнялась 24%; 32,2%; 45,8% и 49,6%. Таким образом, в наши дни почти половина населения Закавказья — жители городов. Однако в отдельных союзных республиках городское население распределяется довольно неравномерно. По данным переписи 1959 г., в Армянской ССР 50% ее населения жило в городах республики, в Азербайджанской ССР — 48 %, городское население Грузинской ССР составляло 42%. В 1965 г. в этих же республиках число жителей городов еще возросло: доля городского населения в Армении равнялась 55%, в Азербайджане— 50,1%, в Грузии— 46,6%.

По материалам переписи 1959 г., в Закавказье насчитывалось 88 городов⁶⁸. Как и раньше, быстро увеличивалось число жителей крупных экономико-культурных и административных центров союзных республик. Например, численность населения Тбилиси за 1926—1939 гг. возросла на 78,9%, в 1939—1959 гг.—на 33,7%. Более всего в советские годы увеличилось население Еревана: соответственно за те же периоды на 216% и 149%. Быстро растет число жителей в новых промышленных городах: население Сумгаита возросло с 1939 г. более чем в 8 раз и в 1959 г составляло 52,2 тыс. человек. В том же году в Рустави насчитывалось 62,4 тыс. человек, число жителей Ткибули и Ткварчели за 1939—1959 гг. соответственно возросло на 272% и 227%. В последние годы увеличивается также население городов-курортов: Цхалтубо—на 240%, Кобулети—на

---

⁶⁸ Кроме того, в крае было 40 поселков городского типа (см.: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР». М., 1963).

105%. В ряде старых городов, слабо развитых в промышленном отношении, наблюдается очень незначительное возрастание числа населения, а в некоторых — и его уменьшение. Например, за двадцатилетие с 1939 по 1959 г. население городов Камо, Нухи, Телави возросло всего лишь на 6%, Шуши—на 13%, а число жителей г. Сигнахи уменьшилось на 23%.

Бурное промышленное развитие Азербайджана, Армении и Грузии в советские годы, формирование промышленных кадров из коренных национальностей, огромный рост национальной интеллигенции — все это резко усилило процесс урбанизации коренного населения Закавказья. Немалое значение в этом процессе имело также создание в 1920-х годах трех союзных республик, а в их пределах—автономных республик и областей.

Сравнивая данные переписей 1926 и 1959 гг., можно представить происшедшие в этот период изменения в городском населении народов Закавказья (см. табл. 3). Среди всего армянского населения Закавказья, по переписи 1926 г., городские жители составляли 406,3 тыс. человек (30,4%). Процент же городских жителей среди армян в Армянской ССР был намного ниже; достигал он всего 20%. По данным переписи 1959 г., городское армянское население Закавказья составляло 51,6%, а в самой Армении — 52,2 %. Доля городских жителей грузинского населения Закавказья в 1926 г. равнялась 16,1% (в Грузии—16,0%), а в 1959 г. Она возросла соответственно до 35,2% и 37,1%. Несколько меньше, по переписи 1926 г., была численность азербайджанского городского населения (272,1 тыс. человек), однако в целом по Закавказью его удельный вес в азербайджанском населении края равнялся 16,4%, а в Азербайджане—18,1%. По данным переписи 1959 г., доля городских жителей среди азербайджанцев Закавказья и Азербайджана снизилась соответственно до 15,7% и 15,8%, что объясняется различными темпами роста городского населения среди азербайджанцев и их численности в целом. Численность азербайджанцев за 1926—1959 гг. возросла на 66,7%, причем, помимо естественного прироста, большую роль в этом играли процессы этнической ассимиляции — слияние с азербайджанцами азербайджанских курдов, шахдагской группы народов, талышей — т. е. народов, в городах почти не живших. Поэтому увеличение городского населения, происходившее в основном за счет собственно азербайджанцев, несколько отставало от роста численности азербайджанской нации и возросло в абсолютных цифрах лишь на 161,9 тыс. человек, т. е. на 59,4%. У армян и грузин наблюдается несколько иная картина: рост численности городского населения значительно опережает рост численности этих народов в целом. Например, численность грузин за 1926—1959 гг. возросла на 45,2%, а их городское население—на 616,9 тыс. человек, т. е. на 82,8%. Численность армян за тот же период — на 82,3 %, армянского городского населения — на

837,9 тыс. человек, т. е. на 306,2%.

Число южных осетин в городах Закавказья начало возрастать буквально с первых лет Советской власти. По переписи 1926 г., 5,3% всех закавказских осетин являлись жителями городов⁶⁹ (Тифлиса, Баку и Др.). По материалам переписи 1959 г., удельный вес городского населения среди осетин в целом по Закавказью достигал 29,4%⁷⁰, а в Юго-Осетинской автономной области — 22,5 %. Городское население среди закавказских лезгин, по данным переписи 1926 г., составляло 13,3%, тогда как среди лезгин Дагестана достигало лишь 3,4%. Безусловно, в первом случае сказывалась большая близость крупных городов и особенно промышленного Баку. По переписи 1959 г., число горожан среди лезгин Закавказья достигло 15,9%, большая часть их являлась жителями городов Баку, Кубы, Кусары. Городское население у абхазов, по переписи 1926 г., в пределах Абхазии равнялось 3,6%, а в целом по Закавказью—4,5%. К 1959 г. число абхазов в городах возросло более чем в 6 раз и составило 25,8% абхазского населения Закавказья. В своей автономной республике абхазы главным образом — жители городов Сухуми, Гудауты, промышленного Ткварчели. Курды, как уже отмечалось, до революции в городах почти не жили,

**Численность городского населения Закавказья
(по данным переписей населения 1926 и 1959 гг.)**

Народ	Всего	192		1959 г.		
		В том числе в городах	%	Всего	В том числе в городах	%
Азербайджанцы	1652,	272,1	16,4	2755,7	434,0	15,7
Грузины	1798,	290,6	16,1	2610,9	910,5	35,2
Армяне	1333,	406,3	30,4	2436,6	1244,2	51,6
Осетины	114,5	6,2	5,3	143,3	42,3	29,4
Лезгины	40,7	5,5	13,3	102,3	31,0	30,3
Абхазы	56,8	2,6	4,5	62,9	16,3	25,8
Курды	66,7	3,7	5,4	43,3	19,4	44,7

⁶⁹ На Северном Кавказе — 8,8%.

⁷⁰ В пределах Северного Кавказа — 32,4%.

Таты	28,4	7,1	25,0	5,9	5,7	97,0
------------	------	-----	------	-----	-----	------

* Помимо татов, переписью 1926 г. было отмечено 77,3 тыс. талышей, из которых лишь 0,3 тыс. человек жили в городах. В переписи 1959 г. нь/делепо 10,6 тыс. Талышеязычных азербайджанцев.

однако к 1926 г. в городах Закавказья их насчитывалось 3,7 тыс. человек (5,4% всех курдов края). Наиболее высок был процент городского населения среди курдов Грузии (31,8%), в основном они жили в Тифлисе. По переписи 1959 г., численность курдского городского населения возросла более чем в 5 раз и составила 19,4 тыс. человек (44,7 % курдов Закавказья). Преимущественно-это жители городов Грузии, однако и в городах Армении сейчас живет около 5 тыс. курдов.

В настоящее время несколько изменилось этническое размещение городского населения закавказских народов. Если до революции в ряде городов Грузии основными жителями являлись армяне, то сейчас в них преобладает грузинское население. То же следует сказать и об азербайджанцах Армении, составлявших в XIX в. заметную долю в населении ряда армянских городов. Данные последней переписи 1959 г. Показывают некоторое уменьшение численности азербайджанцев в городах Армянской ССР.

***

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что изменения этнической карты Закавказья - длительный и непрерывный процесс, обусловленный социально-экономическими и политическими факторами. По своему характеру миграции можно разделить на три группы: 1) движение в Закавказье различных народов, в том числе коренного населения, из сопредельных стран; 2) переселения за пределы края и 3) передвижения внутри Закавказья, в том числе на равнину, в города и др.

Закавказье, как уже отмечалось, издавна было краем с довольно развитой городской жизнью. В его городах в конце XIX в. жило 761 тыс. человек, около 65% которых составляло коренное население Закавказья. За годы Советской власти в городском населении Закавказья произошли большие изменения: увеличилось число городов и поселков городского типа, быстро возросло в них число жителей, преимущественно армян, грузин, азербайджанцев. Среди абхазов, лезгин, южных осетин, курдов процесс формирования городского населения, начавшийся в первые годы Советской власти, в основном происходил в 1930-1960-е годы. Интенсивное промышленное и культурное развитие республик Закавказья в советское

время - главный фактор быстрой урбанизации коренного населения края, доля которого в закавказских городах непрерывно увеличивается» По переписи 1959 г., народы Закавказья составляли около 74% городского населения края.

В наше время широкие экономические и культурные связи закавказских республик с другими районами страны способствовали притоку в Закавказье различных национальностей, а также процессу расселения закавказских народов в большинстве городов и районов Советского Союза. Например, по данным переписи 1959 г., исключая Закавказье, на остальной территории страны жило 350,5 тыс. армян, 184 тыс. Азербайджанцев, 81 тыс. грузин.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Широта рассматриваемого вопроса заставляет остановиться лишь на некоторых моментах, связанных в основном с этнической спецификой этого процесса. Закавказье принадлежит к числу тех областей нашей страны, где уже в I тысячелетии до н. э. начался процесс объединения близко родственных по языку и культуре племен, закончившийся одновременно образованием армянской и грузинской этнических общностей. В Восточном Закавказье к XIV в. в результате нескольких миграционных потоков тюркоязычных народов произошла языковая ассимиляция коренного населения этой территории, значительная часть которого стала говорить по-азербайджански⁷¹. Уже в эти исторические эпохи возникают и развиваются такие важные этнические признаки национального единства, как общенародный разговорный язык (с литературным языком) и единое этническое самосознание, выражавшееся в общем самоназвании. Известно свидетельство Страбона о том, что все население древней Армении говорило на армянском языке⁷². Представление о жителях Восточной и Западной Грузии как едином грузинском народе отражено в произведениях армянского историка XV в. Фомы Мецопского⁷³, а позднее - во многих официальных

⁷¹ Вопросам формирования этнических общностей в Закавказье посвящены труды: В. Б. П и о т р о в с к и й . О происхождении армянского народа. Ереван, 1945; Г. А. Каиапцян. Хайаса — колыбель армян. Ереван, 1947; Г. Л. Мсликишвили. К истории Древней Грузии. Тбилиси. 1959⁷²

В. В. Л а т ы ш е в. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. «Вестник древней истории», 1947, № 4, стр. 233.

⁷³ Л. М. М е л и к с т-Б е к о в. РопИса Тгапсаисацхса Елпша (по данным Миа-на Медичи от 1815—1819). «Сов. этнография», 1950, № 2, стр. 169.

документах XVIII в.⁷⁴ В раннем средневековье в Закавказье формируются литературные языки. Памятники письменности на грузинском и армянском языках известны с V в.; отдельные произведения на азербайджанском литературном языке создавались в XIII—XIV вв.⁷⁵ Дальнейшее развитие указанных этнических признаков шло по линии качественных изменений: укрепления этнического самосознания, сближения литературных языков с разговорными, сглаживания диалектальных различий и т. п.

Процесс образования названных этнических общностей протекал в рамках определенной территории: у армян - Армянское нагорье, для грузин - бассейны рр. Чороха, Риона, Куры. Тем самым общая территория была обязательным условием возникновения единого этноса. Нельзя не учитывать также и большой роли в национальном сплочении этих народов раннегосударственных объединений Закавказья. Однако впоследствии территориальное единство закавказских народов было нарушено. В пределах их этнических территорий возникли различные государства. В XV в. произошел распад единого Грузинского царства, а в начале XVII в. Южная Грузия была отторжена Турцией; в 1375 г. утратили государственность армяне; в середине XVII в. их страна была разделена между Турцией и Персией; существовало вплоть до 20-х годов прошлого столетия множество феодальных образований на территории Азербайджана (Кубинское, Шекинское, Карабахское и др.).

Естественно, что такое политическое раздробление отрицательно сказывалось на процессе национальной консолидации. Включение отдельных групп армян, грузин, азербайджанцев в систему различных государств во многом определило специфику дальнейшего этнического развития этих народов и особенности процесса национальной консолидации. Нередко разделение народа государственной границей приводило к постепенному сокращению его этнической территории. Так, произошло некоторое сокращение этнической территории грузин в процессе заселения в XVIII - начале XIX в. некоторых районов Южной Грузии другими национальностями и насильственной ассимиляции части грузинского населения турками. То же имело место и среди армян. В течение нескольких веков происходила смена этнического состава населения территории исторической Армении,

⁷⁴ В частности, это отражено в союзном трактате 1790 г. «Иверских царей и самовладельческих князей», подписанном в Тифлисе. «Карталинии, Кахетии, Имеретин, Одиши или Мегрелии, Гурии и вся Верхний Картли и Нижняя Иверии — обладатели, мы, будучи едиnorodный народ, глаголющий единым языком.., благоумыслили водворить в отечестве нашем вожделенный мир» (см.: А. Цагарели. Грамдгы, т. 2. вып. I, стр. 67, 68).

⁷⁵ Азербайджанский словарь Ибн-Мухаппы, поэма Али «Кыссейн Юсиф» (1233 г.), по-азербайджански писал поэт Изза-ад-Дин Хасап-оглу (конец XIII — начало XIV в.).

некоторые области которой оказались в пределах Турции⁷⁶: часть была физически уничтожена, многие эмигрировали в различные страны мира, где возникли «колонии» армян, сыгравшие большую роль в культурном развитии армянского народа⁷⁷.

Таким образом, уже в феодальный период у крупных закавказских народов налицо были признаки, характеризующие высокую степень этнического развития. При определении нации как социально-этнической общности, формирующейся на основе капиталистических (или социалистических) общественных отношений, выявляется то новое, что отличает ее от предшествующей этнической общности⁷⁸. Это прежде всего социальное содержание. Классовая структура нации при капитализме предполагает наличие двух антагонистических классов-буржуазии и рабочих. Что касается этнических признаков, то наблюдается их преемственность от донациональных этнических категорий, но в период становления нации эти признаки качественно изменяются, в частности, происходит дальнейшее сближение общенародного разговорного и литературного языков. При установлении социалистических общественных отношений социальная структура нации претерпевает коренные изменения. Этнические признаки нации при социализме также качественно изменяются: происходит укрепление национального самосознания, значительно расширяются функции литературных языков, ставших достоянием широких масс народа, усиливается роль национальных культур, достигающих высокого уровня развития.

Закавказье второй половины XVI в.—начала XIX в. включало Восточно-Грузинское и Имеретинское царства, Абхазское, Одшпское, Гурийское и Сванетское княжества, Эриванское, Карабахское, Бакинское, Кубинское, Шекинское, Талышское и другие ханства. Такая феодальная раздробленность и бесконечные войны привели Закавказье к крайне тяжелому экономическому положению: сократились ремесло и торговля, многие города - крупные центры в недавнем прошлом - превратились в полудеревни, уменьшилась численность населения⁷⁹. Продолжалась массовая

⁷⁶ В Турции в 1959 г. по переписи (данные родного языка) насчитывалось 50 тыс. армян (см.: «Численность и расселение народов мира». М., 1962, стр. 172).

⁷⁷ Известны факты широкой общественно-политической деятельности армян в России, Польше, Венеции, Индии и других странах.

⁷⁸ М. С. Джунусов. Нация как социально-этническая общность людей. «Вопросы истории», 1966, «4» 4.

⁷⁹ Например, в Грузии (Картли) в 1783 г. насчитывалось 61 тыс. семей, к 1801 г. их число уменьшилось до 35 тыс., к Карабаху к 1795 г. было около 60 тыс. семей, в 1815 г.— всего лишь 24 тыс. семей (см.: А. С. Сулейманов. Прогрессивное влияние присоединения Азербайджана к России на рост народонаселения страны в XIX в.— «Известия АН Азербайджанской ССР», № 3, 1952, стр. 83).

продажа в рабство жителей Западной Грузии; базары в Ахалцихе, Анапе, Энзели переполнялись невольниками⁸⁰. В конце XVIII в. Тяжелое положение еще более усугубилось походами Ага-Мухаммед-хана. Понятно, что все это самым отрицательным образом сказывалось на процессе национального развития закавказских народов⁸¹.

Присоединение Закавказья к России способствовало ликвидации феодальной раздробленности края и ускорило в его областях процесс развития капиталистических отношений. 1860-1900-е годы в Закавказье - время наиболее интенсивного втягивания в систему всероссийского рынка: укрепляются экономические связи не только в пределах края, но и с другими областями государства, развивается нефтяная, горнорудная, шелкоткацкая, табачная, коньячная промышленности. Строительство промышленных предприятий начинается в 1850-х годах (первый нефтеперегонный завод в Сураханах, медеплавильный-в Кедабеке), но более интенсивно продолжается в 70-80-х годах. В эти годы строится и Закавказская железная дорога.

Развитие промышленности и транспорта стимулировало рост городов (Баку, Тифлиса, Батума, Поти и др.). В результате крестьянской реформы 1864-1871-х гг. масса безземельных крестьян уходит в города на работу в промышленность и на транспорт. Немалое значение для развития капиталистических отношений в крае имела также отмена в 1872 г. На нефтяных промыслах откупной системы. Во второй половине XIX в. в Закавказье начинает складываться рабочий класс, многонациональный по своему составу: азербайджанцы, армяне, грузины, русские, лезгины, таты и др. Ежегодно на нефтяные промыслы в Баку приходило много рабочих из Южного Азербайджана. В конце XIX - начале XX в. на батумских заводах работало около 6 тыс. человек, в Чиатурских марганцевых рудниках - до 4 тыс. человек, в главных мастерских Закавказских железных дорог и в Тифлиском депо - 3,5 тыс. человек, на Бакинских нефтяных промыслах - 40,9 тыс. человека⁸². В рыбной промышленности Азербайджана было занято около 40 тыс. рабочих; примерно 2 тыс. человек работали в шелковом производстве Нухи, Ордубада, Карабаха.

---

⁸⁰ Ежегодно уводились в плен тысячи людей.

⁸¹ Однако и в XVIII в. были периоды некоторого оживления и экономической и культурной жизни. Среди армян (правда, в основном за пределами Восточной Армении) появляется торговая буржуазия. XVIII в. в Закавказье — начало книгопечатания на грузинском и армянском языках (типография в Тифлисе была открыта в 1709 г., в Эчмиадзине — в 1771 г.), время творчества Саят-Нова, Рапира. Д. Гурамитвили.

⁸² «Очерки истории Коммунистической партии Грузии». Тбилиси, 1957, стр. 14; «Народы Кавказа», т. П. М., 1962, стр. 52.

Развивающийся капитализм, нивелируя этнические особенности культуры различных народов и локальных групп, сглаживая бывшее территориально-политическое деление народов Закавказья, способствовал процессу национальной консолидации. Так, грузинская нация формировалась из карталинцев, кахетинцев, тушин, хевсур, пшавов, мохевцев, мтиулов⁸³ ингилойцев⁸⁴, имеретин, рачинцев, лечхумцев⁸⁵, гурийцев⁸⁶ аджарцев⁸⁷, мегрелов, лазов⁸⁸, сванов⁸⁹. Одни группы, как хевсуры, пшавы, тушины, рачинцы, мохевцы, мтиулы, лечхумцы, представлявшие собой этнографические группы, сохраняли специфические черты в быту и культуре⁹⁰ и некоторые диалектальные особенности, другие группы (карталинцы, кахетинцы, имеретины, гурийцы, аджарцы) отражали прежнее территориально-политическое деление грузин.

Все перечисленные выше этнические группы, за исключением мегрело-лазов и сванов, имели общее самоназвание «картвели», говорили на едином грузинском языке⁹¹. Общий литературный язык распространялся на все локальные группы грузинского народа, в том числе на мегрело-лазов и сванов. Некоторые отличия наблюдались только в разговорном языке аджарцев и жителей Самцхе, в котором было заметно влияние турецкого языка⁹².

Едиными чертами характеризовались культура и быт картвельских народов. Например, один и тот же женский костюм (картули каба) носили в

⁸³ По данным 1886 г., численность этих народов в целом равнялась 381,2 тыс. человек («Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа». Тифлис, 1893).

⁸⁴ 8,7 тыс. человек (там же).

⁸⁵ Всего 422,8 тыс. человек (там же).

⁸⁶ 76,1 тыс. человек (там же).

⁸⁷ 59,5 тыс. человек (там же).

⁸⁸ Мегрелы и лазы — 114,8 тыс. человек (там же).

⁸⁹ 14,0 тыс. человек (там же).

⁹⁰ Следует отметить, что большинство этнических групп расселялось в Горной Грузии и вследствие значительной географической изоляции сохранило немало архаичного в своем быту, а в языке — слова, употребившиеся в древнегрузинском (см.: Ф. Г. У т у р г а и д з е. Тушинский диалект грузинского языка. Автореф. канд. дисс. Тбилиси. 1954).

⁹¹ Собственно грузинский язык разделяется на две диалектные группы: восточную и западную, носители которых легко понимают друг друга. Общее в языках восточных и западных грузин неоднократно отмечалось и в источниках XVIII в.: «Имеретинцы говорят по-грузински..., но не так красно» (см.: А. Ц а г а р е л и. Грамоты т. I. СПб., 1891. стр. 217).

⁹² «Грузины Гурии также грузинским наречием говорят, смешанным со множеством чужих, особенно татарских (турецких.—Я. В.) слов» (см.: I. А. С П I а е и-8 1ааС Ве1зеГ0игсп КиШапа ипа Сапсазгзсьбел С-ебигҕе, Т. I. ЗРЬ, 1797, 3. 409). Об этом см. также: Н. С. Д е р ж а в и н. Свадьба у гурийцев-мусульман в окрестностях Батума. СМОМПК, вып. 30. 1902. стр. 5.

Карталии, Кахетии, Имеретии. Мужской костюм, распространенный также среди горцев Грузии, варьировался лишь в деталях: головной убор, длина чеши, цветовая гамма и т. п.⁹³ Много общего наблюдалось и в быту картвелов⁹⁴. Лишь быт аджарцев и части грузинского населения Самцхе под влиянием мусульманской религии несколько видоизменился⁹⁵. Определенное влияние ислам оказал также на ингилоицев⁹⁶ - группу кахетинцев, принявших его в XVII в. Кроме того, язык этой части грузин, в силу длительного совместного обитания с азербайджанцами, подвергся влиянию азербайджанского языка.

Внутри крупных территориальных подразделений (кахетинцев, кахетинцев, имеретин) имели место процессы слияния небольших этнографических групп. Так, например, кварельцы, передвинувшиеся к началу XIX в. из верховьев р. Иори в Заалазанскую Кахетию, в конце того же столетия слились с родственными им кахетинцами⁹⁷. Переселение с гор на равнины Картой и Кахетии части хевсур, тушин, пшавов также способствовало культурно-языковому сближению картвелов.

Несколько большие различия (главным образом в языке) наблюдались между описанной группой народов и мегрело-лазами, а также сванами. Несмотря на некоторые языковые отличия мегрелов и сванов от остальной массы картвелов и сохранения у названных двух народов своих этнических самоназваний, развитие их всегда шло в русле общегрузинской истории и культуры и характеризовалось признаками национального сближения с другими картвельскими народами. В языке сванов, разделявшемся на диалекты (лашский, ушгульский⁹⁸, ингурский и др.⁹⁹), в конце XIX - начале XX в. отчетливо прослеживалось влияние грузинского языка (верхнеингурские сваны), мегрельского (нижнеингурские) и обоих языков в Цхенис-цкальской Сванетии¹⁰⁰.

Влияние грузинского разговорного языка, благодаря общей лингвистической границе, наблюдалось и в мегрельском, где большое число

⁹³ «Народы Кавказа», т. II, стр. 300, 302, 304.

⁹⁴ «Народы Кавказа», т. II, стр. 308—311.

⁹⁵ Н. С. Державин. Указ. соч., стр. 8—16.

⁹⁶ Ингилоицы называют себя картвелами.

⁹⁷ Г. С. Читая. Грузинская советская этнография за годы послевоенных сталинских пятилеток. «Сов. этнография», 1952, № 3, стр. 181.

⁹⁸ Ушгульцы, до народным преданиям, в XII в. переселились из Рачи. В середине XIX в., по свидетельству Бартоломея, они говорили по-грузински, одевались в грузинский костюм (см.: Бартоломей. Поездка в Вольную Сванетию в 1853 году. «Записки Кавказского отдела РГО», кн. 3, 1855, стр. 210, 211). П. Я. Марр в начале XX в. писал об ушгульцах как носителях сванского языка (см.: П. Марр. Из поездок в Сванию (летом 1911 и 1912 гг.). «Христианский Восток», т. II, вып. 1. СПб., 1913, стр. 31).

Там же, стр. 15.

¹⁰⁰ Там же, стр. 15, 16.

грузинских слов заменило некоторые лексические формы основного словарного фонда мегрельского языка¹⁰¹. Последний отступал под давлением грузинского. К концу XIX- в. р. Цхенис-цкали была примерной границей этих двух языков. Население к юго-востоку от р. Цхенис-Цкали употребляло грузинский язык не только в семейном быту, но и как средство широкого общения, хотя считало себя одишцами и понимало по-мегрельски¹⁰². То же наблюдалось в селениях между реками Цхенис-цкали и Ногела, а также среди мегрелов - жителей некоторых селений Сенакского уезда Кутаисской губернии¹⁰³. Кроме того, грузинский язык издавна был распространен у мегрелов в качестве второго, но преимущественно в среде феодальной знати¹⁰⁴.

Двуязычие было характерно и для сванов, владевших наряду со сванским, грузинским и мегрельским языками. Однако последний знали лишь мужчины, уходившие в Мегрелию на заработки¹⁰⁵. Еще менее в прошлом был известен сванам грузинский разговорный язык. В. Ольдерогге, побывавший в Сванетии в конце 1890-х гг., писал, что сваны грузинского почти не знают, но, как правило, они быстро выучиваются правильно говорить, а некоторые и писать¹⁰⁶. Частые браки сванов с имеретинками и мегрелками немало способствовали проникновению к сванам грузинского и мегрельского разговорных языков¹⁰⁷. Большое значение имело также обучение детей сванов в школах Кутаиси, однако имели такую возможность главным образом семьи деканозов¹⁰⁸. Мегрельский и сванский языки - бесписьменные, и роль литературного языка выполнял грузинский язык (бывший также языком церковной службы).

Восточная Армения - Араратская долина с прилегающими к ней горными областями Малого Кавказа (Лори, Иджеван, Зангезур и др.) - была центром формирования армянской нации. Культурное¹⁰⁹ и языковое единство этого края, его мононациональность во многом способствовали этому процессу. Некоторые различия наблюдались в языке и культуре восточных и

¹⁰¹ Г. А. Климов. Склонения в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1963, стр. 37.
¹⁰² Шухардт. О географии и статистике картвельских (южнокавказских) языков. СМОМПК, вып. 26, 1899, стр. 75.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же, стр. 78.

¹⁰⁵ цгВИА, кол. 482, д. 193, л. 412.

¹⁰⁶ В. Ольдерогге. «Забвтие». СПб., 1897, стр. 6; Г. Шухардт. Указ. соч., стр. 69.

¹⁰⁷ Бартоломеи. Указ. соч., стр. 224.

¹⁰⁸ Там же, стр. 177. 178.

¹⁰⁹ Так, например, четко прослеживалось единство форм мужского костюма, с очень незначительными отличиями распространенного не только в Восточной Армении, но и среди восточных грузин и азербайджанцев. Довольно близки были также формы женской одежды (см.: «Породы Кавказа», II, стр. 513, 514).

западных армян как следствие длительной политической разобщенности двух частей Армении. Поэтому западные армяне, переселившиеся в Восточную Армению, долгое время сохраняли некоторые специфические черты в культуре и языке¹¹⁰.

Особую этнографическую группу армянского народа составляли хемшины, по религии-мусульмане¹¹¹. Часть хемшин забыла родной язык и стала говорить по-турецки,

Вольную Сванетию в 1853 году. «Записки Кавказского отдела РГО», кн. 3, 1855, стр. 210, 211). Н. Я. Марр в начале XX в. писал об ушгульцах как носителях сванского языка (см.: Н. Марр. Из поездок в Сванию (летом 1911 и 1912 гг.). «Христианский Восток», т. II, вып. 1. СПб., 1913, стр. 31). часть - сохранила армянский язык, насыщенный множеством архаичных форм¹¹². Эта группа и в начале XX в. сохранила ряд особенностей¹¹³.

Азербайджанскую нацию составило тюркоязычное население, в прошлом включавшее немало различных локально-племенных подразделений, в конце XIX - начале XX в. не имевших существенных этнографических различий.

Наличие в азербайджанском языке пяти диалектных групп¹¹⁴ отражало уже не бывшее этнографическое, а позднее территориально-областное деление азербайджанского народа. Возникновение и развитие каждой из этих групп было связано с крупными политическими, экономическими и культурными центрами Азербайджана: Шемахой, Баку, Гянджой и др.¹¹⁵

Некоторые этнографические группы азербайджанцев сохранялись и в последней четверти XIX в.: айрумы-западная часть Азербайджана¹¹⁶, падары

¹¹⁰ «Народы Кавказа», II, стр. 440, 442, 514.

¹¹¹ В начале XIX в. хемшины-мусульмане, по наблюдениям Мипаса Бжишкяна, соблюдали еще христианские обычаи (см.: Л. М. М е л и к с с т-Б е к о в. Указ. соч., стр. 166). В это же время часть хемшин из-под Трапезунда переселилась в Хопское ущелье, где они по соседству с лазами образовали семь больших селений (см.: Н. Л е в а ш о в. Заметка о пограничной линии и зоне, на расстоянии от берега Черного моря до города Артвина. «Известия Кавказского отдела РГО», т. VI, 1879—1881, стр. 227). гга Кавказе хемшины появились в 90-х годах прошлого столетия.

¹¹² Н. Марр. Батум, Ардагап, Каре — исторический узел межнациональных от ношений Кавказа, Пг., 1922, стр. 41; Н. Левашов. Указ., соч., стр. 227.

¹¹³ По переписи 1926 г., в пределах Закавказья насчитывалось 0,6 тыс. хемшин.

¹¹⁴ Восточная, западная, северная, южная и переходная.

¹¹⁵ Н. Л. Баскаков. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков. «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук». М., 1964, стр. 10.

¹¹⁶ О культуре и быте айрумов см. подробнее: К. Т. К а р а к а ш л ы. Материальная культура азербайджанцев северо-восточной и центральной зон Малого Кавказа. Баку, 1964; В. П. К о б ы ч е в. Айрумы (К вопросу о происхождении энтопима). «Сов. этнография», 1962, № 3.

- Восточный Азербайджан, шахсевены - на юг к Араксу (Джебраильская степь), карапахи - в Западном Азербайджане, частично в Армении и Грузии¹¹⁷. В середине XIX в. в Нахнчеванском уезде выделялась еще одна тюркоязычная группа-кенгерли¹¹⁸. Число их семей достигало 1270, в том числе 307 семей жило в г. Нахичевани, где они занимались торговлей¹¹⁹.

Несмотря на процессы консолидации, среди народов Закавказья до революции обычно сохранялась некоторая нечеткость представления о своей национальной принадлежности. Наряду с общим самоназванием сосуществовали самоназвания, отражавшие бывшее территориально-политическое деление. Например, у грузин не только маргали (мегрел) и мушни (сван), но также имерели, гурули, атчарели¹²⁰. Сохранялись также самоназвания различных локальных групп, особенно среди горцев (тушин, пшавов, хевсур и др.). В качестве самоназваний широко употреблялись названия различных обществ, селений, рек, гор. Например, у тушин по названию четырех тушинских обществ были известны гомецарцы, чагминцы, пирикительцы, цовцы. Поскольку Пирикительское и Цовское общества не были однородны по этническому составу и включали (особенно последнее) главным образом вейнахоязычных переселенцев, то для этих групп, таким образом, образовались самоназвания: общее для всех - тушины, а также пирикительцы и цовцы¹²¹, кистины и бацбийцы¹²². Среди азербайджанцев, татов, талышей и других этническое самосознание часто подменялось религиозной принадлежностью; различные этнические группы, но единые по религии - мусульмане - считались одним народом. Наряду с этим длительное время сохранялись локальные самоназвания (падары, айрумы и др.), в языковом и культурном отношении слившиеся с остальной массой азербайджанцев.

Разнообразие форм этнического самосознания, проявлявшееся во множестве самоназваний, объяснялось нередко значительной географической

¹¹⁷ В Ахалцихском и Ахалкалакском уездах Тифлисской губернии, кроме грузин-мусульман, с турецким языком была расселена еще одна тюркоязычная группа, исторически связанная с азербайджанцами — карапахами. В 1897 г. численность ее равнялась 18,9 тыс. человек.

¹¹⁸ Кенгерли несли пограничную службу и для охраны обязаны были давать 200 всадников.

ЦГ ВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 851, д. 23, ч. II, лл. 163 об., 164; св. 852, д. 31, лл. 1—6.

¹²⁰ Эти сведения любезно сообщены этнографом Г. В. Пуляя.

¹²¹ Название цлов от названия бацбийского села Шаро, последнее связывается с общими нахским ца — дом (см.: Ю. Д. Де шири ев. Бацбийский язык. М., 1953, стр. 325).

¹²² «Кисти» и «бацав». Интересен следующий факт. Кистипозычные пирикительские тушины называют бацав не только бацбийцев, но и всех тушин, однако когда они хотят выделить бацбийцев с нахским языком, то называют их ваьпий (ваьпую — *ед. ч.*) (см.: И. Ю. А ли р о ев. Указ. соч., стр. 68). Это наводит на мысль, что ваьпий — давнее самоназвание этой группы вейнахов, распространенное у них еще до переселения на южные склопы, а бацав — позднее пазванио, данное им соседями.

изолированностью локальных групп народа, их слабыми экономическими связями, общим уровнем социально-экономического развития. Иногда нечеткость представления о своей этнической принадлежности обуславливалась процессом этнической ассимиляции: в этом случае отдельные группы народа различно осознавали свою этническую принадлежность. Например, часть грузинского населения Турции, по границе с Грузией, называла себя грузинами, другие лишь сохранили память о своих предках грузинах, третьи называли себя турками.

***

Особо следует остановиться на литературных языках. Как уже отмечалось, письменные памятники на древнегрузинском языке известны с V в., однако лишь в VIII— X вв. усиливается значение грузинского литературного языка не только в Картли, но и в Тао-Кларджетии, Кахетии и других областях Грузии, где грузинский был также языком гражданского делопроизводства и церковной службы. С XII в. Формируется новогрузинский литературный язык, основы которого были заложены в творениях Чахрухадзе и Ш. Руставели и развитие которого успешно продолжалось в последующие века. Таким образом, говоря о сближении и объединении картвельских народов, нельзя не учитывать большой роли в этом процессе единого литературного грузинского языка, благодаря которому осуществлялось их культурное единство даже в моменты наибольшего политического раздробления страны.

В древнеармянском языке, в результате значительных расхождений между двумя его формами, народноразговорной и литературной, последний стал достоянием лишь грамотных людей и служителей церкви. Со временем необходимость использовать письменный язык в гражданском делопроизводстве заставляет искать пути сближения литературного языка с живой речью, и в XIV в. возникает новый тип литературного языка, понятного более широким массам народа - ашхараба¹²³. Однако вплоть до середины XIX в. ашхарабар не получил большого распространения: на нем писали главным образом произведения на бытовые темы, а также плохо владевшие грабаром, который и в этот период оставался официально признанным литературным языком¹²⁴. Правда, уже в начале XIX в. Х. Абовян пишет ашхарабаром свой роман «Раны Армении», но только в 1850-х гг.

---

¹²³ А. С. Г а р б я н. Об армянском национальном языке. «Труды Института языкознания АН СССР», т. X, 1960, стр. 51.

¹²⁴ Там же, стр. 55.

новый литературный язык занимает прочное место. В середине прошлого столетия армянский литературный язык оформляется в двух вариантах - восточном и западном, имевших незначительные отличия¹²⁵.

В связи с усилением роли литературного армянского языка в середине XIX в. известны факты перехода отдельных групп армян с местного диалекта на ашхарабар. Подобные процессы имели место среди тифлиских армян, говоривших на особом тифлисском диалекте армянского языка и перешедших к середине XIX в. на новоармянский литературный язык. Причиной этого послужили неоднократные переселения в Тифлис ереванских армян - носителей араратского диалекта, лежащего в основе армянского литературного языка¹²⁶. Велика также в этом роль армянского драматурга Г. Сундукяна, писавшего на своем родном языке - тифлисском диалекте, но под влиянием ашхарабара ввопившего в свои произведения множество форм из литературного языка, что также способствовало переходу тифлиских армян с диалекта на литературный язык¹²⁷.

Азербайджанский литературный язык развился в основном на базе огузских и кипчакских племенных языков, однако испытал большое воздействие арабского и персидского языков. Насыщение азербайджанского литературного языка арабско-персидской лексикой в значительной степени отдалило его от народно-разговорного¹²⁸. История азербайджанского литературного языка начинается примерно с XIII в., но и в XIV—XVI вв. произведения создавались главным образом на персидском языке¹²⁹. В XVI—XVII вв. более заметно начинает проявляться тенденция сближения литературного языка с разговорным азербайджанским: в творениях Мухаммеда Физули, Говси Тебризи и др. В произведениях поэта XVIII в. Вагифа эта тенденция сближения литературного языка с разговорным проявилась еще ярче. Таким образом, длительное время в Азербайджане существовало два литературных языка: 1) на азербайджанской основе и 2) на арабско-персидской, с элементами азербайджанского языка. Первая применялась в основном в ашугской поэзии, вторая - в юридической литературе, исторических сочинениях и т. п.¹³⁰

В 70-80-х годах прошлого столетия завершается процесс оформления азербайджанского литературного языка, который освобождается от многих

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ А. К. К о ч о я н. Отражение структурных особенностей тбилисского диалекта в произведениях Г. Сундукяна. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1958, стр. 5.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ М. Ш. Ш п р а л и е в. О диалектной основе азербайджанского национального литературного языка. «Вопросы диалектологии тюркских языков». Баку. 1958, стр. 18.

¹²⁹ Н. А. Б а с к а к о в. Тюркские языки. М., 1960, стр. 140.

¹³⁰ М. Ш. Ш п р а л и е в. Указ. соч., стр. 13.

арабизмов, некоторых тяжелых арабско-персидских оборотов и тем самым еще заметнее сближается с разговорным¹³¹. Большую роль в ускорении этого процесса сыграло творчество М. Ф. Ахундова, Г. Зардаби и др.

В различные периоды исторического развития старописьменных литературных языков одни диалекты, составлявшие их основу, заменялись другими. Это обстоятельство было связано с многими политическими и экономическими причинами, в силу которых какие-либо политические образования, крупные города, административные центры в определенный период возвышались и занимали господствующее положение¹³². Два варианта новоармянского литературного языка базировались на разных диалектах: в Восточной Армении - на араратском, в Западной - преимущественно на константинопольском, хотя при этом в обеих формах ашхарабара использовались и некоторые элементы других диалектов¹³³. Однако араратский и константинопольский диалекты не всегда составляли базу армянского литературного языка: исторические условия жизни армянского народа, временные возвышения отдельных государственных образований (например, Киликии) делали диалект именно этой территории опорным в литературном языке определенного периода¹³⁴.

Литературный азербайджанский язык в средневековье опирался на шемахинский диалект, однако с ростом значения Баку в основе азербайджанского литературного языка стали преобладать черты бакинского диалекта¹³⁵. Возвышение в XII в. Тбилиси - политического, экономического, культурного центра кавказцев, привело к тому, что основой новогрузинского литературного языка стал народный язык Картлии и Кахетии.

Обстановка дореволюционной действительности не создавала возможностей для широкого применения закавказских литературных языков. Почти не было школ с преподаванием на родных языках¹³⁶, незначительны были издания периодической литературы (до 1870-х годов в Тифлисе на грузинском языке выходили лишь газета «Дроеба», журнал «Сакар твелос Моамбе», на азербайджанском — «Татарские ведомости» и несколько других), совсем не было научно-технической литературы, только

¹³¹ Там же, стр. 19.

¹³² Н. А. Б а с к а к о в. Заключительное слово. «Вопросы диалектологии тюркских языков». Баку, 1958, стр. 166, 167.

¹³³ А. С. Г а р и б я н. Указ. соч., стр. 53, 54.

¹³⁴ Там же, стр. 52.

¹³⁵ Н. А. Б а с к а к о в. Заключительное слово, стр. 167.

¹³⁶ Преподавание в мектебе и медресе в Азербайджане велось на арабском и персидском языках. На Кавказе были общественные школы (начальные, 1—2-классные), где обучение происходило на родных языках. В немногочисленных гимназиях преподавание велось на русском языке.

зарождались национальная драматургия и театр. Более успешно развивалась художественная литература¹³⁷.

Лишь в последней четверти XIX в. общественные функции грузинского, армянского и азербайджанского литературных языков несколько расширяются: увеличивается число периодических изданий¹³⁸, несколько расширяется сеть школ с преподаванием на родных языках. Так, в Азербайджане в 1870—1880-х гг. в Шемахе, Нахичевани, Баку открываются школы с преподаванием родного языка. В эти же годы издаются первые учебники на азербайджанском языке, а при Горийской учительской семинарии в 1879 г. было основано «татарское отделение», откуда вышли первые учителя-азербайджанцы¹³⁹. Однако некоторые сдвиги в школьном образовании не намного улучшили положение: по переписи 1897 г., процент грамотных среди грузин, армян и азербайджанцев Закавказья был невысок и соответственно равнялся 10,6%, 8,8% и 2,1%. Более ощутимы были достижения в области художественной литературы¹⁴⁰, но и это лишь немного расширило сферу применения литературных языков Закавказья.

* * *

У некоторых народов Закавказья (абхазов, южных осетин, курдов, лезгин и др.) в силу различных исторических причин процесс национальной консолидации до Октябрьской революции еще не завершился. Среди курдов буквально воплотить до Октябрьской революции, да и в первые годы Советской власти, были сильны пережитки родо-племенного деления¹⁴¹, отрицательно сказывались кочевой быт части курдского населения, территориальная разобщенность курдов Армении и Азербайджана, немалую роль играли и различия в религии (курдов-езидов и курдов-мусульман, суннитов в Армении и шиитов в Азербайджане). Примерно та же территориальная разобщенность

¹³⁷ Произведения А. Чавчавадзе, Раффп, М. Ш. Вазеха, Г. Эристави, Г. Супдукяна, И. Чавчавадзе, О. Туманяна, А. Церетели, М. Ф. Ахундова, Д. Мамсдуки-заде и др.

¹³⁸ В 1875 г. в Баку выходит первая газета на азербайджанском языке — «Экинчи». В 1870—1890 гг. в Тифлисе издавались газеты «Иверия» (на груз. яз.), «Мшак» и «Мурч» (на арм. яз.) и др. Кроме того, выходило несколько газет и журналов в Кутаиси. Эчмиадзине.

¹³⁹ «Народы Кавказа», II, стр. 146.

¹⁴⁰ В дореволюционное время научная литература, главным образом по гуманитарным наукам/на армянском и грузинском языках издавалась в основном за пределами Закавказья. Литература с 1896 г. началось издание журнала «Азгагракан Андесс» («Этнографическое обозрение»). Широко известны имена поэтов и писателей последней четверти XIX в. А. Исаакяна, А. Казбеги, В. Пшавелы и др.

¹⁴¹ Т. Ф. Аристова. Указ. соч., стр. 47, 48.

наблюдалась среди лезгин, живших в пределах Дагестанской области (95,2 тыс. человек) и в Азербайджане — Бакинской (62,9 тыс. человек) и Елисаветпольской (14,5 тыс. человек) губерниях¹⁴². Экономически лезгины тяготели к различным городским центрам: дагестанские — к Дербенту и Ахты, южные — к Баку, Кубе. Так же территориально были розобщены южные и северные осетины. Отсутствие условий для широкого общения, наличие значительных диалектальных расхождений в языках отдельных «обществ» — все это замедляло процесс национальной консолидации. Подобное разделение на территориально оторванные «общества», сообщение между которыми было затруднено из-за отсутствия дорог, существовало и в Абхазии¹⁴³.

У всех названных народов на процессе объединения отрицательно сказывалось отсутствие до Октябрьской революции на их территориях городов и промышленных центров, отсутствие развитых литературных языков. К этому следует добавить, что особенности расселения и тесные контакты югоосетин с грузинами, азербайджанских лезгин и курдов-мусульман с азербайджанцами, курдов Армении с армянами во многом определяли специфику этнического развития отдельных групп одного народа.

* * *

Великая Октябрьская революция открыла новый этап в развитии национальных отношений. В «Декларации прав народов России», провозглашенной в ноябре 1917 г., было записано равенство и суверенность, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп.

Образованием в 1921 г. советской национальной государственности — Азербайджанской, Армянской и Грузинской Советских Социалистических Республик — были заложены новые политические основы закавказских наций и созданы большие возможности для их дальнейшего развития. На Первом съезде Советов Закавказья в Баку в декабре 1922 г. был оформлен союз трех республик — Закавказская Советская Социалистическая Федеративная республика, сыгравшая большую роль в сближении закавказских народов и укреплении их экономики и культуры.

В течение первой половины 1920-х годов в Закавказье, как и по всей стране, происходит восстановление разрушенного хозяйства. Достаточно сказать, что объем промышленного производства Азербайджана в 1921 г. составил всего лишь 43% от объема производства 1913 г.; посевные площади

---

¹⁴² По данным 1897 г. «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.», т. 61 (СПб., 1905); т. 62 (СПб., 1905); т. 63 (СПб., 1904)

¹⁴³ Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы. Сухуми, 1965.

за этот же период сократились на 38%. За несколько лет были достигнуты значительные успехи: восстановлено большинство промышленных предприятий, оросительная система (в частности, на Мугани) началось осушение заболоченных мест Колхиды, были построены гидроэлектростанции и т. д.

Однако наибольший подъем экономики происходит в 1926—1936 гг.—период индустриализации и коллективизации, успехи которых окончательно утвердили социалистический способ производства. В этот период в Закавказье резко возрастает численность рабочего класса: к началу 1936 г.— 312 тыс. человек вместо 67 тыс. рабочих накануне Октябрьской революции¹⁴⁴, возникает класс колхозного крестьянства. Наконец, в эти годы в Закавказье создалась многочисленная интеллигенция: ученые, инженеры, врачи, учителя, агрономы, артисты. Таким образом, за 15 лет, прошедших с момента установления Советской власти, изменилась социальная структура закавказских наций, включавших дружественные классы рабочих и колхозного крестьянства, а также трудовую национальную интеллигенцию.

В последующие годы в Закавказье появились новые промышленные центры (Сумгаит, Мингечаур, Рустави и др.), новые промышленные предприятия, возникли новые отрасли народного хозяйства¹⁴⁵. В 1959 г. численность рабочих, занятых только в промышленном производстве, на заводах, фабриках, транспорте Закавказья составляла 512,3 тыс. человек.

Осуществление в Закавказье культурной революции дало возможность ликвидировать неграмотность, создать сеть школ и высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов. В первые месяцы Советской власти в закавказских республиках были обнародованы декреты о ликвидации неграмотности среди населения от 14 до 50 лет. С этой целью открываются специальные курсы, школы первой ступени, разворачивается политико-просветительная работа, создаются женские клубы, библиотеки, театральные коллективы¹⁴⁶. Большое внимание обращалось на работу среди так называемых национальных меньшинств отдельных республик. Обучение в школах было организовано на различных языках: в Грузии, помимо грузинского, на азербайджанском, армянском, осетинском, абхазском, в Азербайджане — армянском, курдском, персидском, еврейском, в Армении, помимо армянского, на курдском¹⁴⁷.

По переписи 1926 г., число грамотных среди коренного населения в

¹⁴⁴ «Народы Кавказа», II, стр. 22.

¹⁴⁵ Только в Азербайджане к концу 50-х годов было построено свыше 100 крупных промышленных предприятий (там же, стр. 59).

¹⁴⁶ ЦГАОР СССР. ф. 1319, оп. 1. д. 2. лл. 6, 7 об.

¹⁴⁷ Там же; «Заря Востока», 1929, № 73.

целом по Закавказью составляло: у грузин — 704,9 тыс. человек (39,2%), среди армян—413,4 тыс. человек (31%), азербайджанцев— 290,9 тыс. человек (13,9%), у осетин 16,3 тыс. человек (14,2%). В Закавказье уже в первые годы Советской власти работали высшие учебные заведения: Тбилисский государственный университет, Бакинский и Ереванский государственные университеты, педагогические институты и др.

Большое значение имело также проведение мер по укреплению позиций родных языков народов Закавказья. Сессия Закавказского Центрального Исполнительного комитета, проведенная в 1923 г., в постановлении по национальному вопросу подчеркивала, что перед Советской властью стоит задача поднятия культурно-экономического уровня народов Закавказья, разрешение которой во многом зависит от вовлечения широких трудовых масс края в государственное и культурное строительство.

«Живые разговорные языки закавказских национальностей,— отмечалось в постановлении,— должны стать орудием культурного их развития и могучим средством приобщения их к завоеваниям рабоче-крестьянской революции. Исходя из этого 2-я сессия ЗакЦИКа признала необходимым:

1. Обратить внимание... органов власти на постановку и развитие культурной работы в национальных республиках, уделив исключительное внимание культурной работе областям, населенным нацменьшинствами.

2. Предложить Президиуму ЗакЦИКа в кратчайший срок издать закон, регулирующий применение в государственных учреждениях федерации, а также в сношениях этих учреждений с населением родного языка.

3. Обязать ЦИК'и республик издать в кратчайший срок кодекс о применении в госучреждениях как языка большинства населения, так и языков национальных меньшинств.

4. Ввести обязательное преподавание в ряде школ, в первую очередь в техникумах, оснанных языков народов Закавказья, а также изучение их истории и быта»¹⁴⁸

Дальнейшие успехи народного образования и просвещения широко известны. В настоящее время Закавказье — край сплошной грамотности. По данным переписи 1959 г., на 1000 человек населения в Грузии приходилось 38 человек с высшим образованием, в Армении — 28 человек, в Азербайджане — 38 человек. Больших высот достигла научная мысль. В научно-исследовательских учреждениях республиканских академий и в

¹⁴⁸ «Жизнь национальностей», кн V. М., 1923, стр. 177; ЦГАОР СССР. Ф. 1318. оп. 1. д. 683, л. 52.

учебных заведениях работают десятки людей, чьи имена известны за пределами не только Закавказья, но и Советского Союза: математики, астрономы, физики, историки, архитекторы и др.

Азербайджанская, армянская и грузинская нации в наше время продолжают развиваться на новой политической основе, на базе новых общественных отношений. На этой же основе за годы Советской власти у абхазов и южных осетин и др. народов, не прошедших до революции капиталистического пути развития, также происходил процесс национальной консолидации.

Большое значение в этом для абхазов и южных осетин имело создание в 1922 г. своей государственности¹⁴⁹. У них появилось свое городское население, развилась промышленность, где заняты представители коренных национальностей¹⁵⁰; в результате большого дорожного строительства исчезла вековая территориальная разобщенность населения. Широко известны также большие достижения этих народов в области культурного строительства¹⁵¹

* * *

В советское время в развитии старописьменных литературных языков Закавказья начался новый период¹⁵². Это выразилось прежде всего в расширении их общественных функций¹⁵³. Сфера применения грузинского, армянского, азербайджанского языков существенно расширилась. На этих языках ведется преподавание в школах и высших учебных заведениях. В настоящее время в Закавказье на старописьменных языках выходит огромное число периодических изданий, научные труды и художественная литература¹⁵⁴. На азербайджанском, армянском, грузинском языках созданы театр, кинематография, ведутся радио- и телепередачи. Кроме того, эти

¹⁴⁹ В силу специфики исторического развития осетин, живущих двумя компактными массивами, их национальное развитие происходит в пределах двух административных единиц: в Северо-Осетинской АССР и Юго-Осетинской автономной области, входящих в состав РСФСР и Грузинской ССР. Это обстоятельство создаст некоторую специфику, однако не затрудняет процесс преобразования в нации двух групп населения, осознающих себя единым и, I родом.

¹⁵⁰ В Абхазии только на предприятиях Ткварчелдуголь работают более 1,0 тыс. абхазов (см.: Ш. Д. И па л-И па. Указ. соч., стр. 622). В Юго-Осетии на Квайском свинцово-цинкоррм производстве 90% составляют осетины (см.: Г. А. К а л о е в. Осетины. «Народы Кавказа», I. М., 1960, стр. 315).

¹⁵¹ См; Ш. Д. Инал – Ипа. Указ. Соч., стр. 631- 637; Б.А. Калоев. Осетины, стр. 210 – 241.

¹⁵² В 1923 г. азербайджанский литературный язык был переведен на латинскую, а с 1939 г. — на русскую графику.

¹⁵³ Ю. Д. Д е ш е р е в. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе, стр. 46.

¹⁵⁴ Например, в Армянской ССР в 1963 г. на армяпском языке выходило 58 газет и журналов тиражом 434 тыс. экземпляров, в Грузинской ССР — 75 журналов и газет на грузинском языке тиражом 1324 тыс. экземпляров и т. п. (см.: Т. О. Д. Д е ш е р е в. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе, стр. 82).

языки, наряду с русским, являются языками общения народов, населяющих Грузинскую, Армянскую и Азербайджанскую ССР.

Литературные языки абхазов, лезгин были созданы лишь в советские годы. До революции в Абхазии использовался грузинский литературный язык¹⁵⁵, среди лезгин -арабский, вследствие чего создавался большой разрыв между литературными и разговорными языками.

В 1928 г. в Абхазии был введен алфавит на латинской графической основе, в 1938 г.—алфавит на основе грузинских буквенных начертаний, а в 1954 г.- утвержден абхазский алфавит на русской графической основе. На абхазском языке издается республиканская газета «Апсны капш» и районные газеты, журналы «Алашара», «Амкабз», ряд научных трудов, в частности по лингвистике, развивается художественная литература. В 1930-х годах в Сухуми возник Абхазский драматический театр. На абхазском языке ведется преподавание в школах; в Государственном педагогическом институте имеется абхазский сектор (наряду с грузинским и русским), на абхазском языке ведутся радиопередачи.

Не буду останавливаться на вопросе создания в конце XVIII в. осетинской письменности - это достаточно подробно показано в книге Б. А. Калоева «Осетины», отмечу лишь, что практическое использование осетинской письменности до революции было минимальным: почти не издавалось книг, школ было мало, да и в имеющихся преподавание велось преимущественно на русском языке. После Великой Октябрьской социалистической революции рамки применения литературного осетинского языка значительно раздвинулись: помимо преподавания в школах¹⁵⁶ на осетинском языке издается учебная литература, в Юго-Осетии выходят газеты и журнал «Хурзарин», публикуется много научных трудов. С 1931 г. в Цхинвали работает национальная драматическая труппа.

Несколько иначе обстояло дело с лезгинским языком. До революции языком письменности у лезгин был арабский. В 1928 г. в Дагестане была создана лезгинская письменность, на которой стало осуществляться преподавание в школах, издание газет, журналов. У южной группы лезгин тесные контакты с азербайджанским населением, двуязычие, большое влияние азербайджанского языка на кубинский диалект лезгинского языка дали возможность сделать для них азербайджанский язык литературным языком, на нем ведется также преподавание в школах.

¹⁵⁵ В 1862 г. П. К. Усларом был создан первый абхазский алфавит, однако по нашедший в дальнейшем практического применения. В 1892 г. был издан абхазский букварь Д. И. Гулиа и К. Д. Мачаварпапп. На этой азбуке печатались первые произнной литературы, паписанные Ц. И. Гулиа (см.: А. К., Адлей К истории культурного строительства в Абхазии. Сухуми, 1961, стр. 122, 123).

¹⁵⁶ До 5 класса. В последующих классах обучение ведется на русском языке. Осетинский язык изучается как предмет.

В советские годы усилился процесс пополнения словарного состава литературных языков народов Закавказья (особенно младописьменных) лексическими заимствованиями из русского языка, а также интернациональными словами (более всего терминологическая лексика)¹⁵⁷. Например, дальнейшее развитие нефтяной промышленности в Азербайджане отразилось в лексике азербайджанского языка, разведение цитрусовых и чайных культур в Грузии — в грузинском языке и т. п.¹⁵⁸

Развитие наций в советское время характеризуется также укреплением национального самосознания. Этому не противоречат факты сохранения в отдельных случаях локальных форм этнического самосознания, сосуществующих с общенациональным самосознанием и проявление которых имеет место в общении жителей соседних селений или районов одной республики. В наши дни этническая принадлежность более не смешивается с религиозной, за исключением отдельных случаев среди лиц старшего поколения. В укреплении национального самосознания нельзя не учитывать роли таких факторов, как существование своей республики, записи национальности в паспортах и т. п. Совместная работа, учеба объединяют лиц различных национальностей, живущих в пределах одной республики. Поэтому нередки случаи, когда национальное самосознание отражает не этническую принадлежность отдельных групп, а лишь проживание их на данной территории¹⁵⁹.

* * *

Приведенные данные показывают, что Закавказье — область интенсивно происходящих процессов консолидации. Это проявлялось и проявляется в стирании диалектных и этнографических различий, усилении роли литературного языка, укреплении национального самосознания. Как уже отмечалось, подобные факты имели место среди грузин, армян, азербайджанцев и в докапиталистический период, однако при капитализме процесс нивелирования этнографических и диалектальных особенностей протекал наиболее интенсивно. Тем самым происходили качественные изменения этнических признаков, сложившихся на разных этапах исторического развития закавказских народов.

То же имеет место и в дальнейшем. Смена социально-экономической

¹⁵⁷ Ю. Д. Д е щ е р и о в. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе, стр. 132.

¹⁵⁸ Там же, стр. 60.

¹⁵⁹ Подобное положение среди талышей не раз отмечалось этнографами, котрым во время своих поездок к талы там приходилось слышать: «Раз мы живом в Азербайджане — значит, мы азербайджанцы».

формации не означала замену существовавшей при капитализме этнической общности какой-либо другой. Однако новые социалистические отношения создали новую базу для дальнейшего развития закавказских наций, а также способствовали качественным изменениям их этнических признаков. В наше время продолжается процесс национальной консолидации народов Закавказья, не прошедших до революции капиталистического пути развития.

О ДВУЯЗЫЧИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Разнообразные формы политического, экономического, культурного общения разноязычного населения Закавказья издавна создавали потребность в знании какого-либо общего языка. Развитию двуязычия способствовали также такие факторы, как общая лингвистическая граница, смешанный характер расселения, длительное обитание небольшой по численности этнической группы в окружении инационального массива. Все это неизбежно приводило к развитию «билингвизма», т. е. знанию населением второго языка.

Известны многие факты двуязычия народов Закавказья в XVIII -XIX вв.: татов, талышей, шахдагских народов, бацбийцев, кистин, а также отдельных групп армян, грузин и азербайджанцев, живших в отрыве от своей этнической территории. Например, цова-тушины, с XVI в. Периодически спускавшиеся в долины Кахетии, где находились их зимние пастбища и происходила торговля, знали грузинский язык¹⁶⁰. Такая же необходимость в общении с населением равнины Азербайджана делала необходимым знание азербайджанского языка для будугцев, крызов, хиналугов, что отмечалось еще в начале XVIII в. «Каждый из них (шахдагских народов.- Я. 5.),-писал И. Рербер,-разумет татарский язык., а особенно те, которые живут в Будухе и Алике...»¹⁶¹.

Значение азербайджанского языка как межнационального языка для народов Восточного Закавказья и Южного Дагестана неоднократно отмечалось в источниках XIX в. В частности в 1830-х гг. Современники указывали, что большая часть жителей Бакинской провинции говорит «языком, называемым тат... Другая часть жителей... языком тюрк, хотя,

¹⁶⁰ «Обозрение Российских владений за Кавказом»,ч. I V, стр.394.

¹⁶¹ И. Гербер. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах и землях и о их состоянии в 1728 году. «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие»СПб., 1760, стр. 293.

впрочем, и все жители знают его и говорят свободно»¹⁶² Азербайджанский язык знали армяне Бакинской провинции, им владели также удины, сохранявшие свой язык и знавшие еще армянский¹⁶³. Росподствующее положение азербайджанского языка в качестве языка межнационального общения усилилось во второй половине XIX в. Исключение составляли талыши южной части Ленкоранского уезда, где азербайджанский язык не был распространен¹⁶⁴.

Малоземелье в некоторых горных областях Закавказья вынуждало их жителей уходить в другие районы на сезонные работы. Множество армян в конце XIX—начале XX в. уходило за пределы Армении, в частности, в Тифлис, рачинцы и сваны - на Северный Кавказ (в Карачай, Балкарию, Осетию), цалкинские греки - в Кахетию, дагестанцы - в Азербайджан. В Баку, в конце XIX в. крупном промышленном центре не только Кавказа, но и России в целом, на нефтяных промыслах совместно работали русские, азербайджанцы, армяне, лезгины, таты и др. Помимо постоянных, приходило много сезонных рабочих. Поэтому лезгины, таты, шахдаги и другие народы знали азербайджанский язык, греки - грузинский, сваны и рачинцы - балкарский, карачаевский, осетинский¹⁶⁵. По воспоминаниям Бартоломея, во время путешествия в 1850-х гг. В Местиа ему пришлось разговаривать с балкарским эфенди через переводчиков на четырех языках: русском, грузинском, сванском, балкарском¹⁶⁶. Торговые сношения грузинского населения Кутаисской губернии с осетинами, балкарцами, карачаевцами делали необходимым для первых знание северокавказских языков. Среди рачинцев, например, была распространена практика отдачи мальчиков в услужение карачаевцам сроком на несколько лет. М. З. Кипиани подчеркивал, что главная цель службы заключалась в изучении карачаевского языка и приобретении знакомств для дальнейшей торговли¹⁶⁷.

Двуязычие было также распространено среди жителей смешанных по национальному составу областей, городов, селений. Как правило, небольшие по численности группы знали язык окружающего народа. Так, группы армян, издавна жившие среди грузин, говорили на грузинском языке. На это

¹⁶² «Обозрение Российских владений за Кавказом», ч. IV, стр.45..

¹⁶³ Там же, стр. 122, 353, 354.

¹⁶⁴ « Списки населенных мест Российской империи». LXV. Бакинская губерния. Тифлис, 1870, стр. 85. От Казбека до Эльбруса. Владикавказ, 1884, стр. 19.

¹⁶⁵ М.З. Кипиани. От Казбека до Эльбруса. Владикавказ, 1884, стр. 19.

¹⁶⁶ Бартоломей. Указ. соч., стр. 197, 198

¹⁶⁷ М. З. Кипиани. Указ. соч., стр. 19. Подобные случаи отдачи мальчиком в услужение к русским с целью изучения русского языка были нередки в 60-е годы прошлого века в Имеретии и Мегрелии (см.: Д. Д о б р о в о л ь с к и й. Поездка в Сванетию. «Записки Кавказского общества сельского хозяйства», год 14-й, Тифлис, 1868, стр. 235).

указывал еще И. Гильденштедт, писавший, что «живущие смешанно с грузинами армяне Месхии говорят с ними по-грузински»¹⁶⁸. То же следует сказать и в отношении лезгин Азербайджана, многие на которых владели наряду с родным языком еще и азербайджанским. Этому способствовали, помимо давних контактов, общая лингвистическая граница лезгин и азербайджанцев, наличие большого числа смешанных лезгино-азербайджанских и азербайджано-лезгинских селений.

Двуязычие было характерно и для населения городов Закавказья. Но свидетельству А. Олеария (30-е годы XVII в.), жители Шемахи-персы, армяне, грузины, помимо родного языка, «все, как и вообще жители Ширвана, говорили по-турецки (азербайджански-Я. 5.)».¹⁶⁹ То же отмечалось в начале XVIII в. и среди-жителей Дербента¹⁷⁰. В отдельных селениях Закавказья, имевших смешанный этнический состав, наблюдались такие же процессы. Так, в 1772 г. И. Гильденштедт писал, что жители с. Они - имеретины, армяне, евреи, сохранив свои языки, говорят также по-грузински¹⁷¹. Жители отдельных азербайджанских селений Грузии, окруженные со всех сторон грузинским населением, в последней четверти XIX в. также знали грузинский язык. Русские жители Сигнахского уезда Тифлисской губернии, особенно молодежь, довольно правильно говорили по-грузински¹⁷². Для русских и армян Бакинской губернии, живших рядом с азербайджанцами, язык последних выполнял роль «лингва франка»¹⁷³. Число подобных примеров можно значительно увеличить.

Наконец, следует отметить значение в развитии двуязычия и такого фактора, как смешанные браки. Например, среди курдов Азербайджана были распространены браки с азербайджанками, которые выучивали курдский язык¹⁷⁴. Среди сванских женщин нередки были браки с карачаевцами и балкарцами. И здесь часто следствием таких браков являлась ассимиляция

¹⁶⁸ И. Л. Г и л ь д е н ш т е д т. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809, стр. 260, 261

¹⁶⁹ А. О л е а р и й. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, стр. 462.

¹⁷⁰ «Обозрение Российских владений за Кавказом», ч. IV, стр. 168.

¹⁷¹ И. А. Г и л ь д е н ш т е д т. Указ. соч., стр. 317.

¹⁷² А. М. А р г у т и н с к и й. Экономический быт государственных крестьян Телавского уезда Тифлисской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. V. Тифлис, 1887, стр. 8; он же. Экономический быт государственных крестьян Сигнахского уезда Тифлисской губернии. Там же. т. IV, 1886, стр. 195, 196.

¹⁷³ Н. Калашев. Селение Ивановка Лагичского участка Геокчайского уезда Бакинской губернии. СМОМПК, вып. 13, 1892, стр. 274

¹⁷⁴ А. В у к ш и а н. Азербайджанские курды. Баку, 1932, стр. 73.

сванских женщин, принимавших ислам, говоривших на местных языках, следовавших местным обычаям. Подобные факты описаны В. Тепцовым в 90-е годы прошлого столетия:

«У христиан-сванет оказываются родственники мусульмане. Тетка по матери Хамурзы вышла замуж за татарина Урусбиевского общества и сама отатарилась. Как потом оказалось, это не был единственный случай: татары частенько воруют жен и девиц (конечно, не без согласия последних) у сванов и женятся на них, если они принимают магометанство... За одного из князей Урусбиевых выдана была княжна из рода сванетских князей Дадешкилиани. Крепостные княгини умерли все мусульманами (они перешли за ней в Баксан). Один жив, он забыл сванскую речь и считает себя мусульманином...»¹⁷⁵.

Распространение в Закавказье русского языка относится в основном ко второй половине XIX в. Преимущественно это наблюдалось в городах, где жило значительное русское население, а также в сельских населенных пунктах, имевших русские школы. «До 1880 г.,— писал современник о Сальянах,— жители чуждались русского языка, с открытием же училища для детей мужского пола они стали привыкать к употреблению русского языка и то для разговоров с встречаемыми русскими»¹⁷⁶. При училище была открыта общественная библиотека, где имелись сочинения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, П. В. Гоголя. Несомненно, подобные начинания сыграли в дальнейшем немалую роль в знакомстве молодежи с русским языком. Однако более всего русский язык был известен в среде городского населения, особенно интеллигенции. В городах Закавказья на русском языке выходили газеты («Тифлиские ведомости», «Кавказ», «Новое обозрение», «Каспий» и др.), много научных изданий. В городах находилось большинство школ, средние специальные учебные заведения на русском языке.

Новый этап в развитии двуязычия народов Закавказья наступил в советское время. Развитие школьного образования на грузинском, армянском, азербайджанском языках, преподавание русского языка как отдельного предмета не только способствовали более широкому распространению названных языков в качестве вторых, но и усвоению литературной речи. Огромное значение в этом плане имело также создание в Закавказье высших учебных заведений, где обучение велось на языках крупных национальностей. Печать, радио, телевидение также играют большую роль в укреплении позиций вторых языков: среди народов

¹⁷⁵ П. Т е п ц о в. По истокам Кубани и Терека. СМОМПК, вып. 14» 1892, стр. 42,

¹⁷⁶ Н. К а л а ш о в. Местечко Сальяны (Сальян) Джевадского уезда Бакинской губернии. СМОМПК, вып. 5, 1886, стр. 126.

Азербайджана — азербайджанского, народов Армении — армянского, в Грузии — грузинского. Благодаря этому в советские годы расширился круг знающих вторые языки, которыми теперь владеют не только мужчины, но и женщины, и дети.

Материалы показывают, что роль «лингва франка» для населения Закавказья выполняли языки крупных национальностей: в Грузии — грузинский, в Армении — армянский, в Азербайджане — азербайджанский. Кроме того, существовали еще некоторые локальные типы двуязычия: часть абхазов и сванов знала мегрельский, сваны и грузины-рачинцы — карачаевский, балкарский, осетинский.

В наше время несколько сузился круг вторых языков. По-прежнему среди народов Восточного Закавказья распространен азербайджанский, известный также и в Южном Дагестане. Ряд языков, до Октябрьской революции выполнявших функции вторых языков (карачаевский, балкарский, осетинский) среди сванов и грузин-рачинцев, в настоящее время известен лишь лицам старшего поколения. Языком межнационального общения народов Закавказья служит русский. Таким образом, население некоторых областей края нередко трехязычно. Например, осетины в Юго-Осетинской автономной области, помимо родного языка, знают грузинский и русский, лезгины Азербайджана — лезгинский, азербайджанский и русский, курды Армении — курдский, армянский и русский и т. д.¹⁷⁷ Двуязычие наблюдается среди народов, как родственных по языку, так и относящихся к различным языковым семьям (например, ираноязычные таты и талыши, иберийско-кавказские шахдагские народы, владеющие азербайджанским). Тем самым в развитии двуязычия на первый план выдвигаются причины экономического, политического, культурного характера, а не языкового родства. Имеет значение также численность народов, особенности расселения, наличие общей этнической границы. Существенную роль в развитии двуязычия до Октябрьской революции имели хозяйственные связи народа (например, части сванов с Северным Кавказом). Употребление армянского, грузинского, азербайджанского как литературных языков для многих народов Закавказья - важный фактор в распространении их в качестве вторых языков.

Приведенные выше сведения выявляют особенности двуязычия в Закавказье в сравнении с Северным Кавказом. Если среди северо-кавказских народов в течение веков некоторые языки (ногайский, кумыкский) выполняли роль «лингва франка» на большей части его территории¹⁷⁸, то в Закавказье видна несколько иная картина: в качестве

¹⁷⁷ Т. Ф. Аристов а. Указ. соч., стр. 21.

¹⁷⁸ См.: Н. Г. Волкова . Вопросы двуязычия на Северном Кавказе, стр. 29, 30.

вторых языков выступают грузинский, армянский, азербайджанский, распространенные соответственно в Грузии, Армении и Азербайджане. Лишь азербайджанский был известен за пределами Азербайджана - среди рутульцев, цахуров, лезгин. У армян и грузин, живших на Северном Кавказе, в качестве вторых языков до революции были распространены те же языки, что и среди северокавказских народов - ногайский, кумыкский, позднее - русский.

При взаимодействии двух народов двуязычие развивается, как правило, лишь среди одного из них - обычно более малочисленного и экономически зависимого от другого. Например, грузины не знали бацбийского и кистинского, азербайджанцы не владели шахдагскими языками и курдским и т. д.¹⁷⁹ Формы двуязычия могут быть различными. Двуязычие в прошлом, связанное с экономическими факторами (торговлей, отходничеством и пр.), нередко бывало довольно неустойчивым: при изменении направления экономических связей менялся второй язык, последний распространялся по большей части среди мужчин, особенно среди лиц, чьи профессии (чабаны, торговцы, ремесленники) заставляли их общаться с инонациональным населением. Значительно более устойчиво двуязычие, развивающееся в результате длительных исторических контактов соседних этнических общностей. Нередко развитие подобного двуязычия заканчивается ассимиляцией одного из взаимодействующих языков. В этих случаях двуязычие охватывает все население. Особо следует подчеркнуть в развитии двуязычия значение школьного образования, интенсивное развитие которого в советские годы способствовало широкому распространению грузинского, армянского, азербайджанского, русского в качестве вторых языков.

ПРОЦЕССЫ ЭТНИЧЕСКОЙ АССИМИЛЯЦИИ

Дальнейшее развитие двуязычия при определенных условиях обычно приводит к языковой - шире этнической - ассимиляции. Этот процесс предполагает заимствования и изменения в духовной и материальной культуре, в быте народа, а главное - замену родного языка другим. Многообразные и продолжительные контакты народов Закавказья нередко создавали основу для естественной этнической ассимиляции, однако степень и интенсивность ее бывали весьма различными в отдельные исторические

---

¹⁷⁹ Эта особенность на примере Дагестана была впервые отмечена Л. И. Лавровым в статье «Некоторые итоги Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг.».

эпохи. Различно происходил этот процесс и среди локальных групп одного народа. Решающее значение при этом приобретали такие моменты, как характер расселения этих групп за пределами своей этнической территории, их численность. Поясним это некоторыми примерами.

Большинство армян, переселившихся до XIX в. в Тифлис и его окрестности, в Гори, Телави, Сигнахи, усвоило грузинский язык, который стал для них вторым родным языком. «Они,- сообщил Мачабели в 1880-е годы об армянах Тифлисского уезда,-забыли родной язык и теперь говорят только по-грузински. В образе жизни не отличаются от грузин. Держатся сильно за свою веру и, несмотря на полное слияние с грузинами, не женятся на грузинках, не желая иметь детей православными; дочерей же охотно выдают за грузин»¹⁸⁰. В Ахалкалакском уезде Тифлисской губернии имелись армянские селения (Бавра, Кортикам и др.), жители которых говорили в семье по-турецки¹⁸¹. Армяне, жившие в окружении азербайджанского населения, в значительной мере утратили свои этнические особенности: забыли родной язык, заимствовали азербайджанский костюм, азербайджанские песни, пословицы и поговорки¹⁸².

Для армян, издавна населявших сел. Кильвар и Матрасы в Азербайджане и общавшихся с соседним татским населением, татский язык стал вторым родным языком. Однако жители этих селений сохраняли армяно-григорианскую веру и сознание своей этнической принадлежности. Армяне, переселившиеся в сел. Кильвар в середине XIX в. из Шемахи, а в 1918 г. - из Зангезура, Карса и Вана, способствовали некоторой арменизации местных татоязычных армян. Немалое значение в этом имели также браки кильварцев с армянками из Баку, Шемахи и Хачмаса, а устройство школы с армянским и русским отделениями еще более усилило этот процесс¹⁸³. В результате к концу 1920-х годов по армянски знало около 90% кильварцев, хотя между собой они говорили по-татски, а на армянском—лишь с приезжими армянами¹⁸⁴. Молодежь, уходящая на сезонные работы в Баку, говорила главным образом по-армянски¹⁸⁵. Тот же процесс арменизации имел место и среди татоязычных армян сел. Матрасы, где в 1920-х гг. татский

¹⁸⁰ С. В. М а ч а б е л и. Указ. соч., стр. 173.

¹⁸¹ По данным 1886 г. 730 жителей этих селений назвали «домашним» языком турецкий. (См.: «Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа», стр. 29.)

¹⁸² Н. Григорьев. Село Саров Елисаветпольской губернии, Джебванширского уезда. СМОМПК, выл. 6, 1888, стр. 129—131.

¹⁸³ Б. М и л л е р. Таты, их расселение и говоры. «Известия общества обследования и изучения Азербайджана», т. 7. Баку. 1929, № 8, стр. 15—16.

¹⁸⁴ Б. М и л л е р. Указ. соч., стр. 16.

¹⁸⁵ Там же.

знали лишь старики; даже в быту употреблялся в основном армянский¹⁸⁶. По переписи 1926 г., жители сел. Кильвар и Матрасы родным языком назвали татский, однако обратный процесс арменизации протекал среди них очень интенсивно.

Небольшая группа армян, расселенная на Северном Кавказе среди шапсугов, натухайцев, темиргоевцев, бжедугов, в течение нескольких столетий почти целиком ассимилировалась адыгейцами: усвоила их язык, обычаи, одежду и пр., однако сохранила христианскую религию — единственно, что еще объединяло черкесских армян в особую группу и отличало их от адыгов¹⁸⁷. Этот же момент — сохранение религии и в связи с этим этнического самосознания — имелся и среди армян Азербайджана.

Население Южной Грузии, несмотря на политику жестокой ассимиляции, проводимую здесь турецким правительством в течение веков, сумело сохранить элементы грузинской культуры, а в некоторых областях — и родной язык. Наиболее сильная волна отуречения происходила в конце

XVIII — начале XIX в. и в значительной степени была вызвана успехами России в ее продвижении к границам Турции. В ряде районов администрация из грузин заменялась турецкой, фамилии с окончаниями «дзе» и «швили» переделывались на «оглы», грузинские названия рек, гор, селений переименовывались по-турецки, турецкий язык был объявлен языком суда и школы¹⁸⁸.

Турецкий язык грузинского населения этой территории представляет интересный пример взаимодействия неродственных языков. Однако этот процесс отличался большим своеобразием: фонетическая система языка-победителя включала, помимо звуков турецкой речи, все грузинские специфические звуки. Влияние грузинского языка наиболее сильно прослеживалось в лексике¹⁸⁹. По источникам XVIII — XIX вв. можно проследить постепенное ослабление позиций родного грузинского языка, период двуязычия и замену грузинского языка турецким. В начале XVIII в. родным языком джавахцев был грузинский, но знать понимала также и турецкий¹⁹⁰. В первой половине XVIII в. грузинский язык еще сохранялся на большой территории юго-западной части Грузии; в Тортуме население было уже двуязычным, и наряду с грузинским здесь знали турецкий язык; в

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Н. Г. Волкова. О расселении армян на Северном Кавказе до XX в., стр. 257, 258.

¹⁸⁸ Г. В е ш а и е л и. Турецкая Грузия, Лазистан, Трапезунд и Чорохский край. М., 1916, стр. 18.

¹⁸⁹ С. С. Д ж и к и я. О диалектологической работе по тюркским языкам в Грузинской ССР. «Вопросы диалектологии тюркских языков», стр. 107, 108.

¹⁹⁰ Г. Ш у х а р д т. Указ. соч., стр. 103.

Северном Лазистане преобладал лазский, а на юге области население владело лазским и турецким языками¹⁹¹. Двухязычны были в 1760-х годах жители Ахалциха: «Все сего города жители,— отмечалось в одном из документов того времени,— как и сам паша, говорят и поныне грузинским, равно как и турецким языками»¹⁹².

В начале XIX в. грузинский язык сохранился в Кобулету и всей Аджарии, Шавшети, в местах, где турецкое правительство имело лишь незначительную фактическую власть и где население управлялось местными беками. Грузинский язык употреблялся жителями Чорохского ущелья, однако в нем содержался значительный процент турецкой лексики, а часть населения этой области говорила лишь по-турецки¹⁹³. В Борчке жители общались по-грузински и по-турецки; здесь почти кончалась область распространения грузинского языка — грузины, жившие за Борчкой, говорили лишь по-турецки¹⁹⁴. Однако население изолированных ущелий (например, Мургульское) сохраняло грузинский язык и грузинский этнический облик. «Мургулец,— подчеркивал Н. Левашов,— до 16—18 лет говорит своим языком. Турецкой речи, начальное обучение которой производится муллами в школах, выучиваются окончательно лишь тогда, когда отправляются на заработки в долину Чороха, Батум и Константинополь. Вы никогда не услышите двух мургульцев разговаривающих между собой иначе, как по-грузински. Даже приветствуют путника по-грузински, тогда как все остальное население Чороха употребляет для этой цели турецкое «салам алейкум». Женщины совсем не говорят по-турецки и почти не понимают этого языка»¹⁹⁵. В Шавшетии турецкий язык к середине прошлого столетия в значительной степени вытеснил грузинский. Наиболее интенсивно это происходило среди грузин — жителей городов, а также в селениях, расположенных недалеко от больших дорог¹⁹⁶. Однако, несмотря на утрату родного языка, местное население, по утверждению современников, открыто заявляло, что «их отцы были гурджи»¹⁹⁷.

Значительно сильнее было отуречено грузинское население Посховского участка (северная часть Карсской области). Во время турецкого господства немало коренных жителей-грузин было уничтожено или выселено

---

¹⁹¹ П. И. Инго рок в а. Этнография мусульманской Грузии. «Второй краеведческий съезд Черноморского побережья и Западного Кавказа (25/IX—5/X 1925 г.). По становления и резолюции». Батум, 1925, стр. 49

¹⁹² А. Цагарели. Указ. соч., т. I, стр. 33.

¹⁹³ К В с й д е п б а у м. От Ватума до Лртвина [б. м.], 1879. стр. 183.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Н. Левашов. Указ. соч., стр. 215, 216.

¹⁹⁶ Г. Д П у х а р д т. Указ. соч., стр. 93, 94

¹⁹⁷ Там же.

в Турцию и на их места поселены другие национальные группы, по религии — мусульмане. Оставшиеся грузины были отуречены настолько, что забыли свое происхождение и родной язык¹⁹⁸. Во второй половине XIX в. домашним разговорным языком посховцев являлся турецкий; на нем же жители общались с окружающим населением; на турецком велось также преподавание в школах¹⁹⁹. Родной язык сохранился лишь среди некоторых стариков, говоривших на нем с имеретинским акцентом, а также — между женщинами. Последнее верно лишь в отношении семей, в которых посховцы были женаты на аджарках, что нередко наблюдалось между ними²⁰⁰. Однако очевидцы, побывавшие в Посховском участке в 1880-х гг. отмечали сохранение среди местных жителей представления о своей этнической принадлежности; посховцы помнили свои грузинские фамилии, имевшие характерное для кахетино-карталинских фамилий окончание «дзе». Помимо грузинских фамилий, между ними были распространены турецкие²⁰¹.

Другую группу грузинского народа, этническое развитие которой протекало в инонациональном окружении, составляли лазы. Политика гонения на немусульманское население, презрение к немусульманскому отрицательно сказались на культуре и языке лазов: к началу XX в. лазы говорили в основном по-турецки и, по наблюдениям очевидцев, даже стыдились родного языка²⁰². В местностях Випэ, Архаве, Хопе мужчины изыскались преимущественно на турецком, но среди женщин и детей лазский язык сохранился в наиболее чистом виде²⁰³. Почти не сохранились произведения устного народного творчества, лишь в некоторых местах еще встречались остатки народных празднеств, лазские головные уборы, женский костюм, хозяйственные постройки и т. п.²⁰⁴ В пределах современных границ Закавказья лазы встречались в Батуме, куда они приходили на заработки²⁰⁵,

---

¹⁹⁸ Садовский. Посховский участок Ардаганского округа Карсской области. СМОПК, вып. 5. 1886, стр. 6, 38.

¹⁹⁹ Там же, стр. 40.

²⁰⁰ Там же, стр. 38, 41.

²⁰¹ К. Садовский. Посховский участок Ардаганского округа Карсской области. СМОПК, вып. 5, 1886, стр. 41.

²⁰² Н. Марр. Батум, Ардаган, Каре — исторический узел межнациональных отношений Кавказа, стр. 46.

²⁰³ Т. Т. Марр. Из поездки в турецкий Лазистан. «Изв. Академии наук», VI сер., т. 4, 1910, стр. 627.

²⁰⁴ Там же, стр. 629, 630.

²⁰⁵ Немало лазов работало в южных городах России пильщиками и пекарями, из них многие женились на русских. В одной лишь Атинской казе насчитывалось около 300 русских женщин. Последние принимали ислам, выучивали лазский язык, но турецкого, как правнло, не знали (см.: там же, стр. 550, 618—620).

на запад от Батума, у моря и в Мургульском ущелье. Язык этой лазской группы подвергся значительному влиянию грузинского и мегрельского языков²⁰⁶

К моменту воссоединения с Грузией части Самцхе последняя представляла этнически пеструю область, жители которой были двух-трехязычны, различны по религии (православные, армяно-григориане, католики, сунниты), иногда даже двоеверцы, по определению Н. Я. Марра: например, мусульмане — по вероисповедной принадлежности и христиане — по бытовым верованиям²⁰⁷. Вполне понятно, что в этих условиях определение этнической принадлежности населения было особенно трудным. По статистическим данным 1886 г., в пределах Ахалцихского и Ахалкалакского уездов немало грузин и армян (по религии — мусульмане) были отнесены к туркам и азербайджанцам. Во многих селениях, где жители, по традиции, считались грузинами или армянами, на вопрос об их этнической принадлежности они отвечали: «Мы — турки», хотя многие из них понимали по-грузински или армянски²⁰⁸. Кроме грузин (православных и мусульман) и армян-григориан, в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах насчитывалось около 11 тыс. армян — по религии католиков. В числе их были также грузины, принявшие католическую веру. «Их считают часто армянами-католиками,— писал в 90-е годы прошлого столетия А. Хаханов,— так как не хотят признавать, что есть грузины-католики. Однако мы хорошо знаем историю перехода месхов в католицизм со времени владычества турок, когда прервались сношения с Грузией и установились связи с Западом, откуда хлынула масса римских миссионеров, распространяя свою пропаганду на всем Кавказе»²⁰⁹. То же отмечал Д. Бакрадзе в отношении армян-католиков Арданучского и Артвинского участков, большинство которых, по его мнению, — грузинского происхождения²¹⁰. Родной язык их был армянский, однако настолько наполнен грузинскими словами, что армяне из других областей без знания грузинского языка не в состоянии были понять армянина-католика²¹¹. Грузины-католики, жители сел. Арал, Уде и др. Ахалцихского уезда, носили армянские имена и по бытовым особенностям

²⁰⁶ Н. М а р р. Батум, Ардаган, Каре — исторический узел межнациональных отношений Кавказа, стр. 549.

²⁰⁷ Там же, стр. 47.

²⁰⁸ Ахалцихский уезд. «Труды Тифлисского губернского статистического комитета», вып. I. Тифлис, 1886, стр. III.

²⁰⁹ А. Х а х а н о в. Месхи (этнографический очерк). «Этнографическое обозрение», № 3, 1891, стр. 29.

²¹⁰ Д. Б а к р а д з е. Заметка о Ватумской области. «Известия Кавказского отдела РГО», т. VI, 1879—1881, стр. 159.

²¹¹ Там же.

напоминали больше армян; в семье же говорили по-грузински²¹².

Часть абхазов (население Самурзакани), имевших общую этническую границу с мегрелами, утратила родной язык и стала говорить по-мегрельски. Большую роль в этом процессе играли давние экономические и политические контакты этих двух народов. Часты были браки абхазов с мегрелками, благодаря которым мегрельский язык был довольно распространен в быту. Однако еще в первой четверти XIX в., по сообщению современников, абхазский и мегрельский языки были известны в Самурзакани в равной мере²¹³. Примерно в середине прошлого столетия во всей Самурзакани абхазский язык признавался языком высшего общества, но в конце того же века самурзаканцы щеголяли мегрельским языком²¹⁴. Для многих самурзаканских семей в этот период мегрельский язык уже стал родным, однако среди мужчин больше сохранялось знание абхазского языка²¹⁵. Примерно из 4 тыс. семей самур-закаяцев в 1890-е годы около половины считали абхазский язык родным²¹⁶.

Однако распространение мегрельского языка в Самурзакани было довольно неравномерным: в последней четверти XIX в. в Ведийском Окумском, Гальском обществах слышалась преимущественно абхазская речь, тогда как в Саберии, Отобайе, Дихазургах говорили по большей части по-мегрельски²¹⁷. По утверждению И. И. Пантюхова, в конце XIX в. большинство самурзаканцев не только говорило по-мегрельски, но и называло себя мепрелами. Исключение составляли бедийцы, говорившие по-абхазски и считавшие себя абхазами²¹⁸. За пределами Самурзакани в других обществах Абхазии мегрельский язык не был известен.

Территория распространения картвельских языков расширялась также за счет языковой ассимиляции вейнахских групп Закавказья. Как бацбийский, так и кистинский (точнее, галанчоужский диалект чеченского языка) языки в период жизни вейнахов в горной Тушетии под влиянием грузинского языка значительно видоизменились. Об этом влиянии в конце XIX в. А. Хаханов писал: «Кистинский (бацбийский.— Н. В.) язык

---

²¹² Х. А. Б е р ми ш е в. Экономический быт государственных крестьян в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах Тифлисской губернии. «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. III, 1886., стр. 34.

²¹³ ЦГВИА кол. 482, д. 57, л. 7.

²¹⁴ Г. Ш у х а. р д т. Указ. соч., стр. 71.

²¹⁵ Там же, стр. 73.

²¹⁶ Там же, стр. 74.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ И. И. П а н т ю х о в. Самурзаканцы. «Кавказ», 1892, № 77.

включил в себя так много грузинских слов, что стал непонятным для современного кистинца и чеченца»²¹⁹. В бацбийский из грузинского вошли слова из самых различных областей хозяйства и культуры: социальная и общественно-политическая терминология, названия полевых и огородных культур, плодовых деревьев, птиц и т. д.²²⁰ То же наблюдалось и в кистинском языке, поскольку основные экономические и политические связи его носителей установились не с Чечней, а с Грузией²²¹. В течение нескольких столетий для бацбийцев и части кистин²²² грузинский язык стал вторым родным языком. Однако, несмотря на языковую и культурную ассимиляцию, в 1948 г. еще были живы старики, помнившие чеченский язык, чеченские обычаи²²³. Большая часть кистин и бацбийцев и в наше время осознает свою вейнах-скую этническую общность, а некоторые из грузин, пшавов, хевсур, считают лишь своих далеких предков чеченцами²²⁴. На примере бацбийцев и кистин виден также процесс культурного слияния этих народов с грузинами. Наиболее интенсивно оно происходило среди цова-тушин, в большинстве ассимилировавшихся грузинами ко второй половине XIX в.: бацбийцы заимствовали у них костюм, обычаи, песни и т. п. То же происходило и среди кистин сел. Панкис — переселенцев середины XIX в., заимствовавших способ постройки жилища у имеретин²²⁵. Вместе с тем вейнахское население Закавказья сохранило вплоть до середины XX в. некоторые элементы исконной материальной культуры. Аналогичные процессы культурно-языковой ассимиляции издавна протекали в восточной части Закавказья. Это — взаимодействие ираноязычных тагов, талышей²²⁶ курдов, лезгиноязычных шахдагских народов и лезгин с тюркоязычными азербайджанцами. Остановлюсь несколько подробнее на этих вопросах.

К середине XIX в. таты занимали район Апшеронского полуострова, часть современных Кубинского, Шемахинского и Геокчайского районов. Область их расселения захватывала Дагестан, где под Дербентом находилось семь татских селений. Процесс слияния татов с азербайджанцами начался

²¹⁹ Л. Х а х а н о в. Тушины. Этнографический очерк. «Этнографическое обозрение», кн. II, 1889, стр. 41.

²²⁰ Ю. Д. Д е г а о р и е в. Бацбийский язык. М., 1953

²²¹ И. Ю. А л и р о е в. Указ. соч., стр. 66, 67.

²²² Кистины сел. Парсма.

²²³ Ю. Д. Д е ш о р и е в. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков..., стр. 126.

²²⁴ И. Ю. Л л и р о е в. Указ. соч., стр. 5.

²²⁵ Г. Р а д д е. Хевсурия и хевсуры. Тифлис, 1881, стр. 320.

²²⁶ Некоторые сведения по современному состоянию татов и талышей даны в «статьях Г. А. Гулиева «Таты» и А. Г. Трофимовой «Талыши» (см.: «Народы Кавказа», II, 1962).

давно. Как уже отмечалось, в конце XVIII — начале XIX в. таты были двуязычны, владея, наряду с татским языком, еще и азербайджанским. Однако и в 50-е годы прошлого столетия их родным языком оставался татский, тогда как азербайджанский служил для общения с другими народами Азербайджана. По сообщению И. Березина, побывавшего в середине XIX в. в Азербайджане, лишь в шести селениях Апшерона жило азербайджанское население, в остальных — таты, говорившие на азербайджанском и татском языках²²⁷.

Таким образом, сравнительно за короткий срок среди большинства татов период двуязычия завершился заменой татского языка азербайджанским. Большую роль в этом сыграли различные государственные образования XVIII — начала XIX в. (Кубинское, Шемахинское и Бакинское ханства), объединявшие азербайджанцев, татов и другие народы, но политическая власть в которых, как правило, принадлежала тюркским династиям, а азербайджанский язык был языком общения, языком делопроизводства, литературы (наряду с персидским).

Процесс языковой ассимиляции татов протекал постепенно и носил в целом естественный характер. Однако бывали случаи искусственного ускорения этого процесса. Б. В. Миллеру, побывавшему у татов в 1920-х годах, рассказывали, что в начале XX в. в сел. Балаханы учитель (выходец из Турции) «всячески внушал своим ученикам презрение к своему родному языку и под влиянием которого совершился переход татов селений Нардаран и Бузовны с татского языка на тюркский»²²⁸.

Процессы ассимиляции среди народов Азербайджана протекали по-разному. Интенсивнее всего они происходили среди татов Апшерона, называвшихся даже «бакинскими татарами»²²⁹. Здесь немалую роль сыграл промышленный Баку, где в конце XIX в. насчитывалось 40,4 тыс. азербайджанцев. Среди шемахинских татов также наблюдалась немалая языковая ассимиляция. Значительную роль в этом сыграло отходничество мужчин-татов из некоторых селений (например, сел. Латич), живших подолгу в Баку и других городах Азербайджана²³⁰. Полностью ассимилировались таты Зангезура, где в 80-е годы прошлого столетия не было ни одного тата, знающего татский язык, и все они говорили по-азербайджански²³¹. В

²²⁷ И. Б е р е з и н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850, стр. 39

²²⁸ Б. В. М и л л е р. Таты, их расселение и говоры, стр. 6

²²⁹ «Списки населенных мест Российской империи». LXV. Бакинская губерния, стр. 89.

²³⁰ Б. В. М и л л е р. Таты, их расселение и говоры, стр. 9.

²³¹ С. П. З е л и н с к и й. Экономический быт государственных крестьян в Зангесурском

немногих селениях Нахичеванского уезда в последний четверти XIX в. еще жили старики, которые умели объясниться по-татски. В Кубинском уезде в начале XX в. азербайджанский язык был значительно менее распространен, чем на Апшероне: его не знали в отдаленных местах, не знали женщины.²³²

Что касается взаимодействия татской и азербайджанской культур, то здесь наблюдается несколько иная картина, чем при взаимодействии языков. То в культуре, что связано с языком, и прежде всего песни, исполнялись татами на азербайджанском языке²³³; материальная культура татов, в частности одежда, испытала влияние азербайджанской, но это прежде всего коснулось апшеронских татов, тогда как на окраинах территории расселения татов их костюм сохранил характерные особенности татского. Архитектурный стиль жилища сохранился даже на Апшероне — области более интенсивной языковой ассимиляции татов азербайджанцами²³⁴. Это связано с тем, что характер жилища больше зависит от географических условий, чем от этнических особенностей.

Другой ираноязычный народ — талыши, язык и культура которого также претерпели немалые изменения в процессе общения с азербайджанцами, занимает Ленкоранскую низменность с прилегающими к ней территориями (современный Астаринский, Лерикский и Ленкоранский районы). В течение многих веков происходило культурное сближение талышей с азербайджанцами, а также сужение области талышског» языка. Народные предания указывают, что талышское население некогда простиралось до Кызыл-Агаджа и еще в 1830-х годах на талышском языке говорили значительно севернее Ленкорани²³⁵. Наличие тесных экономических и культурных связей с азербайджанцами, длительные и постоянные инфильтрации последних в пределы Талышии способствовали распространению среди талышей двуязычия, влиянию азербайджанской культуры. Более всего это было заметно в талышских селениях, расположенных на торговых путях, в селениях, с крупными базарами, где повсюду слышалась азербайджанская речь²³⁶. Большое влияние

уезде Елисаветпольской губернии. «Материалы для изучения эконоическо-то быта государственных крестьян Закавказского края», т. IV, 1886, стр. 12.

²³² В. М и л л е р. Таты, их расселение и говоры, стр. 7.

²³³ фольклор на татском языке сохранился лишь среди кубинских татов. У татов Агшера на татском исполнялись только колыбельные песен (см.: В. В. Миллер. Таты, их расселение и говоры, стр. 5, 6).

²³⁴ См.: В. П. Кобычев. Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в. «Кавказский этнографический сборник», III. М.—Л., 1962. стр. 41—48.

²³⁵ П. Ф. Рисе. О талышцах, их образе жизни и языке. «Записки Кавказского отдела РГО», кн. 3, 1885. стр. 2.

²³⁶ В. В. Миллер. Предварительный отчет о поездке в Талыш летом 1925 г. «Известия

азербайджанцев испытали талыши — жители Ленкорани, хотя и у них в семьях слышалась талышская речь²³⁷. Большинство талышей были двуязычны, но женщины и даже целые группы талышей, особенно в глухих горных местах, и в 20-е годы нашего столетия азербайджанского языка не знали²³⁸. Многие талыши в этот же период называли себя «тюрьками», однако дома они говорили по-талышски²³⁹.

Этнографические исследования талышей в 1960-е годы показали интенсивность процесса развития двуязычия: часть талышей за последние 40 лет перешла на азербайджанский язык, однако талышский язык еще продолжает употребляться ими в быту²⁴⁰. В настоящее время известны многие факты, когда талыши причисляют себя к азербайджанцам, что более всего заметно в областях смешанного расселения талышей и азербайджанцев, например, в Масаллинском районе. Здесь нередко лишь старики считают себя талышами и знают талышский язык²⁴¹. Этнографическая группа талышей — алларцы, живущая более отдаленно от основной массы азербайджанцев, сохранила талышский язык и в настоящее время, однако часть алларцев, переселившаяся в XIX в. в пределы современного Астрахан-Базарского района, утратила родной язык²⁴². Культура талышей в основном сохранила традиционные черты. Свои песни талыши и в настоящее время исполняют на родном и азербайджанском языках²⁴³.

Процессы этнической ассимиляции характерны и для курдов Азербайджана, преимущественно живущих в окружении азербайджанского населения. До Октябрьской революции большую роль в этом играло отходничество курдов в азербайджанские районы, на равнину, торговля с азербайджанцами, общение с тюркоязычными кочевниками и т. п.²⁴⁴ Особенно ярко процесс этнической ассимиляции проявился среди курдов Зангезура: большинство их говорило по-азербайджански даже в быту, и хотя некоторые знали курдский язык, но предпочитали общаться на

Общества обследования и изучения Азербайджана», № 1, Баку, 1926, стр. 27, 28.

²³⁷ Там же, стр. 27

²³⁸ Там же.

²³⁹ Там же, стр. 28.

²⁴⁰ Полевые материалы А. А. Измайловой (1958—1964 гг.). Текущий архив сектора этнографии Института истории АН АзССР.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Нельзя не учитывать влияния в прошлом такого фактора, как религия: курды Азербайджана в основном шииты и, таким образом, религия не служила препятствием для сближения с азербайджанцами-шиитами, тогда как курды Эриванской губернии — езиды и мусульмане-сунниты, составляли довольно замкнутую группу в окружении армянского населения, христиан по религии

азербайджанском; зангезурские курды от азербайджанцев заимствовали обычаи, одежду и пр.²⁴⁵ По статистическому обследованию 1886 г., курды Арешского уезда Елисаветпольской губернии были записаны курдами, однако домашний язык их был азербайджанским. У курдов Джебраильского уезда той же губернии азербайджанский был родным языком (22,2 тыс. человек), часть курдского населения Джеванширского уезда (5,5 тыс. человек) говорила в семье по-курдски, часть — по-азербайджански и т. п. Тот же процесс слияния с азербайджанцами в последней четверти XIX в. был замечен среди курдов Шаруро-Даралагёзского уезда Эриванской губернии. Большинство их говорило по-азербайджански, хотя многие еще не забыли родного языка²⁴⁶. Остальные курды Эриванской губернии сохраняли родной язык и свою этническую принадлежность.

Создание в 1923 г. Курдистанского уезда в Азербайджанской ССР способствовало тому, что некоторые азербайджанцы (бывшие курды) стали называть себя курдами, связывая свою национальность с названием территории, где они жили²⁴⁷. По данным переписи 1926 г., в Курдистанском уезде насчитывалось 37,2 тыс. курдов, тогда как считавших родным языком курдский было всего лишь 3,1 тыс. человек, т. е. 8,3%.

Определенную роль в сложном процессе этнической ассимиляции сыграли и такого рода факты. Для трудящихся национальных меньшинств, какими считались курды Азербайджана, как и во всем Союзе, были установлены некоторые льготы. Однако ряд ошибок местных организаций при осуществлении национальной политики приводил к некоторым перегибам и даже курьезам. Очевидцы свидетельствуют, что в 1930 г. лачинскими районными организациями было дано распоряжение выдавать мануфактуру только говорящим по-курдски, вследствие чего резко возросло число лиц с курдским языком²⁴⁸. Создание для курдов Азербайджана школ на азербайджанском языке сыграло огромную роль в их переходе с курдского на азербайджанский. Обследование курдов Азербайджана в 1930 г. показало, что для жителей ряда селений Лачинского и Кельбаджарского районов родной язык — азербайджанский, хотя некоторые курды старше 40 лет еще помнили курдский язык²⁴⁹.

В местах более компактного расселения курдов в Азербайджане сохранялся вполне чистый курдский язык, но и здесь курды свободно говорили

²⁴⁵ С. П. З е л в я с к и й. Указ. соч.. стр. 14.

²⁴⁶ «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. II, 1887, стр. 10.

²⁴⁷ А. Б у к г а п а п. Указ. соч.. стр. 74

²⁴⁸ Там же, стр. 75.

²⁴⁹ Там же, стр. 63, 64.

по-азербайджански. Частые смешанные браки азербайджанских курдов с азербайджанками способствовали этническому сближению этих народов. Азербайджанки, придя в курдскую семью, иногда выучивали курдский язык, но обычно продолжали говорить на своем родном языке. Сами курды-мужчины отмечали, что браки с азербайджанками приводили к тому, что мужчины начинали нередко забывать родной язык, дети также не всегда знали курдский²⁵⁰.

Нахичеванские курды — также двуязычны, но в быту говорили на курдском языке, как и армянские курды. Среди последних в укреплении этнического самосознания и позиций родного языка большую роль сыграло создание курдского алфавита, издание курдских учебников, научной и художественной литературы, газеты «Риа-Тээз» и т. п.²⁵¹ В Закавказской зоне, населенной цахурами, аварцами, ингилойцами, и азероаиджанцами и мугалами, также происходили процессы этнической ассимиляции. Если верить народным преданиям, в прошлом на цахурском языке говорили жители сел. Сарыбаш, Елису, Амбарчай, Амирджанло, однако во второй половине XIX в. все жители этих населенных пунктов говорили уже по-азербайджански²⁵². По данным 1886 г., дагестанское население сел. Кашкачай, Ашата-Малах, Юхари-Малах, Ахчай, Лякит, Зарна также говорило по-азербайджански. Из 21,7 тыс. аварцев и цахуров — жителей Закавказской зоны — 54,7 % считали родным языком азербайджанский²⁵³, 31% — аварский и 17,9% — цахурский. Процесс языковой ассимиляции закавказских цахуров отмечал в начале XX в. и А. Дирр²⁵⁴. В горных селениях цахурский язык сохранился в более чистом виде; в селениях Лякит, Зарна, Мухах, Талы, где на цахурском языке еще говорили отдельные семьи, он подвергся большому влиянию азербайджанского: в лексике, ударениях, произношении²⁵⁵.

Значительно меньше коснулся процесс этнической ассимиляции грузин-ингилойцев. Большинство ингилойцев сохранило грузинский язык, который, однако, подвергся некоторому влиянию азербайджанского. Их быт характеризовался чертами грузинского быта: сохранились, свадебные и по-

---

²⁵⁰ Там же, стр. 73.

²⁵¹ Т. Ф. А р и с т о в а. Указ. соч., стр. 7.

²⁵² Мугалы — потомки монгольских поселенцев в Закавказье, осевшие здесь в конце XIV в.

²⁵³ «Закавказский округ. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа». Тифлис 1887, стр. 40, 41, 48, 49.

²⁵⁴ А. Д и р р. Цахурский язык. СМОМПК, вып. 43, 1913, стр. 1.

²⁵⁵ «Закавказский округ. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа», стр. 40.

хоронные обряды, сказки, легенды, остатки христианских верований²⁵⁶, у дагестанского населения. Закатал они заимствовали женскую одежду, домашнюю обстановку, песни. Все ингилойцы были двуязычны, владея, кроме грузинского, и азербайджанским языком²⁵⁷. По-видимому, не столь интенсивному слиянию ингилойцев с окружающим населением, несмотря на общность религии, способствовал характер браков, при которых девушки выходили замуж лишь в пределах своего селения²⁵⁸.

В настоящее время часть ингилойцев (преимущественно жители Закатальского района) осознает себя азербайджанцами. Ингилойцы, живущие в Кахском районе, в прошлом христиане, в большинстве называют себя-картвелами. Все ингилойцы — двуязычны, владеют грузинским и азербайджанским языками. Укреплению позиций этих двух языков способствует обучение ингилойцев в школах, в которых преподавание ведется на грузинском или на азербайджанском языках²⁵⁹.

Несколько слабее процессы этнической ассимиляции проявлялись среди носителей горских иберийско-кавказских языков: шахдагской группы народов и азербайджанских лезгин. К шахдагским народам относятся жители сел. Будут, Крыз²⁶⁰, Джек, Алык, Хапут и Хиналуг, говорящих на трех языках: будугском, крызском (крызы, джеки, алыкцы, хапутцы) и хиналугском²⁶¹. Как уже отмечалось, шахдагские народы — двуязычны, они владели наряду с родным языком еще и азербайджанским. Отмечались и случаи, когда азербайджанский язык становился единственно родным языком жителей некоторых шахдагских селений. Так, по данным 1886 г., в хапутских селениях Байрам-кёвхали, Саркер-Али, Майлясы, Ханалых «домашним» языком был назван азербайджанский. Многие из азербайджанских селений в прошлом были хапутскими и джекскими²⁶². Длительные исторические связи

²⁵⁶ Ингилойцы, даже мусульмане, строго соблюдали пасху, великий и усупенский посты. «Мусульманство их состоит в том,— писал А. Хаханов,— что один раз в неделю — пятницу — в ограде мечети собирались представители фамилий и слушали чтение Корана на непонятном для них арабском языке» (Л. Хаханов. Кое-что из быта ингилойцев. «Новое обозрение», 1893, № 3324).

²⁵⁷ Л. Хаханов. Путевые заметки. В стране ингилойцев. «Новое обозрение». 1893, № 3304.

²⁵⁸ «Кавказ», 1808, № 42.

²⁵⁹ Полевые материалы А. А. Измайловой (1968 г.). Текущий архив сектора этнографии Института истории ЛИИ Аз.ССР.

²⁶⁰ В течение длительного времени крызы расселялись в пределах современных Хачмасского и Худатского районов, где возникли селения Гаджимамед-уба, Тирку-лу-уба, Чибан-уба, Наги-уба, Сибир-уба, Агаширин-уба, Ахмед-уба, Гаджиказма, Шариф-уба, Ятаг-уба и др.

²⁶¹ Ю. Д. Дешерисв. Грамматика хиналугского языка. М., 1959, стр. 3.

²⁶² Ш. М. Садиёв. К изучению словарного состава крызского языка. «Известия АН Аз.ССР»,

с азербайджанским населением привели также к лексическим заимствованиям из азербайджанского языка. В крызском языке азербайджанская лексика составляет основную часть словарного фонда²⁶³. Этому способствовала широкая расселенность части носителей крызского языка на равнине среди азербайджанцев. Подобные процессы заимствования протекали и среди хиналугцев, однако в силу большей удаленности от равнинных азербайджанских населенных пунктов этот процесс происходил не так интенсивно. Но и в хиналугском языке большинство слов заимствовано из азербайджанского²⁶⁴.

В советские годы для шахдагских народов были созданы школы на азербайджанском языке, который у этих народов выполняет также функции литературного языка. В наше время, помимо азербайджанских слов, шахдагские языки пополнились заимствованиями из русского языка.²⁶⁵ Таким образом, носители шахдагских языков в большинстве перешли на азербайджанский, однако хиналугский, крызский и будугский языки сохраняются еще в семейном быту значительной части этих народов.

* * *

Как показывают (материалы переписей, у разных групп народа результаты процесса этнической ассимиляции весьма различны: одни утрачивают родной язык и этническое самосознание, другие — лишь родной язык, третьи — сохраняют свой язык, но осознают себя частью другой этнической общности. Например, по переписи 1926 г., в Азербайджанской ССР насчитывалось 1438 тыс. азербайджанцев, в числе которых с родным языком азербайджанским было 1344,4 тыс. человек (93,4%), остальные 6,6% составляли азербайджанцы, считавшие родным языком: татский — 2,6%, лезгинский — 2,2%, талышский — 0,3%. Тем самым численность населения, осознавшего себя азербайджанцами, была несколько выше численности, считавших азербайджанский язык родным.

Показатели по национальной принадлежности и родному языку народов Закавказья (данные переписей населения 1926-1959 гг.)

1926 г.

1954, № 8. Баку, стр. 128.

²⁶³ «Вопросы» диалектологии тюркских языков», стр. 147.

²⁶⁴ Ю. Д. Д е ш е р и е в. Грамматика хиналугского языка, стр. 202.

²⁶⁵ Общественно-политическая, научная терминология, названия профессий, одежды (епке, жикст), блюд (борщ, кофе, кампат) и др. (см.: Ю. Д. Д е ш е р и е в _ Грамматика хиналугского языка стр. 203).

по йациональности	население тыс. чел. В	по языку	население тыс. чел. В
Азербайджанцы	1652,8	азербайджанский	1697,5
Грузины	1798,0	грузинский	1890,1
Армяне	1333,2	армянский	1251,0
Осетины	114,5	осетинский	110,9
Лезгины	40,7	лезгинский	71,6
Абхазы	56,9	абхазский	48,1
Курды	66,7	курдский	31,9
Таты	28,4	татский	73,9*
Талыши	77,3	талышский	80,6

* Таты и татопзычные горские евреи.

1959 г.

по национальности	население тыс. чел. В	по языку	население тыс. чел. В
Азербайджанцы	2755,7	азербайджанский	2744,3
Грузины	2620,9	грузинский	2703,2
Армяне	2436,6	армянский	2286,7
Осетины	143,3	осетинский	122,9
Лезгины	102,2	лезгинский	92,9
Абхазы	62,9	абхазский	60,2
Курды	43,3	курдский	39,4
Таты	5,9	татский	25,0**
Талыши	—	талышский	10,6

** Таты и татоязычные горские евреи.

В связи с этим нередко обнаруживается расхождение в статистических материалах «по национальности» и «родному языку» (см. табл. 4). Как показывают данные 1926 и 1959 гг., численность населения с родным грузинским языком в обеих переписях выше, чем по национальности; разницу соответственно в 92,1 и 82,3 тыс. человек составили мегрелы, сваны, армяне, азербайджанцы Грузии и другие, считающие родным языком грузинский, но сохраняющие свою этническую принадлежность. Среди азербайджанцев, по данным 1926 г., также численность лиц, считающих родным языком азербайджанский, была выше на 44,7 тыс. человек численности азербайджанцев по национальности. В 1959 г., наоборот, численность лиц с азербайджанским родным языком была менее

на 11,4 тыс. человек численности азербайджанцев по национальности (в основном за счет талышоязычных азербайджанцев, насчитывающих 10,6 тыс. чело век). Среди армян наблюдается несколько иная картина: армяноязычное население в обеих переписях меньше численности армян. То же наблюдается и среди других национальностей. Русскоязычное же население превышает число русских по национальности, поскольку некоторые армяне, грузины, азербайджанцы, осетины, лезгины и другие назвали родным языком русский.

Следует отметить, что разница этих двух показателей (по языку и национальности) бывает весьма заметной. Например, по переписи 1926 г., у цахуров Закавказья лиц с родным языком насчитывалось всего лишь

**Язык своей национальности и второй родной язык у народов Закавказья
(по данным переписей населения 1926 и 1959 гг.)**

Народ	1926 г.					
	Всего (в тыс. чел.)	С родным языком				
		Своей националь ности	Грузин- ским	Армян -ским	азерба йджан ским	русс ким
Азербайджанцы	1652,8	1558,8	1,7	0,1	-	0,7
Грузины....	1798,0	1781,9	-	0,1	13,1	2,8
Армяне....	1333,2	1243,5	74,1	-	3,1	9,7
Осетины...	114,5	110,7	3,3	-	-	0,4
Лезгины...	40,7	39,6	-	-	0,8	0,1
Абхазы....	56,9	47,8	9,0	-	-	0,1
Курды.....	66,7	31,0	-	0,1	34,4	0,1
Талыши...	77,3	75,6	-	-	0,3	-
Таты.....	28,4	24,6	-	-	3,1	-
Аварцы....	19,1	18,2	-	-	0,2	-
Цахуры....	15,6	7,4	-	-	8,1	-
Удины.....	2,5	2,4	-	0,1	-	-

Народ	1959 г.					
	Всего (в тыс. чел.)	С родным языком				
		Своей националь ности	Грузин- ским	Армян -ским	азерба йджан ским	русс ким
Азербайджанцы	2755,7	2703,9	0,6	0,4	-	22,0
Грузины....	2620,9	2596,0	-	0,1	0,1	13,7
Армяне....	2436,6	2281,6	44,2	-	1,2	107,9
Осетины...	143,3	122,9	16,9	-	-	12,5
Лезгины...	102,2	91,4	0,2	-	6,2	2,8
Абхазы....	62,9	60,2	1,2		-	1,4
Курды.....	43,3	39,4	0,7	1,1	0,2	1,2
Талыши...	-	.*	-	-	-	-
Таты.....	5,9	3,7	-	-	0,2	1,8
Аварцы....	17,3	13,8	-	-	3,3	0,1
Цахуры....	2,9	2,8	-	-	0,1	-
Удины.....	3,2	3,0	-	-	-	0,2

* 10,6 тыс. азербайджанцев с талышским языком.

38,8%, у курдов — 40,2%, абхазов — 84,1%, осетин — 96,7% и т. п. То же наблюдалось и по переписи 1959 г.: среди осетин доля с родным языком равнялась 85,7%, у аварцев — 87,7%, курдов — 91% (курды Армении и Грузии), абхазов — 95,7% и т. п.

Процессы языковой ассимиляции среди народов Закавказья подтверждаются данными переписей 1926 и 1959 гг. (см. табл. 5). В пределах Азербайджана (у армян, курдов, татов, аварцев и др.) в качестве второго родного языка распространен азербайджанский. В Грузии грузинский язык — второй родной язык многих армян, в основном давних переселенцев, некоторых южных осетин. В целом в Закавказье многими армянами, азербайджанцами, грузинами, осетинами и другими вторым родным языком был назван русский, выполняющий также в крае функции языка межнационального общения.

Данные 1959 г. показывают, что процент лиц с родным языком своей национальности несколько снижается среди армян, живущих за пределами

Закавказья (до 63,6%), у грузин (до 72%), среди абхазов (до 75,3%) и т. п. У лезгин, аварцев, осетин, большая часть которых за пределами Закавказья живет в своих автономных республиках — Дагестанской и Северо-Осетинской, доля населения с родным языком своей национальности, наоборот, возрастает.

***

Таким образом, процессы этнической ассимиляции отдельных групп Закавказья издавна отчетливо прослеживаются в полосе этнических границ и среди населения многонациональных областей и городов. Большую роль в темных подобных процессах играли и играют политические, социально-экономические факторы, наличие письменности на родном языке. В настоящее время на естественный ход таких процессов существенное влияние оказывают широкие экономико-культурные связи, развитие двуязычие. Немалое значение имеет также язык обучения в школе, наличие или отсутствие национальной государственности.

В итоге длительных процессов консолидации и этнической ассимиляции в Закавказье на базе азербайджанского, грузинского и армянского языков формируются крупные этнические общности, включающие не только близко родственные народы, но и группы, различные по языку, происхождению и культуре.

ПРОЦЕССЫ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Взаимодействие культур и языков различных народов применительно к Закавказью следует рассматривать в двух плоскостях; общение закавказцев с окружающими народами и контакты его обитателей внутри региона.

Закавказье, многие века развиваясь в окружении разнообразных культурных миров (Греция, Персия, арабские страны, Турция, Россия и др.), многое восприняло из их культуры и языков. Более всего такого рода влияния заметны в языках народов Закавказья, в лексике которых, помимо исконного словарного запаса, выявляется слой инонациональных заимствований. Последний в различных языках в разных долях включает греческую, арабскую, персидскую, тюркскую лексику. Эти влияния, происходившие в отдельные исторические эпохи, весьма неравноценны по силе воздействия на

языки коренных обитателей Закавказья. Интенсивность воздействия определялась конкретно-историческими условиями жизни взаимодействующих коллективов, их разнообразными контактами, наличием общей этнической границы, а также политическими и религиозными факторами. Политическое влияние Персии и Турции в отдельных областях Закавказья на протяжении многих веков, ассимиляторская политика этих стран в отношении закавказских народов способствовали включению персидско-турецкой лексики, а через последнюю и арабизмов. Персидский и арабский языки длительное время выполняли функции литературных языков у многих народов Закавказья. Однако процесс заимствования в литературных и разговорных языках протекал весьма различно: обычно иноязычные заимствования проникали прежде в разговорную речь, особенно в места смешанного поселения, а затем — уже в литературный язык. Например, в нахичеванском диалекте армянского языка тюркская лексика занимает значительное место, тогда как в армянском литературном языке уже в середине XIX в. существовало стремление к замене тюркской лексики древнеармянскими словами. Таким образом, в диалектах многие иноязычные заимствования, отсутствующие в литературных языках, сохранились до наших дней²⁶⁶.

Влияние русской культуры и русского языка — явление второй половины XIX—XX вв. Сравнительно небольшие группы русских, поселенные в 40-х годах прошлого столетия в селах Бакинской, Эриванской и Тифлиской губерний, не могли оказать значительного влияния на более многочисленное местное население и, сохраняя в целом родной язык и культуру, сами нередко заимствовали отдельные элементы костюма, преимущественно мужского, ряд детских игр, некоторые песни, пословицы и поговорки²⁶⁷. Однако в большинстве своем русское население жило довольно замкнуто, сохраняя обычаи, тип жилья, покроя одежды.

В последней четверти XIX в. имели место факты обратного воздействия русской культуры. В частности, в 1880-е гг. в Ахалкалакском уезде среди местных армян распространились более дешевые и легче строившиеся жилые дома русских духоборов²⁶⁸. В ряде селений в домах местного типа ставились русские печи²⁶⁹.

²⁶⁶ И. К. Кусикьян. Изменения в словарном составе литературного армянского языка в советский период. М., 1964. стр. 12.

²⁶⁷ Т. Степанов. Некоторые туземные игры в г. Ахалцихе Тифлиской губ. СМОМПК, вып. 5, 1886, стр. 209, 212, 221-226; Н. К а л а ш о в. Селение Ивановка Лагичского участка Геокчайского уезда Бакинской губернии, стр. 275; М. Л е к л е р к. Поездка на Арарат. СПб., 1893, стр. 4.

²⁶⁸ Х. А. В е р м и г е в. Указ. соч., стр. 40.

²⁶⁹ Там же.

Преимущественно влияние русского языка и русской культуры сказывалось в основном в городах, особенно в Тифлисе, Кутаисе, Баку, где жило немало русских, и охватывало главным образом социальную верхушку местного населения. «В новом городе,— писал о Тифлисе 1840-х М. Я. Ольшевский,— тасакрави и лечаки, составляющие головной убор грузинок, довольно редки, на чадры же положительное изгнание; чухи и остроконечные бараньи шапки — тоже очень редки... Высшее грузинское или армянское дворянство... усвоило костюм и образ жизни европейский. Совсем другим является в этом отношении старый Тифлис: разноцветные тасакрави, белые лечаки, белые коленкоровые покрывала — «чадры»... Встречаются, чухи и барашковые шапки наподобие персидских, но не столь высокие»²⁷⁰.

В советское время благодаря новым социально-экономическим условиям возможность заимствования, особенно в материальной культуре, значительно расширилась. Например, кедабекские айрумы, свыше 100 лет жившие в соседстве с молоканами и духоборами, лишь в 20—40-е гг. XX в. стали строить дома, как у соседей,— каменные с черепичной крышей²⁷¹.

Влияние русского языка, имевшее место и до Октябрьской революции, в основном усилилось в советское время благодаря тесным повседневным контактам в работе, учебе с русским населением Закавказья. Помимо распространения русского языка в качестве второго, имеет место также процесс заимствования местными языками русских слов. Нередко русские слова проникают прежде всего в разговорную речь, и только позднее они воспринимаются литературным языком²⁷². Под влиянием новых социально-экономических условий в советские годы был дан толчок развитию в закавказских языках новой лексики: появились новые слова и политические, технические, научные, медицинские, искусствоведческие и другие термины из русского языка или, через него, из других языков²⁷³.

Лингвистические исследования показали, что русские слова, вошедшие в лексический фонд закавказских языков до Октябрьской революции, приспособились к фонетике местных языков²⁷⁴, тогда как слова, заимствованные в советское время, сохраняют фонетику русского языка²⁷⁵.

Наблюдается также и обратное явление: влияние местных языков на

²⁷⁰ М. Я. Ольшевский. Кавказ с 1841 по 1866 г. «Военный сборник», т. 82. СПб., 1894, стр. 87.

²⁷¹ К. Т. К а р а к а ш л ы. Указ. соч., стр. 279.

²⁷² И. К. К у с и к ъ я н. Указ. соч., стр. 119.

²⁷³ Там же, стр. 120.

²⁷⁴ Например, в азербайджанском языке: нумра (номер), эрент (аренда), фантал (фонтан) и т.

п.

²⁷⁵ А. Г. В е л н е в. Говоры западных районов Ашперонского полуострова. Автореф. канд. дисс. М., 1952, стр. 13

русский. Например, значительны заимствования из азербайджанского языка в русских говорах жителей сел. Славянка, Ново-Саратовка, переселившихся в Азербайджан в середине прошлого века. К числу заимствований относятся термины родства, ряд терминов по животноводству, название настбищ, блюд и пр.²⁷⁶

Таким образом — налицо процесс взаимовлияния русского с коренными языками Закавказья. Однако характер заимствования в этих языках различен: из русского в закавказские языки вошла в основном политическая и научно-техническая терминология, из коренных языков в русский — преимущественно так называемые этнографизмы: названия частей костюма, национальных блюд, топонимика и пр.

В результате многовековых разнообразных форм общения населения Закавказья на этой территории создалась значительная культурная общность. Однако уже отмечалось, что не всегда общие формы и явления в культуре закавказских народов — результат отдельных проникновений, а скорее следствие общей культурной подосновы²⁷⁷. Ряд исследователей на материалах закавказского и общекавказского жилища подтвердили эту важную мысль²⁷⁸. Множество примеров однотипности в обычаях, верованиях, фольклоре народов Закавказья дают другие этнографические материалы: некоторые виды пахотных орудий, молотильные катки, молотильная доска, общее в покрое одежды, обычаи взаимопомощи, люлечного обречения, обычаи избегания, обряд вызывания дождя и т. д.²⁷⁹

Однако некоторые явления в духовной и материальной культуре, языках возникли у народов Закавказья вследствие разнообразных контактов. В предшествующих разделах работы приходилось уже отмечать сильное влияние грузинской культуры на бацбийцев, кистин, азербайджанской — на шахдагские народы, лезгин и т. п.

То же наблюдается и в языке. Как правило, в областях смешанного

²⁷⁶ Ю. Д. Дет ери ев. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе, стр. 152, 153.

²⁷⁷ И. И. Мещанинов. Доисторический Азербайджан и Урартская культура. «Известия Общества обследования и изучения Азербайджана», № 2, 1936.

²⁷⁸ В частности, М. Ильина писала, что «жилище с деревянным ступенчатым сводом (дарбази, глхатун, карадам) является не узконациональным — грузинским или армянским, а характерным для всех племен древнейшего Закавказья» (см.: М. Ильина. Древнейшие типы жилищ Закавказья. М., 1946, стр. 14). По этому вопросу см. также: Т. А. Чпкованп. Из истории народного жилища Закавказья (историко-этнографическое исследование). Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).

²⁷⁹ Чурсин. Армяне Зангезура, стр. 237—240, 242; А. Г. Трофимова. Из истории религиозных обрядов вызывания дождя и солнца у народов Южного Дагестана и Азербайджана. «Азербайджанский этнографический сборник», вып. 2, 1966, стр. 97-111.

расселения и на стыке этнических границ налицо процессы взаимодействия языков двух народов, причем обычно в языке одного из них параллельно с развитием двуязычия наблюдаются иноязычные заимствования. Например, азербайджанский язык на территории Азербайджана оказал большое влияние на лезгинский, удинский, армянский; за его пределами — на языки народов Южного Дагестана. Известно влияние на абхазский картвельских языков²⁸⁰, грузинского — на ингушский и осетинский и т. п.²⁸¹ Однако характер и интенсивность влияния названных языков менялись в разные исторические эпохи. Так, в Азербайджане азербайджанский язык для населявших его народов издавна служил языком общения, а в наши дни — это также язык школы, радио, печати. Он выполняет функции литературного языка для всех народов республики. Все это, естественно, способствует проникновению в языки этих народов азербайджанской лексики²⁸².

Наблюдаются также и более локальные влияния — преимущественно между отдельными диалектами и говорами различных языков, носители которых, живущие длительное время рядом, имеют разнообразные формы общения. Например, среди азербайджанского населения Басаргечарского района Армянской ССР заметна утрата некоторых азербайджанских слов и замена их армянскими, так же как и в армянском языке местных жителей наблюдается замена трудных армянских слов азербайджанскими, получающими армянские окончания²⁸³. В говоре с. Мюршодоба Хачмасского района Азербайджанской ССР, где в северной части живут азербайджанцы, в средней — лезгины, а в южной — таты, наблюдаются взаимодействия языков трех совершенно различных типов²⁸⁴.

Национальная консолидация, многоязычие, языковая и культурная ассимиляция и другие разнообразные по формам и направлениям этнические

²⁸⁰ Ш. Д. Инал-Ипа. Указ. соч., стр. 56. Автором отмечаются также факты обратного влияния абхазского языка на картвельские языки, существовавшие к далекому прошлому (там же, стр. 56, 57).

²⁸¹ В. И. Абаев. Осетино-вейнахские лексические параллели. «Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы», т. 1, вып. 2, 1959, стр. 115—117; Ю. Д. Дешерев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков, стр. 28—29.

²⁸² Р. И. Гайдаров. Лексика лезгинского языка. Махачкала, 1966, стр. 193-195; Г. Ворошил. Об азербайджанско-удинских языковых взаимоотношениях «Известия АН Лзерб.ССР» (серия литературы, языка и искусства), X» 3, 1966, стр. 7. Б. В. Миллер. Предварительный отчет о поездке в Талыш, стр. 35.

²⁸³ З. М. Веллев. Азербайджанские говоры Васаргечарского района Армянской ССР. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1955, стр. 28.

²⁸⁴ «Вопросы диалектологии тюркских языков», стр. 148.

процессы, происходившие и происходящие в Закавказье, являются результатом длительных экономических, политических и культурных контактов различных народов, преимущественно имеющих общую этническую границу. В прошлом немалую роль в возникновении, усилении или ослаблении такого рода процессов играли также факторы религиозного порядка.

Естественно, что в разные исторические эпохи и под влиянием различных обстоятельств изменялись характер и интенсивность этнических процессов, нередко изменялось и их направление.

В наши дни национальные взаимоотношения в СССР характеризуются все более усиливающимся сближением народов Советского Союза, возникновением и развитием общих форм культуры и норм быта²⁸⁵. Основу этого процесса в Закавказье, как и в других областях нашей страны, создают крепнущие связи закавказских народов в самых различных сферах хозяйства и общественной жизни.

Л. И. ЛАВРОВ

КАРАЧАЙ И ВАЛКАРИЯ ДО 30- х ГОДОВ XIX в.*

В высоких горах центральной части Северного Кавказа обитают два родственных народа — карачаевцы и балкарцы. Они говорят на наречиях одного и того же карачаево-балкарского языка, имеют общее происхождение

---

²⁸⁵ См.: В. К. Гарданов, Б. О. Лолгих и др. ЖПоп., - ления этнических процессов у народов СССР. «Сов. этнография», 1961, № 4.

* Предлагаемая работа имеет сложную историю. В основе ее лежит рукопись, представленная автором Кабардино-Балкарскому научно-исследовательскому институту в конце 1940 г. Судьба ее осталась неизвестной. Авторский экземпляр рукописи погиб в 1942 г. в блокированном Ленинграде, а третий экземпляр, оказавшийся в Пятигорске у проф. В. И. Филоненко, был возвращен автору в 1957 г., когда последний представил Кабардино-Балкарскому научно-исследовательскому институту уже новый вариант этой же работы, составленный по сохранившимся черновикам. Однако и новому варианту не суждено было выйти в свет по причинам, не зависящим от автора.

Несмотря на неудачно сложившуюся судьбу рукописи, все же содержащиеся в ней материалы и выводы частично вошли в научный обиход, так как были учтены в работах некоторых авторов, знакомых до этого с двумя ее вариантами.

Книги, брошюры и статьи, изданные в послевоенные годы, уже разъяснили многое в истории Карачая и Балкарии. Особенно это относится к новейшей их истории. Поэтому автор решил ограничиться публикацией лишь тех глав своей заново переработанной и дополненной работы, которые посвящены истории Карачая и Балкарии до фактического вхождения их в состав России. Этот период до сих пор остается наименее изученным.

и взаимосвязанную историю.

Однако разный характер экономических связей в условиях территориальной разобщенности объясняет причину, почему одна часть этого, некогда единого, народа вошла в состав населения Кабардино-Балкарской АССР, другая — Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края.

Нет у них и общего самоназвания, если не считать слова таулула, т. е. горцы, каким они отличают себя от жителей степной полосы. Русские названия этих народов происходят от самоназваний кьарачайлыла и малкьарлыла, причем последнее вошло в русский язык через кабардинский, где оно звучит бэлькьэрхэ (ед. ч. бэлькьэр). В прошлом у балкарцев не было общего названия. Термин малкьарлыла относился лишь к населению ущелья р. Восточный Черек (так называемое Балкарское ущелье). Жителей других ущелий Балкарии именовали: бизингиевцами {бызынгычыла — в верховьях р. Западный Черек), хуламцами (холамлыла — по среднему течению р. Западный Черек), чегемцами (чегемлиле — в Чегемском ущелье) и урусбиевцами (бакьсанчыла — в Баксанском ущелье, которым владели феодалы Урусбиевы). Печать и официальные документы дореволюционного времени называли балкарцев и их страну «горскими татарами» и «горскими обществами Кабарды».

В начале XIX в. карачаевцев и балкарцев было не более 18 тыс. человек. В 1866 г. карачаевцев насчитывалось 13,4 тыс. и балкарцев — 10,1 тыс. человек. В дальнейшем численность их соответственно выражалась, следующими цифрами: в 1897 г. — 27,0 и 23,1 тыс. человек, в 1926 г. — 55,1 и 33,3 тыс., в 1939 г. — 75,7 и 42, 6 тыс. и в 1959 г. — 81,4 и 42,4 тыс. человек. Таким образом, за 150 лет численность обоих народов увеличилась более чем в 6 раз, причем особенно быстрые темпы роста численности наблюдались у карачаевцев.

В лингвистическом отношении карачаевцы и балкарцы относятся к тюркской группе и находятся в ближайшем родстве с кумыками Дагестана. Тем самым они резко отличаются от своих соседей, которые говорят на языках исконно кавказских (сваны, кабардинцы, черкесы, абазины и абхазцы) и иранском (осетины). Но антропологически и этнографически карачаевцы и балкарцы имеют много общего с окружающими их народами.

До монгольского нашествия (XIII в.) на территории Карачая и Балкарий жили аланы. Это был многочисленный народ, заселявший значительное пространство степей Северного Кавказа и горной полосы, от нынешней Чечни до верховьев р. Лабы в Краснодарском крае. Источники того времени знают алан также на севере Дагестана, на Дону, на юге Украины, в Крыму и в Средней Азии. Аланские отряды проникали в Иран, Армению, на Балканы, в Венгрию, в Западную Европу до Испании включительно и даже в

Северную Африку. Мелкие группы аланского населения или наемные отряды из этого народа упоминаются в Китае.

Первое упоминание об аланах относится к I в. н. э., но заселение ими горной полосы Центрального Кавказа произошло, очевидно, около IV в., когда в степях Предкавказья на них напали гунны. Основная масса алан говорила на языке, похожем на осетинский. Так как язык древних сарматов и еще более древних скифов сходен с аланским и осетинским, то не исключено, что под всеми этими исторически сменявшимися друг друга названиями скрывается если не одно и то же население, то, во всяком случае, близко родственные этнические образования, известные в Восточной Европе с начала I тысячелетия до н. э. К этому же кругу народов В. И. Абаев относит киммерийцев и считает, что лингвистические материалы позволяют говорить о присутствии ираноязычного населения в Восточной Европе уже со II тысячелетия до н. э.²⁸⁶

Главным занятием алан было скотоводство, в горах и предгорьях — огненного типа, а в степях — кочевого. Немаловажное значение имело разведение лошадей. Наряду со скотоводством большую роль играло пашенное земледелие при оседлом характере поселения. Следы древней обработки полей, найденные на р. Гунделен и в верховьях р. Баксана, археологи склонны относить к аланскому времени²⁸⁷. К тому же времени относятся наиболее ранние находки в Кабарде вращающихся жерновов²⁸⁸. Есть сообщение, что аланы выращивали просо²⁸⁹. По словам Аммиана Марцеллина (IV в.), аланы занимались также охотой²⁹⁰. Предполагают, что в это время в Баксанском ущелье производилась добыча (у горы Тешик-алды) и выплавка меди (на р. Тютю)²⁹¹.

Аммиан Марцеллин передает, что аланы — воинственны, не знают оседлости, занимаются кочевым скотоводством и охотой, не знают рабства и вообще классовой дифференциации и, подобно скифам, поклоняются мечу²⁹².

Совершенно другое говорит о кавказских аланах в X в. Мас'уди. По

²⁸⁶ В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. М., 1965, стр. 120—127.

²⁸⁷ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. «Материалы и исследования по археологии СССР». М.—Л., 1941, № 3, стр. 25.

²⁸⁸ Там же, стр. 26.

²⁸⁹ Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгров. «Записки императорского Одесского общества истории и древностей», т. V. Одесса, 1863, стр. 1000.

²⁹⁰ В. В. Латышев. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. II, вып. 2. СПб., 1906, стр. 341.

²⁹¹ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 25.

²⁹² В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 340—342.

его словам, они живут оседло, в многочисленных и близко расположенных друг к другу селениях, имеют крепости, исповедуют христианство, возглавляются царем, который носит титул Кркндадж и попеременно проживает то в своем столичном городе Магас, то в других местах²⁹³. Разницу в показаниях Аммиана и Масуди можно объяснить, с одной стороны, тем, что первый чрезмерно архаизирует быт этого народа, а с другой — несомненным прогрессом аланского общества в IV—X вв. Картина, нарисованная Мас'уди, в общих чертах подтверждается другими источниками второй половины I и начала II тысячелетия н. э.

Установилось мнение, что к X в. у кавказских алан появилось централизованное государство во главе с князем (царем), имевшим свою столицу. Но наличные источники не дают права усматривать какой-то «скачок» в развитии социальных отношений у алан в X в. В частности, сведения об аланских «царях», игравших видную роль в международных отношениях, и о том, что их резиденция находилась примерно в тех же местах, где существовала аланская столица в X в., встречаются много раньше. 'Цари» кавказских алан упоминаются в грузинской летописи начиная с рубежа I—II вв. н. э.²⁹⁴ О них же говорят авторы V²⁹⁵ и VI вв.²⁹⁶, причем Менандр (VI в.) указывает резиденцию аланского «царя» Саросия, или Сародия, на пути из Северного Кавказа к перевалам, соединяющим верховья р. Кубани с Абхазией²⁹⁷. Именно там же находилась столица аланских князей в X—XI вв. Во всяком случае, церковный центр Алании (кафедра Аланской епархии) едва ли был далеко от ее политического центра. Находка руин кафедрального собора X—XI вв. в верховьях р. Б. Зеленчук²⁹⁸ доказывает, что это был центр Аланской епархии.

«Средневековая Алания,— говорит З. Н. Ванеев,— не была прочно сложившимся государством с устойчивой централизованной властью. Существование ее не было продолжительным»²⁹⁹.

Расцвет Аланского княжества падает на X—XI вв. Он совпал с ослаблением власти Багдадского халифата над его кавказскими владениями и разгромом Хазарского каганата киевским князем Святославом. В течение XII

²⁹³ Мас'уди о Кавказе. См.: В. Ф. Минорский. История Шпрваиа и Дербенда. М., 1963, стр. 204, 205.

²⁹⁴ М. Г. Джанашивили. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее — СМОМПК), вып. 22. Тифлис, 1897, стр. 16.

²⁹⁵ «История Армении Моисея Хоренского». М., 1893, стр. 98, 99.

²⁹⁶ «Византийские историки». СПб., 1860, стр. 321, 383.

²⁹⁷ Там же, стр. 383

²⁹⁸ Из путевых заметок епископа Владимира о Северном Кавказе. «Русский архив», 1904, № 4, стр. 681, 682.

²⁹⁹ З. Н. Ванеев. Средневековая Алания. Сталинир, 1959, стр. 162.

— начала XIII вв. наступает медленный распад Аланского княжества. Юлиан, посетивший Аланию перед монгольским нашествием, писал, что в этой стране «сколько местечек, столько князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь постоянная война князя с князем, местечка с местечком»³⁰⁰.

Попытка алан сплотиться и в союзе с половцами противостоять монгольскому нашествию в 1223 г. окончилась отказом половцев от этого союза и разгромом монголами сперва алан, а потом половцев.

Аланы находились в тесных контактах с Византией, Русью, Хазарией, Грузией, Арменией, Ираном и другими государствами. При содействии абхазского князя Георгия в 921—925 гг. верхушка Аланского княжества приняла из Византии христианство православного толка³⁰¹. Это сопровождалось строительством значительного числа каменных храмов в византийском архитектурном стиле, распространением грамотности на греческом языке и первыми попытками создания национальной письменности на основе греческого алфавита. Наибольшее число аланских памятников христианства сохранилось в верховьях р. Кубани и обоих Зеленчуков, т. е. там, где был политический и церковный центр Алании. Среди этих памятников находятся христианские могилы, каменные кресты, греческие надписи и, наконец, большие и малые храмы. На стенах некоторых храмов имеются остатки фресковой живописи.

Христианство распространялось у алан хотя и быстро, но не всегда гладко, а главное, оно не смогло вытеснить древние местные верования. В 30 или в самом начале 40-х гг. X в. аланы даже прогнали было епископа и священников, присланных из Византии³⁰².

В X в. некоторая часть алан, подобно хазарам, исповедовала не христианство, а иудейскую религию. На территории Карачая в XI в. были мусульмане³⁰³. Аланский епископ Федор в первой половине XIII в. писал, что его паства по-прежнему поклоняется языческим «демонам на высоких местах» и вообще «аланы — христиане только по имени»³⁰⁴.

«Дохристианская религия алан,— утверждает В. И. Абаев,— представляла синтез двух элементов: дозороастрийского иранского (с рядом специфических черт, характерных для скифо-массагетской группы) и суб-

³⁰⁰ «Рассказ римско-католического миссионера...», стр. 999.

³⁰¹ Ю. А. Кулаковский. Христианство у алан. «Византийский временник», т. V. вып. 1—2. СПб., 1898, стр. 3—7.

³⁰² Мас'уди о Кавказе см.: В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, стр. 204.

³⁰³ Л. И. Ларов. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. Т. М., 1966, стр. 174.

³⁰⁴ «Епископа Федора «Аланское послание». «Записки императорского Одесского общества истории и древностей», т. XXI, 1898, стр. 26.

стратного кавказского, который стал проникать в религию алан с момента их появления на Кавказе, т. е. с первых веков и. э. Зороастризм не оставил в религии алан сколько-нибудь заметных следов»³⁰⁵.

Сохранилось большое число городищ, селищ и могильников аланского времени. Городища расположены главным образом в тех местах, где степь близко подходит к горам. Они окружены рвами и состоят из двух, а иногда нескольких частей, отделенных друг от друга рвами. Одна из частей, обычно меньшая и высокая, служила цитаделью. В долинах р. Баксана и р. Нальчика обнаружены целые системы оборонительных сооружений, состоящие из городищ и фортов, находящихся на расстоянии зрительной связи друг с другом. Большое число городищ, трудоемкость, необходимая для прорытия широких и глубоких (до 12 и более метров) рвов, а также значительная площадь ряда городищ доказывают многочисленность аланского населения. О том же говорят могильники V—XII вв., которых немало известно в горной и предгорной полосе. В аланских погребениях находят много золотых вещей. А. А. Иессен пишет, что «такого значительного количества золота не находилось в быту местного населения ни в какую другую эпоху его исторического прошлого»³⁰⁶. Это было проявлением того, что верхушка общества сосредоточила в своих руках значительные богатства.

Аланы заселяли всю горную полосу Кабардино-Балкарской АССР и значительную часть Карачаево-Черкесской автономной области. До сих пор многие вершины, перевалы, урочища и речки в горах носят аланские (древнеосетинские) названия. Не исключено, что аланское население в горах сохранялось еще долго после того, как на плоскости во второй половине XIII в. оно уступило место кабардинцам. Не исключено также и то, что аланское население гор было не вытеснено новыми пришельцами (тюркоязычными народами), а ассимилировано последними³⁰⁷.

Крупнейшим событием в истории Азии и Восточной Европы явилось нашествие монголов в XIII в.

Посланная Чингисханом армия опустошила в 1221 г. Закавказье и

³⁰⁵ В. И. Абаев. Дохристианская религия алан. «XXV Международный конгресс лостоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, стр. 17.

³⁰⁶ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 26.

³⁰⁷ Подробнее об аланах см.: Б. Скитский. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. XI. Дзауджикау, 1947, стр. 30—69; «История Северо-Осетинской АССР». М., 1959, стр. 31—87; З. Н. Ванеев. Указ. соч.; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. «Материалы и исследования по археологии СССР», 1962. № 106; Ю. С. Гаглойти. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966; Е. П. Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. «Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института», вып. V. Ставрополь, 1966.

прорвалась через Дербент на Северный Кавказ. При помощи хитрости им удалось расколоть военный союз алан и половцев и разгромить тех и других порознь. Потом монголы проникли в Крым (очевидно, через Керченский пролив) и, выйдя в Южно-Русскую степь, в 1223 г. нанесли тяжелое поражение объединенным русско-половецким войскам на р. Калка. После этого они ушли за Волгу и до 1235 г. не тревожили народы Восточной Европы и Кавказа. Спустя 15 лет монголы по приказу Бату приступили к систематическому завоеванию Северного Кавказа. Первый удар они нанесли адыгам. В результате этого похода адыги были покорены. Такой вывод вытекает из сообщения ряда источников. В 1239 г. монголы воевали на территории Центрального Кавказа. После полуторамесячной осады они взяли и разрушили бывшую столицу кавказских алан г. Макас (иначе Магас). Потом они обратились против Дагестана³⁰⁸.

Военные действия, проводившиеся монголами в 1238—1240 гг. на Северном Кавказе, привели к захвату ими целого ряда ключевых позиций в этом крае, но не к утверждению своей власти над местным населением. Используя горную местность и искусственные укрепления на равнинах, юно оставалось независимым или только временно покорялось игу завоевателей.

После овладения Дербентом монголы прилагали усилия для захвата второго важного прохода в Закавказье — Дарьяльского ущелья, которым владели аланы. Этим, кажется, и нужно объяснить особое упорство монголов в борьбе с аланами. Борьба эта растянулась на многие годы и привела к тому, что аланы вынуждены были окончательно оставить предгорья и укрыться в горах. Плано Карпини рассказывает, что в 1246 г. пошел 12-й тод с начала осады монголами какой-то горы у алан, и монголы все еще не могут взять ее³⁰⁹. По словам Рубрука, в 1253—1255 гг. аланы продолжали мужественно сопротивляться монголам³¹⁰.

«Гора», из-за которой, согласно Плано Карпини, шла длительная война, являлась, возможно, тем аланским городом, который в русских летописях именуется Тетяковым или, иначе. Дедяковш. Для овладения им хан Менгу-Тимур в 1277 г. собрал огромное войско. В составе последнего были и русские князья с дружинами, явившиеся по приказу хана. Дедяков был взят и сожжен, но в следующем году Менгу-Тимуру снова пришлось посылать на

³⁰⁸ Л. И. Лавров. Нашествие монголов на Северный Кавказ,— «История СССР». М., 1965, № 5, стр. 98—102; он же. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. I, стр. 185—188.

³⁰⁹ И. де План о Карини. История монголов и В. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911, стр. 42.

³¹⁰ Там же, стр. 88, 89, 169.

штурм этого города свои разноплеменные войска³¹¹ „События 1277—1278 гг.— это случайно сохранный летописью лишь один из эпизодов вытеснения алан монголами из северокавказских предгорий.

Монгольское нашествие положило конец половецкому господству на Северном Кавказе, и многие народы поставило под иго сперва Золотой Орды, а потом Крымского ханства. Монгольский погром внес коренные изменения не только в политическую, но и в этническую карту Северного Кавказа. Степные просторы, на которых кочевали половцы и аланы, превратились в кочевья татар. Спасшиеся от погрома половцы и аланы бежали в горы, где смешались друг с другом и образовали новые народы карачаевцев и балкарцев. Переселение на восток части адыгов положило начало кабардинскому народу, а покинутую адыгами часть земли за Кубанью заняли пришедшие с Черноморского побережья абазины.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

У карачаевцев и балкарцев не было собственных хроник и летописей, поэтому до недавнего времени они вынуждены были удовлетворяться преданиями и песнями исторического содержания. Передаваясь из уст в уста, предания и песни с течением времени подвергались значительным изменениям, затемнявшим и искажавшим первоначальное содержание. Среди преданий были и рассказывавшие о происхождении этих народов, причем в каждом ущелье существовали свои этногенетические предания, часто противоречащие друг другу.

Жители Балкарского ущелья рассказывают, что первоначально в этом ущелье существовал только один поселок, населенный народом «таулу» (горцами), которых считают сванами или осетинами. Потом здесь поселился охотник Малкар, затем выходец из Кумыкии или Маджар некий Мисака и, наконец, Басият, который пришел из Крыма или Золотой Орды. Потомство всех их как будто бы и образовало население Балкарского ущелья³¹².

---

³¹¹ «Полное собрание русских летописей», т. I. вып. 1, изд. 2 Л 1926 стр 575-т. VII. СПб.. 1856, стр. 173, 174; т. X, 1885, стр. 155.

³¹² В. Ф. М и л л е р. Сообщение о иездке в горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883

По мнению многих стариков, Балкарское ущелье является старейшим поселением балкарцев, откуда они постепенно заняли другие ущелья.

Фамильное предание чегемских таубиев выводит их род от выходца из убыхов или абадзехов, который застал уже в Чегемском ущелье балкарское население³¹³

Баксанское ущелье, по преданиям, сперва было заселено карачаевцами. После переселения их к верховьям Кубани сюда явился князь Урусбиев со своими подданными. Урусбиев был выходцем из Восточной Балкарий и принадлежал к фамилии Суншевых³¹⁴. Ниже увидим, что предание это основано на реальных фактах, которые имели место в XVIII в.

Карачаевцы рассказывают, что получили свое название от некоего Карчи, который вывел свой народ из Крыма или же из Золотой Орды и поселил его сперва на Баксане, а потом он и его люди обосновались в верховьях р. Кубани³¹⁵.

Среди историков, этнографов, языковедов, археологов и антропологов нет единодушного мнения о происхождении карачаевцев и балкарцев.

Гипотезы о гуннском³¹⁶, чешском³¹⁷, татаро-ногайском³¹⁸,

года. «Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества» (далее — ИКОРГО), т. VIII. Тифлис, 1884, стр. 200; о и же. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды, «Материалы по археологии Кавказа», вып. I. М., 1888, стр. 72, 73, 78-80, 83, 95; Н. Х а р у з и н. По горам Северного Кавказа. «Вестник Европы», 1888, т. VI, кн. 11, стр. 188; М. М. К о в а л е в с к и й. Закон и обычай на Кавказе, т. I. М., 1890, стр. 191; Н. Т у л ь ч и н с к и й. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области. «Терский сборник», т. VI. Владикавказ, 1903, стр. 313, 314;

³¹³ Б. Л. Л а н г е. Балкария и балкарцы. «Кавказ», 1903, № 283; М. К. А б а е в. Балкария. «Мусульманин», 1911, № 14—17; Т. Х. Кумыков. Этногенез балкарского и карачаевского народов в исторической литературе. «Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов» (далее — МНС). Нальчик, 1960, стр. 33, 34; С. К. Б а б а е в. О происхождении балкарцев и карачаев-дев. МПС, стр. 61, 62; «Очерки истории балкарского народа». Нальчик, 1961, стр. 27.

³¹⁴ С. У р у с б и е в. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области. СМОМПК, выи. 1, 1881, стр. 27—36; В. М н л л е р, М. К о в а л е в с к и й. В горских обществах Кабарды. «Вестник Европы», 1884, кн. 4, стр. 562—568; Н. Т у л ь ч и н с к и й. Поэмы, легенды, песни..., стр. 309—312.

³¹⁵ М. А. И в а н о в. В ущелье р. Баксапа. ИКОРГО, т. XV, 1902, № 1, стр. 17; М. К. А б а е в. Указ. соч., стр. 591; Х. О. Л а й п а н о в. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957, стр. 29.

³¹⁶ Гр. П е т р о в. Легенды и древние постройки к Карачае. «Кубанские областные ведомости», 1879, № 40; он же. Верховья Кубани — Карачай. «Памятная книжка Кубанской области на 1880 г.». Екатеринодар, 1880, стр. 126; М. А л е й н и к о в. Карачаевские сказания. СМОМПК, вып. 3, 1883, стр. 164—168; В. Я. Т е п ц о в. По истокам Кубани и Терека. СМОМПК, вып. 14, 1892, стр. 92—95. С. Н а К п. Каиказ езде

туркменском³¹⁹, угрском³²⁰, зихском³²¹ и брухском³²² происхождении этих народов в настоящее время уже не находят сторонников.

Гораздо устойчивей оказалась концепция Н. Я. Марра, который причислял карачаевцев и балкарцев к исконному населению горной полосы Центрального Кавказа. Это население, по его мнению, прежде говорило на одном из кавказских (яфетических) языков, который в процессе социально-экономического прогресса трансформировался и принял тюркский облик. Сопоставляя случайные факты из разных, часто очень далеких языков, он приходил к выводу о родстве карачаевцев и балкарцев со сванами, хевсурами, абхазцами, чувашами и древними савроматами (которых, он отличал от сарматов)³²³. Таким же путем его некоторые последователи

1896, 5. 76; А. Дьячков - Тарасов. Заметки о Карачае и карачаецах. СМОМПК, вып. 25, 1898, стр. 54, 55, 62—65; М. В. Орлов. Возможна ли частная земельная собственность в Карачае? «Известия Общества любителей изучения Кубанской области» (далее— ИОЛИКО), вып. III, 1902, стр. 168; П. С. Иваненков. Карачаевцы. ИОЛИКО, вып. V, 1912, стр. 25, 26; И. С. Щукин. Материалы для изучения карачаевцев. «Русский антропологический журнал», 1913, № 1-2, стр. 35, 36; В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. СМОМПК, вып. 43, 1913, стр. 136, 137; У. Алиев. Карачай. Ростов-на-Дону, 1927, стр. 34—38; Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию-«Сов. этнография», 1939, II, стр. 175; Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев, стр. И, 12; Т. К. Шейблер. Выступление. МНС, стр. 292.

³¹⁷ А. Ламберт и. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. СМОМПК, вып. 43, 1913, стр. 192; Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг. «Кавказский вестник», 1900, № 8, стр. 100.

³¹⁸ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, стр. 49.

³¹⁹ А. Силяев I a I, Везеп сшгеп ВиШапа ипа Iгп СаисазIзспеп Себиг§с, I. 8РЬ., 1787, 8. 460; Е. В. Сталь. Этнографический очерк черкесского народа «Кавказский сборник» (далее — КС), т. ХХТ. Тифлис, 1900, стр. 93; Горские племена, живущие за Кубанью. «Кавказ», 1850. № 94; «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (далее — Акты КАК), т. VII. Тифлис, 1878, стр. 830; А-д Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии.— «Военный сборник», т. XI. СПб., 1860, стр. 287, 288; Л. П. Загурский. Этнологическая классификация кавказских народов. «Кавказский календарь на 1888 г.». Тифлис, 1887, стр. 12; В. М. Сысоев. Указ. соч., стр. 46, 47; А. Н. Дьячков-Тарасов. О задачах этнографии в деле изучения горских племен Кубанской области. ИОЛИКО, вып. 1, 1899, стр. 8;

³²⁰ И. С. Щукин. Указ. соч., стр. 38, 39; Л. Ладыженский. Кабардинцы и балкарцы. «Вестник знания». 1937, № 8, стр. 38; П. Г. Акритас. Древнейшее название горы Бештау. «Сб. статей по истории Кабарды», вып. 3. Нальчик, 1955, стр. 213; Х. А. Поркшян. Происхождение балкарцев и карачаевцев в свете летописи Хачатура Кафаца. МНС, стр. 170-185.

³²¹ Н. Л. Вырубов. Отчет о поездке на Кавказ летом 1890 г. «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. БХУШ. М., 1890., стр. 345.

³²² Акты КАК, т. II, 1808, стр. 957.

³²³ А.Сиепазов Указ. соч., 8. 462; P. 3. Palla. Ветегкшщепег КсIяе т (Не зйсШсплп 8IaI1Baller8cIт.аНеп дез Нийзспеп Кекпз п Iапгеп 1793 ипсI 1794, Ви. I. TeIп2Iд. 1799, 8. 409; С. Бровенский. Новейшие географические и

видели в карачаевцах и балкарцах «отуреченных яфетидов», савиров, болгар, алан и одновременно с этим генетически связывали их с кабардинцами, средневековыми кабарамы, аварами, иберами, обезами, древними славянами и т. д.³²⁴

С незначительными изменениями марровской концепции придерживается большинство современных авторов, пишущих о карачаево-балкарском этногенезе. Они утверждают, что эти народы произошли от кавказских аборигенов (носителей кобанской культуры в эпоху бронзы), смешавшихся с аланами, болгарами и половцами³²⁵.

В настоящее время имеются сторонники и старой гипотезы происхождения карачаевцев и балкарцев от средневековых болгар³²⁶ и новой, которая считает оба названные выше народа, потомками алан или ассов, говоривших якобы на тюркском языке³²⁷.

Наконец, ряд авторов придерживается взгляда, что карачаевцы и балкарцы произошли от половцев, которые, возможно, смешались с аланами³²⁸.

исторические известия о Кавказе, т. II. М., 1823, стр. 219.

³²⁴ Б. Е. Д с г с н - К о в а л е в с к и и. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. «Известия государственной Академии истории материальной культуры», выи. НО. М.—Л., 1935, стр. 27.

³²⁵ Н. Я. М а р р. Кавказские илемеипые названия и местные параллели. Пг., 1922, стр. 11—14; о н ж с Избранные работы, т. I. Л., 1933, стр. 305; т. IV, 1937. стр. 190, 197, 200; т. V. 1935, стр. 104, 445.

³²⁶ А. Б о р о в к о в. Карачаево-Балкарский язык. «Яфетический сборник», VII. Л., 1932. стр. 52, 54; Л. А. Д о б р у с к и н. Кабардино-Балкарская АССР. БСЭ, т. XXX, 1937, стр. 409.

³²⁷ Е. И. К р у п н о в. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. стр. 396; ТХ. К у к ы к о в. Указ. соч., стр. 37; Е. П. А л е к с е е в а. Некоторые замечания по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев по данным археологии. МНС, стр. 105—107; о н а ж е. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1900. стр. 12, 13, 27, 29—34; о н а ж е. Археологические раскопки в районе села Верхний Чегем в 1959 г. «Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии», вып. IX. Нальчик. 1961, стр. 203, 204; о н а ж е. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963; о н а ж е. Памятники меотской и сарматско аланской культуры Карачаево-Черкесии. «Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института», вып. V, 1900, стр. 234; В. П. А л е к с е е в. Антропологические данные к проблеме происхождения центральных предгорий Кавказского хребта. «Антропологический сборник», IV. М., 1963, стр. 56—64; о н ж е. Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии. МНС, стр. 322, 323, 333; выступления на сессии в Нальчике М. М. Дораева, З. М. Улакова, П. Г. Акритаса, И. Л. Ульбашева, А. В. Фадеева и Г. К. Джапберидзе. МНС. стр. 226. 227. 273—279, 281, 295; «Очерки истории балкарского народа». Нальчик, 1961, стр. 21—25; И. В. Тресков. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1903. стр. 93; доклады и выступления В. П. Алексеева, Ш. Д. Инал-Ипы, Е. П. Алексеевой, Т. Х. Кумыкова и др. на сессии в Орджоникидзе. См.: «Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин». Орджоникидзе, 1907, стр. 171, 215—225, 255—257, 304—305 и др.; «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. I. Ставрополь, 1967, стр. 111, 112; «История Кабардино-Балкарской АССР», т. I. М., 1907, стр. 72—75.

³²⁸ Н. Х о д н е в. Заметки о древних названиях кавказских народов. «Кавказ»,

Причину существующего разнобоя во взглядах на указанную проблему следует искать не столько в отсутствии достаточного количества полноценных источников, сколько в слабой методике многих исследований. Поэтому, прежде чем излагать свою точку зрения на этногенез карачаевцев и балкарцев, остановлюсь на исходных теоретических позициях, на которых, по моему мнению, должен стоять исследователь этого вопроса.

Сейчас никто не спорит с очевидной истиной, что этногенетическое исследование нельзя строить на данных какой-либо одной науки. В нынешних этногенетических исследованиях используются, как правило, разнообразные источники; письменные, археологические, лингвистические, этнографические, фольклорные, антропологические и другие. Однако для достоверности выводов комплексного подхода было бы недостаточно. Нужно еще, чтобы выводы вытекали из таких фактов, которые поддаются датировке и этнической локализации. Исследователи этногенеза часто игнорируют это требование, в результате чего впадают в ошибки.

Письменные источники выгодно отличаются от большинства других тем, что содержащиеся в них материалы, как правило, поддаются и датировке, и этнической локализации. Для ранней истории народов Центрального Кавказа письменные источники, к сожалению, малочисленны. Это требует особенно внимательного отношения к ним и, в частности, не допускать тенденциозного их использования, когда неугодные автору факты замалчиваются.

Примером неправильного подхода к письменным источникам может служить распространенная гипотеза о том, что аланы — это не этническое, а собирательное понятие для союза разноязычных племен Северного Кавказа, в числе которых были не только осетины, но и адыги, балкарцы, ингуши и чеченцы³²⁹. Наиболее подробную аргументацию этой гипотезе дал В. А. Кузнецов³³⁰. Он ссылается прежде всего на автора IV в. Аммиана

1807, № 45; В. Ф. Миллер. Сообщение..., стр. 201; он же. Осетинские эподы, ч. III. М., 1887, стр. 97; он же. Археологические экскурсии, стр. 95; А. К о д з а е в. Древние осетины и Осетия. Владикавказ, 1903, стр. 50; Б. А. Л а п г е. Указ. соч., № 287; К. Г а п. По долинам Чороха, Уруха и Ардона. СМОМПК, вып. 25, 1898, стр. 10; Н. А. Караулов. Болкары на Кавказе. СМОМПК, вып. 38. 1908, стр. 133; Г. А. Ко кие в. К во просу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории.— «Социалистическая Кабардино-Балкария», 1941, № 22—24; С. Бабасв и Д. Ш а б а с в. За марксистско-ленинское освещение истории балкарского народа.— «Кабардино-балкарская правда», 5.IV 1959 г.; С. К. Б а б а е в. О происхождении. МНС; М. А. Б а б а е в. Выступление. МНС, стр. 298.

³²⁹ У. Б. Алиев. Выступление МНС, стр. 242—252; Б. А. А л б о р о в. Почему осетины называют балкарцев «ась». МНС, стр. 108—112; К. Т. Л а й н а н о в. О поржском элементе в этногенезе осетин. «Происхождение осетинского народа», стр. 20?—214.

³³⁰ Г. М е р ц б а х е р. К этнографии обитателей кавказских альп. ИКОРГО, т. XVIII, 1905, № 2. стр. 99; А. С а м о й л о в и ч. Рецензия на работу И. А. Караулова. «Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества», т. XXI, 1913, выи. 4, стр. 155; А. Л е щ е н к о. Антрополопя та пердсторя

Марцеллина, который утверждал, что аланы «мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам»³³¹. Однако, во-первых, Аммиан Марцеллин не говорит, что в числе народов, покоренных аланами и принявших имя последних, были именно тюркоязычные предки карачаевцев и балкарцев, а также адыги и другие народы Северного Кавказа. Во-вторых, сторонники существования Аланского союза племен имеют в виду обычно Аланское княжество в Карачае и Балкарии в X—XII вв., хотя известие Аммиана Марцеллина не имеет к нему никакого отношения.

В. А. Кузнецов пытается опереться и на ряд других средневековых авторов. Он пишет: «Историк VI в. Менандр Византиец отметил аланские

на Кубань Сб. «Антропология», П. Китв, 1929, стр. 272; А. Н. Дьячков-Тарасов. О происхождении и карачаевцев. «Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института», т. П. Ростовна-Дону, 1929, стр. 129, 130; Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев... стр. 22—24; он же. К вопросу происхождения карачаевцев и балкарцев. МНС; Л. И. Лавров. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории. «Сок. этнографии». 1950. Лб 1, стр. 25; о и же. Происхождение балкарцев и карачаевцев. «Краткие сообщения Института этнографии». XXXI. 1959; он же. О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев. МНС; он же. Заключительное слово. МНС; он же. Дискуссионные вопросы этнической и политической истории карачаевцев и балкарцев. «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1900 г.». Л., 1907, стр. 30; З. В. Апчабадзе. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV вв. МНС, стр. 113; выступления на сессии в Нальчике Н. А. Баскакова и С. О. Шахмурзаева. МНС. стр. 228—241, 298, 299; В. П. Невская. Карачаевцы. Народы Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1957, стр. 20; Е. Н. Студепецкая. Карачаевцы. «Народы Кавказа» (серия «Народы мира»), т. I. М., 1960, стр. 243; 10. С. Гаглойти. Этногенез осетин по данным письменных источников. «Происхождение, осетинского народа», стр. 83—80.

³³¹ Б. Е. Деген-Ковалевский. Указ. соч., стр. И—28; Г. Кок и ев. О некоторых вопросах истории осетинского народа. «Социалистическая Осетия», 1939, № 190; о н ж е. К вопросу о происхождении..., № 23, 24; «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. В двух частях», ч. I. М., 1953, стр. 665; «История Кабарды с древнейших времен до наших дней». М., 1957, стр. 21, 26; Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев..., стр. 22—24; он же. К вопросу происхождения..., стр. 76; А. Х. Соттаев. Некоторые вопросы истории балкарского языка. «Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института» (далее — УЗКБ), т. XV, 1959, стр. 250; Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 392; С. К. Бабаев. О происхождении..., стр. 53—55; выступления на сессии в Нальчике М. М. Цорасва, З. М. Улакова и П. Г. Акритаса. МНС, стр. 271, 272, 275, 277; «Очерки истории балкарского народа», стр. 19, 24; «Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору». Нальчик, 1962, стр. 128; В. А. Кузнецов, Аланские племена Северного Кавказа, стр. И, 132; И. В. Тресков. Указ. соч., стр. 22; А. Ж. Кафоев. Адыгские памятники. Нальчик, 1963, стр. 98—103; доклады и выступления К. Т. Лайпанова, И. М. Чечспова, Е. П. Алексеевой, В. Н. Гамрекли, Т. Х. Кумыкова на сессии в Орджоникидзе См.: «Происхождение осетинского народа», стр. 208—214, 234—242, 255—263, 301—305; «История Кабардино-Балкарской АССР», т. I, стр. 73.

народ³³². В X в. Ибн-Русте насчитывал четыре племени алан, а в XIII в. Ибн ал-Асир указывал, что их много племён³³³. Но эти сообщения говорящие о том, что аланами назывались разные по происхождению народы, а лишь о том, что аланы подразделялись на племена или территориальные группы. Каких-либо других письменных источников, подкрепляющих указанную выше гипотезу, не существует. Более того, источники противопоставляют алан другим народам Северного Кавказа, что не согласуется с представлением о вхождении их в Аланский союз племён, Е. П. Алексеева правильно отметила, что «средневековые письменные источники не путают алан с другими кавказскими народами. Они всегда четко отделяют алан от адыгов (кешекоев — зихов), дагестанцев (савир — аварцев), вейнахских народов — чеченцев и ингушей (кистов и других)»³³⁴. Что это так — убедительно показано Ю. С. Гаглойти³³⁵ и В. И. Абаевым³³⁶.

Существованию союза племён противоречат известия о враждебных действиях между аланами и их соседями. Например, в X в. Константин Багрянородный упоминал в районе Тамани некий остров, «на который зихи (т. е. адыги,— Л. Л.) опасаются при набегах алан»³³⁷. Его современник Мас'уди писал: «Аланы более мощны, чем кашаки (адыги.— Л. Л.), которые не могли бы справиться с аланами, если бы их не защищали крепости на морском побережье... Причина их слабости, по сравнению с аланами, в том, что они не допускают назначить над собой царя, который объединил бы их слова (объединил их вместе)»³³⁸. В еврейском документе того же времени есть рассказ о том, как против хазар «поднялись все народы» и как в этой борьбе союзниками хазар оставались лишь аланы³³⁹, видимо враждовавшие со всеми соседями. Без согласия монголов кабардинцы не смогли бы занять аланско-половецкие степи после разгрома монголами алан и половцев в XIII в. Поэтому напрашивается естественное предположение, что кабардинцы не состояли в союзе с аланами и половцами.

Замечу, что отрицающие этническое содержание термина «аланы» не считаются с упоминанием в разных источниках безусловно одного и того же народа под названиями то «аланы», то «ясы», то «овсы», из которых

³³² В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 11; он же. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии. «Происхождение осетинского народа», стр. 42—66.

³³³ В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 339, 340.

³³⁴ В. А. Кузнецов. Аланские племена..., стр. 11.

³³⁵ Е. П. Алексеева. Памятники..., стр. 207.

³³⁶ С. Гаглойти. Аланы и вопросы этногенеза осетин, стр. 101—166.

³³⁷ В. И. Абаев. Этногенез осетин, по данным языка. «Происхождение осетинского народа»

³³⁸ Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. «Известия Государственной академии истории материальной культуры», вып. 91, 1934, стр. 21.

³³⁹ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербанда X—XI вв. М., 1963, стр. 207.

последнее название означает осетин³⁴⁰.

Таким образом, представление об аланском племенном союзе, будто бы включавшем разноязычное население Северного Кавказа, не находит подтверждения в письменных источниках.

Примером игнорирования письменных источников может служить и болгарская гипотеза происхождения карачаевцев и балкарцев. Есть известия о том, что в VII—VIII вв. болгары или какая-то часть их обитала где-то в Прикубанье. Более поздних известий о северокавказских болгарях не имеется. Ниже увидим, что нет убедительных доказательств и преемственности населения горной полосы в бассейне Терека в послемонгольское время от болгар, которые за 500 лет до этого обитали в Прикубанье. Ко времени монгольского нашествия на Северном Кавказе известен лишь один тюркоязычный народ — половцы, которых называли также команам и кыпчаками. Поэтому не к болгарам, а прежде всего к половцам должно быть обращено внимание исследователя карачаево-балкарского этногенеза, тем более что половцы в XIII в., после поражения их монголами, укрылись где-то в кавказских горах. К сожалению, не известна судьба северокавказских болгар после VIII в., но было бы, конечно, рискованным отрицать возможность превращения их в ту часть половцев, которая положила начало карачаевцам и балкарцам. Однако сторонники болгарской гипотезы,

подменяя карачаево-балкарский этногенез половецким этногенезом, не хотят понять, что это разные вопросы, лежащие в разных хронологических плоскостях. При этом для исследования половецкого этногенеза сейчас данных гораздо меньше, чем для исследования карачаево-балкарского.

Археологические материалы могут оказать ценные услуги этногенетическим исследованиям, так как обычно имеют удовлетворительную датировку. Но, к сожалению, до сих пор отсутствует твердая основа для их этнического определения. Поэтому нельзя, например, серьезно относиться к таким доказательствам проживания древних болгар в Карачаево-Черкесии, Пятигорье и Балкарии, как находки там глиняных котлов с внутренними ушками, которые известны также и в районах предполагаемого обитания болгар³⁴¹. Не подлежит сомнению, что не только предметы, но даже и отдельная археологическая культура как таковая не могут служить этническим показателем. Известно, например, что в настоящее время в горах Кавказа намного больше языков и народов, чем областей, имеющих свою хозяйственную и этнографическую специфику,

³⁴⁰ П. К. К о к о в ц е в. Указ. соч., стр. 116, 117.

³⁴¹ З. Н. В а н е е в. Указ. соч., стр. 8 и ел.

особенно, если под последней иметь в виду специфику материальной культуры. Это нельзя объяснить нивелирующим влиянием капитализма и социализма, так как подобная же картина наблюдалась не только в XVIII в., но и раньше. Есть серьезные основания предполагать, что границы кавказских археологических культур в древности и в средние века не совпадали с этнолингвистическими границами. Дело в том, что в любой из отрезков времени археологических культур на Кавказе насчитывалось гораздо меньше, чем отдельных народов, говорящих на своих языках. Если для эпохи бронзы это можно заключить лишь по косвенным данным, то, начиная с античного времени, об этом говорят многочисленные исторические источники.

С первого взгляда может показаться, что надежным этническим признаком в археологии следует считать обряд погребения. Такого мнения придерживаются многие. Однако признак этот не универсален. Во-первых, переход от одного обряда погребения к другому имел место не только при изменении этнического состава населения, но и при смене устаревших верований новыми. Вспомним хотя бы исчезновение в недавнем прошлом у балкарцев открытых погребений в наземных склепах. Во-вторых, доступные наблюдению факты убеждают, что обряд погребения, подобно другим элементам культуры и быта, часто заимствовался у соседей. Достаточно сослаться на характерные для средневековых адыгов погребения в колодах, которые находят и за пределами исторической Адыгеи. В-третьих, известно много примеров сосуществования у одного и того же народа разных обрядов погребения. Например, адыги в XIII—XV вв. хоронили по-разному: за Кубанью и в Кабарде — в колодах и в грунтовых ямах, а на Черноморском побережье — в каменных ящиках и в урнах. Напомню, что синхронные погребения одного и того же могильника часто значительно отличаются друг от друга в ориентировке покойников, положении рук и ног, устройстве могил и пр. Все это вместе взятое свидетельствует о неустойчивости обряда погребения у населения, которое придерживалось примитивных народных верований (язычества). Дело в том, что в отличие от христианства, ислама и других мировых религий классового общества примитивные народные верования не знали строгих догм, не допускающих отклонений. Если, к примеру, для всех православных авторитетом являлись единые нормы «священного писания» и обязательные для всех церковные постановления, то ничего подобного не было в обществе с примитивными верованиями. Роль догм играли там мнения стариков и других уважаемых лиц, авторитет которых ограничивался в большинстве случаев кругом родственников или последователей. В этих условиях создавалась почва не только для значительного варьирования религиозных представлений и обрядов у одного и того же народа, но и для заимствования обрядов соседних народов.

Напомню, что в странах древнего Востока боги побежденных народов нередко включались в пантеон победителей.

В последние годы стали модными поиски доказательств автохтонного происхождения большинства ныне существующих народов. Для этого берут похожие предметы и особенно общие элементы в обряде погребения разных эпох и на основании их заключают об этнической преемственности, например, нынешних балкарцев и карачаевцев от алан, которых таким же образом производят от носителей кобанской культуры в эпоху бронзы. Нужно сказать, что при желании почти всегда можно найти что-либо похожее в культурах разных эпох, так как пришлое население почти всегда заимствует кое-что из производственного опыта и материальной культуры своих предшественников.

Полемизируя с Е. П. Алексеевой, В. А. Кузнецов правильно отметил: «Нам кажется сомнительной прямая безоговорочная связь, которую проводит автор между кобанскими могилами с каменными выкладками и такими же могилами карачаевцев и балкарцев XVII—XVIII вв. Такая генетическая (в отношении принципов конструкции) связь действительно могла быть (что и показано Е. П. Алексеевой), но отражает ли она обязательно непрерывную этническую связь на протяжении двух тысячелетий?»³⁴².

Лингвистическая аргументация у сторонников болгарской гипотезы прежде ограничивалась сопоставлением этнонимов «балкар» и «болгар». В недавнее время к этому прибавились ссылки на сходные черты в живом карачаево-балкарском языке и в языке эпитафических памятников с территории, где в более раннее время была известна Поволжская Болгария. Против этих аргументов говорят следующие факты.

Во-первых, созвучие этнонимов «балкар» и «болгар» не доказывает их тождества. Кто думает иначе — пусть вспомнит об аварях в Дагестане и в средневековой Европе, о рутульцах в Дагестане и в древней Италии, об албанцах в древнем Азербайджане и на современных Балканах, об Иверах на Кавказе и иберах на Пиренеях и т. д.

Во-вторых, балкарцами прежде назывался не весь карачаево-балкарский народ и даже не все балкарцы, а лишь небольшая часть последних, именно население Балкарского ущелья. Сторонники болгарской гипотезы должны были бы задуматься: почему этноним «балкар» не распространялся на карачаевцев и на большинство балкарцев?

В-третьих, в основе русского слова «балкарцы» лежит кабардинская переделка (балкъар) слова «малкъар» — самоназвания жителей Балкарского

³⁴² Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы..., стр. 21—29, 51: она же. Памятники..., стр. 238.

ущелья.

В-четвертых, термин «малкъар» можно связывать с названием р. Малки, где, по преданиям, некогда жили балкарцы. Ряд исследователей уже высказывался в пользу именно такого объяснения слова «малкъар»³⁴³.

В-пятых, наличие сходных черт у карачаево-балкарского языка с языком болгарских эпиграфических памятников XIII—XIV вв.³⁴⁴ не может заслонить собой значительные схождения карачаево-балкарского языка с половецким³⁴⁵, территориально более близким к Кавказу, чем Среднее Поволжье.

Сторонники гипотезы происхождения карачаевцев и балкарцев от алан или асов, которые по языку были будто бы не иранцы, а тюрки, основываются преимущественно на лингвистических соображениях. Несостоятельность этой гипотезы хорошо показала Е. П. Алексеева³⁴⁶, и мне остается лишь присоединиться к ее доводам.

Для построения научной гипотезы карачаево-балкарского этногенеза важное значение имеют следующие факты:

1) то, что, находясь в окружении иноязычного населения, карачаевцы и балкарцы сохранили тюркскую речь, родственную языкам кочевников Юго-Восточной Европы в домонгольское время;

2) то, что в Карачае и Балкарии сохранилась осетинская топонимика со следами аканья, присущего аланскому языку в домонгольское время³⁴⁷;

3) то, что в Пятигорье и Кабарде богато представлена тюркская топонимика³⁴⁸ и нет осетинской (за исключением района, пограничного с Осетией);

4) то, что в карачаево-балкарском языке гораздо больше заимствований из осетинского языка, чем из кабардинского, хотя в послемонгольское время Карачай и Балкария экономически и политически всегда были больше связаны с Кабардой, чем с Осетией;

5) то, что в Карачае найдены эпиграфические памятники на

³⁴³ В. Л. Кузнецов. О книге Е. П. Алексеевой «Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа». УЗКБ, т. XXIII, 1965, стр. 320.

³⁴⁴ Н. А. Караулов. Указ. соч., стр. 133.

³⁴⁵ А. Х. Соттаев. Некоторые вопросы истории балкарского языка; он же. Происхождение балкарцев и карачаевцев по данным языка. МПС, стр. 87—89.

³⁴⁶ В. И. Абазов. Скифо-европейские изоглоссы, стр. 43, 47, 51.

³⁴⁷ С. Бропевский. Указ. соч., стр. 216; М. З. Кипиани. От Казбека до Эльбруса. «Терские ведомости», 1884, № 40; В. И. Филюренко, Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940, стр. 2; Т. А. Кок и ев. К вопросу о происхождении..., № 22; Х. О. Лаипанов. К истории карачаевцев..., стр. 8; А. Х. Соттаев. Некоторые вопросы..., стр. 251; Х. А. Поркшеян. Указ. соч., стр. 184; У. Б. Алиев. Выступление, МНС, стр. 245; С. О. Шахмураев. Выступление, МНС, стр. 298.

³⁴⁸ Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, стр. 66—98.

аланоком³⁴⁹ и древнетюркском языках³⁵⁰. Попытки прочесть первый из них по-кабардински³⁵¹ и по-тюркски³⁵², а второй — по-кабардински явно не состоятельны.

Исходя из близкого родства карачаево-балкарского языка с кумыкским, нельзя решать происхождение их изолированно друг от друга. Поэтому нужно обращаться не к локальным языковым явлениям, вроде «цоканья» или перехода карачаево-балкарских «ж» и «з» в кумыкское «й», а к тому, что является одинаково характерным для обоих указанных тюркских языков.

Еще сложнее, чем с лингвистическими, обстоит дело с этнографическими доказательствами в этногенетических исследованиях. Статический подход к описанию быта, характерный для большинства этнографических сочинений, создает ложное впечатление об извечно существовавших в прошлом застывших формах национальной культуры и мешают здравому использованию этнографических материалов в качестве исторического источника, так как в этих условиях исследователю трудно обосновать, что данное явление существует у данного народа с такого-то времени. Этнографические материалы станут массовым историческим источником лишь тогда, когда ученые откажутся от статических описаний быта и обратятся к истории разных его элементов у разных народов на разных территориях.

До наступления этого исследователь этногенеза будет ограничен в использовании этнографических источников.

Те, кто утверждает, что карачаевцы и балкарцы принадлежат к древнейшим обитателям Центрального Кавказа, часто ссылаются на общие черты в материальной и духовной культуре у карачаевцев, балкарцев, осетин, сванов, кабардинцев и других³⁵³, хотя известно, что общие черты всегда

³⁴⁹ Н. А. Баскаков. Выступление. МНС, стр. 228—241.

³⁵⁰ Е. П. Алексеева. Памятники..., стр. 241—246.

³⁵¹ В. Ф. Миллер. Сообщение..., стр. 201; он же. Осетинские этюды, ч. 3, стр. 10, 11; В. И. Аббаев. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев. «Языки мышления», I, Л., 1933, стр. 82, 83; он же. Агаша. «Известия Академии наук СССР по Отделению общественных наук», 1935, стр. 890, 891; он же. Осетинский язык и фольклор. I. М.—Л., 1949, стр. 249—335.

³⁵² Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию, стр. 176; он же. Дискуссионные вопросы..., стр. 30.

³⁵³ В. Ф. Миллер. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. «Материалы по археологии Кавказа», вып. ТП, М., 1893, стр. 110—118; В. И. Аббаев. Поправки к чтению древнеосетинской Зсленчукской надписи. «Сообщения Академии наук Грузинской ССР», 1944, т. V, № 2; он же. Осетинский язык и фольклор, стр. 260—268; Г. Ф. Турчанинов. Эпиграфические заметки. «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. VII, № 1, 1948, стр. 80, 81; он же. Еще раз о древнеосетинской Зсленчукской надписи. «Эпиграфика Востока», XI, Л.,

вырабатываются у народов, живущих по соседству.

Исследователю этногенеза нужно обращать внимание не на само собой разумеющиеся этнографические совпадения у соседних народов, а на то, чтобы определить, насколько объем этих совпадений соответствует глубине исторических связей между этими народами в настоящем и в доступном изучению прошлом.

Если под этим углом зрения посмотреть на этнографические совпадения у карачаевцев и балкарцев с их соседями, то обнаружим, что больше всего таких совпадений имеется с осетинами, хотя экономических и политическо-ских связей у Карачая и Балкарии было гораздо больше с Кабардой, чем с Осетией. Нам могут сказать, что на этнографические совпадения у карачаевцев, балкарцев и осетин повлияли сходные условия жизни в горах, которых не было в степной Кабарде. Такое возражение могло бы оказаться правдоподобным, если бы речь шла о сходных чертах только в хозяйстве и материальной культуре, т. е. в областях, которые тесно связаны с природными условиями. Но у карачаевцев и балкарцев даже пережитки религиозных верований, в том числе и имена древних божеств, больше похожи на осетинские, чем на кабардинские. Ясно, что глубокие этнографические связи у карачаевцев и балкарцев с осетинами доказывают, что некогда они состояли в более тесном общении между собой, чем теперь.

Тот, кто изучает происхождение карачаевцев и балкарцев, не должен проходить мимо таких присущих им этнографических фактов, которых нет у соседних народов, но которые были у древних тюрков.

Например, у карачаевцев и балкарцев существовало представление о верховном божестве Тейри³⁵⁴. Кабардинцам, осетинам, сванам и другим горским народам Кавказа этот культ не был известен. «Тейри», «тенгри» и его варианты на разных тюркских языках означают «небо», которое древние тюрки считали своим верховным божеством. Культ его существовал в домонгольское время и у тюркского населения Северного Кавказа. Так армянский историк X в. Мовсес Каганкатваци, рассказывая о заключении военного союза между «гунскими» племенами Северного Кавказа, говорит, что «они скрепляли этот союз клятвой «по закону неба»³⁵⁵. В другом месте он

1958, стр. 48—51; Б. А. Алборов. Новое чтение надписи на Зеленчукской надгробной плите. «Ученые записки Северо-Осетипского государственного педагогического института», т. 21, вып. 2, Орджоникидзе, 1956, стр. 229—253; В. А. Кузнецов. Новые данные о Зеленчукской надписи X в. «Известия Северо-Осетипского научно-исследовательского института», т. XXVII. Орджоникидзе, 1968; Л. И. Лавров. К чтению аланской Зеленчукской надписи. Там же.

³⁵⁴ В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища. «Сов. археология», 1963,

№ 1;

³⁵⁵ А. Ж. Кафоев. О чем гласит Зеленчукская надпись? «Университетская жизнь», 1959, № 23; он же. Тайна одной надписи. «Московский университет», 1960, № 44; он же. Адыгские

рассказывает, что эти гунны «приносили в жертву жареных лошадей какому-то чудовищу, громадному герою, называя его богом Тангри-ханом»³⁵⁶.

Другой пример относится к народным мелодиям. Т. К. Шейблер отмечал, что в основе почти всех карачаевских и балкарских песен лежат лады, «общие и кабардинскому и осетинскому народному творчеству. Отличие составляют «кадансы» — окончания. Характер двухголосия — также общий, но в ритме и в излюбленных оборотах интонаций чувствуется разница. Особенно интересна ритмическая особенность, чрезвычайно близкая по характеру к ритмам татарских и среднеазиатских тюркоязычных народов. Башкирская, чувашская, казахская музыка оказывается сродни балкарской и карачаевской по ритмам и по кадансам. Мне кажется, что и это следует иметь в виду при решении вопроса о происхождении балкарцев и карачаевцев. Когда мы вникаем в интонационную сферу балкарского музыкального народного творчества, то сталкиваемся с типичным явлением, отличающим эту музыку от музыки всех соседей — это наличие открытого во всех песнях старинного склада пентатонической основы — скелета, который затем обрастал дополнительными звуками и мелодическими оборотами, общими с осетинами. Большое влияние чувствуется и кабардинской музыки, но в основе (интонационный скелет) — пентатоника, восходящая от первоисточника. Мы знаем, что пентатоника существует как основа у китайцев, корейцев, монгольских народов, у татар, башкир, казахов, якутов, чувашей и шотландцев. Из кавказских народов она встречается у кумыков, карачаевцев и балкарцев»³⁵⁷.

И пережитки культа Тейри, и специфические особенности народных мелодий указывают на то, что первоначальное ядро карачаево-балкарского народа попало сюда из тюркско-азиатского мира.

Когда ищем исторические источники среди фольклорных материалов, не имеем права забывать, что художественная форма их обычно оказывается долговечнее исторического содержания. Художественные достоинства фольклорного произведения со временем могут даже возрасти, а достоверность его исторического содержания способна с каждым поколе-

памятники, стр. 8—23. Критика этих работ содержится в рецензии Л. Й. Лаврова, опубликованной в «Сов. археологии» (1968, № 3).

³⁵⁶ Об этом см.: Е. П. Алексеева. Памятники..., стр. 230.

³⁵⁷ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 годах. «Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры», I, Л., 1933, стр. 73, 74; В. Н. Студенецкая. Указ. соч., стр. 243; В. К. Гардаиов. Исторический очерк. «Народы Кавказа» (серия «Народы мира»), I, 1960, стр. 69; А. И. Робакидзе, Р. Л. Харадзе. К вопросу о сванско-балкарских этнокультурных взаимоотношениях. МНС, стр. 141, 152; П. Г. Акритас. Выступление. МНС, стр. 277; Е. П. Алексеева. Памятники..., стр. 234.

нием лишь уменьшаться. Еще плохо изучены пределы коллективной человеческой памяти, и поэтому нельзя точно сказать, через сколько поколений человечество забывает события, о которых ему не напоминают литературные произведения. Только специальные исследования когда-нибудь покажут допустимые хронологические пределы использования фольклора в качестве исторического источника. Но вряд ли ошибемся, предполагая, что широкие массы грузинского народа не забывали имя царицы Тамары лишь потому, что о нем напоминали популярные стихи Ш. Руставели и других поэтов, а образ киевского Красного Солнышка вряд ли былины донесли бы до наших дней, если бы ежегодно в церквях не напоминали народу о «святом и равноапостольном князе Владимире». Можно предполагать, что в фольклоре сохраняются гораздо лучше отголоски социальных отношений и верований, чем память о событиях и именах исторических лиц. Если исходить только из материалов, которые мне доступны, то, кажется, можно склониться к выводу, что фольклор способен сохранять память о событиях и исторических деятелях не долше 300 лет. Само собой разумеется, что предел этот не окончательный и новые материалы, может быть, его несколько отодвинут вглубь, но вряд ли намного! Поэтому, когда речь заходит о переселении карачаевцев с Баксана в конце XVII в., то ссылки на предания, подтверждающие это переселение, вполне правомочны, а когда ищут в фольклоре ответ на вопрос: откуда в XIII или XIV вв. пришли предки карачаевцев и балкарцев, то это не правомочно, так как в этом случае фольклор уводит исследователя в фантастические области. К сожалению, с этой очевидной истиной не считаются и некоторые современные авторы, пытающиеся найти правдоподобный рассказ в этногенетических преданиях карачаевцев и балкарцев³⁵⁸. Повторяю, что, так как появление предков карачаевцев и балкарцев в горах Центрального Кавказа относится ко времени не позже XIII в., то для такого далекого периода фольклор не может служить историческим источником.

При решении этногенетических проблем важную роль могут играть данные антропологии, которая справедливо рассматривается как точная наука. К сожалению, методика использования антропологических материалов при решении этой проблемы далеко не всегда безупречная. Во всяком случае, подобное заключение напрашивается при знакомстве с современными антропологическими работами о происхождении карачаевцев и балкарцев. Главная ошибка их авторов состоит в том, что свои этногенетические выводы они черпают из изучения физических признаков не древнего, а нынешнего

---

³⁵⁸ Л. И. Л а в р о в Происхождение балкарцев и карачаевцев, стр. 5; о н ж е. О не которых этнографических данных..., стр. 64, 65; Х. О. Л а й ц а н о в. К истории... стр. 19, 20, 32; о н ж е. К вопросу происхождения..., стр. 73.

населения Карачая и Балкарии³⁵⁹. В результате» отсутствие существенных различий между головными или лицевыми указателями у соседних народов нередко служит основанием для поспешного вывода об общем автохтонном происхождении их предков. При этом почему-то забывают, что соседние народы обычно смешиваются друг с другом и чем дольше они живут рядом, тем меньше остается различий в их физическом типе. Это особенно справедливо в отношении численно малых народов. Известно, что сто лет тому назад, когда балкарцев и карачаевцев было примерно в пять раз меньше, чем теперь, их численность не превышала 20 тыс. человек, и нет оснований думать, что до XIX в. она была намного большей. Спрашивается, могли ли малочисленные предки карачаевцев и балкарцев не смешиваться с соседями, тем более что все они придерживались экзогамных обычаев, которые способствовали бракам между лицами из разных мест, часто далеких друг от друга? Наивно предполагать, что через 600 лет потомки небольшой группы пришельцев, осевших в окружении алан, адыгов и сванов, будто могли сохранить свои первоначальные физические признаки.

Антропологи утверждают, что среди современного населения Карачая и Балкарии «монголоидная примесь полностью отсутствует»³⁶⁰. Из этого делают заключение, что карачаевцы и балкарцы не могут происходить от половцев, которые были, предположительно, монголоидными. Но никто еще не доказал, что северокавказские половцы принадлежали к монголоидам. Это вынужден признать и сторонник автохтонного происхождения балкарцев и карачаевцев антрополог В. П. Алексеев, который пишет, что «сам по себе антропологический материал... не дает возможности возражать против прямого родства кипчаков (т. е. половцев.— Л. Л.) с балкарцами и карачаевцами просто в силу полного отсутствия сведений о физическом типе кипчаков»³⁶¹. Археолог Е. П. Алексеева в свою очередь отмечает, что «кипчакские каменные бабы иногда имели монголоидное лицо, иногда — европеоидное. Очевидно, среди кипчаков были и монголоиды, и европеоиды»³⁶². Историк З. В. Анчабадзе идет еще дальше. Он ссылается на грузинского автора начала XIV в., который хорошо знал монголов и кипчаков, ко монголоидную внешность отметил лишь у первых. З. В. Анчабадзе пишет, что внешнего сходства кипчаков с монголами «и не могло быть, ибо в противном случае грузины не стали бы удивляться монголоидным чертам носителей этой расы, завоевавшим Грузию в середине XIII в. Можно

³⁵⁹ «История агван Мойся Каганкатваца, писателя X в.». СПб., 1861, стр. 88

³⁶⁰ Там же, стр. 193

³⁶¹ Т. К. Ш с й б л е р. Указ. соч., стр. 291, 292.

³⁶² Х. О. Л а й п а п о в. К истории карачаевцев и балкарцев, стр. 9—12, 24, 25; он же. К вопросу происхождения..., стр. 77; С. К. В а б а е в. Указ. соч., стр. 61, 62; А. Х. С о т а е в. Происхождение..., стр. 92; Х. А. П о р к ш я н. Указ. соч., стр. 173, •184; выступления на сессии в Нальчике У. Б. А л и е в а, И. Л. У л ь б а ш е в а

отметить в этой связи и то обстоятельство, что ассимиляция населением Восточной Грузии нескольких сот тысяч кипчаков не оставила на обитателях этой части Грузии никаких монгольских следов, хотя бы атавистического порядка, что также в известной степени может быть свидетельством европеоидного облика кипчаков»³⁶³.

3. В. Анчабадзе и сторонники абсолютной монголоидности половцев, очевидно, в одинаковой степени не правы. Нужно же все-таки считаться хотя бы с монголоидным обликом половецких «баб»! Принадлежность их к половцам как будто ни у кого не вызывает сомнения. В то же время следует учитывать, что половцы на Северном Кавказе жили бок о бок с местным европеоидным населением и, конечно, с ним смешивались. Кроме того, не исключено, что еще до прихода на Северный Кавказ половцы могли иметь смешанный расовый тип. Как бы то ни было, но заключение антропологов об отсутствии у карачаевцев и балкарцев монголоидных черт не может относиться к их предкам. Это видно из того, что недавние раскопки у сел. Верхний Чегем, впервые давшие антропологам серию черепов из балкарских могильников, показали значительный процент монголоидов среди местного населения XIII—XIV вв.³⁶⁴. Отсюда следует, что монголоидные признаки исчезли у балкарцев лишь в недавние времена. Этому не приходится удивляться, так как темпы изменения физического типа настолько значительны, что теперешние балкарцы по ряду соматических признаков уже отличаются от карачаевцев, хотя оба эти народа состоят в очень близком родстве. Например, средний черепной указатель у балкарцев ближе к западноаварскому, чем к карачаевскому, в то время как у карачаевцев он совпадает с чагма-тушинским в Закавказье. Средний скуловой диаметр и процент светлоглазых у балкарцев совпадают с аналогичными показателями у дагестанской народности кванединцев и отличаются от таких показателей у карачаевцев, которые в этом отношении стоят ближе к осетинам и андийцам³⁶⁵. Таким образом, антропологическую характеристику современного населения Карачая и Балкарии нельзя безоговорочно переносить на его предков.

Итак, подводя общий итог обзору источников, нужно признать следующее.

Письменные документы, несмотря на то, что они часто бывают фрагментарны и тенденциозны, представляют для этногенетических исследований большую ценность, так как сведения, содержащиеся в этих документах, в большинстве своем поддаются датировке (часто очень точной) и

³⁶³ Г. К. Джапберидзе. Выступление. МНС, стр. 221—227

³⁶⁴ В. П. Алексеев, Некоторые проблемы, стр. 328.

³⁶⁵ Е. П. Алексеев. Карачаевцы и балкарцы..., стр. 38.

этнической локализации. Археологические материалы также поддаются датировке, но, к сожалению, их очень трудно связывать с определенным этносом. Что же касается лингвистических и фольклорных данных, то обычно определить их этническую принадлежность бывает легко, в то время как главную трудность составляет их датировка. Антропологические материалы станут ценными для исследования этногенеза карачаевцев и балкарцев лишь тогда, когда будут характеризовать не нынешнее население, а массовые находки костных остатков предшествующих поколений.

При нынешнем состоянии наук исследователь происхождения карачаевцев и балкарцев может практически воспользоваться лишь письменными, лингвистическими (в том числе топонимическими), частично этнографическими источниками. Данные фольклора и соматической антропологии для этого совсем не пригодны, а палеоантропологические еще не накоплены. Приходится признать, что и археология, имеющая важнейшее значение для разных сторон истории, на данном этапе бессильна помочь решению интересующей нас проблемы.

Автор этой работы давно занимался данной проблемой. Свою точку зрения, начиная с 1956 г., он несколько раз излагал в печати³⁶⁶. Широкая дискуссия по этой проблеме, происходившая в Нальчике в 1959 г.³⁶⁷, показала, что у сторонников противоположных взглядов нет серьезных аргументов, которые заставили бы автора изменить свою позицию.

Прежде всего остаются в силе убедительные доказательства В. Ф. Миллера и Б. И. Абаева об ираноязычном аланском населении Карачая и Балкарии в домонгольское время. Доказательства эти были построены на существовании там осетинской топонимики, на находке Зеленчукской надписи в Карачае XI в., написанной по-алански, и, наконец, на недвусмысленных свидетельствах византийских и грузинских письменных источников.

Со своей стороны прибавлю, что территорию Кабарды, Пятигорья и частично Карачая в домонгольское время занимали, кажется, половцы. К такому выводу склоняют находки там «каменных баб», приписываемых половцам, находки в Карачае древнетюркских рунических письмен, присутствие в Пятигорье и Кабарде тюркской топонимики и отсутствие на этой территории (за исключением района, пограничного с Осетией) иранской

³⁶⁶ З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 120.

³⁶⁷ Г. А к р и т а с Археологическое исследование Чегемского ущелья в 1959 г. «Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии», вып. IX. Нальчик, 1961, стр. 188; Г. И. Иопп. Верхне-Чегемские памятники VI—XIV вв. УЗКБ, т. XIX, 1963, стр. 205; И. М. Мизиев. Средневековый могильник «Байрым» у сел. Верхний Чегем. «Кабардино-Балкарский государственный университет. Сборник студенческих научных работ», вып. III. Нальчик, 1964, стр. 17.

топонимики. К тюркской топонимике относятся, в частности, такие наименования, как Бичесын, Боргустан, Бештау, Бырмамыт, Малка (Балкь, или Балыкь), Кичмалка, Гунделен, Баксан, Кызбурун, Лечин-кая, Нальчик, Кашкатау, Черек, Акбаш, Татартуп, Эльхотово и др.³⁶⁸ В количественном отношении тюркские названия в топонимике Кабарды занимают первое место после кабардинских³⁶⁹. Из них название «Нальчик» некоторые пытались объяснить при помощи кабардинского языка, что облегчается присутствием в этом языке заимствованного тюркского термина «нал», означающего «подкова». Вторую часть «чик», в кабардинском произношении «шыч», Дж. Н. Коков произвел от кабардинского «щ1ык1э» — «подобный»³⁷⁰. К. Т. Мамрешев возразил Дж. Н. Кокову, что «вероятность перехода шипяще-свистящего смычногортанного «щ1» я шипящий спирант «ш» и заднеязычного смычногортанного «к!» в шипящую аффрикату «ч» с точки зрения исторической фонетики адыгских языков нам представляется весьма сомнительной»³⁷¹. В частице «шыч» К. Т. Мамрешев видел причастие от кабардинского глагола «шычын» — «срывать с ноги, срывать», и термин «Налшыч» он толковал как «(место), где срывается (отрывается) подкова»³⁷². Толкование, данное К. Т. Мамрешевым, принял и Т. Х. Однако сам К. Т. Мамрешев вынужден был признать, что по отношению к подкове кабардиды говорят не «шычын», а «щ1эчын!» — «срывать снизу»³⁷³.

В новой работе Дж. Н. Коков допускает одинаковую правомочность толкования термина «Нальчик» как при помощи кабардинского, так и тюркского языков³⁷⁴. Было бы правильнее отстаивать лишь толкование из тюркского языка, так как кабардинские этимологи не учитывают, что тюркская природа этого термина очевидна и не требует доказательств. В тюркских языках (в том числе в карачаево-балкарском и ногайском) «чик» и «шик» является уменьшительным суффиксом, поэтому «Нальчик» без труда переводится словом «подкова».

Дж. Н. Коков для объяснения названия горы Кашкатау ограничивается ссылкой на фантастическое толкование его у Ш. Б. Ногмова («кашкатау, т. е. беги в гору») и следующим собственным замечанием: «Можно обратить внимание на созвучие первой части названия с этнонимом «кашка», под

³⁶⁸ В. П. Алексеев. Антропологические данные..., стр. 30, таблица I.

³⁶⁹ Л. И. Лавров. Происхождение кабардинцев..., стр. 25; он же. Происхождение балкарцев и карачаевцев..., он же. О некоторых этнографических данных..., он же. Заключительное слово..., он же. Дискуссионные вопросы..., стр. 30.

³⁷⁰ Там же.

³⁷¹ Л. И. Лавров. Дискуссионные вопросы..., стр. 30.

³⁷² К. Т. Мамрешев. К этимологии слова «Налшыч». УЗКБ, т. XX, 1964, стр. 218.

³⁷³ Там же, стр. 220, 221

³⁷⁴ Там же

которым адыги были известны другим народам»³⁷⁵. Автор, очевидно, имеет в виду арабские и ранние грузинские источники, в которых адыги называются «кашками». Несостоятельность толкования, предложенного Ш. Б. Ногмовым, слишком очевидна, так как оно противоречит лексике и грамматическим нормам кабардинского языка. Попытка Дж. Н. Кокова увязать первую часть термина «Кашкатау» с «кашками» также неприемлема, ибо, во-первых, трудно определить путь, которым в Кабарду проникло название, чуждое местным языкам; во-вторых, вторая часть ятого названия («тау») не объясняется средствами арабского или грузинского языков; в-третьих, бытование этнонима «кашки» в арабском и грузинском языках приходится на время, когда в Кабарде еще не было адыгов. Давно известно, что с горой Кашкатау связаны популярные у кабардинцев и балкарцев легенды о всаднике, у которого была лошадь с белым пятном на лбу. Не удивительно, что название Кашкатау образовано из двух карачаево-балкарских слов «къашха» — «лошадь с белым пятном (звездочкой) на лбу» и «тау» — «гора».

О горе и селении Лечинкай Дж. Н. Коков лишь пересказывает Ш. Б. Ногмова, который производил это название от имени легендарной богатырши Лашын, или Лашинкей³⁷⁶. Но это карачаево-балкарский термин, состоящий из слов «лачын» — «сокол» и «къая» — «скала», а вместе — «соколиная скала». Присутствие в Кабарде значительного числа других тюркских географических названий лишь подтверждает правильность такого толкования.

Таким образом, половцы могли обитать на территории нынешней Кабарды и в Пятигорье, т. е. в непосредственной близости от нынешних Балкарии и Карачая.

Прежде всего встает вопрос, когда тюркоязычные предки карачаевцев и балкарцев проникли в горы центральной части Северного Кавказа? Выше уже приводились доводы в пользу того, что частичное проникновение тюрок в Карачай могло иметь место еще до монгольского нашествия. Однако нет оснований считать их предками карачаевцев, так как последние переселились в Карачай из Баксанского ущелья лишь на рубеже XVII—XVIII вв. Так как Балкарией и значительной частью Карачая до XIII в. прочно владели аланы, то нельзя относить появление здесь карачаевцев и балкарцев до XIII в. Но непосредственно после монгольского нашествия предгорьями Центрального Кавказа овладели кабардинцы, и это должно было сильно затруднить переселение тюрок в горы, так как последним требовалось бы пройти через земли, занятые кабардинцами. Поэтому

³⁷⁵ К. Т. М а м р е ш е в. Указ. соч., стр. 221,

³⁷⁶ Дж. Н. К о к о в. Кабардинские географические названия, стр. 76—78

наиболее вероятным остается предположение, что тюркоязычные предки карачаевцев и балкарцев появились в горах не до и не после монгольского нашествия, а во время его.

Намеки на это сохранились в письменных источниках того времени. Так, русская летопись под 1223 г. сообщает: «И мы слышахом яко многы страны поплениша (монголы.— Л. Л.). Ясы, Обезы, Касогы и Половец безбожных множество избиша и инех загнаша и тако измроша гневом божьимь и пречистыя его матере»³⁷⁷. Как видим, летописец отметил, что часть половцев спасалась бегством. Спрашивается, где могли укрыться половцы, бежавшие во время монгольского нашествия? Ответ на это найдем в сочинении арабского писателя того времени Ибн ал-Асыра. Вот что рассказывает он о походе монголов на Северный Кавказ в 1221—1223 гг.: пройдя через Азербайджан и приморскую часть Дагестана, монголы «направились в земли кипчаков (половцев.— Л. Л.), одного из самых многочисленных племен тюркских, и избили всех тех, которые сопротивлялись им; остальные бежали в болота и на вершины гор, покинув землю свою, и ею овладели эти татары (т. е. монголы.— Л. Л.). Сделали они это в самое скорое время, с теми только проволочками, которые требовались для переходов их, не более»³⁷⁸. В другом месте Ибн ал-Аспир опять утверждает, что «кипчаки бежали... одни укрылись в болотах, другие — в горах, а иные в страну русских. Татары остановились в Кипчаке»³⁷⁹.

Под «высокими горами», расположенными поблизости от бывшей территории половцев, Ибн ал-Аспир мог иметь в виду только Кавказские горы. Значит, он утверждает, что часть половцев укрылась от монголов в горах Кавказа. Что касается болот, то не исключено, что под ними разумеются заболоченные пространства в низовьях Терека, около земель нынешних кумыков. Предлагаемое толкование цитированных мест из сочинения Ибн-ал-Асира согласуется с более поздним известием Абу-л-Гази, который в XVII в. писал на основании более ранних источников, что когда половцы оказались разбиты монголами, то «большинство из них ушло в юрт черкесов и туманов»³⁸⁰. Замечу, что широкое значение, которое в прошлом придавали слову «черкесы», вполне приложимо к территории нынешней Кабардино-Балкарии, а под «туманами» имелась в виду Кумыкия, где до XVI в. включительно существовал игравший важную роль город Тюмень.

Сопоставляя известия Ибн ал-Асира и Абу-л-Гази с фактами при-

³⁷⁷ Там же, стр. 62, 63.

³⁷⁸ Там же, стр. 68, 69.

³⁷⁹ «Полное собрание русских летописей», т. I, вып. I, изд. 2. Л., 1926, стр. 446.

³⁸⁰ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой-Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 3.

надлежности карачаево-балкарского и кумыкского языков к тюркскому лингвистическому кругу на юге Восточной Европы в домонгольское время, мы вправе заключить, что тюркскими предками карачаевцев, балкарцев и кумыков была та часть половцев, которая во время монгольского нашествия в XIII в. покинула степи и укрылась в горах и болотах Кавказа.

История не сохранила документов о судьбе алан, живших в Карачае и Балкарии до карачаевцев и балкарцев. В литературе можно встретить мнение о том, что карачаевцы и балкарцы вытеснили алан, и другое, что они смешались друг с другом. Этот вопрос еще требует дополнительного исследования, но из двух мнений более вероятным представляется последнее.

В пользу смешения половцев с аланами говорят следующие соображения:

1) половцы, разбитые татарами и нашедшие убежище у разбитых же татарами алан, очевидно, не имели ни сил, ни необходимости вытеснить хозяев, ставших политическими союзниками половцев;

2) зафиксированное документами частое наименование карачаевцев и балкарцев их соседями — «осетины» или «аланы» — показывает, что соседи продолжали рассматривать позднейшее население Карачая и Балкарии как потомков прежнего аланского населения;

3) материальная и духовная культура балкарцев и карачаевцев, естественно, подвергалась влиянию культуры соседних народов (сванов, кабардинцев, осетин), но, учитывая многовековые, особенно тесные экономические и политические связи Балкарии и Карачая с Кабардой, остается на первый взгляд необъяснимым то, что в старой балкарской и карачаевской культуре, а также в языке обнаруживается гораздо больше элементов осетинских, чем кабардинских. Это можно объяснить предположением, что нынешние балкарцы и карачаевцы являются потомками тюркских пришельцев, которые смешались с местным аланским населением.

В результате совместного проживания половцев и алан произошло постепенное слияние их в один народ. Неизвестно, как долго держалась дигорская речь в пределах Карачая и Балкарии, но влияние ее до сих пор обнаруживается в современном карачаево-балкарском языке. Значительным является вклад алан в материальную и духовную культуру этих ныне тюркоязычных народов. Хотя вопрос этот до сих пор не изучен, но даже при поверхностном знакомстве со старым бытом карачаевцев и балкарцев бросается в глаза сходство с осетинами в способах содержания скота, технике земледелия, архитектуре жилищ и мавзолеев, типе утвари, обычном праве, нартовских сказаниях, религиозных верованиях и пр.

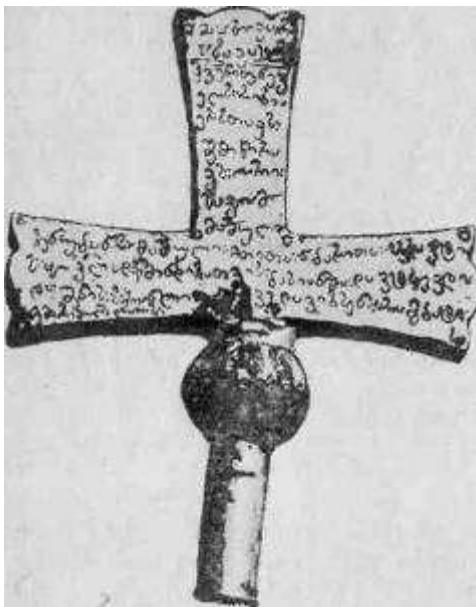
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОЧЕРК КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В XIV - НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Ущелье р. Восточный Черек считается, по преданию, первоначальным местом поселения балкарцев. Оно и его население издавна у балкарцев носит имя Малкьар, у кабардинцев — Балкьар, а у грузин — Басиани. Старейшее письменное известие об этом ущелье содержит грузинская надпись на золотом кресте Спасской церкви в сел. Цховати в Ксанском ущелье (Юго-Осетинская автономная область). Надпись не имеет даты, но, по авторитетному мнению Е. С. Такайшвили, относится к XIV—XV вв. В переводе она гласит:

«Спас цховатский я, Квенипневели эристав Ризия, пожертвовал цховатской пречистой богаматери имене двух дымов в Зенубане с его горами и равнрами. Попал в плен в Басиане и выкупился твоими вещами. Пусть никакой владетель не изменит»³⁸¹.

Таким образом, Ризия Квенипневели сделал_пожертвование в церковь с. Цховати в память того, что он, попав в плен «в Басиане», был выкуплен на средства этой церкви. С. Цховати находится в верховьях р. Ксаии (Юго-Осетинская автономная область). Квенипневели — это известная фамилия грузинских феодальных владетелей (эриставов), управлявших Ксанским ущельем. Само ущелье лежит на пути в Северную Осетию, откуда северокавказские горцы не раз совершали набеги на Грузию.

Е. С. Такайшвили не понял значения термина «Басиан». По его мнению, Ризия был в плену в провинции Басиан, в верховьях р. Аракса, т. е. в

³⁸¹ Там же, стр. 26.

пределах нынешней Турции. Действительно, там существовала провинция под таким названием, но Е. С. Такайшвили не обратил внимание на то, что, во-первых, старая грузинская литература (например, «География Грузии» царевича Вахушти 1745 г., а также ряд документов начала XIX в., опубликованных в «Актах Кавказской археографической комиссии») называет Басианом ущелье Балкарского Черка. Во-вторых, Ксанское ущелье находится от верховий Аракса много дальше, чем от Балкарий. В-третьих, частые военные столкновения жителей Ксанского ущелья с горами центральной части Северного Кавказа были реальным историческим фактом, чего нельзя сказать по отношению к араксскому Басиану. Исходя из сказанного, мы приходим к выводу, что Е. С. Такайшвили ошибся, приурочив упомянутый Басиан к верховьям Аракса, а не к Балкарии³⁸².

Надо думать, что грузинский термин «Басиан» применительно к Балкарскому ущелью происходит от родового имени «Басият», которым называли себя таубии этого ущелья. Страна «Басиан», таким образом, должна означать территорию, принадлежащую владетельному роду Ба-сиани, как называл этот род Вахушти, или, иначе — Басиятовым. Учитывая это, приходим к заключению: Цховатская надпись дает основание утверждать, что в XIV или XV в. балкарцы жили вблизи нынешней Северной Осетии, через которую только и могли происходить военные и торговые сношения Ксанского ущелья с балкарцами. Так как северокавказская степь в это время была занята татарами и кабардинцами, а Осетия — осетинами, то естественно допустить, что балкарцы жили тогда примерно в тех самых ущельях, что и теперь. С этой точки зрения Цховатская надпись является наиболее ранним известием о подлинных балкарцах.

После Цховатской надписи наступил длительный перерыв в известиях о карачаево-балкарском народе. Более поздние сообщения о нем начинают поступать лишь с XVII в., причем вначале они опять относятся к жителям именно Балкарского ущелья. Так, документы упоминают в 1629 г. «Балкары» (соседнее с Дигорией «место»)³⁸³, а в 1643 г. — «Балкарские кабаки»³⁸⁴.

Московские послы Н. М. Толочанов и А. И. Иевлев, идя в Имеретию и обратно, побывали в 1651 г. «на Черехе реке» в «Болхарех»³⁸⁵.

Позже документы сообщают: в 1656 г. о местности «Малкари», ле-

³⁸² А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.— Л., 1958, стр. 44.

³⁸³ Е. С. Такайшвили. Археологические экскурсии, разыскания и заметки. «Известия Кавказского отдела Московского археологического общества», вып. IV. Тифлис, 1915, стр. 106

³⁸⁴ Л. И. Лавров. Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX в. «Краткие сообщения Института этнографии», X, 1950, стр. 80, 81; «Вопросы этнографии Кавказа». Тбилиси, 1952, стр. 341, 342.

³⁸⁵ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I. М., 1957, стр. 120, 125.

жащей между Грузией и Терками³⁸⁶, о местности «Басиани», находящейся вблизи Черкесии и Дигории³⁸⁷, в 1718 г. о «татарах балкарских» (Tartari Balsarsei)³⁸⁸, в 1743 г. о «волости Малкар», которая «лежит в вершинах р. Черека»³⁸⁹, в 1747 г. о «болгарце» из фамилии Абаевых³⁹⁰, которая позже известна в ущелье р. Восточного Черека, во второй четверти XVIII в. об ущелье «Басиани», находящемся по соседству с Дигорией, Рачей, Сванией, и Черкесией³⁹¹, в 1757 г. об урочище «Малкар», расположенном «в Кашкатавских вершинах»³⁹², в 1768 г. о народе «Балкар», который находится по соседству с Караджау и «Дюге-ром» и состоит из 50 дворов³⁹³. По словам И. А. Гильденштедта. (1773 г.), «округ Малкар» насчитывал до 1000 семейств, большинство которых проживало в маленьких селениях: Улумалкар (Большой Малкар), Мухол, Ишканта, Шаарда, Хурдайза, Гробфарта, Аджалга и др.³⁹⁴.

Бросается в глаза, что среди приведенных известий о Балкаре или, что то же, о Малкаре и Басиани, нет ни одного, о котором можно было бы утверждать, что оно относится не к ущелью р. Восточный Черек, а ко всей Балкарии в нынешнем смысле этого слова. Документ 1743 г. говорит о балкарском народе весьма определенно, что он «состоит в разных пяти волостях и по оным и звание свое имеет. А общего всему народу звания нет»³⁹⁵. Поэтому беспочвенны попытки некоторых авторов опереться на упоминания балкарцев в документах XVII в. и в стихотворении В. А. Жуковского, чтобы доказать, будто под этим названием издавна подразумевался весь нынешний балкарский народ, а не жители только одного ущелья³⁹⁶. Отсутствие в прошлом у балкарцев территориального и политического единства объясняет причину отсутствия у них долгое время общего названия и самоназвания.

В первой половине XVII в. становятся известны «Карачай». Через их

³⁸⁶ Там же, стр. 242.

³⁸⁷ «Международные отношения Грузии с иноземными странами. П. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650—1652». Тифлис, 1926, стр. 32—36, 52—54, 86, 90, 92, 99, 101, 105—107, 117—121, 170, 190, 201; «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией», т. IV. СПб., 1842, стр. 159, 160.

³⁸⁸ «Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями с 1639 г. по 1770 г.». СПб., 1861, стр. 73.

³⁸⁹ «История Осетии в документах и материалах», т. I. Цхинвали, 1962, стр. 70.

³⁹⁰ Архив Академии наук СССР (Ленинград), разр. IV, оп. I, № 326, л. 147

³⁹¹ Г. Кокиев. Материалы по истории Осетии (XVIII в.). «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. VI, Орджоникидзе, 1934, стр. 32.

³⁹² «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II. М., 1957, стр. 141.

³⁹³ Вахудити. География Грузии. ЗКОРГО, кн. XXIV, вып. 5, 1904, стр. 138, 141—150.

³⁹⁴ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 199.

³⁹⁵ Там же, стр. 281.

³⁹⁶ Указ. соч., стр. 460.

землю в 1639—1640 гг. прошли в Мегрелию и обратно московские послы Ф. Елчин и П. Захарьев³⁹⁷. Не касаясь вопроса о тогдашнем местожительстве карачаевцев, М. А. Полиевктов доказал, что путь этих послов лежал по Баксанскому ущелью³⁹⁸. Это дало нам основание утверждать, что предания о переселении карачаевцев с р. Баксана имеют под собой реальную почву, так как в первой половине XVII в. карачаевцы действительно жили не на Кубани, а на Баксане³⁹⁹.

С нашим выводом не согласна Е. Н. Кушева, которая считает, что Карачай, упоминаемый Ф. Елчиным и П. Захарьевым, находился на Кубани, куда послы по неведомой причине будто бы заезжали из Кабарды, прежде чем поехать в Баксанское ущелье. Е. Н. Кушева утверждает, что, возвращаясь из Мегрелии, послы уже не заезжали в Карачай, а воспользовались «прямой дорогой» вдоль по р. Баксану. Этим будто бы и объясняется то, что от Кабарды до Сванети послы шли около десяти дней, а от Сванети до Кабарды — лишь около четырех дней⁴⁰⁰. Ошибка Е. Н. Кушевой произошла из-за того, что она не обратила внимание на статейный список П. Захарьева, где есть прямое указание на обратный путь послов через карачаевские земли: «Июня в 8 де пошли из Соней. Июня в 12 де пошли и с Карачаев (разрядка моя.— Л. Л.). Того же дни пришли в Алегукину Кабарду»⁴⁰¹.

Наш вывод о проживании в XVII в. карачаевцев на Баксане подержала Е. П. Алексеева, но с оговоркой, что и верховья р. Кубани были тогда тоже заселены карачаевцами⁴⁰². Гипотезу Е. П. Алексеевой нельзя подкрепить ссылкой на источники, и трудно представить, чтобы карачаевцы, которых еще в первой половине XIX в. было не более 10 тыс. человек⁴⁰³, могли в XVII в. занимать столь обширную территорию.

Возвращаясь к известиям о карачаевцах, упомянем отписку терского воеводы М. И. Волынского от 1643 г., в которой говорится, что двое татар, посланные им в Кабарду, были захвачены в плен «карачаевскими черкасами», причем это произошло «в Кабарде... под Пяти Горами». Так как, по изысканиям Е. Н. Кушевой, Пятигорье в XVII в. не входило в состав

³⁹⁷ Г. К о к и е в. Материалы..., стр. 31.

³⁹⁸ О. К. Б а б а е в. Указ. соч., стр. 48, 49; Х. З. А п н а е в, В. Ф. П и п и н и с. Место историко-героических песен в балкарском фольклоре. УЗКБ, т. XVIII, 1961, стр. 63, 64.

³⁹⁹ Посольство дьяка Федора Елчипа и священника Павла Захарьева в Даданскую землю (1639—1640). «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 2. М., 1887, стр. 302, 304, 305, 309, 310, 313, 318, 374.

⁴⁰⁰ М. А. П о л и е в к т о в. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тбилиси, 1932, стр. 38.

⁴⁰¹ Е. Н. К у ш е в а. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963, стр. 171.

⁴⁰² «Посольство дьяка Федора Елчина и священника Павла Захарьева...», стр. 374.

⁴⁰³ Е. П. А л е к с е е в а. Карачаевцы и балкарцы..., стр. 50.

Кабарды⁴⁰⁴, то татары, отправленные в Кабарду, могли быть захвачены в плен не западнее, а скорее восточнее Пятигорья, т. е. в местах гораздо более близких к р. Баксану, чем к р. Кубани. Таким образом, отписка Вольнского 1643 г., кажется, говорит тоже в пользу проживания карачаевцев в Баксанском ущелье.

Записка А. Ламберти, относящаяся к 1633 —1650 гг., не сообщает существенных данных о местожительстве карачаевцев. В ней лишь говорится, что «каррачиоли» обитают на северной стороне Кавказского хребта, в стране, где «небо постоянно облачное и темное»⁴⁰⁵. Еще менее определенное известие о них имеется от 1718 г. у Г. Шобера⁴⁰⁶.

Запись показаний кабардинских и кумыкских феодалов, сделанная в Коллегии иностранных дел в 1743 г., отметила значительные изменения, происшедшие во второй половине XVII или в начале XVIII в. на этнической карте Центрального Кавказа. В записи сказано, что «на вершинах р. Баксан» проживают уже не карачаевцы, а «соны», т. е. сваны, что же касается «народа Харачай», то он, согласно этой записи, «живет в Кубанских вершинах»⁴⁰⁷.

«За рекою Кубаном» упоминается «Харачай» и в документе 1753 г.⁴⁰⁸ Есть известие о «карачайцах» или «карачайских пародах» от 1760 г.⁴⁰⁹ Ротмистр А. Шелков в 1768 г. сообщал, что население «карачаев» состоит из 400 семейств⁴¹⁰. По данным И. А. Гильденштедта (1773 г.), округ Карачай «расположен в верховьях Кубани, на западе от него — абазинский округ Башилбай, а на юге — Сванети. Горный хребет Чалпак отделяет его на Востоке от баксанских кабардинцев»⁴¹¹.

Чегемцев, бизингиевцев и хуламцев следует считать старыми подразделениями балкарцев, хотя в источниках до XVIII в. они не упоминаются.

Самое раннее известие о чегемцах относится к 1718 г. и принадлежит лейб-медику Петра I Г. Шоберу. Среди разных народов Северного Кавказа он называет и «татар чегемских»⁴¹².

Упоминаются они и у К. Главани (1724 г.), который писал, что они насчитывают 500 дворов⁴¹³.

Кизлярский дворянин Тузов в 1736 г. посетил чегемское селение

⁴⁰⁴ В. П. Невская. Социально-экономическое развитие Карачаев в XIX в. (дореформенный период). Черкесск, 1960, стр. 16, 17.

⁴⁰⁵ «Кабардино русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. 1, стр. 222

⁴⁰⁶ Е. Н. Куроптев. Указ. соч., стр. 93.

⁴⁰⁷ А. Ламберти. Указ. соч., стр. 192

⁴⁰⁸ Указ. соч., л. 147

⁴⁰⁹ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. II, стр. 188.

⁴¹⁰ Там же, стр. 205

⁴¹¹ Там же, стр. 281.

⁴¹² Указ. соч., стр. 461.

⁴¹³ Указ. соч., л. 147

Эль-Тюбе (иначе Улу-Эльт и Верхний Чегем), которое он именует «Чегемской деревней», и говорит, что оно насчитывает около 300 дворов⁴¹⁴. «Волость Чегем» и «чегемцы» упоминаются под 1743,⁴¹⁵ 1753,⁴¹⁶ 1768 гг., причем в последнем из этих известий сказано, что Чегем состоит из 700 семейств⁴¹⁷. В 1773 г. в «округе» Чегем, согласно И. А. Гильденштедту, было до 360 семейств, проживавших в следующих 10 селениях: Улу-Эльт (главное селение), Мимала, Тобенинншл-Бердеби,-Аче, Чеге, Кам, Орсундак, Булунгу, Джерлиге и хуторе Узтоширл⁴¹⁸.

«Безенге» и Хулам упомянуты среди горских «волостей» в 1743 г.⁴¹⁹; У И. А. Гильденштедта сказано о них кратко: «... 2) Бизинге, или Биз-ниге на Черке. Числится в нем лишь 100 семейств; 3) Хулам. Тоже на Черке. Так же мал»⁴²⁰.

Нынешнее население Баксанского ущелья было известно до революции под названием урусбиевцев, так как во главе их стояли феодалы Урусбиевы, выведшие свой род от бизингиевских феодалов Суншевых.

Старейшим известием об урусбиевцах является балкарская надпись 1715 г., вырезанная на каменной плитке. Надпись гласит, что кабардинский князь Аслан-бек Кайтуко вместе с некоторыми дигорскими и, кажется, балкарскими феодалами согласился на предоставление Исмаилу Урусбию некой территории в восточной части нынешней Кабардино-Балкарской АССР, скорее всего в районе горы Кашкатау,⁴²¹ где еще недавно стоял мавзолей, который приписывали предку Урусбиевых⁴²². Среди балкарских «волостей», перечисленных и частично описанных в документе 1743 г., нет известий об урусбиевцах, но зато говорится о какой-то «волости Хусыр», которая упоминается между «волостями» Хулам и Малкар. Дальнейшие исследования покажут: не скрывается ли под Хусыром область, которую тогда занимали урусбиевцы? Во всяком случае, их еще не было в Баксанском ущелье, которое в 1743 г. оказалось временно занято сванами⁴²³. О появлении урусбиевцев в этом ущелье становится известно в начале 1780-х годов, когда Я. Рейнеггс в своем сочинении отметил: «На баксанских горах... пасут (свой

⁴¹⁴ К. ГЗГавали. Описание Черкесии 1724 г. СМОМПК, вып. 17, 1893, стр. 155.

⁴¹⁵ Г. А. К о к и е в. Материалы..., стр. 34.

⁴¹⁶ Там же, стр. 31.

⁴¹⁷ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 188.

⁴¹⁸ Там же, стр. 281

⁴¹⁹ Указ. соч., стр. 460, 461.

⁴²⁰ Г. А. К о к и е в. Материалы..., стр. 31, 32.

⁴²¹ Указ. соч., стр. 460.

⁴²² Л. И. Л а в р о в. Об арабских надписях Кабардино-Балкарии. УЗКБ, т. XVII, 1960, стр. 114, 115, 118; он же. Эпиграфические памятники..., ч. 2, стр. 50, 123—125.

скот.— Л. Л.) 160 бедняков племени Орузпи»⁴²⁴.

Я. Рейнегтс сообщает, что урусбиевцы в это время платили дань кабардинским князьям. По сведениям, после переселения Урусбиевых на р. Баксан были переселены туда же оставшиеся в Бызынги их подвластные. К ним присоединились выходцы из других районов, и население скоро увеличилось. Вскоре возник конфликт между урусбиевцами, с одной стороны, и кабардинскими князьями Атажукиными — с другой. Начались военные действия. Атажукиным помогали чегемские таубии Баресбиевы и Келеметовы. Предания рисуют гибель в этой борьбе Тугузака Келеметова, ранение Басията Баресбиева и отступление Атажукиных⁴²⁵. По другому преданию, чегемцы во главе с Балкароковым отвоевали у урусбиевцев нынешнее с. Былым, которое с тех пор стало считаться владением Балкароковых⁴²⁶. Очевидно, борьба закончилась не в пользу урусбиевцев.

В Карачае, на правом берегу р. Джемагата (приток р. Теберды), находятся могилы двух братьев Урусбиевых — Эльмырзы и Алхаса. Вблизи могил расползены развалины селения. Карачаевцы передают, что здесь жили выходцы из Баксанского ущелья. Братья Урусбиевы умерли во время большой эпидемии чумы. Тогда же умерли многие из жителей подвластного им селения. Остаток жителей разбрелся в разные стороны. Большинство ушло в Баксанское ущелье, где они будто бы основали сел. Верхний Баксан⁴²⁷. К. Ф. Ган записал красивую песню, описывающую горе матери Алхаса и Мурзы (т. е. Эльмырзы)— Уха-биче Урусбиевой. «Уха-биче из рода Урусбиевых,—говорил К. Ф. Ган в пояснении к песне,— по смерти своего мужа пришла с Баксана на Теберду с двумя сыновьями, Алхасом и Мурзой, племянником Муссой и толпой народа и; здесь поселилась... Несколько лет прожили они счастливо и дружно. Но вот явилась «эмина» (холера), и Алхас с Мурзой умерли в один день». В тексте песни Уха-биче, между прочим, восклицает: «Люди, пришедшие со мной из Баксана, разбежались из селения и живут в ущельях гор... Раньше никто не отваживался уходить из селения без моего разрешения,, а теперь все от меня разбрелось. Со мной пришло из Урусбиевского селения 100 дворов, а теперь осталось лишь меньшинство»⁴²⁸.

«Эмина», т. е. чума, конечно, а не холера, как думает К. Ф. Ган, произвела страшное опустошение на Северном Кавказе в течение 1804— 1812 гг.

⁴²⁴ Л. И. Лавров. Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX в., «Краткие сообщения Института этнографии», вып. 10, 1950, стр. 81; «Вопросы этнографии Кавказа», стр. 342, 343; он же. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. 2, М., 1968, стр. 123, 124.

⁴²⁵ В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии..., стр. 83.

⁴²⁶ Г. А. Кокеев. Материалы..., стр. 31, 32.

⁴²⁷ Там же.

⁴²⁸ М. К. Абаев. Указ. соч., стр. 592—594.

Именно к этому времени нужно отнести смерть Эльмырзы и Алхаса и переселение карачаевских урусбиевцев обратно на р. Баксан. Но возникает вопрос: какие причины заставили Уха-биче с сотнею крестьянских хозяйств покинуть перед этим Баксанское ущелье и поселиться на р. Джемагате? Очевидно, война с Атажукиными и чегемцами. Обратное же переселение урусбиевцев на р. Баксан на рубеже 1800—1810 гг., надо думать, захватило и некоторую часть природных карачаевцев. Во всяком случае, после этого многие из баксанцев (урусбиевцев) склонны были считать себя не балкарцами, а карачаевцами. Впервые это обнаружено у Ю. Клапрота, который считает «племя Урусбий» частью карачаевцев⁴²⁹. Из более поздних авторов то же самое делали М. К. Го-лумбиевский⁴³⁰ и В. Я. Тепцов⁴³¹. Некоторые, ссылаясь на мнение местных жителей, считали карачаевцами только обитателей поселка Гиж-гит. Во время переписи 1897 г. в сел. Верхний Баксан назвали себя карачаевцами 216 человек.

После возвращения части урусбиевцев из Карачая отношения их с Атажукиными оставались, кажется, напряженными. Об этом говорит поданное в 1822 г. Урусбиевым на имя ген. А. П. Ермолова ходатайство о дозволении ему снова переселиться, на этот раз в пределы России на правый берег р. Кубани. Ходатайство было отклонено⁴³².

Обзор источников о местожительстве в прошлом карачаевцев и отдельных подразделений балкарского народа позволяют сделать несколько заключений. Во-первых, подразделение собственно балкарцев (по-грузински басыани) образовалось не позже XIV—XV вв., когда его уже знала Цховатская надпись. Во-вторых, в середине XVII в., карачаевцы обитали на Баксане и их переселение к верховьям Кубани произошло до 1743 г., когда Баксанское ущелье временно оказалось в руках у сванов. В-третьих, урусбиевцы выделились (очевидно, из бизингиевцев) в особое подразделение перед 1715 г., когда они переселились на новые земли в восточной части Кабардино-Балкарии; переселению их в Баксанское ущелье до 1780-х годов предшествовал уход оттуда сванов.

О хозяйстве карачаевцев и балкарцев в XIII—XVIII вв. приходится говорить очень мало, так как соответствующие археологические материалы еще не накоплены, письменных известий было крайне недостаточно и относятся они лишь к концу указанного периода. Но застойный характер экономики горной полосы Кавказа в средние века позволяет предполагать,

⁴²⁹ Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию..., стр. 176

⁴³⁰ В. М. Сысов. Отчет о поездке в Карачай. ИОЛИКО, вып. 1, 1899, стр. 152, 153; В. М. Сысов. Карачай..., стр. 112, 113.

⁴³¹ Указ. соч., стр. 63—65; «Зеки къарачай джырла». Мйкоян-Шахар, 1940, стр. 29

⁴³² Указ. соч., стр. 530.

что не сделаем большой ошибки, распространяя сообщения поздних источников на более раннее время.

Ведущее место в хозяйстве карачаевцев и балкарцев занимало отгонное животноводство. Зимними пастбищами многие из них пользовались в Кабарде, так как заготавливаемого на зиму корма в горах обычно не хватало. В документе 1743 г. сказано, что балкарцы «в кабардинских угодьях, через несколько в году месяцев, скоты свои пасут. А когда у них в горах хлеб и трава родится довольная и тогда оные... и скоты свои из гор не выгоняют и сами в Кабарду уи-ее не ездят»⁴³³. И. А. Гильденштедт в 1773 г. также подтверждал, что балкарцы «гоняют скот на кабардинскую территорию»⁴³⁴. Источники сообщают о разведении ими преимущественно овец и свиней, а также коз, крупного рогатого скота, лошадей и ослов. Свиноводство исчезло к концу XIX в. в связи с распространением ислама.

В XVIII в. упоминается и земледелие, причем, по данным 1743 г., «хлеб у них родится: пшеница, ячмень и местами — овес, а проса не родится»⁴³⁵. Но начиная со второй половины XVIII в. источники содержат указания и на посевы проса. В 1822 г. в Баксанском ущелье существовали огороды с посадками лука, редьки и огурцов.

В XVIII и начале XIX в. подсобную роль в хозяйстве играли пчеловодство, охота, выделка грубого сукна и войлоков, обработка кожи, спорадическое вываривание соли из минеральных вод, добыча серы и свинца в Чегемском ущелье и железа в Карачае, производство пороха и пуль. Есть известие, что в начале XIX в. некоторые прибегали к изготовлению посуды из медных монет.

"У балкарцев и карачаевцев существовал оживленный обмен товарами с Кабардой, куда они сбывали шерсть, пряжу, грубые сукна, войлоки, шкуры лисиц и куниц, серу и порох, а оттуда получали просо, сафьян, соль, хлопчатобумажные ткани, полотно, рыбу и пр. Примерно тот же ассортимент товаров лежал в основе меновой торговли балкарцев на еженедельных базарах в г. Они в Грузии⁴³⁶. Карачаевцы продавали скот сванам и покупали у них сушеные фрукты и другие товары⁴³⁷

Авторы сводного труда по истории Балкарии утверждают, будто в XVI—XVII вв. «общественный строй балкарцев можно характеризовать как переходный период от патриархально-родовых порядков к феодальным отношениям»⁴³⁸. Такая формулировка архаизирует общественный строй

⁴³³ К. Г о л о м б и е в с к и й. Попытки восхождения на Эльбрус в 1887 и 1888- годах и топография этой горы и ее окрестностей. ИКОРГО, т. XVI, № 3, стр. 27

⁴³⁴ В. Я. Т е п ц о в. Указ. соч., стр. 90, 91 и др.

⁴³⁵ «Акты КАК», т. VI, ч. 2, 1875, стр. 459.

⁴³⁶ Г. А. К о к и с в. Материалы..., стр. 32.

⁴³⁷ Указ. соч., стр. 462.

⁴³⁸ Г. А. К о к и е в. Материалы..., стр. 33.

Балкарии в указанное время. Применительно к XVI—XVII вв. нельзя говорить о переходе от первобытно-родового строя. Мы часто преувеличиваем значение пережитков, этого строя и забываем, что многие из них существуют при капитализме и доживают до социализма. Характер общественного строя определяют в конечной мере не пережитки, а реальные отношения людей в процессе производства. Говоря о феодализме, часто смешивают две его стадии: раннюю, когда присвоение прибавочного продукта выражалось в виде дани, не связанной с землепользованием, и позднюю, когда основным источником эксплуатации становится земельная рента. Карачай и Балкария в XIII—XVII вв. находились на стадии раннего феодализма, и поэтому не правы авторы упомянутого выше сводного труда, когда пишут, будто «основой феодальной эксплуатации в Балкарии в ту пору (XVI—XVII вв. — Л. Л.) была феодальная собственность на землю и неполная собственность на крестьянина»⁴³⁹. Факты показывают, что в Карачае и Балкарии до XIX в. существовала не столько феодальная, сколько подворная собственность на пахотные и сенокосные угодья, а что касается пастбищ и лесов, то они составляли собственность отдельных обществ. Из того, что во главе общества стояли феодалы, нельзя еще делать вывод, будто вся земля общества считалась их собственностью. В обычном праве карачаевцев и балкарцев не было статей, позволяющих феодалам отчуждать, продавать или дарить общественные земли и тем более принадлежавшие отдельным лично свободным крестьянам, составлявшим подавляющее большинство населения Карачая и Балкарии. Феодальная собственность на землю существовала лишь там, где работали крепостные и полукрепостные, но таких было не так уж много.

Феодалов в Карачае и Балкарии источники упоминают лишь с XVII в., но существование там феодальных отношений в более раннее время вытекает из того, что они были известны половцам и аланам еще в XI—XII вв. В XVII—XVIII вв. в Карачае и Балкарии упоминаются феодалы, крестьяне и покупные рабы.

Феодалы именуются в документах по-разному: князья, мурзы, владельцы, старшины, знатные, помещики, басияты и уздени. Так, в документе 1629 г. имеется неясный рассказ о жителях Балкарского ущелья, которыми

---

⁴³⁹ Там же, стр. 32, 33, 35; «Посольство стольника Толочаиова», стр. 107; Н. Указ. соч., стр. 462; Р. 5. РаПаз. Указ. соч., стр. 408—410; Указ. соч., стр. 531, 534; «Акты КАК», т. II, стр. 976; там же, т. VIII, 4881, стр. 635; С. Броневский. Указ. соч., стр. 217—222; П. Зубов. Картина Кавказского края, ч. 3. СПб., 1835, стр. 132—138; Э. В. Бриммер. Служба артиллерийского офицера. КС, т. XV, 1894, стр. 98; И. Шаховской. Воспоминание о Каиказе. «Военный сборник», 1876, № 10, стр. 450; В. П. Невская. Социально-экономическое развитие..., стр. 24, 50.

«владеют черкасских мурз Апши да Абдаулы мурзы болкар-ских князей»⁴⁴⁰. В 1639—1640 гг. московские послы встретили в Мегрелии приезжего «карачайского мурзу Ходзьяку»⁴⁴¹, а в самом Карачае посещали двух других мурз — Ельбуздука и Галистана (иначе — Елбуз-дука и Елистана)⁴⁴². В 1643 г. известен «Балхарских кабаков уздень Касбулат»⁴⁴³. Московские послы, посетившие Балкарское ущелье в 1651 г., упоминают «владельцев» и «мурз»: Алибек, Айдабул (он же Андабал), Хабим (он же Хабитин), Буга (или Буга) и Чеполов⁴⁴⁴. Е. Н. Кушева сопоставляет Айдабула с позже известной фамилией верхнебалкарских феодалов Айдебуловых⁴⁴⁵. Документ 1736 г. говорит о старшинах в Чегемском ущелье, а другой⁴⁴⁶ документ, относящийся к 1743 г., рассказывает, что жители Балкарского и Чегемского ущелий «имеют малых своих владельцев», причем «малыми» они названы по сравнению с кабардинскими князьями⁴⁴⁷. В 1747 г. кабардинский князь Касай Атажукин состоял в молочном родстве с «балгарцем Азаматом Абаевым»⁴⁴⁸, которого Е. Н. Кушева считает представителем позже известной в Балкарии фамилии феодалов Абаевых⁴⁴⁹. В первой половине XVIII в. в Балкарском ущелье, по словам царевича Вахушти, были «знатные», которых он в другом месте называет «помещиками»⁴⁵⁰. В 1773 г. И. А. Гильденштедт писал, что в Балкарском ущелье «фамилия Базиат... считается княжеской и у черкесов также признается»⁴⁵¹. В начале 1780-х годов Я. Рейнеггс отмечал в Балкарии владетельные фамилии Шакмановых («Шакман») и Урусбиевых («Оруспи»), которые он считал племенными названиями подчиненного им населения⁴⁵².

Зависимое от феодалов крестьянство упоминается в источниках XVII—XVIII вв. под именем «мужиков» и «крепостных». Так, в 1639 г. московские послы нанимали «карачаевских мужиков» для переноски тяжестей через Кавказский хребет⁴⁵³. В первой половине XVIII в. в Балкарском ущелье упоминаются у «помещиков» «крепостные крестьяне»⁴⁵⁴.

⁴⁴⁰ В. П. Невская. Социально-экономическое развитие..., стр. 70.

⁴⁴¹ «Очерки истории балкарского народа», стр. 33.

⁴⁴² Там же, стр. 32.

⁴⁴³ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 125.

⁴⁴⁴ «Посольство дьяка Федора Елчина...», стр. 341.

⁴⁴⁵ Там же, стр. 305, 318.

⁴⁴⁶ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 242.

⁴⁴⁷ «Посольство стольника Толочаюва», стр. 33, 35, 36, 86, 105—107, 117, 119—121, 201.

⁴⁴⁸ Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 173.

⁴⁴⁹ Г. Кокеев. Материалы..., стр. 35.

⁴⁵⁰ Г. Кокеев. Материалы..., стр. 31, 32.

⁴⁵¹ Кабардино-русские отношения..., т. ТТ, стр. 141.

⁴⁵² Е. П. Кушова. Указ. соч., стр. 173.

⁴⁵³ Вахушти. Указ. соч., стр. 141, 150.

⁴⁵⁴ Указ. соч., стр. 460.

О существовании рабства можно заключить из сообщения 1760 г. о покупке карачаевцами пленного татарина⁴⁵⁵.

В фольклоре отразились жалобы крестьян на классовый гнет со стороны феодалов Абаевых в Верхней Балкарии, Шакмановых в Верхнем Хуламе и др. Рассказывается, как балкарец Бек Болат убил бия Умара Шакманова за присвоение себе права первой ночи⁴⁵⁶.

В 1395 г. Северный Кавказ оказался ареной борьбы между Золотой Ордой и полчищами Тимура. Кавказские народы (кайтаки, аланы, абазины, адыги) оказывали упорное сопротивление Тимуру. Некоторые эпизоды этой борьбы, кажется, происходили в Балкарии или в Карачае. Так, по словам иранских историков, современников Тимура, последний, после победы над золотоордынским ханом Тохтамышем, пошел от Жулата к низовьям!! Волги, потом на Елец, оттуда через Азов к Кубани. Разорив эту область, он пошел на другую, во главе которой стоял некий Пулат. По дороге к Пулату Тимур остановился в местности Балкан. Может быть, это — Балкар? или — р. Малка, называемая по-кабардински и по-карачаево-балкарски — Балкъ (последнее мнение высказывал автору покойный проф. А. Н. Генко). Пулат защищался в горах, в крепости Кабчигай, но Тимур взял ее и сжег. Получив известие «с правой стороны от великого мирзы Мираншаха (одного из Тимуровых военачальников.— Л. Л.) от подножия горы Эльбурз», что золотоордынец Утурка укрылся у абазин («в местности Абаса»), Тимур налегке перевалил за Кубанью через Главный Кавказский хребет и взял в плен Утурку. После этого он Еернулся на северную сторону Главного хребта и некоторое время стоял лагерем около Бештау («среди Беш-тага»). Оттуда он совершил поход в «область Симсима». Многие из жителей Симсима бежали в горы («вошли в неприступные места, так что [даже] пешком туда с трудом можно было идти»), Тимур вслед за ними вошел в горы и «завоевал все те крепости и приказал, чтобы жителей их, связав, бросили с крепости вниз. И еще в горах он взял бесчисленные области». После того полчища Тимура пошли к Дагестану на аварцев⁴⁵⁷.

В настоящее время нет возможности точно установить, чему соответствуют Иркувун, Симсим и Кабчигай. Исходя из того текста, откуда черпаем сведения о походе Тимура, они должны были находиться в горах недалеко от Бештау и Кубани, т. е. примерно в Балкарии или Карачае. Упоминание «горы Эльбурз» мало помогает разъяснению, так как под этим именем скрывался весь Кавказский хребет. Балкарские предания говорят, что Тимур вторгнулся в Баксанское и Чегемское ущелья.

⁴⁵⁵ Указ. соч., стр. 263.

⁴⁵⁶ «Посольство дьяка Федора Елчина...», стр. 318.

⁴⁵⁷ В а х у ш т и. Указ. соч., стр. 150.

Поход Тимура явился для балкарцев грозным, но мимолетным эпизодом, не изменившим условий их существования.

Политическая история карачаевцев и балкарцев чрезвычайно темна. Из-за отсутствия в прошлом собственной письменности у них не было своих летописей и других исторических документов. Запертые в глубоких ущельях, вдали от оживленных дорог, они очень редко попадали в поле зрения составителей официальных и неофициальных бумаг у других народов.

Что касается фольклора, то в нем говорится больше всего о войнах и, преимущественно, в XVII—XVIII вв. Балкарские предания рассказывают о взаимных набегах жителей одного ущелья на жителей другого⁴⁵⁸. Сохранились, например, предания о войнах чегемцев с хуламцами, бизингиевцами⁴⁵⁹, жителями Балкарского ущелья⁴⁶⁰ и урус-биевцами⁴⁶¹. Кроме того, известны предания и песни о войнах с грузинами-рачинцами⁴⁶², сванами⁴⁶³, кабардинцами⁴⁶⁴, абазинами⁴⁶⁵ и крымскими татарами⁴⁶⁶. О войнах с карачаевцами и балкарцами повествует фольклор дигорцев⁴⁶⁷, сванов⁴⁶⁸ и кабардинцев⁴⁶⁹.

Малочисленные письменные источники сохранили случайные известия о событиях не всегда первостепенной важности.

Цховатская надпись свидетельствует, что в XIV—XV вв. жители Балкарского ущелья подвергались нападению грузин либо сами совершали нападения на соседние районы Грузии. Во всяком случае ксанскому

⁴⁵⁸ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 205.

⁴⁵⁹ «Очерки истории балкарского народа», стр. 33; Х. З. Аппаев, В. Ф. Пипинис. Указ. соч., стр. 68, 69.

⁴⁶⁰ В. Г. Тизвингаузен. Указ. соч., т. II. М.—Л. 1941, стр. 119—123, 180—183.

⁴⁶¹ М. К. Абаев. Указ. соч., стр. 601, 602.

⁴⁶² Н. П. Тульчинский. Поэмы, легенды, песни..., стр. 311.

⁴⁶³ Г. И. Ионен. Указ. соч., стр. 198.

⁴⁶⁴ М. К. Абаев. Указ. соч., стр. 592, 593, 600, 601; Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию..., стр. 176.

⁴⁶⁵ М. К. Абаев. Указ. соч., стр. 595.

⁴⁶⁶ А. Н. Дьячков-Тарасов. Заметки..., стр. 65; Н. П. Тульчинский. Поэмы, легенды, песни..., стр. 265—267; М. К. Абаев. Указ. соч., стр. 595; И. Тамбисев. Заметки по истории Балкарии. «Революция и горцы», 1933, № 8, стр. 66, 67; Х. З. Аппаев, В. Ф. Пипинис. Указ. соч., стр. 69.

⁴⁶⁷ К. Ф. Гап. Указ. соч., стр. 11; Н. П. Тульчинский. Поэмы легенды песни..., стр. 190—211; М. К. Абаев. Указ. соч., стр. 592—594, 596—600; И. Тамбисев. Указ. соч., стр. 64, 65; Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию..., стр. 176.

⁴⁶⁸ «Извлечение из отчета об осмотре казенных свободных земель пагорной полосы между рр. Тебердой и Лабой» «Сб. сведений о кавказских горах» (далее — ССКГ), вып. IV. Тифлис, 1870, стр. 14; В. П. Невская. Социально-экономическое развитие..., стр. 20, 21

⁴⁶⁹ Х. З. Аппаев, П. Ф. Пипинис. Указ. соч., стр. 66, 67.

эристави Ризии Квешшневели пришлось испытать плен в Балкарском ущелье, откуда его выкупили на средства Спасской церкви в сел. Цховати (Ксанское ущелье в Грузии)⁴⁷⁰.

Следующее известие относится к ноябрю 1628 г., когда были доставлены в г. Терки из Балкарского ущелья образцы серебряной руды и антирусская каолиция в лице кумыкского князя Айдемира Эндерийского (будущего шамхала) вместе с кабардинскими князьями Илдаром и Сурхаем вторглась в это ущелье с карательной целью. Они, «собрався с ратными людьми, пошли в горы в Балкары в то место, где серебряную руду имали, на Абшины з братьею Тазримовых детей⁴⁷¹ на ясачных людей кабаки войною» и, как сообщал терский воевода в начале 1629 г., «Апшика... з братьею против Аидемира да Илдара да Суркая стоят и с ними бьютца»⁴⁷².

Отношения с кумыками были не только враждебными. Об этом свидетельствует то, что в XVIII—начале XIX в. во главе Карачая стояла феодальная фамилия Крымшамхаловых (Кърымшавхаллары). По преданию, она происходила от легендарного Къарчи, выходца из Крыма, но термин «кърымшамхал (вариант: «кърым-шавкал») — дагестанского происхождения, означавший в XVI в. наследников достоинства кумыкских шамхалов. Известны случаи вражды между шамхалами и крым-шамхалами. Можно допустить, что один из последних некогда бежал в Карачай из Кумыкии⁴⁷³. Этому могла благоприятствовать близость карачаево-балкарского и кумыкского языков.

В 1639—1640 гг. карачаевцы гостеприимно принимали у себя в Баксанском ущелье московских послов Ф. Елчина и П. Захарьева, ходивших в Мегрелию и обратно. При этом в Баксанском ущелье Елчин «торговал и по пирам ходил к мурзам к карачайским и к иным черкасом и гостинцы к ним и женам их носил; и за торгом... жил в Карачаех пятнатчет дней»⁴⁷⁴. Об отсутствии у карачаевцев вражды к мегрелам свидетельствует то, что карачаевский «мурза» Ходзьяка в 1640 г. гостил у мегрельского епископа Андрея⁴⁷⁵.

Мирныенътношения русских и карачаевцев не помешали последним

⁴⁷⁰ «Памятники народного творчества Осетии», вып. 2. Владикавказ, 1927, стр. 118

⁴⁷¹ Р. Д. Эристо в. Заметки о Сванетии. ЭКОРГО, кн. VIII. 1884—1885, стр. 68; Д. М а р г а н и. Свансты. СМОМПК, вып. 10, 1890, стр. 73; А. П. Грен. Сванетские тексты. СМОМПК, вып. 10, 1890, стр. 87, 108.

⁴⁷² «Кабардинский фольклор», М.—Л., 1936, стр. 169.

⁴⁷³ Л. И. Л а в р о в. Расселение сванов..., стр. 80, 81; «Вопросы этнографии Кавказа», стр. 341, 342; «История Кабардино-Балкарской АССР», т. I, стр. 86.

⁴⁷⁴ Абшина в другой месте назван Абшитом Взроковым.

⁴⁷⁵ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.». т. I, стр. 120, 124, 125.

в 1643 г. захватить в плен трех татар, посланных в Кабарду с поручением от терского воеводы⁴⁷⁶.

Документы отразили мирные контакты жителей Балкарского ущелья с русскими. Так, сохранилось случайное известие от 1643 г. о пребывании «балхарских кабаков узденя Каспулата» в русском городе Терки⁴⁷⁷. В 1651 г. московские послы Н. М. Толочанов и А. И. Иевлев ходили в Имеретин) и обратно через Балкарское ущелье⁴⁷⁸.

Незадолго до путешествия Толочанова и Иевлева жители Балкарского ущелья во главе со своим феодалом Алибеком, кажется, совершили нападение на сопредельный район Имеретии и разорили находившуюся там крепость. Это видно из сообщения указанных послов, что в верховьях р. Риони находится «городок пуст, каменной, что имал Алибек болхарской владелец»⁴⁷⁹. Но тот же Алибек не препятствовал имеретинским послам пройти с московскими послами через свою землю.

Мирные сношения мегрельского владельца с карачевцами отметил в 1633—1650 гг. А. Ламберта⁴⁸⁰.

Потерявший престол кахетинский царь Теймураз I, решив переселиться на Русь, обратился в 1656 г. к русскому правительству с просьбой встретить его с войском «в Малкари»⁴⁸¹. Из этого вытекает, что путь через Балкарию представлялся ему не только коротким, но и безопасным. В 1691 г. имеретинский царь Арчил нашел временный приют в Балкарском ущелье («в Басиане»), и, несмотря на требования кабардинского князя Килчико, балкарцы его не выдали⁴⁸².

Нужно сказать, что карачаевцы и балкарцы неоднократно выказывали свое гостеприимство иноземцам. В 1736 г. в Чегемском ущелье побывали кизлярский дворянин А. Тузов и донской казак⁴⁸³. В 1757 г., во время междоусобицы в Кабарде, потерпевшие поражение кабардинские князья бежали «в Кашкатовские вершины, к урочищу Малхар»⁴⁸⁴. В 1760 г. беглый крымский султан Крым-Гирей гостил в Карачае⁴⁸⁵.

⁴⁷⁶ Л. И. Лавров. Заключительное слово..., стр. 304, 305; он же. Эпиграфические памятники..., ч. 2, стр. 175.

⁴⁷⁷ «Посольство дьяка Федора Елчина...», стр. 302.

⁴⁷⁸ Там же, стр. 344.

⁴⁷⁹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 222.

⁴⁸⁰ Там же, стр. 242.

⁴⁸¹ «Акты исторические», т. IV, стр. 159, 100; «Посольство стольника Толочанова», стр. 32—36, 106, 107, 120, 121, 190, 201.

⁴⁸² Посольство стольника Толочанова», стр. 105.

⁴⁸³ А. Л а м б е р т и. Указ. соч., стр. 191.

⁴⁸⁴ «Переписка на ипострапных языках», стр. 73.

⁴⁸⁵ «История Осетии в документах и материалах», т. I, стр. 69, 70.

К числу неработанных вопросов в истории Карачая в Балкарии принадлежит вопрос о характере зависимости их в XVII—XVIII вв. от кабардинских князей и времени присоединения этих территорий к России. В сводном труде по истории балкарцев сказано, что «некоторые "редставители балкарской феодально-родовой верхушки установили с кабардинскими князьями, связанными с Россией, феодально-вассальные отношения»⁴⁸⁶. Здесь не место спорить о правомочности определения балкарских феодалов как феодально-родовой верхушки и о том, насколько ясно выражена мысль, что именно балкарские феодалы являлись вассалами кабардинских князей, а не наоборот. Важно другое: авторы указанного труда утверждают, что не большинство балкарских феодалов находилось в зависимости от Кабарды, а только некоторые из них. Далее в том же труде говорится применительно к XVI—XVII вв.: «Кабарда состояла в русском подданстве, следовательно, правомерно сказать, что и некоторые балкарские таубии уже состояли в русском подданстве, но с той лишь разницей, что они могли вести переговоры с Россией только через кабардинских князей»⁴⁸⁷. Из этого следует, что небольшая часть Балкарии (подчиненная «некоторым балкарским таубиям») присоединилась к России в XVI в, одновременно с Кабардой. Авторы труда умалчивают, какая именно часть Балкарии была тогда присоединена к России и когда последовало присоединение к России основной части Балкарии.

«Когда в XVI в. к России присоединилась Кабарда, то,—утверждает В. П. Невская,— вместе с кабардинцами присоединились и карачаевцы»⁴⁸⁸. То же самое в отношении балкарцев заявляют авторы коллективного труда о присоединении Черкесии к России⁴⁸⁹ и Т. Х. Кумыков⁴⁹⁰. В капитальном труде по истории народов Карачаево-Черкесии сказано, что еще до 1828 г. «карачаевское общество формально давно считало себя под властью русского государства»⁴⁹¹, хотя и не указывается, с какого времени. В двухтомной «Истории Кабардино-Балкарской АССР» (М., 1967) вообще ничего не говорится о времени вхождения Балкарии в состав России. Что же обо всем этом можно найти в источниках?

В расспросных речах С. Семенова и М. Агапирова, побывавших в 1629 г. в Балкарском ущелье, сказано о тамошних мурзах: «А государю де те мурзы не послушны, живут о себе, и закладов их в Терском городе нет, а

⁴⁸⁶ Г. К о к и е в. Материалы..., стр. 34, 35.

⁴⁸⁷ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 199.

⁴⁸⁸ Там же, стр. 205.

⁴⁸⁹ «Очерки истории балкарского народа», стр. 36.

⁴⁹⁰ Там же, стр. 37.

⁴⁹¹ В. Н е в с к а я. Карачаевцы, стр. 20.

слушают они черкасского (т. е. кабардинского князя.— Л. Л.) Алегука мурзы Шеганукова... А государю Алегук-мурза послушен, ж заклады его в Терском городе есть, сын его Темир-Аксак и двор де у Алегука-мурзы для его приездесть»⁴⁹². Власть Алегуки Шеганукова распространялась, кажется, и на карачаевцев, проживавших тогда в Баксанском ущелье. Так, в 1643 г. он отобрал у них татар, которых они захватили в плен⁴⁹³. Е. Н. Кушева правильно заметила, что «зависимость карачаевцев от кабардинских феодалов отражена в названии Карачае-ва Кабарда документа 1636 г.»⁴⁹⁴. По словам К. Главани, писавшего в 1724 г., «округа» Чегем и «Дюгер-Талкареги», т. е. Дигор и Малкар, зависят от Кабарды⁴⁹⁵. О мурзах Балкарского ущелья есть известие от 1651 г., что «те мурзы не под государевою рукою живут, сами о себе»⁴⁹⁶. В 1742 г. в Коллегию иностранных дел кабардинские и кумыкские феодалы сообщили: чегемцы «все дают подать старшему кабардинскому владельцу Магомету Коргокину», а что касается бизингий-цев, хуламцев, собственно малкарцев и жителей «волости Хусыр», то «некоторые из оных дают малую подать вышеписанному Магомету Коргокину и Арсланбеку Койтокину для того, что оные, приезжая в Кабарду, покупают соль, также хлеба и рыбы по несколку. А особливо в кабардинских угодьях, чрезь несколько в году месяцев, скоты свои пасут. А когда у них в горах хлеб и трава родится доволная и тогда оные соль покупают из Грузии. И в горах, отъезжая в дальние места, достают воды и из оной варят. И скоты свои из гор не выгоняют, и сами в Кабарду уже не ездят, и кабардинцев к себе не пускают, за что с ними бывают ссоры и драки». Балкарцы, как и дигорцы, «ни у которого государя не в подданстве»⁴⁹⁷, т. е. не подчиняются ни России, ни Турции.

В документе 1753 г. говорится, что «чегемцы и другие им подобные... у Всероссийской империи не в подданстве, а напротиву того многие из них во владении у тех же кабардинских владельцев»⁴⁹⁸. Есть известие, что кабардинский князь Баммат Кургоко в 1760 г. «отбыл в состоянии против Кабарды горы для взятия с подвластных своих подати»⁴⁹⁹. В 1768 г.

⁴⁹² Невская. Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск, 19,37, стр. 5.

⁴⁹³ Кумыков. Экономическое и культурное развитие..., стр. 38, 40, 41.

⁴⁹⁴ «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. I, стр. 286.

⁴⁹⁵ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 125, 126. Ср.: И. Гамель. Описание путешествия на Кавказ, предпринятого в 1628 г. по приказу царя Михаила Федоровича для отыскания серебряной руды. СПб., 1829, стр. 6, 7; Г. А. Кокпев. Геологическая экспедиция Московского государства в Кабарде в 1628 г. «Социалистическая Кабардино-Енлкарля». 1941, № 85-86.

⁴⁹⁶ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.». т. I, стр. 222.

⁴⁹⁷ Е. Кушева. Указ. соч., стр. 173.

⁴⁹⁸ К. Главани. Указ. соч., стр. 155.

⁴⁹⁹ «Посольство стольника Толочанова», стр. 120. Ср.: стр. 201.

моздокский ротмистр А. Шелков, сообщая о численности карачаевцев, чеграмцев и собственно балкарцев, прибавляет, что «с оных со всех кабардинцы подать берут и в поход их наряжают»⁵⁰⁰. Наконец, И. А. Гильденштедт в 1773 г. отметил, что «разные базианские округа (так он называл карачаевцев и подразделения балкарского народа вместе взятые.— Л. Л.) «приносят доход различным кабардинским князьям; обычно каждая семья ежегодно отдает одну овцу. Кабардинцы сильнее, и базианы гоняют скот на кабардинскую территорию, вот поэтому они и вынуждены подчиняться»⁵⁰¹.

Источники, как видим, единодушно утверждают, что балкарцы и карачаевцы платили дань кабардинским князьям, но, в противоположность последним, не считались подданными России. Приходится заключить, что дань рассматривалась, очевидно, как плата за политическое покровительство и за пользование зимними пастбищами, но не влекла за собой (во всяком случае, формально) ограничения во внешней политике. Из документов знаем, что карачаевцы и балкарцы, чтобы не платить дань, отказывались при благоприятных обстоятельствах от кабардинского покровительства и зимних пастбищ. Но при первом же неурожае в горах им приходилось снова соглашаться быть данниками кабардинских князей.

Уплата дани кабардинским князьям ложилась тяжелым бременем на население. В активном продвижении русских войск на Кавказе в XVIII в. балкарский народ видел средство избавиться от этой дани. Этим объясняется сочувственное отношение балкарцев к России в XVIII в. и сравнительно слабая поддержка, оказанная балкарцами кабардинским князьям в вооруженной борьбе XIX в.

В 1779 г., после победы генерала Якоби над кабардинцами, они приняли следующие условия: «Осетинцам поколений дугорского (т. е. диторцев.— Л. Л.), каражавского, куртатского, олагирского, тагаурского, также ингушам и всем прочим, ... преемлющим святое крещение и переселяющимся в Моздок и в другие места Линии, не только в том не препятствовать, но отнюдь их никоим образом не притеснять, ибо кабардинцы все притязания на них имели по одному праву сильнейших»⁵⁰².

Естественно, что такая политика царского правительства внушала надежды не только балкарцам, которых тогда часто считали осетинами, но и другим народам, платившим дань князьям Кабарды и испытывавшим от них разные притеснения. Конечно, не будем идеализировать эту политику.

⁵⁰⁰ Г. К о к и е в. Материалы..., стр. 31, 32.

⁵⁰¹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. II, стр. 188.

⁵⁰² Там же, стр. 202.

Царское правительство своими мероприятиями хотело подорвать мощь кабардинских князей, неоднократно высказывавших свою крымско-турецкую ориентацию.

В 1783 г. кабардинские князья и уздени обратились к князю Потемкину с ходатайством, чтобы русские войска не препятствовали им по-старому взимать дань с разных народов Северного Кавказа. Однако Потемкин разрешил взимать дань только с тех соседей, которые еще не присягнули на верность России⁵⁰³ народу принести эту присягу, как старая дань должна была прекратиться. Соблазн был большой. П. С. Паллас сообщает, что балкарцы «ищут способа прийти под русское покровительство, чему черкесы (т. е. кабардинская знать.—Л. Л.) всеми силами стараются препятствовать и поэтому никого от них не пропускают на Линию. В 1783 г несколько базиан (т. е. балкарцев.— Л. Л.), посланных искать этого покровительства, пробившись окольными путями к обер-лейтенанту Л. Л. Штедеру. Но возвратились они лишь с голыми обещаниями»⁵⁰⁴. Русские войска в те годы не могли еще прийти в Балкарию. Балкарцы по словам П. Г. Буткова, «от зависимости кабардинцев еще в марте 1787 г. отрекались и просили принять их в подданство с тем, чтоб дано им было защищение от нападений кабардинцев, которые, видя слабое балкарцев состояние, начали в даль простирать свое на них притязание; на сие самое балкарцы жаловались и 1794 г.»⁵⁰⁵ Но эти переговоры наталкивались на препятствия. В первой половине 1790-х годов кабардинцы сообщили русским военачальникам о появлении в Балкарии эпидемии чумы. Под этим предлогом отряд войск, войдя в Кабарду, стал лагерем у Кызбуруна «и угрожал расстрелом всякому, кто намеревался перейти Кабарду». В результате, пишет свидетель этих событий П. С. Паллас, «сношения балкар с нами прекратились».⁵⁰⁶

Балкарцы, ведя борьбу с кабардинскими князьями, в то же время нередко оказывали им и их подвластным гостеприимство, когда те вынуждены были бежать из собственных селений. Так, с 1746 по 1753 г. глава одной из политических группировок (так называемой кашкатавской партии) князь Росламбек Жамбулатов с приверженцами укрывался у чегемцев. В 1795 г., при вступлении царских войск в Кабарду, многие кабардинцы также укрылись в Балкарии.

Вместе с кабардинцами балкарцы в 1804 г. оказали в Кабарде упорное сопротивление большому отряду генерал-лейтенанта Г. И. Глазенаппа.

⁵⁰³ Там же-стр. 281.

⁵⁰⁴ Указ. соч., стр. 462.

⁵⁰⁵ П. Г. Б у т к о в. Материалы для новой истории Кавказа с 1720 по 1802 г., т. II, СПб., 1869, стр. 60; П. Ф. Г р а б о в с к и й. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость. ССКГ, вып. IX, 1876, стр. 165.

⁵⁰⁶ Н. Ф. Г р а б о в с к и й. Указ. соч., стр. 165.

На р. Чегеме 9 мая произошло большое сражение. Г. И. Глазенапп в рапорте Александру I писал, что бой длился с 11 часов утра до 6 часов вечера. «Дрались,— пишет он,— в ущельях большею частью с 11 000 отчаянно сражавшимися кабардинцами, чегемцами, балкарцами, карачаевцами и осейшцами, выбитыми из 12 окопанных аулов»⁵⁰⁷.

Поход Т. И. Глазенаппа совпал с началом распространения на Кавказе сильнейшей эпидемии чумы, которая долго потом свирепствовала среди горцев. Мы уже видели, какую роль эта эпидемия сыграла в переселении урусбиевцев и карачаевцев на р. Баксан. В выписке из донесений поручика Таганова от 1809 г. читаем: «Оказалось, что язва, во многих местах действуя, свирепствует в сильной степени в горах называемых Чегемскими... где он (т. е. Таганов.— Л. Л.) сам был... Владелец Джанхотов сознался Таганову, что зараза хотя слабее прежнего, но существовала в течение зимы почти беспрерывно в отдаленных к горам селениях». Именно к этой эпидемии чумы относятся большинство до сих пор существующих преданий о том, как вымирали целые поселки, как люди заживо уходили в склепы и там ожидали смерти и т. п.

Эпидемия чумы подорвала силы не только балкарцев, но и кабардинцев. Князья Кабарды не имели теперь прежней силы, чтобы требовать в точности следуемой им дани. В 1810 г. С. Броневский писал, что балкарцы «несут кабардинское иго с отвращением, но в рассуждении недостатка пастбищных мест, коими пользуются в кабардинских землях, принуждены покорствоваться»⁵⁰⁸. Но в другом документе от 12 февраля 1810 г. прямо говорится, что «кабардинские владельцы и уздени» находятся во вражде с балкарцами, но, имея «мысли самые дурные и отчаянные», т. е. намереваясь снова «восстать против царского правительства, «теперь стараются они со всеми своими неприятелями, народами осетинскими и балкарцами... во что бы то ни стало примириться и действовать совместно против России неприятельски»⁵⁰⁹.

Примирение действительно произошло, и кабардинцы вместе с балкарцами в том же 1810 г. оказали сопротивление войскам генерала Булгакова⁵¹⁰. Генерал Булгаков рапортовал из лагеря на р. Чегеме: «Вооруженное их (кабардинцев.— Л. Л.) собрание более 2 тыс. человек конных и столько же, как слышно, пеших, с помощью балкарцев держащееся в двух укрепленных ущельях при подошве снеговых гор, мною заперто»⁵¹¹.

⁵⁰⁷ Указ. соч., стр. 408, 409.

⁵⁰⁸ П. Г. Б у т к о в. Указ. соч., стр. 205.

⁵⁰⁹ Указ. соч., стр. 410.

⁵¹⁰ «Акты КАК», т. II, стр. 940; Н. Ф. Д у б р о в и н. История войны и владычества русских па Кавказе, т. IV, СПб., 1886, стр. 373.

⁵¹¹ «Акты КАК», т. IV. 1870, стр. 845.

Но закрытие выхода из Балкарии на кабардинскую плоскость не было длительным. Войска ушли из Кабарды, и все снова осталось по-прежнему.

Предыдущий опыт подсказывал правительству, что союз Кабарды и Балкарии может быть разорван лишь при условии, если царское правительство поддержит стремление балкарцев освободиться от дани. Исходя из этого, в 1811 г. генерал-майор И. П. Дельпоцо рапортовал генералу Тормасову, что кабардинские князья не вправе требовать покорности от горских народов. «Осетинцы, балкарцы, карачаевцы, абазинцы, ингушевцы и карабулаки — есть люди вольные, и хотя они с некоторых времен и платили им подати, но сие единственно последовало от... силы оружия российского (? — Л.) и покровительства им, кабардинцам, данного, и когда еще российское правительство не имело совершенного сведения о состоянии и вольности тех народов»⁵¹².

Но все рассуждения о лишении кабардинских князей права на балкарскую дань повисали в воздухе, пока царское правительство не могло разместить войска в непосредственной близости от Балкарии. В 1815 г. четыре дигорских князя секретно доносили генералу Ртищеву, что существует прямая дорога из Рачи в Моздок, но для того, чтобы царское правительство могло ею пользоваться, нужно поставить войска на р. Ардон. Если это будет сделано, сообщали они, «то у злонамеренных соседей отнимется власть делать грабежи и разбои места и Бассиани (т. е. Балкарское ущелье, — Л. Л.), Тагаура и Двалети, будучи поработены чрез то войсками, останутся в совершенном спокойствии верноподданными России»⁵¹³.

Однако царское правительство решило действовать иным способом. В 1820 г. «в Осетию к дигорцам и балкарцам (бассианам)» был отправлен протоиерей Н. Самарганов с целью обращения населения в христианство. Этот протоиерей доносил митрополиту Феофилакту, что «упомянутые два народа весьма расположены к принятию христианства» и ему удалось в том же году окрестить из них 230 душ.

Как показывает «Ведомость крещенных горцев по 10 мая 1820 г.» к «Балкарском приходе» числилось крещенных 76 дымов с 549 душами обоего пола. Но кабардинцы, узнав об успехе протоиерея, стали совершать нападения в горы и угонять скот, принадлежащий жителям Балкарского ущелья и дигорцам. Князья Дигории и Балкарского ущелья отправились к владикавказскому коменданту Скворцову жаловаться на кабардинцев. Тот в свою очередь ответил, что ничего не может сделать, без санкции командующего на Кавказе генерала А. П. Ермолова. Митрополит Феофилакт 6 июня 1820 г. отправил А. П. Ермолову письмо, в котором настаивал

⁵¹² Броневский. Указ. соч., стр. 222

⁵¹³ «Акты КАК», т. IV, 1870, стр. 868

«запретить черкесам (кабардинцам.— Л. Л.) обижать дигорцев и бассиан за желание их креститься. Они еще в прошлом году заявляли мне готовность к тому»⁵¹⁴. Но А. П. Ермолов, занятый военными операциями на других участках Кордонной линии, ответил отказом: «Не имею я в теперешнее время возможности воздержатъ кабардинцев от обид, наносимых жителям дигорским и балкарским, ибо для того необходимо постоянное войска пребывание в Кабарде»⁵¹⁵. Так кончилась попытка использовать христианскую церковь для политических интересов царского правительства в Балкарии. Механически окрещенное население вскоре после отъезда протоиерея забыло о своем крещении и продолжало молиться у древних святилищ и слушать проповеди мулл.

Правда, в 1822 г. экзарх Грузии архиепископ Иона снова пытался организовать миссионерскую работу в Балкарии, но на этот раз дело не пошло дальше канцелярской переписки. 22 февраля 1822 г. он обратился к генералу А. П. Ермолову с письмом, в котором настаивал на продолжении начатого дела. В письме, между прочим, было сказано: «Между горскими народами, окружающими Грузию, остаются в язычестве бассиане и ингуши. Оба сии народа по удостоверению миссионеров Осетинской духовной комиссии, к ним отправлявшихся, склонны к принятию христианства, но боятся обиды от черкес»⁵¹⁶.

На этот раз генерал А. П. Ермолов рассчитывал не на проповеди миссионеров, а на силу оружия. Он ответил: «Предпринимаемы уже были меры к просвещению истинным светом евангелия бассиан и ингушей... Усердие протоиерея Николая Самарганишвили (ранее названного Самаргановым.— Л. Л.) к проповедованию слова божия... не сильно было озарить сей народ светом истины, и он по-прежнему остался во-мраке безбожия... Просвещение народов сих светом Евангелия надобно-предоставить до времени особенной благодати божией»⁵¹⁷.

Предоставив Ионе ожидать «благодать божию», А. П. Ермолов с крупными силами войск в начале мая 1822 г. начал экспедицию в Кабарду. Совершая поход, царские войска в нескольких пунктах проникали в пределы Балкарии. А. П. Ермолов прошел с боями к Кашкатау и 24 мая занял узкое место на р. Черее, «где горы почти смыкались». После нескольких перестрелок 25 мая войска выступили вдоль подошвы гор к р. Чегему. Во второй половине июня А. П. Ермолов пошел на р. Баксан. Войска совершили

---

⁵¹⁴ Там же, стр. 879.

⁵¹⁵ «Акты КАК», т. V, 1873, стр. 520, 521

⁵¹⁶ «Акты КАК», т. VI, ч. 1, 1874, стр. 402, 403.

⁵¹⁷ Там же, стр. 402.

марш от Гунделена вверх по р. Баксану до сел. Таусултана (нынешний Былым) и после столкновения с «урус-пийцами» вернулись в лагерь на р. Гунделен. В результате экспедиции А. П. Ермолова царские войска прочно заняли Кабарду. В том же- 1822 г. А. П. Ермолов заложил Урухское, Пришибское, Нальчикское, Чегемское, Баксанское и Каменноостокское укрепления⁵¹⁸.

Хотя все эти мероприятия еще не означали фактического присоединения Балкарии к России, но экспедиция 1822 г. все же имела решающее значение для судьбы Балкйрии. Построенные у самых гор укрепления стали контролировать всякие сношения горцев с жителями равнины. Раньше это делали кабардинские князья. В силу естественных условий балкарские горы всегда были экономически связаны с кабардинской плоскостью, и безболезненно оторвать их от этой плоскости было невозможно. Реальное вступление Кабарды в состав Российской империи рано или поздно должно было повлечь за собой реальное присоединение Балкарии. Правда, натуральные черты хозяйства балкарцев способствовали торможению этого процесса, но устранить его они не могли.

Сразу же после описанных событий один из Урусбиевых обратился к А. П. Ермолову с ходатайством о дозволении ему с подвластными переселиться с р. Баксана в глубь российских земель, на правую сторону р. Кубани. Ответным предписанием начальнику Кавказской области генерал А. П. Ермолов 10 октября 1822 г. отказался удовлетворить ходатайство⁵¹⁹.

В том же 1825 г. кабардинские князья и уздени подали начальнику главного штаба генерал-адъютанту Дибичу прошение о разрешении им брать дань с тех народов, с которых они брали ее раньше. Это прошение было аргументировано тем, что «все народы, в горах живущие, равно и земли (? — Л. Л.) ими населенные, издревле принадлежали кабардинцам»⁵²⁰.

Простение кабардинских князей было оставлено начальством без последствий, и это оказало на балкарцев благоприятное впечатление.

11 января 1827 г. представители урусбиевских, чегемских, хуламских и собственно балкарских феодалов прибыли к генерал-лейтенанту Г. А. Емануелю в г. Ставрополь и подали прошение о принятии их в российское подданство. При этом они обязались выдать заложников («аманатов»), принести присягу и поступать на военную службу. При передаче этого

⁵¹⁸ Там же.

⁵¹⁹ Там же, стр. 424, 425.

⁵²⁰ Э. В. В р и м м е р. Указ. соч., стр. 81—105; Н. Ф. Г р а б о в с к и й. Указ. соч., стр. 191; Н. Ф. Д у б р о в и н. Указ. соч., т. УТ, 1888, стр. 480—484. Нельзя согласиться с А. С. Кабаповым (см. его книгу «Нальчик — столица Советской Кабарды». Нальчик, 1950, стр. 9, 10), относящим основание г. Нальчика к 1818 г., так как, согласно документам, перед 1822 г. никакого постоянного поселения здесь не было.

прошения они со своей стороны ходатайствовали о сохранении за ними древних обычаев, суда по шариату, свободного исповедования ислама и «получения издавна установленной владельцам о подвластных дани». Емануэль согласился на эти условия и отпустил депутатов по домам, поручив им привести к присяге своих подвластных. Одновременно с этим было предписано подполковнику Швецову взять по одному аманату от каждой бийской фамилии. Николай I объявил генерал-лейтенанту Г. А. Емануэлю свое «высочайшее благоволение» за приведение балкарцев к подданству⁵²¹.

В следующем году в состав России вошел Карачай. Командование царских войск на Кавказской линии до этого знало, что после поражений кабардинских восстаний 1822 и 1825 гг. часть «беглых» кабардинцев нашла приют в Карачае⁵²². Кроме того, «через карачаевские владения,— писал генерал-лейтенант Г. А. Емануэль,— лежит единственная дорога, удобная для скрытого проезда закубанских народов в наши границы»⁵²³, и по ней проникают в Кабарду, Чечню и другие места вооруженные отряды и протурецкие агитаторы. В начале сентября 1825 г. отряд закубанцев прошел в Кабарду через Карачай, напал на сел. Солдатское на р. Малке, побывал в Чегемском и Баксанском ущельях и затем вернулся за Кубань карачаевской дорогой. Другой отряд закубанцев, в июне 1828 г. разоривший сел. Незлобное, прошел также через Карачай⁵²⁴. В 1827 г. через Карачай ездил в Чечню и обратно турецкий агитатор, подстрекавший горцев на борьбу с Россией⁵²⁵. В нарушение русско-турецкого Адрианопольского договора 1825 г. турецкий паша в 1826 г. взял от карачаевцев аманатов (заложников)⁵²⁶.

В октябре 1828 г. был собран сильный отряд войск для вступления в Карачай. Во главе его стал сам командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенант Г. А. Емануэль. 20 октября у границы Карачая произошло двенадцатичасовое сражение, о котором Емануэль сообщил в патетическом тоне: «Термопиллы Северного Кавказа взяты нашими войсками, и оплот Карачаева у подошвы Эльбруса для всех горских народов, враждебных против России, помощью божию и храбростью войск под личным моим предводительством, разрушен».

21 октября в отряд прибыли парламентареры и сообщили о согласии

⁵²¹ «Акты КАК», т. VI, ч. 2, 1875, стр. 459.

⁵²² Н. Ф. Г р а б о в с к и й. Указ. соч., стр. 199, 202.

⁵²³ Н.Б.Г о л и ц ы н. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля. СПб. 1851, стр. 61; С. Ф и л о н о в. Кавказская линия под управлением генерала Емануэля. КС, т. XV, 1894, стр. 351, 352; В. Кудашев. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913, стр. 242.

⁵²⁴ «Акты КАК», т. VII, стр. 867.

⁵²⁵ Там же, стр. 875.

⁵²⁶ Там же, т. VIII, стр. 658; Н. Б. Г о л и ц ы н. Указ. соч., стр. 72.

карачаевцев на принятие условий, выдвинутых Г. А. Емануелем, и в тот же день отряд без боя достиг сел. Картджурт. 22 октября к Г. А. Емануелю явились карачаевские старшины во главе с валием Исламом Крымшамхаловым и подали прошение о согласии их от имени карачаевского народа присягнуть на верность России, выдать аманатов, возратить имущество, которое в разное время было захвачено в станицах и селах на Кавказской линии, не пропускать через Карачай закубанцев, намеревающихся совершить нападение на Кавказскую линию, и предупреждать царских военачальников о нападениях, которые готовятся на территориях соседних с Карачаем. Наряду с обязательствами карачаевцы просили допускать решения дел по шариату в тех случаях, когда они касались споров между ними, с одной стороны, и представителями других мусульманских народов — с другой. Они просили также открыть для них меновой двор у Хахандуковского укрепления на р. Куме и разрешить им беспрепятственные поездки на Кавказскую линию. Г. А. Емануель согласился с этим. 23 октября состоялась присяга карачаевских старшин, и на следующий день отряд Г. А. Емануеля покинул Карачай⁵²⁷

Присоединение к России оказало огромное влияние на последующую историю карачаевского и балкарского народов. В результате его в Карачае и Балкарии утвердились мирные условия жизни. В прежние времена настоящего мира никогда там не было. Присоединение к России избавило карачаевцев и балкарцев от произвола со стороны кабардинских князей. Большинство других положительных результатов присоединения обнаружилось несколько позже, когда Карачай и Балкария, уже как составные части России, оказались втянутыми в общероссийский поток социально-экономического развития. Это были: крестьянская реформа 1867 г., значительный рост поголовья скота в пореформенное время, внедрение новых сельскохозяйственных культур (кукуруза в предгорьях и картофель в горах), проведение первых колесных дорог, рост торговых связей, появление первых промышленных предприятий и начатков школьного образования, ускорение процесса классовой дифференциации населения и пробуждение революционной борьбы. Таковы были главнейшие результаты присоединения Карачая и Балкарии к России⁵²⁸.

---

⁵²⁷ «Акты КАК», т. VII, стр. 875

⁵²⁸ Там же, стр. 866; Н. Б. Голицы п. Указ. соч., стр. 73.

КУЛЬТУРА И ВЕРОВАНИЯ

Основным типом жилища карачаевцев и балкарцев до XIX в. был тот, к которому относилось большинство домов в дореволюционной Балкарии: каменная и частично тузлучная постройка с земляной двускатной пологой крышей и очагом вместо печки. Это вытекает из присутствия почти такого же типа построек на городище Лыгыт (Чегемское ущелье), которое относят к VI—XIII вв.⁵²⁹ Это согласуется и с выводом архитектора Э. Б. Бернштейна, что в восточной части Балкарии еще перед Великой Отечественной войной стояли дома, построенные в XV—XVI вв.⁵³⁰

Эффектными памятниками архитектуры феодального периода в Карачае и Балкарии сохранились боевые башни и замки.

Одна из таких башен стоит в с. Кюнюм. Она четырехугольна в плане, несколько сужается кверху и имеет четыре этажа. Вверху с нескольких сторон ее сделаны кресты, свидетельствующие о том, что строилась она во времена, когда в Балкарии было распространено христианство. Эта башня принадлежала таубиям Абаевым и построена была, по преданию, одним из их предков Али-Мурзой⁵³¹

Рядом с сел. Кюнюм, на крутом склоне сохранились остатки двух или трех каменных башен меньшего размера⁵³².

У сел. Шканты стоит башня Амирхановых или Карча-кала, построенная, но преданию, сванскими или греческими мастерами для Сосрана Абаева.

⁵²⁹ Акты КАК стр 88

⁵³⁰ С Ф и л о н о в. Указ. соч., стр. 410—420, 448; А. Дьячков - Тарасов. Заметки...,

⁵³¹ Историческим судьбам Карачая и Балкарии при царизме и в советское время посвящен ряд специальных работ см.: У. Алиев. Карачай; Т. Х. Кумыков. К вопросу крестьянской реформы в Балкарии в 1867 г. «Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии», вып. VI. Нальчик, 1957; он же. Экономическое и культурное развитие...; Е. О. Крикунов а. Народные волнения в балкарских обществах в 90-е годы XIX века. Пальчик, 1958; она же. Некоторые вопросы социально-экономического развития Балкарии в пореформенный период. УЗКБ, т. XVII, 1960; «Документы по истории Балкарии 40—90-х годов XIX в.». Нальчик, 1959; «Документы по истории Балкарии (конец XIX — начало XX в.). Пальчик, 1962; Б. И. Невская. Социально-экономическое развитие...; она же. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964; она же. Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX в. «Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института», вып. IV. 1964; «Очерки истории балкарского народа...», стр. 45—206; М. М. Цорев. Из истории аграрного движения в Балкарии в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.). «Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии», вып. IX. Пальчик, 1961; Х. И. Хутуев. Восстановление национальной автономии балкарского народа. УЗКБ, т. XXIII. 1965; «История Кабардино-Балкарской АССР», т. I, П. М., 1958; «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. I.

⁵³² Г. И. Ионен. Указ. соч., стр. 185—188.

Высота ее — около 17 м. Она имела, как и кунюмская, четыре этажа. Вход в нее сделан на высоте полутора метров от земли. На двух ее сторонах сохранились следы крестов⁵³³

Комплекс оборонительных сооружений близ сел. Зилги приписывают фамилии Борзиевых⁵³⁴

В районе сел. Бызынги стоят две башни. А. Фиркович писал о них в 1849 г.: «Две башни в Безенги в 3 этажа, построены дедами нынешних старшин»⁵³⁵. По словам Н. П. Тульчинского и С. С. Анисимова, одна из этих башен стоит выше селения и носит название Акъ-къала, или иначе Баксанукъ-къала. Местное население приписывало постройку ее Бакса-нуку

Башня Абаевых в сел. Кюнюм (из альбома Д. А. Вырубова)

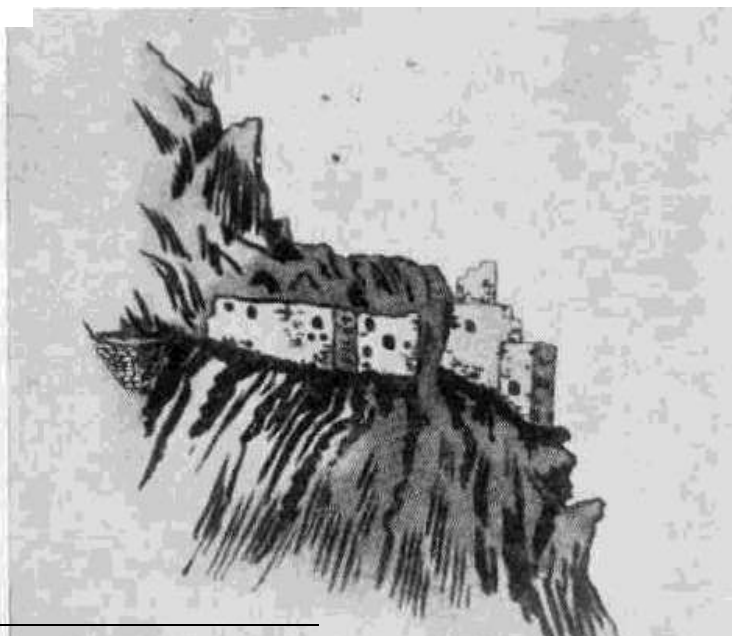
⁵³³ Б. Б е р п ш т е й п . Народная архитектура балкарского жилища. МНС, стр. 188.

⁵³⁴ В. Миллер. Археологические экскурсии..., стр. 78; В. И. Дол бе ж е в . Извлечение из'огчета об археологических поисках в Нальчикском округе Терской области. «Отчет императорской Археологической комиссии за 1893 г.». СПб., 1895. стр. 102, 103; Б. А. Л а н г е . Указ. соч., № 288; И. Б л о к о п с к и й . На высотах Кавказа. М., 1906. стр. 41; М. И. Е р м о л е н к о . Путеводитель по Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1928, стр. 74; Б. В. Л у н и н . Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г. «Краеведение на Северном Кавказе», 1928, № 1-2, стр. 75;

⁵³⁵ С. А н и с и м о в . Кавказские альпы. М.— Л., 1929, стр. 181; Н. Ф. Т а к о е в а . Балкарцы. «Народы Кавказа» (серия «Народы мира»), I, 1960, стр. 282, 283; А. И. Р о б а к и д з е . Форма поселения в Балкарии. «Материалы по этнографии Грузии», XI, 1960, стр. 103, 104, табл. XII; X. И. Х у т у е в . К истории литературы и искусства балкарского народа. УЗКБ, т. XX, 1964, стр. 150.

Суншеву⁵³⁶. Вторая башня стоит над бывшим сел. Джабовео⁵³⁷

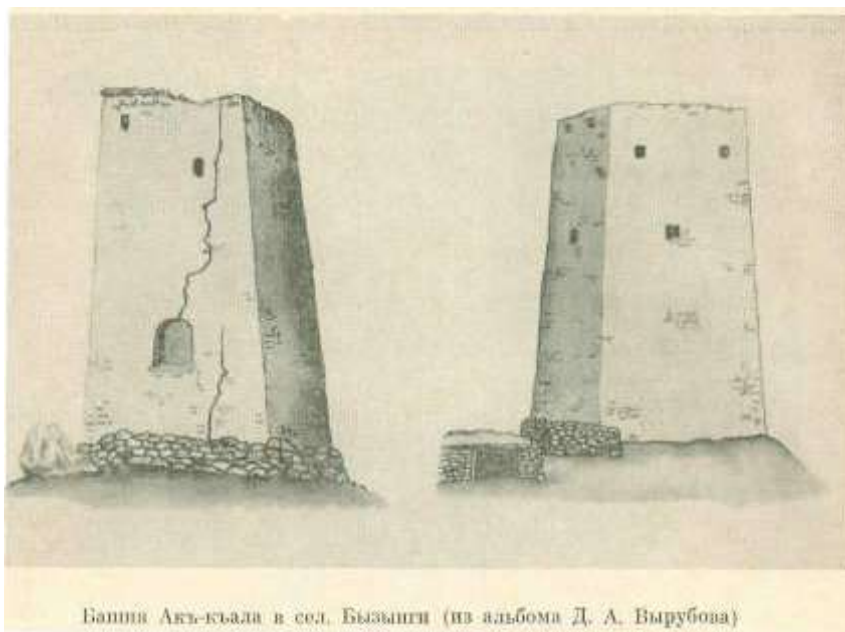
Около Усхур на неприступной горе расположены развалины замка Тотур-кяла с остатками башен. К замку на глубине 1—2 аршина проведен подземный водопровод из гончарных труб, подававший воду по закону сифона и имеющий длину около 1 км. На противоположной стороне долины находятся остатки другой башни. Очевидно, постройки представляли собой единый оборонительный комплекс, имевший целью поражать вторгнувшегося противника перекрестным огнем.⁵³⁸

⁵³⁶ М. И. Ермоленко. Путеводитель..., стр. 74; С. Анисимов. Указ. соч., стр. 181; А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 104, табл. XIV—XVI.

⁵³⁷ В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии..., стр. 78; Н. Н. Рашевский. Из Алагиря в Нальчик. «Ежегодник Русского горного общества», II, 1902, стр. 120; М. И. Ермоленко. Путеводитель..., стр. 71; Б. В. Лунин. Указ. соч., стр. 75; Б. А. Ланге. Указ. соч., № 288; П. Г. Акритас, О. П. Медведева, Т. Б. Шаханов. Архитектурно-археологические памятники горной части Кабардино-Балкарии. УЗКБ, т. XVII, 1960, стр. 87, 88; А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 104, табл. XIII.

⁵³⁸ Миллер. Археологические экскурсии..., стр. 78; Б. Далгат. Поездка к Чегемским ледникам. Владикавказ, 1898, стр. 7; А. А. Миллер. Указ. соч., стр. 73; П. Г. Акритас. О. П. Медведева, Т. Б. Шаханов. Указ. соч., стр. 76—82; Х. И. Хутуев. Указ. соч., стр. 149, 150.

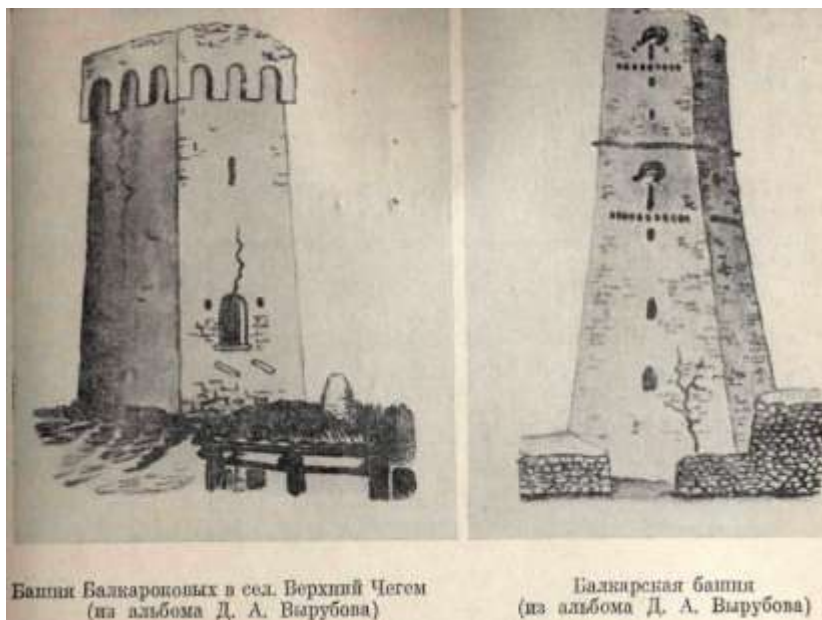
Башни Агъ-къала в сел. Бызынги (из альбома Д. А. Вырубова)

Таким образом, оборонительные постройки Хуламского ущелья отличаются от других балкарских построек того же типа своим назначением. Если отдельные башни могли защищать лишь ограниченное число людей и строились в интересах отдельных таубийских фамилий, то хуламские постройки должны были защищать целое ущелье. Их вызвали к жизни не столкновения между родами, а интересы войны народной.

В Чегемском ущелье сохранилась 15-метровая, трехэтажная башня, стоящая в сел. Верхний Чегем. Верх ее увенчан машикули такой формы, которая характерна для боевых башен Свани. Это единственная на Северном Кавказе башня сванского типа. В. Конопасевич совершенно обоснованно считал, что она — осетинского типа. По преданию, она построена сванскими мастерами для Ахтугайа, одного из предков таубиев Балкароковых. Ахтуган будто бы жил в начале XVIII в. По другому преданию, ее построил другой предок чегемских таубиев — Джамурза⁵³⁹

---

⁵³⁹ Абр. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе. «Труды Восточного отделения императорского Археологического общества», т. III, вып. 3. СПб., 1858, стр. 131.

Башни Балкароновых в сел. Верхний Чегем
(из альбома Д. А. Вырубова)

Балкарская башня
(из альбома Д. А. Вырубова)

Оборонительные сооружения в ущелье Джылгы-су относятся к добал-карскому времени⁵⁴⁰

По словам С. С. Анисимова, остатки другой боевой башни, охранявшей подступы к перевалу в Сванию, имеются при слиянии рек Башил-Ауз-су и Гара-Ауз-су⁵⁴¹. Кроме того, по преданию, существовала еще одна башня в сел. Булунгу⁵⁴²

В Баксанском ущелье сохранились остатки замка с башнями у сел. Эльжурту. Предания приписывают его постройку проживавшим здесь карачаевцам. Говорят, что замок принадлежал легендарному Карче или его родственнику Камгуту, одному из прародителей карачаевских таубиев

⁵⁴⁰ Н. П. Тульчинский. Поэмы, легенды, песни..., стр. 289; С. Анисимов. Кавказские альпы, стр. 161; П. Г. Акритас, О. П. Медведева, Т. Б. Шаханов⁵⁴¹ Указ. соч., стр. 82—84.

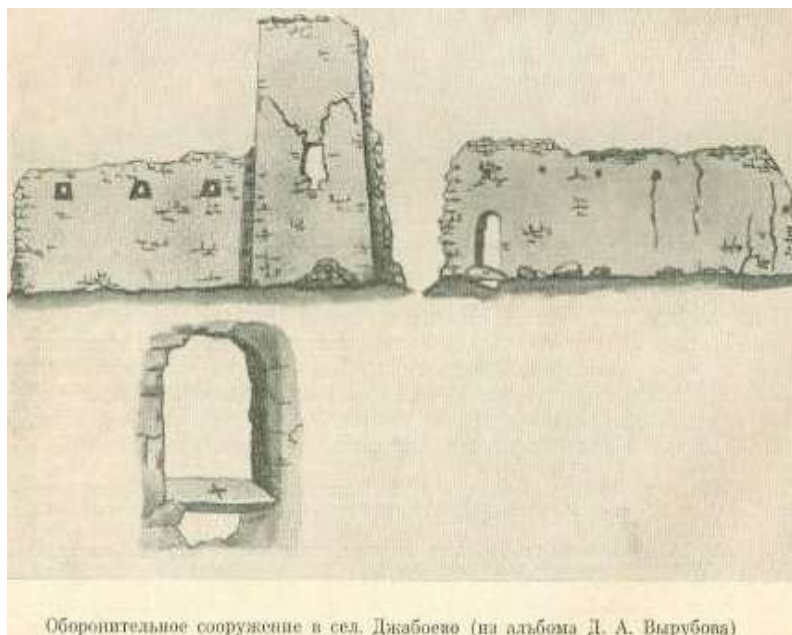
⁵⁴¹ П. Г. Акритас, О. П. Медведева, Т. Б. Шаханов. Указ. соч., стр. 74—76; Л. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 105, табл. XVII; Х. И. Хутуев. Указ. соч., стр. 159.

⁵⁴² Абр. Фиркович. Указ. соч., стр. 133; В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии..., стр. 77; «Известия императорской Археологической комиссии». Прибавление к вып. 2. СПб., 1902, стр. 33; П. Г. Акритас, О. П. Медведева, Т. Б. Шаханов. Указ. соч., стр. 70—74; Х. И. Хутуев. Указ. соч., стр. 150.

Крымшамхаловых⁵⁴³

Другой замок находится в самом верховьи р. Баксан, вблизи ледниковых гор⁵⁴⁴. Очевидно, он охранял ущелье от нападения сванов.

Остатки двух башен известны в сел. Былым⁵⁴⁵. Имеются башни и в

⁵⁴³ Миллер. Археологические экскурсии... стр. 77, 78; В. Миллер и М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 551; Б. Далгат. Указ. соч., стр. 17; Е. 21 Тулчинский. Поэмы, легенды, песни..., стр. 309—312; В. Кононаевич. Безинги-Чегем-Джайлык-башни. «Ежегодник Русского горного общества», X, 1914, стр. 82; С. Анисимов, Указ. соч., стр. 148; П. Г. Акритас, О. П. Медведева и Т. Б. Шаханов. Указ. соч., стр. 84—86; А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 105, 107, табл. XIX, XX; он же. Форма поселения в Балкарии. «Материалы по этнографии Грузии», XII—XIII, 1963, стр. 194, 195, 197; А. И. Робакидзе, Р. Л. Харадзе. Указ. соч., стр. 137—139; Г. В. Пионтек. Селение Эльтюбю как потенциальный музей балкарского народного зодчества. «Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Научная сессия 1961 г. Тезисы докладов». Л., 1961, стр. 52, 53. Кроме того, фотографию башни см. в кн.: С. С. Анисимов. Кабардино-Балкария. М., 1937, стр. 63; «Географическое общество Союза ССР. Доклады Восточной комиссии», вып. 1(2). Л., 1965, стр. 98 и на обложке.

⁵⁴⁴ Г. И. Иопе. Указ. соч., стр. 189—205.

⁵⁴⁵ С. Анисимов. Кавказские альпы, стр. 150; он же. Кабардино-Балкария, стр. 65.

Карачае⁵⁴⁶, но так как карачаевцы появились там очень поздно, то постройку их, видимо, нужно приписать другому, более раннему населению.

Как видим, наибольшее число башен находится в восточной половине Балкарии, где они примыкали к богатому башнями осетинско-ингушскому району. Сам тип их в большинстве случаев совпадает с осетинским. Исключение составляет лишь башня в сел. Верхний Чегем. Время постройки кавказских башен до сих пор не установлено. Очевидно, строились они в разные периоды.

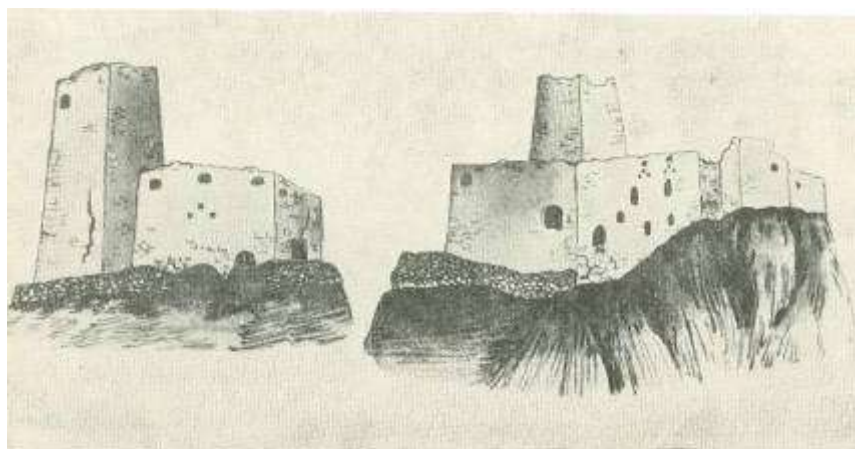
Из карачаевско-балкарской материальной культуры до XIX в. в письменных документах упоминается только мост через реку, существовавший в 1651 г. в Балкарском ущелье⁵⁴⁷.

В одном из погребений на могильнике Байрым, около сел. Верхний Чегем, обнаружен комплект женской одежды XIII—XIV вв. На голове у покойницы была конусообразная войлочная шапочка («пятигранный пирамидальный конус с круглым основанием в лобной части»). Снаружи шапочка обтянута была коричневой шерстяной тканью. Под шапочкой сохранилась коса, уложенная в виде короны. Покойница была одета сверху в шерстяное платье с меховой оторочкой. Под платьем находилась широкая светло-коричневая нательная рубаша с длинными рукавами. Ширина рубашки — 78 см, а длина — 118 см. На груди пришиты нитяные застежки. Подол и манжеты отделаны тесьмой. Широкие шаровары, державшиеся на очкуре, были сшиты из четырех прямых полотнищ с ромбовидным клином в паху. Обувь состояла из ноговиц и сапожек, сшитых черными шерстяными нитками. Ноговицы представляли собой мягкий кожаный чулок высотой 34 см и шириной голенищ 15 см. Длина ступни — 21 см. Поверх ноговиц были одеты сапожки из грубо выделанной свиной кожи. Подъем и голенища их украшены вдавленным желобчатым узором. Сапожки имеют высоту 38 см, ширину голенищ — 17 см и длину ступни — 24 см. Дополнением к костюму покойницы были серебряные серьги филигранной работы, маленький самшитовый гребешок (возможно, украшавший прическу) и железные ножницы, прикрепленные посредством петель к левому боку рубашки. Кроме того, в мошле лежала вышитая шелковая сумочка (14X6 см), обтянутая тесьмой. Она имела подкладку из шелкового репса и полотняные шнурки, слухавшие завязками. В сумочке находился бронзовый наперсток⁵⁴⁸.

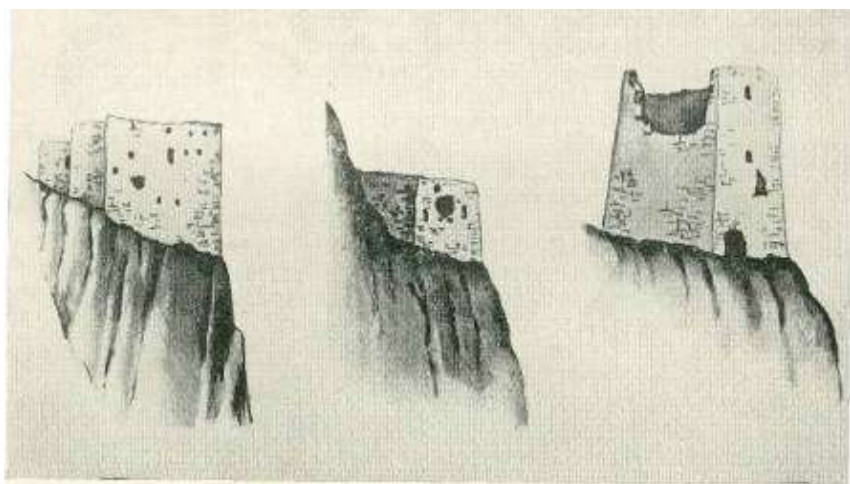
⁵⁴⁶ С. А н и с и м о в. Кавказские альпы, стр. 150.

⁵⁴⁷ Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 году. «Известия императорского Русского археологического общества», т. VIII, вып. 4, 1876, стр. 333; М. А. И в а п о в. Указ. соч., стр. 11; С. Анисимов. Кавказские альпы, стр. 99; Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию..., стр. 175; Х. О. Л а й п а н о в. К истории карачаевцев..., стр. 27.

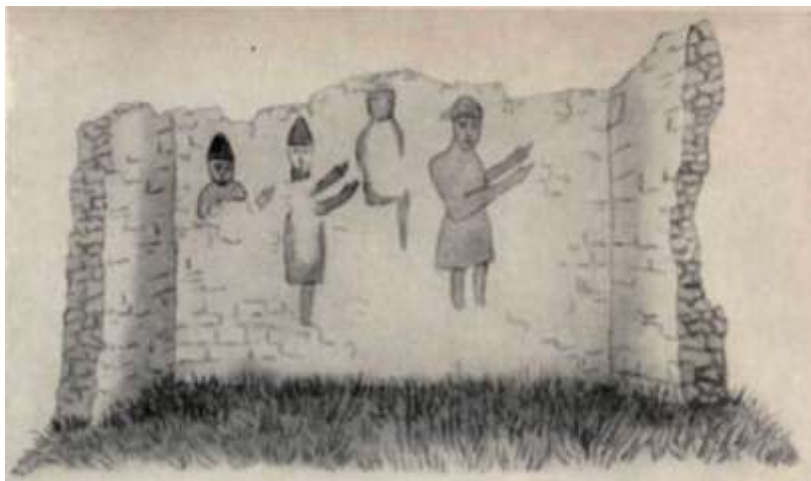
⁵⁴⁸ «Отчет гг. Нарышкиных...», стр. 340.

Балкарские оборонительные сооружения (из альбома Д. А. Вырубова)

Бешки в Балкарии (из альбома Д. А. Вырубова)

Фрески разрушенного храма в Балкарии (из альбома Д. А. Вырубова)

Некоторое представление о средневековой мужской одежде балкарцев дают остатки фресок, недавно сохранявшиеся на стене разрушенного христианского храма в Балкарском ущелье⁵⁴⁹. Лучше всего видны на фресках низкие и высокие конусообразные шапки такого же типа, как мужские головные уборы, изображенные на двух памятниках XV—XVI вв. из Малой Кабарды⁵⁵⁰. Такие же шапки у адыгейцев в XV в. обнаружил Г. Интериано. По его словам, это «войлочная шапка, острая, будто голова сахара»⁵⁵¹. Очевидно, одежда карачаевцев и балкарцев имела тогда много общего с одеждой других народов Северного Кавказа.

Очень мало известно о семейном и общественном быте карачаевцев и балкарцев до XIX— в. В письменных источниках есть указания на родственные связи их феодалов с кабардинскими и нагайскими феодалами. Так, стоявший во главе Балкарского ущелья в 1629 г. Абшита Взреков (он же Абшина Тазримов) приходился по матери родным племянником

⁵⁴⁹ С. А н и с и м о в. Кавказские альпы, стр. 96.

⁵⁵⁰ М. Алейников. Карачаевские легенды и поверья о древней башне и неприкосновенной сосне. «Кубанские областные ведомости», 1879, № 29; Гр. П е т р о в. Легенды...; И. С. Щукин. Указ. соч., стр. 64; Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев... стр. 49, 50, 61; Т. М. М и н а е в а. Археологические памятники Черкесии, «Труды Черкесского научно-исследовательского института», вып. II, 1954, стр. 275.

⁵⁵¹ «Посольство стольника Голочанова». стр. 106.

Камень с балкарской надписью 1715 г.

кабардинскому князю Пшимаху Канбулатовичу Черкасскому⁵⁵², а нагайский мурза Урыстьямбек в 1639 г. считался зятем карачаевских феодалов Ельбуздука и Галистана⁵⁵³. Пользуясь обычаем аталычества, балкарские феодалы брали в Кабарде на воспитание княжеских детей и, таким образом, приобретали себе сильных покровителей. «Дятькой» кабардинского князя Канбулата Пшимаховича Черкасского, т. е. его воспитателем, именуется в документе 1643 г. балкарский «уздень» Каспулат⁵⁵⁴. «Емчиком», т. е. молочным братом кабардинского князя Касая Атажукина, назван балкарец Азамат Абаев в документе 1747 г.⁵⁵⁵

Выше мы отмечали, что карачаевцы и балкарцы произошли, видимо,

⁵⁵² И. М. Мизисв. Указ. соч., стр. 18—22; Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы..., стр. 39, 40; Т. Ники типа. Реставрация и консервация одежды из погребения в Кабардино-Балкарской АССР. «Ежегодник Государственного исторического музея, 1961». М., 1962.⁵⁵³

Д. А. Вырубов. Альбом с рисунками жилищ, могильных памятников, одежды и украшений. Музей антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград), кол. 693, № 3; А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 32.

⁵⁵⁴ И. Помяловский. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881, табл. 3, рис. дв; табл. 4, рис. 12; В. Ф. Миллер. Отголоски кавказских верований на могильных памятниках. «Материалы по археологии Кавказа», вып. III, 1893, стр. 128, 133 и табл. XV.

⁵⁵⁵ А. Веселовский. Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов итэлианцев. СПб. 1870, стр. 17.

от смешения половцев и алан и что не известно, когда в Карачае и Балкарии окончательно исчезла аланская речь. Можно лишь предполагать, что последнее произошло до XVII в., так как А. Ламберти в 1633 — 1600 гг. писал о карачаевцах, что «язык их — тюркский, но они так быстро говорят, что человек с трудом поймет их»⁵⁵⁶. Карачаево-балкарский язык в источниках XVIII в. именуется татарским⁵⁵⁷. Каким был этот язык в начале XVIII в., видно из уже упоминавшейся надписи на двух сторонах шиферной плитки 21X13 см, хранящейся в Кабардино-Балкарском краеведческом музее. О ней еще в 1903 г. сообщал Н. П. Тульчинский, как о надписи, «вырезанной арабскими буквами на горском языке»⁵⁵⁸. Н. П. Тульчинский, М. К. Абаев⁵⁵⁹ и И. Тамбиев⁵⁶⁰, к сожалению, превратно поняли ее содержание; сама она оставалась забытой до 1953 г., когда автор этой работы заново нашел ее. Оказалось, что она написана в 1715 г. на верхнебалкарском («цокающем») диалекте, является важным источником по истории Балкарии и представляет собой единственный сохранившийся памятник письменности на карачаево-балкарском языке в XVIII в. Написана надпись арабским алфавитом, но весьма своеобразно: начертания, применяемые в арабском письме только для букв в конце слова или для отдельно стоящих, очень часто встречаются в надписи также и в середине слова. Видно, что писец плохо знал правила арабской письменности. То, что он писал по-карачаево-балкарски, объясняется скорее всего незнанием арабского языка, а не стремлением к созданию национальной письменности⁵⁶¹.

Находка этой письменности доказывает, что в начале XVIII в. среди балкарцев были люди, знающие грамоту. Ими являлись редкие одиночки, очевидно, принадлежавшие к немногочисленному тогда мусульманскому духовенству. Народные массы не имели доступа к учебе, а о феодалах говорится в документе 1743 г., что они «в мухамеданском законе, токмо никакой граммати не умеют»⁵⁶². Существование грамотных одиночек засвидетельствовано и арабской надписью на надгробном памятнике 1734—1735 гг. в сел. Кюнюм⁵⁶³. В Балкарии были найдены также грузинские надписи (Верхний Чегем и Хулам)⁵⁶⁴, но они, возможно, относятся к

⁵⁵⁶ «Кабардино-русские отношения...», т. I, стр. 120, 125.

⁵⁵⁷ «Посольство дьяка Федора Елчина...», стр. 305.

⁵⁵⁸ «Кабардино-русские отношения...», т. I, стр. 242.

⁵⁵⁹ Там же, т. II, стр. 141.

⁵⁶⁰ А. Л а м б е р т и. Указ. соч., стр. 192.

⁵⁶¹ Г. К о к и е в. Материалы..., стр. 31, 32

⁵⁶² Н. П. Т у л ь ч и н с к и й. Пять горских обществ Кабарды. «Терский сборник», сын. V. Владикавказ, 1908, стр. 169.

⁵⁶³ М. К. А б а е в. Указ. соч., стр. 596.

⁵⁶⁴ И. Т а м б и е в. Заметки по истории Балкарии. «Революция и горец», 1933, № 8, стр. 59, 60.

домонгольскому времени, когда там еще не было карачаевцев и балкарцев.

Лишь жалкие следы дошли до нас от их старого народного искусства. Но и то небольшое, о чем известно, свидетельствует о существовании в прошлом не только практики орнаментирования предметов быта, вроде узоров на обуви XIII—XIV вв.⁵⁶⁵, но и фресковой живописи.⁵⁶⁶ С проникновением ислама последняя исчезла. Но орнаментация различных предметов сохранилась и при исламе. Одним из образцов балкарского орнамента на камне является, в частности, упомянутый выше надмогильный памятник 1734—1735 гг. в сел. Кюнюм.

До принятия карачаевцами и балкарцами ислама их верования представляли собой, причудливую смесь элементов средневекового христианства с первобытными религиозными представлениями и обрядами. О характере их доисламских верований дают представление некоторые письменные известия XVII—XVIII вв. и многочисленные пережитки, еще недавно бытовавшие в Карачае и Балкарии.⁵⁶⁷

До недавнего времени у карачаевцев и балкарцев существовало множество магических представлений и обрядов: выставляли на кольях забора конские черепа, чтобы предохранить двор от «дурного глаза»; у порога прибавляли подкову «для счастья»; привешивали амулеты к рогам коровы, к холке коня и себе на шею; чтобы уберечь стадо от волков, совершали особый обряд «завязывания зубов волка»; во время засухи купали осла, заставляли его глядеть в зеркало и носили куклу, сделанную из деревянной лопаты; при лунных затмениях подымали шум, чтобы испугать чудовище Джелмауса, который будто бы хочет проглотить луну; при первом весеннем громе обливали друг друга водой, чтобы хорошо взошли травы и посевы, кроме того, зажигали костры и прыгали через них⁵⁶⁸, магический характер имели и шумные игры у постели больного.

Существовала вера в различных духов. Хозяйкой рек считалась суу-анасы, («мать воды»), мужским дополнением ее был суу-атасы («отец воды»). Им обоим приписывали то спасение утопающих, то стремление топить людей. Злого духа в образе женщины с длинными волосами называли алмасты. У других тюркских народов он был известен под именем албасты, альбасти, алмыс и пр. Духа, очень похожего на кабардинскую удэ и русскую ведьму, карачаевцы и балкарцы называли обур. Верили, что обуры могли

⁵⁶⁵ Л. И. Лавров. Об арабских надписях..., стр. 114, 115; он же. Эпиграфические памятники..., ч. 2, стр. 50, 123—125, табл. IV, надпись 483.

⁵⁶⁶ Г. Кокеев. Материалы..., стр. 32.

⁵⁶⁷ Л. И. Лавров. Об арабских надписях..., стр. 101; он же. Эпиграфические памятники..., ч. 2, стр. 53, 54.

⁵⁶⁸ А. И. Робакидзе. Что удалось обнаружить этнографам. По следам одной экспедиции. «Заря Востока», 1959, №44; О. П. Медведева. Новые этнографические коллекции по Балкарии. «Краеведческие записки», вып. I, 1961, стр. 81; Абр. Фиркович. Указ. соч., стр. 132.

превращаться в кошку, собаку, волка и пр., могли летать на лопате или венике, а по пятницам устраивали пир на Эльбрусе во время которого ели тело спящего человека. От этого последний начинал болеть⁵⁶⁹. Кое-где приносили жертвы эмегенам — огромным чудовищам, населявшим землю в древности. Верили в одноногого или одноглазого агъач-киши, т. е. «лесного человека», имеющего на груди костяной топор, которым он пронзает в лесу одиноких путников.

Известно было поклонение деревьям, отдельным камням и некоторым могилам. Так, около сел. Шаурдат стояло «священное» дерево, носившее имя Раубазы. Ему в жертву приносили пирожки и другую еду⁵⁷⁰. В Ка-рачае около сел. Хурзук перед революцией росла «священная» сосна, возраст которой определяли в 1200—1300 лет⁵⁷¹. «Священный» камень Къарындашлаташы находился в Балкарском ущелье⁵⁷². До 1933 г. в Хуламо-Безенгийском ущелье был камень Мамукъташ, у которого молились женщины, страдающие бесплодием⁵⁷³. «Священный» камень под названием Авсолтуу известен у сел. Верхний Чегем (под горой, что между р. Чегем и Жылгы). В местности Шегишти у того же селения (на горе, на правом берегу р. Чегем и Думала) был «священный» камень Аш-Тотур. У него устраивали жертвоприношения во время наступления совершеннолетия. Там до сих пор находят наконечники стрел. Проезжая мимо камня Аш-Тотур, всадники обязательно спешивались. Рассказывали, что когда кабардинский князь отказался спешиться и даже выстрелил в Аш-Тотур, то на этого князя налетело облако, внутри которого была пчела. Она укусила его в нос, отчего он заболел и умер.

Кроме Аш-Тотура, на той же горе есть другой камень, также считавшийся «священным». На нем будто бы видны отпечатки рук и ног «пайханпара», т. е. пророка. На этом камне было изображение креста. Недалеко от Авсолтуу находится «священный» камень Байрам таш⁵⁷⁴. Другой такой же камень под тем же названием известен в сел. Хулам⁵⁷⁵. Третий камень Байрам таш существует в Карачае, у слияния рек Уллукам и

⁵⁶⁹ И. М. Мизиев. Указ. соч., стр. 21; Г. Никитина. Указ. соч., рис. 4.

⁵⁷⁰ Д. А. Вырубов. Альбом..., А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 32.

⁵⁷¹ Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники..., ч. 2, стр. 127—133.

⁵⁷² В. М. Сысоев. Карачай..., стр. 75—79; Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию..., стр. 178; И. С. Гцуккин. Указ. соч., стр. 62.

⁵⁷³ Е. Баранов. Сказки горских татар. СМОМПК, вып. 23, 1897, стр. 46, 47.

⁵⁷⁴ Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию..., стр. 177.

⁵⁷⁵ М. Алейников. Карачаевские легенды; Гр. Петров. Легенды...; В. Я. Тепцов. Указ. соч., стр. 107. Н. С. Иваненков. Указ. соч., стр. 75—77; И. С. Щукип. Указ. соч., стр. 55.

Черенкол. О последнем в 1912 г. Н. С. Иваненков писал: «Около него и теперь кладут пожертвования деньгами, вещами и хлебом, вознося молитвы за счастье новорожденного, за здоровье отца или близкого человека, за удачу в каком-либо предприятии»⁵⁷⁶.

Большую роль играли в быту разорительные поминки по умершим. Те, что устраивались сразу после похорон, носили название «аш». Повторные (или ежемесячные) поминки — «чек» были особенно пышными. Кроме того, ежегодно в середине марта устраивали поминки под названием «голу»⁵⁷⁷. В. И. Филоненко пишет: «Голу — древний праздник... Длился подряд несколько дней и ночей. В одну из последних ночей совершались поминки по предкам: пекли пироги, жарили баранов. Лучшие куски из приготовленного предлагались покойникам. Народ думал, что в эту ночь предки выходят из своих могил и что, если их умилостивить пищей, то можно ближайшим летом ожидать хорошего урожая»⁵⁷⁸.

Отдельные отрасли хозяйственной деятельности имели своих божеств-покровителей. Выше упоминался камень Авсолтуу. С этим именем (или его вариантами: Апсанты, Апсаты, Авсаты) было связано представление о хозяине диких зверей и покровителе охотников. Существовали охотничьи обрядовые песни с просьбами к Апсаты, чтобы он послал охотнику жирного оленя, козу или другую дичь. Развалины одной из старинных башен у сел. Верхний Чегем носят название Авсаты-къала, т. е. «крепость Авсаты»⁵⁷⁹. Песни называют Апсаты косым. В них упоминаются младший его брат Тугулбай или Дыгылмай, и какая-то «девица-красавица Гамалар»⁵⁸⁰.

Покровителем овцеводства считалось божество Аймыш, или Аймуш⁵⁸¹, а обеспечивающим хорошие всходы посевов и урожай кормовых трав, признавалось божество, носившее три разных имени: Элиа, Чоппа и Ишыбла (вариант: Шыбла). В начале XIX в. Г. Ю. Клапрот писал о почитании Элиа карачаевцами и балкарцами: «Они уверяют, что он часто показывается ца вершинах гор и ему с пением и танцами приносят они в жертву ягнят, молоко, масло, сыр и пиво (ера)»⁵⁸² Верховным божеством считался Тейри, в котором следует видеть древнетюркское божество неба Тенгри⁵⁸³. Г. Ю. Клапрот отмечал, что карачаевцы и балкарцы «почитают бога, именуемого не Аллах, а Тегри, в качестве подателя всякого блага»⁵⁸⁴.

⁵⁷⁶ А. Х. С о т т а е в. Некоторые вопросы..., стр. 248.

⁵⁷⁷ «Очерки истории балкарского народа», стр. 177.

⁵⁷⁸ Л. И. Л а в р о в. Из поездки в Балкарию..., стр. 177

⁵⁷⁹ Археологические экскурсии..., стр. 75.

⁵⁸⁰ И. С. И в а н е н к о в. Указ. соч., стр. 27

⁵⁸¹ В. И. Ф и л о п е н к о. Указ. соч.,

⁵⁸² «Материалы и исследования...», стр. 132.

⁵⁸³ Г. И. И о и е. Указ. соч., стр. 191.

⁵⁸⁴ Н. П. Т у л ь ч и и с, к и й. Поэмы, легенды, песни..., стр. 281—286; «Эскикъарачай джырла», стр. 19—26; И. Г а м б и е в. Заметки по истории Палкарии. «Революция и горец», Ростов на

Его имя призывали в проклятьях и благопожеланиях.

Некоторые авторы считают, что в карачаево-балкарском пантеоне были божества Эрирей, Долай и Дауле⁵⁸⁵. Это не соответствует действительности, так как в данном случае были приняты за имена местных божеств, широко распространенные на Кавказе припевы песен «эри-рей» и «долай», а также бытующее у всех мусульман арабское слово «давла», которое означает «государство», «превратность судьбы», «отрезок времени, отведенный судьбой» и пр.

Среди древних верований карачаевцев и балкарцев можно различить три слоя: древнетюркский, аланский и местный кавказский. К первому из них относится прежде всего представление о Тейри, которое отсутствует у других народов Кавказа, но хорошо известно у средневековых тюрков Северного Кавказа, а также в Средней Азии, на Алтае и в Монголии. Представления об алмасты, обурах и эмегенах, хотя и бытовали у коренных кавказских народов, но по своему происхождению также являются тюркскими. Вера в «лесного человека» с топором на груди, весенние поминки «голу», игры у постели раненого и вообще большинство других сторон древней религии карачаевцев и балкарцев нужно отнести к числу заимствований из местной кавказской среды. Однако нельзя забывать, что эти же кавказские элементы давно были усвоены предками осетин и поэтому размежевать то, что карачаевцы и балкарцы заимствовали непосредственно от адыгов, абазин, сванов и др., и то, что досталось им от аланского населения этих мест, очень трудно. Но есть основания предполагать, что многие кавказские элементы в религиозных верованиях карачаевцев и балкарцев являются наследием алан. Если исходить из терминологии, то оказывается, что божества Аймуш и Ишыбла — это варианты кабардинского Аймыша и общеадыгского Шыблэ. Ближайшей параллелью названия божества Авсолтуу или Апсаты является имя покровителя охоты у осетин Афсати. Что касается Чопиа, как одного из обозначений божества грозы, то оно с тем же значением известно и осетинам, и адыгам.

Еще до монгольского нашествия у кавказских алан получило распространение христианство. Среди половцев также могли существовать христианские общины. Не удивительно, что пережитки христианства в быту карачаевцев и балкарцев хорошо известны. В честь Георгия был назван один из месяцев, а также вторник («геюрге кюн», т. е. «день Георгия»). У сел. Верхний Чегем существовало посвященное ему святилище, которое, согласно

Допу, 1933, № 1—2, стр. 67; Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев..., стр. 31, 33—36; «Материалы и исследования...», стр. 80, 81, 93-96.

П. Инаиуков, М. Ковалевским. У подошвы Ольборуса. «Вестник Европы», 1881, № 1, стр. 107; М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 194; Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию, стр. 177; Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев..., стр. 32, 33.

В. Ф. Миллеру, носило название «Алтын аш-Керге»⁵⁸⁶. В первой половине XIX в. изображение этого святого было в церкви около сел. Безенги⁵⁸⁷.

Выше говорилось, что одним из названий божества грома у карачаевцев и балкарцев было Элиа, т. е. христианский пророк Илья, а у сел. Верхний Чегем пользовался почитанием камень Аш-Тотур, что значит «святой Федор». К этому прибавим, что в Баксанском и Хуламском ущельях издавна были поселки под названием Тотур. У хуламского Тотура на высокой конической горе стоят развалины христианского храма, и сама эта тора называется Тотур-тепе⁵⁸⁸. Средневековые развалины у Верхнего Чегема именуется Тотур-къала⁵⁸⁹, т. е. «крепость Федора».

О почитании в прошлом святых Николая и Параскевы можно заключить из того, что месяц май, в котором христиане отмечают память Николая угодника, носил название Никколай, а среду именуют Бараскюн, т. е. «день Параскевы». В названии «священных» камней Байрам В. Ф. Миллер предполагал искаженное Майрам, которое считал именем христианской девы Марии⁵⁹⁰.

Пережитки христианства прослеживаются в карачаево-балкарских названиях понедельника и воскресенья. Первый именуется начальным днем недели (баш-кюн, буквально «головной день»), а второй — конечным днем (ыйых-кюн)⁵⁹¹.

В Карачае сохранились монументальные храмы докарачаевского и даже домонгольского времени (X—XII вв.), а что касается небольших христианских церквей, разбросанных в Балкарии, то многие из них могли быть построены в XIII—XV вв. предками карачаевцев и балкарцев.

Кабардинские князья М. Атажукин и А. Гиляхсанов в 1743 г. рассказывали о балкарцах: «Издrevле они были христианского закона, который и ныне многие из них содержат. И для того весной семь недель и при окончании лета две недели постятся и никаких мяс, молока и масла не едят»⁵⁹².

И. А. Гильденштедт в 1774 г. писал, что «Есе базианы (балкарцы.—

⁵⁸⁶ Указ. соч., стр. 507.

⁵⁸⁷ Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию, стр. 178; Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев..., стр. 11), 20, 32; «Очерки истории балкарского народа», стр. 177.

⁵⁸⁸ Указ. соч., стр. 507

⁵⁸⁹ Х. О. Л а П а н о в. К истории карачаевцев... стр. 31, 32; «Очерки истории балкарского народа», стр. 177; В. П. Невская. Социально-экономическое развитие..., стр. 23; «Очерки истории Карачаево Черкесии», т. I, стр. 393; «История Кабар-дино-БалкарсКби АССР», т. 1, стр. 298, 299.

⁵⁹⁰ В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии..., стр. 71; он же. Осетинские зодцы, ч. ТТ1, стр. 9; В. Миллер, М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 551.

⁵⁹¹ А. Фиркович. Указ. соч., стр. 132.

⁵⁹² В. И. Долбежев. Указ. соч., стр. 102.

Л. Л.) прежде были под грузинским господством (?—Л. Л.), под которым сделались христианами греческого толка, от чего еще сохранились: несколько древних церквей в этой области, празднование воскресенья, соблюдение великого поста и употребление в пищу свинины»⁵⁹³.

В Балкарском ущелье, кроме изображений крестов на башнях, существовали небольшие христианские церкви. А. С. Фиркович, путешествовавший в 1849 г. говорит о находившейся там церкви под названием «Ойт — Ойт — каясы». Она имела украшения и надписи, но была «уничтожена еще в недавнее время до основания, так что ни малейшего следа ее не осталось»⁵⁹⁴. Вторая церковь сохранялась во времена А. С. Фирковича около сел. Ишканыты и носила название Артла. Она имела, по его словам, в длину $7\frac{3}{4}$ аршин и в ширину $5\frac{1}{2}$ аршин⁵⁹⁵. Третья церковь находится в самом сел. Ишканыты. А. С. Фиркович видел изображение головы барана, которое было сделано с левой стороны двери. Сама дверь обращена на запад. На преддверии был сделан крест. Под этой церковью будто бы находился погреб, где, по рассказам местных жителей, в больших сундуках хранились церковные книги и утварь. Осведомитель А. С. Фирковича, местный житель Хаджи-Зазсе, сообщил ему, что «еще на его памяти мухаммеданской веры здесь не знали; вероисповедывание было свободно: христиане отправляли богослужение в церквах, другие приносили жертвы и исполняли разные обряды в лесах под священными деревьями и в диких скалах и т. п. Только лет за 60 (т. е. около 1790 г.— Л. Л.) один эфенди, прибывший из Дагестана, начал проповедовать здесь коран... Книги же и прочая утварь... долгое время были неприкосновенны; к самим церквам питали уважение, родильницы и больные ходили в церковь на поклонение, делали обеты и приносили жертвы; но назад тому лет около двадцати пяти (т.е. во второй половине 1820 гг.— Л. Л.) другой эфенди, прибывший также из Дагестана... объявил народу... что книги те писаны на языке «неверных» и как церкви, так и... вещи... подлежат истреблению... Эфенди оставил у себя телько небольшую книжку, писанную на коже с разными украшениями, вероятно евангелие. Он... подарил ее какому-то важному лицу из греческого духовенства в Константинополе... Этот же Зазсе сообщил мне, что многие из жителей... не исполняют в точности постановлений ислама, не ходят в мечеть, не совершают обрезания и т. п.; некоторые даже... еще отправляют языческие обряды в священных рощах и в диких скалах»⁵⁹⁶. Кажется, именно эта вторая церковь, описанная

⁵⁹³ Г. И. И о п е. Указ. соч., стр. 191, 192.

⁵⁹⁴ В. М и л л е р, М. К о в а л е в с к и й. Указ. соч., стр. 551; В. Ф. М и л л е р. Осетинские этюды, ч. III, стр. 8, 9.

⁵⁹⁵ «Материалы и исследования...», стр. 46, 133.

⁵⁹⁶ Г. А. К о к и е в. Материалы..., стр. 32.

А. С. Фирковичем, была обследована в 1924 г. А. А. Миллером. По его описанию, она находится на южной окраине сел. Ишканти, рядом со старым могильником, и превращена в хозяйственную постройку. Здание вытянуто с востока на запад, длина его — 4,4 м и ширина — 2,6 м. В алтарной стене сохранилось маленькое окошечко стрельчатой формы. Дверное отверстие разрушено и сохранилась лишь верхняя его часть. Крыша — попорчена. А. Миллер замечает, что «по общим пропорциям церковь эта весьма близко напоминает небольшой храм у сел. Нузал в Осетии»⁵⁹⁷.

На территории старого могильника у сел. Курноят А. А. Миллер обнаружил также остатки маленькой церкви. Внутренность ее имеет длину 3,5 м, ширину — 0,78 м. Церковь вытянута с востока на запад. Алтарная стена имеет небольшое окошко. К северной стене примыкает низкая каменная ограда, предназначенная, по-видимому, для сидения молящихся, ге могущих попасть в саму церковь⁵⁹⁸.

На одном из курганов юго-восточнее сел. Зилги расположено четырехугольное здание длиной более 6 м и шириной 4 м. Сохранившиеся стены не превышают 1—17 м. Под здание подведен каменный фундамент, выступающий за стены наружу в виде ступеньки. На восточной стороне есть следы двери, а на западной — узкого четырехугольного окна. Северная стена имеет квадратную нишу. По предположению В. Ф. Миллера, «здание имело в древности, по-видимому, религиозное значение». На восточном склоне соседнего кургана лежат три стесанные каменные плиты длиной около 2 и шириной около 7 м. По преданию на плитах в старину приносились жертвы. Северная сторона кургана пользовалась особенным уважением и возле нее боялись проходить. Народная фантазия создала легенду, будто в кургане погребены шесть женщин с грудными детьми, которые все вместе окаменели и превратились в статуи. Произведенные на месте раскопки не дали никаких результатов и показали, что здесь нет никаких погребений⁵⁹⁹. Б. К. Далгат говорит о крестах, которые находили в древних могилах и на соседних камнях недалеко от ущелья р. Зилги⁶⁰⁰.

И. В. Шаховский, побывавший в Бызынги в 1834 г., сообщает, что он обнаружил там, как и в Чегеме, полуразрушенные каменные церкви, «на стенах которых еще заметны были рисунки священного содержания». В связи с этим он продолжает: «По сходству архитектуры с сванскими церквами возведение их следует отнести к тем же временам. Мне говорили, что в половине XVIII в. магометанство еще не было развито... и что в пищу употреблялась там свинина; но в мое время распространение корана было

⁵⁹⁷ Указ. соч., стр. 461.

⁵⁹⁸ Абр. Ф и р к о в и ч. Указ. соч., стр. 133, 134.

⁵⁹⁹ Там же, стр. 128.

⁶⁰⁰ Там же, стр. 128—130.

повсеместно»⁶⁰¹.

А. С. Фиркович, указывая церковь около сел. Бызынги, замечает, что она имеет в длину 5 1/4 аршин, в ширину — 3 3/4 аршин.

Одна из «часовен» около сел. Джабоево представляет собой прямоугольное в плане здание (4,1X2 м) со сводчатым потолком и двускатной крышей, высота — 2,5 м⁶⁰².

Одна из построек на старинном могильнике около сел. Советского также являлась, кажется, церковью. От нее сохранилась фасадная стена со стрельчатым входным отверстием. Алтарная часть была разрушена. На ней были высечены кресты и какие-то надписи⁶⁰³.

На Чегеме христианские памятники расположены преимущественно в районе сел. Верхний Чегем. Побывавший там в 1743 г. кизлярский дворянин Алексей Тузов сообщал в Коллегию иностранных дел: «В той четемской деревне, в одной лошине имеется около трех сот дворов и есть тамо две христианские церкви каменные, во всякой целости, токмо без глав и стоят впусе. Жители чегемские никакого закона не имеют, токмо весною семь недель постятся и во время окончания поста сходятся в церковь и вооной зарезут быка и, сваривши, разгавливаются; и от огня внутрь церквей весьма закоптело, и двери все замазаны салом. В том же Чегеме есть несколько фундаментов и стен бывших часовен каменных, на тех стенах значит иконное писание». Кроме того, «у тех же чегемцев имеются и христианские книги, и содержат оные на превысокой горе, на которую и проход весьма трудной и страшной» Когда А. Тузов, находясь в 1736 г. на Чегеме, случайно забрел к этой горе, то его обвинили в попытке украсть книги и чуть было не убили. Потом, при содействии кабардинского князя Нитча, чегемские старшины водили А. Тузова и донского казака на ту гору. «И пришедши в полугоре на уступ, открыли имеющийся там сундук сосновый и показывали восемь книг, писанных краскою и чернилами на пергаменте и на бумаге, величиною в десть, в полдесть и в четверть. Тут же, вынув из сундука, показывали дяконский оларь кутняной ветхой. И ис того сундука книги вынимали, сняв шапки, с великим благоговением и страхом. И, кроме христиан, к тем книгам никого, а паче мухамедан, отнюдь не допускают». Еще до этого генерал-лейтенант Ероптин посылал команду в Чегемское ущелье для взятия этих книг, но чегемцы их не отдали, заявив,

⁶⁰¹ А. А. Миллер. Указ. соч., стр. 79.

⁶⁰² Там же стр. 80.

⁶⁰³ В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии..., стр. 83, 84; Ср.: Д. Вырубов. Раскопка кургана Хусаиаты близ поселка Зилы-и Болкарского общества и могильников в местности Рахты. «Древности. Труды Московского археологического общества», т. XVI, 1900, стр. 195, 196.

«что они... все прежде помрут, нежели оные книги кому отдадут, объявляя, что все их чегемское благополучие в скоте и в хлебе в тех книгах состоит»⁶⁰⁴.

По сообщению И. А. Гильденштедта, около сел. Верхний Чегем стоит одна каменная церковь, имеющая в длину 3 сажени. Беременные женщины дают обет зарезать у ее входа жертвенное животное и потом торжественно его съесть⁶⁰⁵.

П. С. Паллас, говоря о балкарцах, замечает, что «они были христианами и имеют у себя церкви, среди которых особенно замечательна одна на Чегеме. Она расположена на скале, в которой вырублен витиеватый проход, снабженный с обеих сторон железными перилами. Здесь еще сохраняются остатки книг. Несколько листов из них, добытые оттуда со многими опасностями, оказались: один лист — из Евангелия на древнегреческом языке, другие — из [других] греческих церковных книг». Попутно П. С. Паллас указывает, что, кроме церквей, балкарцы «имеют священные источники, в окрестностях которых они не смеют срубить ни одного дерева»⁶⁰⁶.

Г. Ю. Клапрот в известном описании своего путешествия по Кавказу пересказывает И. А. Гильденштедта и П. С. Палласа.⁶⁰⁷ В другом месте он добавляет, что «во время моего пребывания на Кавказе я имел случай доставить себе несколько отрывков (речь идет о книгах, хранившихся на скале у сел. Верхний Чегем — Л. Л.): одни принадлежали греческому евангелию, другие — служебнику и составляли часть службы ноября месяца; у меня хранятся семь листов. По письму рукопись относится ко второй половине XV в. и преисполнена ошибок»⁶⁰⁸.

П. Зубов в работе 1835 г. в основном повторяет И. А. Гильденштедта и П. С. Палласа, но прибавляет некоторые детали, отсутствующие у них, хотя достоверность их вызывает сомнение⁶⁰⁹.

А. С. Фиркович говорит, что в 3—4 км от сел. Думала и около 2 км от горной тропы, ведущей в Бызынгыйское ущелье, в местности Бердыбий находится древнее кладбище с каменными памятниками, на которых высечены кресты⁶¹⁰.

⁶⁰⁴ В. Далгат. Указ. соч., стр. 8, 9.

⁶⁰⁵ И. Шаховский. Указ. соч., стр. 456.

⁶⁰⁶ П. Г. Акрита. Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа, УЗКБ, т. XVI, 1959, стр. 215; П. Г. Акрита, О. П. Медведева, Т. Б. Шахадов. Указ. соч., стр. 88—90.

⁶⁰⁷ М. Ермоленко. Древние храмы близ Нальчика и мумии балкарских могильников Терской области. «Труды Ставропольской ученой архивной комиссии», вып. I. Ставрополь, 1911, стр. 3; А. А. Миллер. Указ. соч., стр. 80.

⁶⁰⁸ Г. А. Кокиев. Материалы..., стр. 34, 35.

⁶⁰⁹ Указ. соч., стр. 401.

⁶¹⁰ Указ. соч., стр. 407, 408.

В 1867 г. Нарышкину сообщили в Нальчике, что «во время управления бывшего тут начальником князя Эристова были найдены в Чегемском ущелье старинные книги и вещи и что все это было взято князем Эристо-вым»⁶¹¹

На горе Донгат около сел. Верхний Чегем В. Ф. Миллер в 1883 г. видел «целое собрание могильных плит с изображением крестов. Эти плиты были снесены с ближнего кладбища и послужили материалом для ограды небольшого загона для скота. Кресты высечены четырехконечные, самых простых форм. Такая же могильная плита с изображением креста лежит на

Христианская часовня в Бадкарин (из альбома Д. А. Вырубова)

берегу реки Джилги... недалеко от места, называемого доселе поповым (бабасовым) жильем...⁶¹² Народное предание говорит, что близ Чегема, на горе, в пещерах был когда-то склад христианских книг. У подножья горы сохранились следы прилепленных к скале построек, фундаментов, ниш, стен и т. п., а выше по горе идет искусственный, укрепленный камнями из извести карниз. Эта тропинка ведет к пещере, в которой будто бы были найдены книги. В настоящее время уже нет возможности составить ценное понятие о форме церкви и даже точно определить ее место». В. Ф. Миллер упоминает «название каменной часовни в Чегемском ущелье — Аш-Эли»⁶¹³. Другая часовня называлась Алтын-аш-Керге.

По словам М. И. Ермоленко, «недалеко от села (Верхнего Чегема.— Л.Л.), вверх по скале, в местности Битикли тянется искусственно пробитая трона, у которой видна надпись на неизвестном языке. Говорят, что такие

⁶¹¹ Указ. соч., стр. 532.

⁶¹² М и л л е р. Археологические экскурсии..., стр. 76.

⁶¹³ П. З у б о в. Указ. соч., стр. 137, 138.

надписи встречаются еще в этих местах»⁶¹⁴. О каменной лестнице у Верхнего Чегема рассказывают также С. С. Анисимов⁶¹⁵, В. Я. Тепцов⁶¹⁶ и П. Г. Акритас⁶¹⁷.

В 1937 г. я писал, что остатки одной из построек, находящейся на Верхнечегемском могильнике и условно названной склепом 11, вероятно, являются остатками христианской церкви⁶¹⁸. Три другие церкви были обнаружены здесь П. Г. Акритасом⁶¹⁹. «Небольшую средневековую часовню» П. Г. Акритас упоминает и у сел. Нижний Чегем⁶²⁰.

Таким образом, в районе Верхнего Чегема существовали небольшие церкви. Кроме них, в пещере, на левом берегу р. Джилги, находился склад богослужебных книг и других церковных предметов. К пещере вела высеченная в скале лестница, остатки которой до сих пор видны. Надо думать, что использование пещеры для хранения книг относилось к более позднему времени, чем постройка церквей около сел. Верхний Чегем. Перенос «священных» предметов из церквей в пещеру, по всей вероятности, произошел тогда, когда, в силу сложившейся политической обстановки, построенные до этого церкви оказались перед возможностью разграбления.

В Баксанском ущелье, в местности «Гевердмен» (Гунделен?—Л.Л.), А. С. Фиркович обнаружил памятник, на котором высечен крест⁶²¹.

Около сел. Былым находилась христианская часовня под названием Байрам. По преданию, слышанному А. С. Фирковичем, в соседней пещере «хранятся книги, разные вещи и оружие под проклятием, а потому никто не решается прикоснуться к ним и даже открыть тайну эту другим под опасением дурных последствий»⁶²².

На правом берегу р. Баксана, около 2 км выше сел. Нижний Баксан, в 1867 г. таубий Мухаммед Урусбиев показывал Нарышкину почти квадратную каменную плиту с высеченным-на ней крестом. При этом он рассказывал: «По преданию на этом месте находилась церковь... Еще недавно было в обыкновении у окрестных горцев посещать это место для богомолья»⁶²³.

⁶¹⁴ Абр. Фиркович. Указ. соч., стр. 131.

⁶¹⁵ «Отчет гг. Нарышкиных...», стр. 349.

⁶¹⁶ В. Филлер. Археологические экскурсии..., стр. 75, 76.

⁶¹⁷ Осетинские этюды, ч. 111, стр. 8.

⁶¹⁸ М. И. Ермоленко. Путеводитель..., стр. 55.

⁶¹⁹ С. Анисимов. Кавказские Альпы, стр. 148.

⁶²⁰ В. Я. Тепцов. Указ. соч., стр. 160.

⁶²¹ П. Г. Акритас. Древний торговый путь..., стр. 210, 211.

⁶²² Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию, стр. 180.

⁶²³ П. Г. Акритас. Древний торговый путь..., стр. 211; он же. Археологическое исследование..., стр. 187, 188.

Как мы видим, территория Балкарии богата остатками христианских церквей.

Многие погребения в Балкарии также свидетельствуют о христианстве. Сюда относится часть погребений в каменных ящиках, деревянных гробах или колодах⁶²⁴ и в мавзолеях (кешене). Очень часто последние из них представляют собой эффектные памятники архитектуры. Они бывают четырехугольные в плане с двускатной крышей и шести- или восьмигранные с пирамидальной крышей. Характерной особенностью их является отсутствие дверей. Но каждый мавзолей имеет по одному окошку.

Склепы Верхнечегемского могильника в Балкарии

Х. О. Лайпанов сделал предположение, что мавзолеи строили только в доисламское время⁶²⁵. Более осторожно высказался об этом А. А. Иессей: «Из склеповых построек наиболее древними являются, очевидно, прямоугольные, сооружавшиеся вплоть до начала XVIII в... Постройки шести- и восьмигранные с конической крышей появляются, видимо, позже прямоугольных, их сооружают в XVII—XVIII вв.»⁶²⁶. Эту же точку зрения отстаивают Е. П. Алексева,⁶²⁷ и П. Г. Акритас⁶²⁸.

⁶²⁴ П. Г. А к р и т а с. Археологическое исследование..., стр. 190.

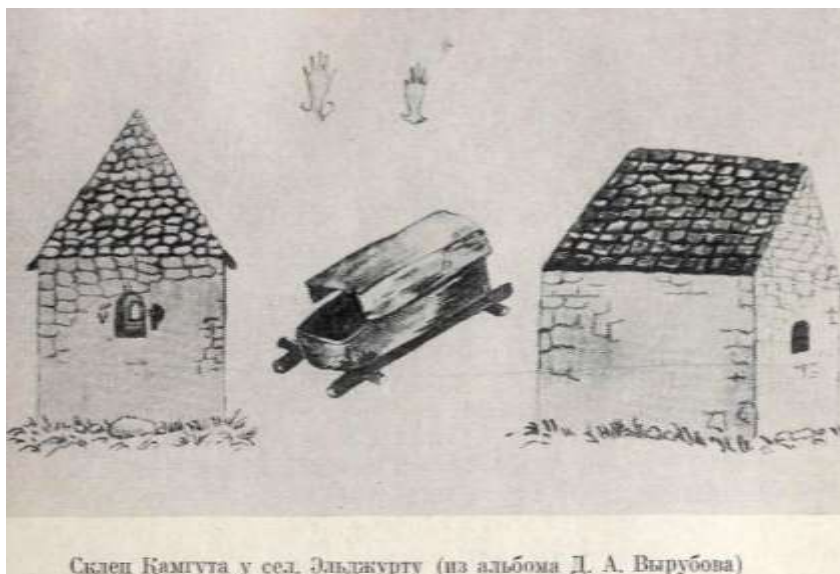
⁶²⁵ Абр. Ф и р к о в и ч. Указ. соч., стр. 128.

⁶²⁶ Там же; см. также: В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии..., стр. 91; В. Я. Т е п ц о в. Указ. соч., стр. 144—148; М. И. Ермоленко. Путеводитель... стр. 45.

⁶²⁷ «Отчет гг. Нарышкиных...», стр. 330.

⁶²⁸ И. В. В л а д и м и р о в. Извлечение из отчета о раскопках, произведенных в 1898 г. в Нальчикском округе Терской области. «Отчет императорской Археологической

Автор настоящей работы считает, что нижнюю хронологическую дату карачаево-балкарских мавзолеев установить пока нельзя, а что касается верхней даты, то она не может значительно расходиться с верхней датой

строительства аналогичных мавзолеев в Кабарде, где она падает на самый конец XVIII в. Известно, что ислам не запрещал строить мавзолеи и их много имеется в мусульманских странах. Не правы те авторы, которые думают, что четырехугольные в плане мавзолеи не строили в XVIII в. Против этого говорят факты постройки такого типа мавзолеев в Кабарде и Осетии в середине и во второй половине XVIII в.⁶²⁹

Около сел. Шканти расположен обширный могильник, обнесенный каменной стеной. На нем еще недавно стояло три кешене, принадлежавшие предкам таубиев Абаевых. Один из них, приписываемый Сосрану Абаеву, представляет собой восьмигранное здание. Другой, такой же формы, приписывали Алимурзе Абаеву. Третий, в котором была погребена некая женщина, был четырехугольный в плане. В этих склепах еще недавно лежали мумии и просто кости нескольких покойников, позже попавшие в Ставропольский музей⁶³⁰

комиссии за 1898 г.». СПб., 1901, стр. 45; Г. И. Ионе. Указ. соч., стр. 196, 199, 205; И. М. Мизиев. Указ. соч., стр. 16, 17, 19, 20. И. М. Мизиев ошибается, относя ранние погребения к мусульманским.

⁶²⁹ Х. О. Лаипапов. К истории карачаевцев..., стр. 15, 37.

⁶³⁰ А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 31.

Ниже поселка Мухол стоит восьмигранное кешене. В нем, кроме костей, находились деревянный гроб, лоскутки шелка и холста⁶³¹.

На могильнике близ Бызынгы А. С. Фиркович видел четырехгранное кешене. Он же сообщает о кешене высотой около 4 м, с пирамидальной крышей на могильнике южнее сел. Хулам. Там до него находилась плита с какой-то надписью в девять строк. Два кешене стояли около развалин церкви в сел. Хуламе⁶³².

В 3 км южнее сел. Советское имеются развалины кешене, в котором, по преданию, погребен легендарный Мисака. Оно было восьмигранной формы. Кажется, там же было второе кешене того же типа⁶³³. Кроме того, в 7 км Вт Советского на р. Хуламском Черече находились развалины четырехгранного кешене, приписываемом предкам Урусбиевых⁶³⁴.

В Чегемском ущелье известны восьмигранные кешене у сел. Булунгу, четырехгранное кешене у сел. Думала и одиннадцать кешене на могильнике у сел. Верхний Чегем. Среди последних имеются четыре восьмигранных и семь четырехгранных. Высота наибольшего из них достигает 8 м⁶³⁵. На могильнике по правой стороне р. Кардана были изображения крестов⁶³⁶.

В районе сел. Гунделена до недавнего времени стоял ряд кешене, ныне разрушенных. Известно, что среди них встречались и шестигранные⁶³⁷, как и те, что у сел. Лечинкая. Есть основания думать, что строили их не балкарцы, а кабардинцы.

Кешене имеются около сел. Былыма⁶³⁸ и четырехскатное (высотой около 5м)—возле сел. Эльджурту, приписываемое Камгуту. Последнее у

⁶³¹ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы..., стр. 48, 49; она же. Археологические раскопки..., стр. 194, 195.

⁶³² П. Г. Акрита с. Археологическое исследование..., стр. 188.

⁶³³ Л. И. Лавров. Об арабских надписях..., стр. 117, 118; он же. Хазнидонские надписи «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. XXIII, вып. 1, 1962, стр. 112; он же. «Эпиграфические памятники...», ч. 2, стр. 152.

⁶³⁴ Миллер. Археологические экскурсии..., стр. 81—83; М. И. Ермоленко. Древние храмы..., стр. 4; Г. Н. Прозрителев. Мумии балкарских могильников Терской области Нальчикского округа. «Труды Ставропольской ученой архивной комиссии», вып. V. Ставрополь, 1913, стр. 1, 2; А. А. Миллер. Указ. соч., стр. 76—78; М. И. Ермоленко. Путеводитель..., стр. 71, 72; Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев..., стр. 37.

⁶³⁵ М. И. Ермоленко. Путеводитель..., стр. 73; Х. О. Лайна по в. К истории карачаевцев..., стр. 37.

⁶³⁶ Дор. Фиркович. Указ. соч., стр. 131, 132; С. А. Писимов. Кавказские альпы, стр. 173.

⁶³⁷ Миллер. Археологические экскурсии..., стр. 83; М. И. Ермоленко. Путеводитель..., стр. 65, 66; В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе г. Кисловодска в 1959 г. «Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии». вып. IX. Пальчик, 1961; стр. 205.

⁶³⁸ В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии..., стр. 83.

балкарцев и карачаевцев являлось местом поклонения. Верили, что сам Камгут, в минуты опасности для окрестного населения, выходил из могилы на бой с врагами. Внутри кешене Камгута было сделано изображение оленей, а снаружи около окна — отпечатки кистей рук⁶³⁹

Три кешене известны у сел. Карт-Джурт в Карачае. Они прямоугольные в плане и с двускатными крышами. Народное предание приписывает их биям Крымшамхаловым и Дудовым⁶⁴⁰. В Караче же Х. О. Лайпанов упоминает «два надземных склепа», которые находятся у впадения р. Джамаат в р. Теберду, причем, «по преданию, в одном из них похоронен... балкарец Алхаз, в другом — его младший брат Эльмырза»⁶⁴¹. Но В. М. Сысоев вместо двух склепов знал там лишь одну «небольшую ограду (4X4 аршина) вокруг могилы князя Эль-Мирзы Урусбиева»⁶⁴²

Христианство проникло на Северный Кавказ в домонгольское время из Византии и Грузии. Монгольское нашествие нанесло сильный удар христианской проповеди, но не убило ее, как это вытекает из сообщения И. Шильтбергера в начале XV в.⁶⁴³ и из того, что в Балкарии были найдены христианские книги второй половины XV в. Однако потеря связи с христианскими странами в XII—XIII вв. способствовала в дальнейшем ослаблению местного христианства и сочетанию его с древнетюркскими и кавказскими верованиями и обрядами. Народ продолжал поклоняться маленьким храмам, в которых прекратились богослужения. Так продолжалось до конца XVIII в.

Московские послы в 1640 г. были свидетелями того, как мегрельский епископ Андрей угощал гостивших у него карачаевцев и при этом осенял их крестным знаменем. Послы были недовольны поведением епископа, так как, по их словам, карачаевцы эти «не крещеные»⁶⁴⁴.

А. Ламберти в 1654 г. писал о карачаевцах, сванах, абхазцах, джиках

⁶³⁹ Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию..., стр. 178—181; «Ханские могильники к Чегемскому обществу». «Нива», 1891, № 13, стр. 301 и 304; В. Я. Тепцов. Указ. соч., стр. 161—163; С. А. Нисимов. Кавказские альпы, стр. 148, 149; С. Воробьев, Д. Сархап. Кабарда и Балкария. Ростов-на-Дону, 1932, стр. 22; П. Г. Акритас. Археологическое исследование..., стр. 188; Е. П. Алексеева. Археологические раскопки..., стр. 193—195.

⁶⁴⁰ Миллер. Археологические экскурсии..., стр. 84—86.

⁶⁴¹ И. Белоконский. Указ. соч., стр. 48; «330 верст в Сванетии и Кабарде». «Записки Крымско-Кавказского горного клуба», вып. 3, 1910, стр. 204 и 205; И. И. Аншолез. По горам Кавказа. «Записки Крымско-Кавказского горного клуба», вып. 2, 1909, стр. 20.

⁶⁴² М. И. Ермоленко. Путеводитель..., стр. 45; С. А. Нисимов. Кавказские альпы, стр. 96.

⁶⁴³ «Отчет гг. Нарышкиных...», стр. 331—333; «Памятники древности на Кавказе». «Нива», 1885, № 47, стр. 1141, 1142; А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 31; Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев..., стр. 28, 29, 36.

⁶⁴⁴ В. М. Сысоев. Карачай..., стр. 110, 111; У. Алиев. Карачай, стр. 46; Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев..., стр. 37.

и черкесах: «Все они именуются христианами, но живут без законов»⁶⁴⁵. В другом месте у него сказано: «Все они, хотя величают себя именем христиан, но ни по вере, ни по набожности ничего христианского у них совершенно не заметно»⁶⁴⁶. Шарден в 1672—1673 гг. утверждал, что карачаевцы, осетины и абхазцы «не имеют понятия ни о сущности религии, ни о ее обрядах и не соблюдают никаких законов»⁶⁴⁷.

Проникновение ислама к карачаевцам и балкарцам началось, видимо, еще до XVIII в., но коснулось оно сперва только феодалов. Уже в 1651 г. некоторые из них носили мусульманские имена⁶⁴⁸. Наиболее ранний мусульманский памятник в Балкарии имеет дату 1734—1735 гг.⁶⁴⁹ Вахушти в 1745 г. сообщал, что в Басиане (т. е. Балкарском ущелье), как и в соседних осетинских обществах, «главари и знатные суть магометане, а простые крестьяне — христиане, но они несведущи в той и другой вере: различие между христианами, а кушающие конину — магометанами. Все же они почитают подобие идола, которого называют Вачила»⁶⁵⁰. Не трудно догадаться, что Вачила — это осетинское божество Уац-Илла, или балкарское Элиа, т. е. заимствованный из христианского пантеона св. Илья. Свидетельство Вахушти доказывает, что в середине XVIII в. большинство балкарских биев формально уже исповедовало ислам, но обращение в эту веру остального населения произошло позже.

И. А. Гильденштедт в 1773 г. писал, что балкарцы и карачаевцы «с принятием ислама постепенно становятся мухаммеданами, но не имеют ни мечетей, ни мулл»⁶⁵¹.

П. С. Паллас (1793—1794 гг.) отмечает, что население употребляет свинину, а «старшины» придерживаются ислама⁶⁵².

Г. Ю. Клапрот в 1807—1808 гг. зафиксировал окончательную победу ислама в Балкарии. «Прежде,—говорит он,—все карачаевцы, как и балкарцы и чегемцы, были язычниками, однако теперь не признают никакой другой веры, кроме мухаммеданства, и гнушаются теперь свинины, которую некогда много потребляли». Далее, он рассказывает об обращении карачаевцев в ислам в 1782 г. кабардинским муллой Исаак-эфенди, который находился на

⁶⁴⁵ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев..., стр. 37.

⁶⁴⁶ В. М. Сысоев. Карачай..., стр. 113.

⁶⁴⁷ «Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год». «Записки Новороссийского университета», т. 1. Одесса, 1867, стр. 31—33.

⁶⁴⁸ «Посольство дьяка Федора Елчина...», стр. 341.

⁶⁴⁹ А. Л а м б е р т и. Указ. соч., стр. 2.

⁶⁵⁰ Там же, стр. 187.

⁶⁵¹ «Путешествие кавалера Шардена...», стр. 99, 100.

⁶⁵² «Посольство стольника Толочанова», стр. 33, 36, 86, 105, 117, 121.

жаловании у турецких властей. Во время пребывания Г. Ю. Клапрота в Карачае был другой мулла по имени Исаак. Тогда уже существовала в Карачае мечеть⁶⁵³. А. С. Фирковичу в 1849 г. передавали местные жители, что балкарцев обратил в ислам приехавший из Дагестана мулла 60 лет тому назад, т.е. около 1790г.⁶⁵⁴ В 1832 г. генерал А.А.Вельяминов, прочитав составленную инженер-подполковником Бюрно записку, в которой тот писал, что балкарцы «не знают еще ни законов, ни религии»⁶⁵⁵, счел нужным возразить: «Что касается ло религии, то почти все прилегающие к Кабарде народы следуют мусульманской вере»⁶⁵⁶. И. В. Шаховской, сведения которого относятся к 1834 г., писал: «Мне говорили, что в половине XVIII в. магометанство еще не было развито ни в Кабарде, ни в прилегающих к ней горах и что в пищу употреблялась там свинина; но в мое время распространение корана было повсеместно»⁶⁵⁷. Ислам, утвердившись в Карачае и Балкарии, имел тенденцию распространения на соседние области. И. А. Бартоломей отмечал, что в 1853 г. жители Местийского общества в Свании, находясь по соседству с мусульманами балкарцами, испытывают на себе влияние последних, отчего некоторые местийцы приняли ислам. Сам И. А. Бартоломей имел случай убедиться в этом, увидев в Местии толпу балкарцев и мусульман-сванов, окружавших явившегося туда балкарского муллу⁶⁵⁸

Внедрение ислама в Балкарии сопровождалось массовым уничтожением христианских и языческих памятников. Старательно выскабливали изображения крестов и древние надписи, рубили «священные» деревья, разбивали «священные» камни, выбрасывали в воду старинные предметы цер-ковнослужения.

Народная память сохранила рассказы о том, как плакали женщины, когда рубили «священные» деревья. Сохранились анекдоты, рисующие бессознательное, формальное отношение балкарцев к навязываемой им вере.⁶⁵⁹

---

⁶⁵³ Л. И. Л а в р о в. Об арабских надписях..., стр. 101.

⁶⁵⁴ Абр. Ф и р к о в и ч. Указ. соч., стр. 129.

⁶⁵⁵ Бюр н о. Кавказская оборонительная линия. КС, т. VII, 1883, стр. 55.

⁶⁵⁶ В е л ь я м и н о в. Замечания по меморию подп. Бюрно. Там же, стр. 62.

⁶⁵⁷ Г Г Ш а х о в с к о й. Указ. соч., стр. 456.

⁶⁵⁸ И. А. Б а р т о л о м е й. Поездка в Вольную Свапетию. ЗКОРГО, кн. III, 1855, стр. 195, 196.

⁶⁵⁹ Один из таких анекдотов см.: Л. И. Л а в р о в. Из поездки в Валкарию..., сто. 176, 177.

Г. А. СЕРГЕЕВА

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ И СОВЕТСКОМ ДАГЕСТАНЕ*

Октябрьская социалистическая, революция явилась поворотным пунктом в жизни угнетенных и разобщенных народностей Дагестана. Провозглашение в ноябре 1920 г. Декларации о советской автономии Дагестана определило дальнейшую судьбу горских народов, раскрыло перед ними широкие перспективы политического, хозяйственного и культурного развития в братской семье народов Советского Союза. За годы Советской власти неузнаваемо изменилась страна гор. Одна из отсталых окраин царской России, она превратилась в цветущую индустриально-аграрную республику, добилась огромных успехов в строительстве новой, национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

Величайшим достижением ленинской национальной политики Коммунистической партии в Дагестане является раскрепощение женщины-горянки, привлечение ее к участию в общественной, производственной и культурной жизни страны. Это был чрезвычайно сложный и длительный процесс борьбы с патриархально-феодальными отношениями, вековыми религиозными представлениями и предрассудками, глубоко укоренившимися в быту горских народов Дагестана, борьбы с темнотой и невежеством, за лговую, свободную жизнь женщины-труженицы. Поистине славный путь прошла горянка за годы Советской власти. Бесправная и угнетенная в прошлом, она стала равноправным и активным членом общества, сознательным строителем коммунизма.

О положении женщины Дагестана до Октябрьской революции и коренных изменениях, происшедших в ее судьбе за годы Советской власти, и пойдет речь в этой статье.

* * *

До Октябрьской революции место и роль дагестанской женщины в

---

* Основными источниками для написания настоящей работы послужили материалы Центрального государственного архива Дагестанской АССР, рукописного фонда Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, полевые данные собранные в Карабудахкентском, Ботлихском, Хупзахском, Ахвахском, Новолакском, Дербентском, Чародинском и других районах Дагестанской АССР в 1946—1952, 1959, 1960, 1907 гг. Автором использованы также специальные этнографические работы, сообщения путешественников, царских военных и гражданских чиновников, данные адатов, периодическая печать (газеты «Кавказ», «Красный Дагестан», «Дагестанская правда»).

семье и обществе строго определялись патриархально-феодальными устоями, законами шариата и адата. Немалое значение имела и сословная принадлежность. Так, женщины из высшего сословия и зажиточных слоев крестьянства, благодаря имущественному состоянию и общественному положению своих родственников, пользовались в семье мужа относительно большей свободой, чем выходцы из бедных крестьянских семей.

Особую заботу о сохранении подчиненного положения женщин проявляла мусульманская религия. «Мужчины стоят выше женщин,— поучал Коран,— в силу тех качеств, которыми бог возвысил их над женщинами»⁶⁶⁰. Этой мыслью о неравенстве женщины пронизаны все нормы шариата, регламентирующие правовые и иные отношения супругов при вступлении в брак, при разводе, по вопросам наследства, раздела имущества и т. д. Не менее строгими по отношению к женщине были и законы адата.

«Жены делали все,— писал о кумычках М. Алибеков,— что им скажут мужья, не разбираясь, правильно это или нет. Когда мужья уходили куда-нибудь, то они не спали до их возвращения. Порядочные жены не ели при мужьях и даже воды не пили на их глазах. Они не называли мужей по имени...»⁶⁶¹. Так было не только у кумыков, но и у аварцев, даргинцев, агулов и других народов Дагестана⁶⁶².

В дагестанской семье существовали строгие правила взаимоотношений между супругами, определенные обычаем избегания и народным этикетом. Следуя обычаю избегания, супруги никогда не называли друг друга по имени, в присутствии посторонних мужу следовало избегать разговаривать с женой, оказывать ей внимание, появляться вместе с ней в общественных местах. В соответствии с этикетом жена редко садилась за стол вместе с мужем и никогда — в присутствии посторонних. Если в доме появлялся гость, то принимал его, угощал и развлекал только мужчина. Женщина, как правило, лишь готовила угощения, стараясь вести себя как можно незаметнее.

Неполноценность и неравенство женщины подчеркивались уже с первого дня ее рождения. Появление на свет мальчика сопровождалось праздничным ритуалом, так как в семейной иерархии ему было предназначено привилегированное положение. Рождение же девочки рассматривалось как наказание аллаха, считалось печальным событием, и

⁶⁶⁰ «Корана-Магомета». Перевод с французского К. Николаева. М., 1865.

⁶⁶¹ М. Алибеков. Адаты кумыков. Махачкала, 1927, стр. 30.

⁶⁶² См.: З. А. Никольская. Аварцы. «Породы Кавказа», т. Т. М., 1960, стр. 452; А. Алиев, З. А. Никольская, Е. М. Шиллинг. Даргинцы. Там же, стр. 480; Б. А. Калоев. Агулы. «Кавказский этнографический сборник», вып. III. М.—Л., 1962, стр. 95.

родители нередко подвергались насмешкам.

Как правило, отец редко проявлял заботу о детях, особенно о дочерях. Он вмешивался лишь в случаях, когда приходилось решать вопросы женитьбы, замужества или имущественные дела. Таким образом, основная забота по воспитанию детей в дагестанской семье ложилась на мать. Причем, и здесь мать должна была неукоснительно соблюдать нормы адата, определяющие положение в семье детей различного пола. Согласно этим нормам, девочка уже с шести-семи лет обязана была выполнять несложные работы по дому — мыть посуду, подметать комнату, ходить за водой, нянчить младших детей, а с восьмилетнего возраста — работать на огороде и в поле. Мальчик в этом возрасте, особенно в зажиточных семьях, был избавлен от многих работ. Ему поручали лишь отгон скота на пастбище и водопой и уход за лошадьми.

Обучением девочек грамоте занимались главным образом в семье. Лишь немногие из них посещали мусульманские школы при мечети, где в течение одногодвух лет учились на арабском языке чтению Корана⁶⁶³. На этом учеба девочки заканчивалась, ибо с 13—14 лет она считалась совершеннолетней и должна была готовить себя в жены. С этого времени девушку старались изолировать от общения с мужчинами.

Девушка становилась первой помощницей матери в хозяйстве, а зачастую — и основной работницей. Она приобретала в семье необходимые хозяйственные навыки, что было одним из главных достоинств девушки-невесты. Адат и шариат предписывали девушке определенные правила поведения. Она не могла отлучиться в другой аул без провожатой — пожилой женщины, находиться в обществе мужчин. При встрече с мужчиной девушка должна была остановиться и дать ему дорогу. В доме от девушки требовалось послушание отцу, братьям и всем старшим родственникам. Всякое проявление своеволия, тайное общение с молодыми людьми, добрачная связь — жестоко карались.

Единственно светлыми моментами в жизни девушки было присутствие на свадьбах, празднествах и посиделках. Здесь происходили встречи молодежи обоего пола. Девушки на посиделках пряли шерсть, валяли бурки, лущили кукурузу, вязали и т. д. Парни переговаривались с ними, шутили, приглядывали себе невест.

Молодежь принимала также непременно участие и в общественных

⁶⁶³ До Октябрьской революции только пять девушек-дагестанок смогли получить среднее образование. Это были дочери начальника Даргинского округа, содержателя почты, крупного домовладельца, полковника и крупного собственника. В 1915 г. в Темир Хан-Шурипской женской гимназии обучалось лишь 15 девочек-мусульманок. (ЦГА ДАССР. ф. 2, он. 2, д. 149, л. 3.)

работах. «Хозяин,— писал П. С. Пржецлавский: о кумыках,— приглашает к себе на всю ночь... девиц и юношей. Собрание это называется былкха. Всю ночь напролет одни молотят палками кукурузу, а другие еще усерднее отплясывают под звуки балалайки или гармоники... Устав от работы и танцев, собрание слушает песни мужчин и женщин и занимается беседой... Хозяин и хозяйка угощают гостей»⁶⁶⁴. А. Омаров описывает такой же род взаимопомощи, называемой марша. В период уборки урожая к хозяину, не справившемуся с уборкой, собирались женщины и молодежь всего аула, одетые в лучшие платья, и с пением отправлялись в поле. Девушки и женщины жали, а парни точили им серпы. Парни пользовались этими работами для знакомства и ухаживания за девушками⁶⁶⁵. У андийцев устраивался бурочный субботник. Девушки и женщины, захватив с собой пищу, приходили без приглашения к какому-нибудь хозяину, у которого накопилось несколько бурок для валяния. Работа длилась до самого вечера. Сюда же собирались и парни⁶⁶⁶.

Самым значительным событием в жизни девушки было вступление в брак. Но и здесь ее свобода полностью ограничивалась волей родителей. Для выхода замуж обязательно требовалось согласие или отца, или опекуна, или кадия селения. Даже овдовевшая женщина, в силу стойко сохранявшихся обычаев левирата, вступала во второй брак не всегда по своей воле. Основным и решающим при заключении брака являлось имущественное положение сторон, знатность и достоинство рода. Девушка, не имевшая богатого приданого, долгие годы не могла устроить свою личную жизнь. Невесту в Дагестане предпочитали брать из одного тухума или в пределах одного селения; часто заключались кузенные браки.

Дагестанцы редко женились на девушках другой национальности, даже в том случае, если жених и невеста исповедовали одну религию. Браки мусульман с иноверцами (русскими, украинцами, армянами и др.) вообще были исключительным явлением и рассматривались как нарушение норм шариата, вызывали осуждение окружающих и нередко преследование. Так, в 1916 г. в сел. Кумух состоялся шариатский суд над лачкой за то что она вышла замуж за армянина»⁶⁶⁷.

По свидетельству Н. Львова, у ботлихцев заключались браки между

⁶⁶⁴ П. С. П р ж е л а в с к и й . Нравы и обычаи в Дагестане. «Военный сборник», 1800, т. VII, кн. 4, стр. 271.

⁶⁶⁵ А. О м а р о в . Как живут лаки. «Сборник сведений о кавказских горцах», выш. IV. Тифлис, 1870, стр. 10, 11.

⁶⁶⁶ Полевые записи автора в сел. Апди Потлихского района (1940 г.).

⁶⁶⁷ С м . Р . М . М а г о м е д е в . Новое время и старые обычаи. Махачкала, 1906, стр. 14.

мальчиками-подростками из зажиточных семей и девушками и даже вдовами из бедных. Такие браки устраивались по экономическим соображениям. Семья мужа, таким образом, получала бесплатную работницу⁶⁶⁸. У ряда народов Дагестана — кумыков, лезгин, горских евреев и др.— практиковались браки с уплатой калыма.

Обычно браки заключались по сговору, возраст невесты часто не превышал 13—15 лет. Существовало также люлечное обручение детей. Нередко имело место и похищение невесты. В одних случаях это было связано с экономической несостоятельностью жениха, в других — с отказом родителей на данный брак.

Заключение брака сопровождалось специальным свадебным ритуалом⁶⁶⁹. Свадьба в доме новобрачных праздновалась в течение двух-трех дней, затем она переносилась в дом друга жениха и подруги невесты. Через несколько дней или неделю молодых вызывали к себе родители невесты. В тот же день совершалось обрядовое шествие за водой, составляющее необходимую принадлежность свадебного ритуала у многих кавказских народов.

Молодая невестка, вступившая после свадьбы в дом мужа, не приобретала ни дополнительных прав, ни свободы. Как правило, она превращалась в основного работника семьи и даже беременность не освобождала ее от выполнения тяжелых хозяйственных обязанностей. Исключения составляли лишь женщины из состоятельных семей. Знатность рода и богатое приданое обеспечивали им более прочное положение в семье и избавляли от изнурительного труда.

Годовой цикл работ, которые приходилось выполнять женщине-горянке, поражает своим разнообразием и трудоемкостью. Укажем лишь на часть женских обязанностей в течение хозяйственного года. Весной женщины очищали поле от камней, выносили и разбрасывали навоз, участвовали в весенних полевых работах. До наступления прополки они пряли весеннюю шерсть, устанавливали станки для тканья сукна и паласов. Постоянным женским занятием в это время были обмазка и побелка Дома. Летом нужно было прополоть посевы, перенести домой подсушенную сорную траву. Во

⁶⁶⁸ Н. Львов. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени. «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 111, 1870, стр. 20.

⁶⁶⁹ О фразе и свадебных обрядах подробнее см.: Г. А. Сергеева. Брак и свадьба у народов Дагестана в XIX в. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», XXXII, 1959; «Народы Кавказа», т. I, 1900; С. С. Агаширинова. Свадебные обряды лезгин XIX — начала XX в. «Ученые записки ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР», т. XII (серия историческая). Махачкала, 1904; С. Ш. Гаджпсва. Кумыки. М., 1901 и др.

время сенокоса на равнинных участках, где можно было косить, работали мужчины, в неудобных местах над обрывами и кручами траву срезали серпами женщины. Осенью для горянки наступало самое горячее время — уборка урожая на поле и в садах, заготовка продуктов на зиму. Мужчина помогал женщине только в вязке снопов, складывании их в копны, молотье, а вся остальная работа — жатва хлеба и переноска его с поля на гумно, очистка от грязи, провеивание — считалась (по адату) женской. По окончании молотьи, женщины переносили зерно в хранилище, часть его, предназначенную для потребления семьи, отправляли на мельницу. В обязанность женщины входили заботы о топливе. Лес во многих местах Дагестана расположен довольно далеко от жилых мест, и горянка с тяжелой ношей на спине проходила не одну версту трудного и опасного пути. Всю весну и лето горянка собирала навоз и делала кизяки. Помимо полевых работ и заготовки топлива, на женщине лежало ведение всего домашнего хозяйства. Она ухаживала за скотом, обрабатывала молочные продукты, ходила за водой, на мельницу, готовила пищу, обшивала семью, прядла шерсть, вязала чулки и ткала сукна и ковры. Менее тяжелым рабочим сезоном, был зимний. Горянка выполняла в это время в основном работу по дому, обрабатывала и прядла шерсть.

Несомненно, что в дагестанской семье женский труд являлся преобладающим. Однако нельзя согласиться с мнением буржуазных этнографов о совершенной бездеятельности дагестанцев-мужчин, якобы проводивших время лишь «в болтовне, строгании палочек». Мужчины, правда, иногда устранялись от исполнения домашних и полевых работ, их занятия в хозяйстве носили в основном сезонный характер, но это не может служить доказательством их праздности, которую могли позволить себе лишь зажиточные горцы, на которых работали батраки.

При выяснении вопроса о соотношении мужского и женского труда в хозяйстве горца необходимо учитывать специфику общественных и социально-экономических отношений в дореволюционном Дагестане и особенности каждого района; не следует забывать, что в рассматриваемый период значительная часть дагестанского крестьянства не имела своего скота. Число таких хозяйств по горному Дагестану составляло в 1886 г. 66% и к 1914 г. — увеличилось до 77,5%⁶⁷⁰. Совершенно ясно, что при такой обеспеченности скотом горец-бедняк, лишенный возможности применить труд в собственном хозяйстве, вынужден был уходить из родных мест в поисках заработка или заниматься к помещику и кулаку. Сосредоточение лучших земель в руках

---

⁶⁷⁰ «Очерки истории Дагестана», вып. II. Махачкала, 1960, стр. 123.

помещиков и кулаков, ничтожные размеры крестьянских наделов, постоянные неурожаи также вынуждали малоземельных горцев искать заработки на стороне. В официальных ежегодных отчетах начальников округов Дагестанской области содержатся ценные сведения об отходничестве в Дагестане. Так, в 1896 г. из Гунибского округа на заработки ушло 2182 человека, в 1899 г. число отходников из этого округа составляло уже 5142 человека⁶⁷¹. В отхожий промысел отправлялось значительное число жителей Кюринского округа. Только в 1899 г. отсюда ушли на промыслы 7976 человек⁶⁷². Число отходников из Самур-ского округа в 1897 г. равнялось 11690 человек⁶⁷³. Андийский округ дал в 1901 г. 9419 отходников⁶⁷⁴. В 1914 г. ушло на отхожие заработки 83 тысячи горцев, более половины всего трудоспособного мужского населения Дагестана⁶⁷⁵.

В связи с уходом мужчин основным работником в доме и в поле оставалась женщина. На участие мужчин в домашнем труде влияли и пережитки патриархально-родовых отношений, нормы адата и шариата, усанавливавшие мужчине привилегированное положение в семье.

Занятость женщин в различных районах Дагестана также была неодинаковой. Так, Г. М. Амиров, деля Дагестан по природным условиям на три района — равнину (прибрежье Каспийского моря), горные долины и горные возвышенности, — отмечает в каждом из этих районов различную степень занятости женщин. В самой плодородной части Дагестана, в Терекеме (к северо-западу от Дербента), женщины занимаются главным образом домашней работой, и основным работником в семье остается мужчина. В горных долинах женщины и мужчины участвуют в полевых и домашних работах примерно наравне, а в горах женский труд является преобладающим. Некоторые полевые работы, например, жатва, здесь считаются исключительно женским занятием⁶⁷⁶. О. Каранаилов, рассматривая занятость дагестанских женщин, подчеркивает, что «женщина у кумыков не так подавлена работой, как у горцев»⁶⁷⁷. «Полевые работы, — пишет о кумыках П. С. Пржецлавский, — исполняются преимущественно мужчинами, только в жатве хлеба, полотье и в собирании скошенного уже

⁶⁷¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, он. 1, д. 21, л. 37; ф. 21, оп. 3, д. 4, л. 85.

⁶⁷² Там же, ф. 21, оп. 3, д. 5, л. 99.

⁶⁷³ Там же, ф. 2, оп. 2, д. 13, л. 9.

⁶⁷⁴ Там же, ф. 21, оп. 3, д. 15, л. 310.

⁶⁷⁵ «Дагестанская ЛССР. 25 лет борьбы и труда к составу Российской Федерации». Махачкала, 1940, стр. 49.

⁶⁷⁶ Г. М. Л м н р о в . Среди горцев Северного Дагестана. «Сборник сведений о кавказских горндх», вып. VII, 1873, стр. 47, 48.

⁶⁷⁷ О. К а р а н а и л о в . Аул Чох. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. IV. Тифлис. 1884, стр. 32.

сена принимают участие женщины, на обязанности которых лежит все управление домашним хозяйством»⁶⁷⁸.

Об ограничении круга трудовых обязанностей женщины-кумычки по сравнению с женщинами горных округов Дагестана говорит и советский этнограф С. Ш. Гаджиева⁶⁷⁹. Эти различия в хозяйственной роли женщины можно объяснить особыми условиями и неодинаковым уровнем общественного и социально-экономического развития каждого округа, спецификой хозяйства и сложившимися у каждого из дагестанских народов традициями.

Продолжая описание основных занятий женщины-горянки, укажем еще на одну важную сторону их трудовой деятельности — ремесленничество. Дагестанские женщины занимались изготовлением бурок, паласов, сукон и ковров, а в ряде округов — гончарством. Е. Л. Марков, путешествовавший по Дагестану в 80-х годах XIX в. и наблюдавший ремесленный труд горянок, отмечал, что «неутомимым трудолюбием и разносторонними искусствами своей женщины, лезгин имеет в своей жизни все, что нужно ему...»⁶⁸⁰. Одежда, бурка, сапоги, шапка — все это дело женских рук. Кустарные промыслы играли огромную роль в экономике Дагестана и являлись в одних местах, как Кубачи, Анди, Балхар, Кумух, основным занятием и главным источником существования населения, в других — значительным подспорьем для семей, занимающихся сельским хозяйством. Развитию кустарных промыслов способствовали острое малоземелье, натуральный характер хозяйства и наличие запасов сырья.

Валяние войлоков и изготовление бурок было развито в Дагестане повсеместно — в Андийском, Аварском, Гунибском, частично Самурском, Кюринском и Темир-Хан-Шуринском округах.

Дагестан являлся и одним из основных районов Северного Кавказа по производству сукна. Здесь специализация этого промысла достигла больших размеров. Ткали сукна повсеместно. Но особенно славились мастерицы Даргинского, Аварского, Андийского и Казикумухского округов, которые изготовляли очень тонкие и добротные сукна. Работа кумухских, каратинских и акушинских ткачих была известна далеко за пределами Дагестана. Сукна изготовлялись из овечьей, козьей и верблюжьей (например, у кумыков)⁶⁸¹ шерсти. Техника производства сукна была крайне примитивна, а устройство станка настолько несовершенно, что иреровало от женщины

⁶⁷⁸ П. С. П р ж е л а в с к и и. Нравы и обычаи в Дагестане, стр. 283.

⁶⁷⁹ С. Ш. Г а д ж и е в а. Кумыки. М., 1961, стр. 200.

⁶⁸⁰ К. Д. М а р к о в. Очерки Кавказа. СПб., М., 1887. стр. 541.

⁶⁸¹ О производстве сукна у кумыков см.: С. Ш. Г а д ж и е в а. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 19(50), стр. 97—100.

огромного напряжения и особого мастерства⁶⁸². Почти все операции тканья производились вручную, но зато сукна получались высокого качества, тонкие, мягкие и шелковистые. Одна мастерица в среднем вырабатывала в год два куска сукна длиной в 7—8 аршин каждый, ценился такой кусок от 2 до 8 рублей. Сбывалось сукно весной, обычно через приезжего торговца-перекупщика или местного сельского лавочника, которые нередко за бесценок скупали его у непосредственных производителей.

Среди кустарных промыслов Дагестана, в которых были заняты женщины, довольно видное место занимало ковроткачество. Основными районами ковроткачества считались Самурский и Кюринский округа. Прекрасные ворсовые ковры ткали женщины селений Ахты, Микраха, Касумкента, Хива, Хучни и др. Их изделия пользовались большой известностью на российских и зарубежных рынках. Здесь изготовлялись также гладкие ковры (сумахи) и двусторонние паласы⁶⁸³. В Северном и Центральном Дагестане производились гладкие двусторонние ковры, войлочные ковры и циновки⁶⁸⁴.

Приготовление пряжи происходило ручным способом и нередко отнимало у женщин такое же количество времени, какое тратилось на тканье самого ковра. Так, чтобы расчесать один-два килограмма шерсти надо было затратить восемь — девять часов работы. Прялась шерсть ручным веретеном. Много времени тратила мастерица и на заготовку естественных красителей, их обработку и, наконец, окраску самой шерсти. Ткали ковры на станке вертикального типа, распространенном во всех районах Дагестана⁶⁸⁵.

Заработок кустаря в Дагестане был крайне низок. Особенно плохо оплачивался женский труд. За ковер, изготовление которого занимало много месяцев, а то и лет, мастерица получала не более 12 рублей. Почти повсеместно, кроме изготовления бурок, сукон и ковров, женщины занимались узорным вязаньем (обуви, носков) и вышивкой. На весь Дагестан славилась кайтагская вышивка аварских и даргинских селений и золотшвейное искусство, распространенное в центральном Нагорном Дагестане⁶⁸⁶.

Во многих районах Дагестана женщины занимались и гончарным производством. Основным центром гончарства были сел. Балхар,

⁶⁸² О ткацком станке см.: О. В. Маргрраф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882, стр. 86.

⁶⁸³ Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959, стр. 71, 72.

⁶⁸⁴ Там же, стр. 80—82.

⁶⁸⁵ См. описание его: Е. М. Шиллинг. Ковроткачество Дагестана. «Сов. этнография», 1930, № 4-5.

⁶⁸⁶ Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов. Указ. соч., стр. 17.

Сулевкент и Джули. Изготовлением посуды из глины здесь промышляли с давних пор. В сел. Балхар Даргинского округа весь процесс производства, начиная от заготовки сырья, перевозки, его, лепки стенок посуды на гончарном круге, выравнивания их, обтачивания, шлифовки, разрисовки и кончая обжигом, выполнялся женщинами⁶⁸⁷. На долю мужчин приходился только сбыт готовых изделий. Трудовая деятельность горянки не ограничивалась кругом работ на свою семью. До отмены крепостного права женщины зависимых сословий должны были отбывать феодальные повинности своему беку. Так было в Самурском, Кайтаго-Табасаранском и ряде других округов Дагестана.

Развитие в конце XIX в. в Дагестане капиталистических отношений отразилось и на положении женщины. Капитализм разрушал былую патриархальную замкнутость семьи, и горянка получала право продажи своей рабочей силы, найма в батраки, отходничества. Гак, по сообщению начальника Казикумухского округа, в 1916 г. из вверенного ему округа отлучилось на заработки 678 женщин⁶⁸⁸.

Очень часто женщины, чтобы прокормить свою семью, нанимались в работники к более зажиточным горцам. Их труд оценивался в 15—20 коп. за день с хозяйской пищей, а часто только за пищу⁶⁸⁹. На поденных работах женский труд оплачивался гораздо дешевле труда мужчин. Например, в 1903 г. в Гунибском округе на полевых работах мужчина получал 55 коп., а женщина — всего 40 коп.⁶⁹⁰ В южных районах Дагестана многие женщины-ковровщицы в свободное от полевых работ время ткали ковры на дому у зажиточных крестьян или кустаря-предпринимателя только за еду. Суконщицы сел. Унчукатль, работавшие у себя дома на сырье хозяина, получали за двадцатидневную работу лишь семь фунтов шерсти⁶⁹¹. Дешевый женский труд использовался ростовщиком, мелким скупщиком не только в открытых, но и в завуалированных формах эксплуатации (взаимопомощь при постройке дома, валянии бурки и т. д.).

Неравенство женщины Дагестана наблюдалось и в области имущественных отношений в семье, которые также определялись нормами шариата и адата. Собственностью жены считалось лишь приданое и свадебные подарки и лишь в редких случаях имущество, заработанное во время совместной жизни супругов. У аварцев Тлейсерухского общества Гунибского округа при разводе супругов муж не возвращал ту часть приданого, которая была

⁶⁸⁷ Е. М. Шиллинг. Балхар. Пятигорск, 1936, стр. 21.

⁶⁸⁸ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 1, д. 16, л. 121.

⁶⁸⁹ См.: Н. Львов. Указ. соч., стр. 13.

⁶⁹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 21, он, 3, д. 35, л. 26.

⁶⁹¹ «Дагестанская АССР...», стр. 50.

израсходована во время совместной жизни супругов. Остальную часть он был обязан вернуть по первому требованию тестя, даже в том случае, если не был согласен на развод⁶⁹². Муж безраздельно распоряжался всем имуществом семьи. Он мог его отчуждать и делить, не спрашивая совета жены. Однако за совершенное мужем какое-либо преступление, связанное с нанесением материального ущерба, жена наравне с ним получала имущественное взыскание. По адатам Даргинского округа на жену взыскание не налагалось только в том случае, если она «сама заявила заблаговременно, что муж ее делает непомерные долги или другие обязательства, превышающие его состояние, или когда она первая объявила о сделанном ее мужем преступлении и притом представила несомненные доказательства»⁶⁹³.

При определении прав наследования мать, сестра, дочь, племянница от наследования фактически устранились. Им назначалась лишь небольшая доля имущества. По шариату девушкам полагалось наследство, но вдвое меньше, чем их братьям. Неравными были права наследования мужа и жены. Так, у кумыков «после смерти жены муж получал одну четвертую часть оставленного ею имущества (остальная часть переходила ее родственникам по нисходящей и боковым линиям); жена имела право после смерти мужа только на одну восьмую часть. При этом ее труд в создании общего хозяйства и увеличении семейного имущества в расчет не принимался»⁶⁹⁴. В ряде селений со временем некоторые из этих ограничений были отменены или пересмотрены. Так, в сел. Дургели Темир-Хан-Шурииского округа был составлен приговор о наследстве (6 февраля 1900 г.), в котором постановлялось: «...Оставшееся наследство от родителей делить между сыновьями и дочерьми: две части — сыновьям и одну часть — дочерям. Раньше существовавший же адат, не дававший наследства дочерям, уничтожить»⁶⁹⁵.

Права женщины ущемлялись и при решении бракоразводных дел. Жена могла требовать развода лишь в случае, когда муж был болен, не мог исполнять супружеские обязанности или по бедности своей не мог содержать жену. Когда жена уходила от мужа без развода, то лишалась приданого и всего своего состояния.

Так, в адатах магала Терекеме Кайтаго-Табасаранского округа говорится: «Если жена не пожелает жить с мужем, то она может уйти в дом своих родителей и требовать развода, причем она не только лишается кебинных

⁶⁹² «Адаты Дагестанское» области и Закатальского округа». Тифлис, 1889, стр. 428.

⁶⁹³ «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа», стр. 82.

⁶⁹⁴ С. Ш. Г а д ж и е в а. Кумыки, стр. 262.

⁶⁹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 14, л. С.

денег и всего своего имущества, но еще платит мужу пешман-пули — 25 рублей»⁶⁹⁶. Шариат разрешал разведенным супругам вновь сходиться, но до этого женщина должна была временно выйти замуж за другого, хотя бы на несколько дней. «На практике дело сводилось к тому,— пишет Б. А. Калоев,— что разведенный муж договаривался со своим приятелем, чтобы он формально женился на его бывшей жене, а через один-два дня дал развод»⁶⁹⁷.

Гражданские права женщины, наиболее полно отраженные в адатах дагестанских обществ, в основном ограничивались правом присяги и свидетельства. Во многих обществах, согласно адатам, за жен присягали мужья. Вдовы, разведенные женщины и совершеннолетние девушки присягали сами. Но если у вдов были взрослые сыновья, то они присягали вместо своих матерей. Так, например, было в Акушинском обществе Даргинского округа⁶⁹⁸. В том же округе в Сиргинском обществе женщины могли присягать сами, но когда они выступали как истцы или ответчицы, то мужья или ближайшие родственники обязаны были подтверждать их присягу своей⁶⁹⁹. Женщины допускались к присяге в Гунибском и Аварском (Хунзахское и Койсубулинское наибства) округах. «Присягатели назначаются,— отмечают адаты,— сначала по линии отца, потом по линии маерна»⁷⁰⁰. И далее: «Присягателями могут быть мужчины и женщины, совершеннолетние и несовершеннолетние до третьего колена включительно»⁷⁰¹.

Почти везде в Дагестане женщинам предоставлялось право выступать свидетелями. Правда, в этом вопросе их правомочность ущемлялась. Две женщины-свидетельницы приравнивались к одному свидетелю-мужчине. Так было, например, в ряде обществ Даргинского округа. В Цудахарском же обществе женщина от свидетельства устранилась совсем. У лезгин Кюринского округа женщина могла выступить свидетельницей лишь по усмотрению суда⁷⁰². Прежде у кумыков свидетельство двух женщин равнялось свидетельству одного мужчины, но в конце XIX в., по сообщению Н. Семенова, свидетельские права женщины и мужчины были уравнены⁷⁰³.

⁶⁹⁶ «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа», стр. 585;

⁶⁹⁷ Б. А. К а л о в. Указ. соч., стр. 95

⁶⁹⁸ «Адаты Даргинских обществ». «Сборник сведений о кавказских горцах», выш. VII, 1873, стр.

32

⁶⁹⁹ Там же, стр. 70.

⁷⁰⁰ «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа», стр. 268.

⁷⁰¹ Там же, стр. 438.

⁷⁰² Там же, стр. 506.

⁷⁰³ Н. С е м е н о в. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 325.

Свободно выступать на суде в защиту своих прав в дореволюционном Дагестане могли лишь женщины из высшего сословия и зажиточных слоев. Большинство женщин не принимали участия в общественной жизни: не имели права присутствовать на собраниях, обсуждать дела, касающиеся родного селения. Такое бесправное положение женщины Дагестана продолжалось вплоть до Октябрьской социалистической революции.

* * *

Борьба за раскрепощение женщины, за уничтожение старых законов, ставящих горянку в неравноправное положение в семье и обществе, стала предметом особого внимания и одной из важнейших задач Коммунистической партии и Советского правительства уже с первых дней существования Советского государства. Построение нового социалистического общества было немислимо без активного участия женщины, без решительных мер, направленных на полное и окончательное ее освобождение. Равные права женщины с мужчиной были провозглашены «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и затем законодательно закреплены Советской конституцией. Уже Декретом от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния» Советское правительство провозгласило юридическое равенство женщины с мужчиной. «Из тех законов,—писал В. И. Ленин,— которые ставили женщину в положение подчиненное, в Советской республике не осталось камня на камне»⁷⁰⁴.

Партийные и советские организации Дагестана с первых же дней после установления Советской власти начали большую работу по приобщению женщины к политической деятельности, по вовлечению ее в ряды строителей социализма. На партийных конференциях республики, пленумах обкома партии, специальных съездах горянок неоднократно обсуждались вопросы раскрепощения женщин, привлечения к общественному труду, участия в общественной жизни, партийном и советском строительстве.

Большую роль в этом сыграл XIII съезд ВКП(б), который в своей резолюции указал на «необходимость борьбы с бытовыми предрассудками, проведения законодательной работы в области раскрепощения восточных тружениц с тщательным учетом местных условий и возможностей...»⁷⁰⁵.

Работой среди женщин Дагестана руководили специально созданные

⁷⁰⁴ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 39, стр. 199.

⁷⁰⁵ «ЖПСС в резолюциях и решениях съездов, пленумов и конференций», ч. стр. 895, 896

женские отделы. Главной их задачей было помочь горянке освободиться от влияния религии и старых адатов. Женотделы занимались привлечением женщин к восстановлению народного хозяйства, к борьбе с разрухой и голодом, улучшением быта трудящихся (организации артелей, создания детских учреждений) и т. д. Свою работу они организовывали через институт делегатов, который связывал партию с женскими трудовыми массами, а также через ячейки ВЛКСМ, учителей и медицинских работников.

Проведение женских собраний, разъяснительная работа делегатов помогали горянкам осознать предоставленные им большие гражданские права, увеличивали число женщин, обращающихся в женотделы и исполкомы за помощью и советом.

Работа среди женщин Дагестана проходила в чрезвычайно трудных условиях. В первые годы Советской власти еще сильны были пережитки прошлого, крепка власть старых адатов, а действующие шариатские суды помогали муллам и кулакам держать женщин в угнетении. Это положение усугублялось хозяйственной и культурной отсталостью народов Дагестана.

Стремление горянки принять участие в строительстве новой жизни вызывало активное противодействие в семье со стороны старших родственников, которые не могли примириться с этим нарушением шариата и адатов. Иногда их сторону принимали и местные власти. Так, в Гунибе две женщины пришли в женотдел с жалобой на родственников, которые избили их за участие в субботнике. Женотдел и исполком дали сельсовету указание привлечь виновных к ответственности. В ответ на это сельсовет обратился в окриеполком с просьбой «разобраться и не наказывать горцев за избивание горянок ввиду того, что женщине-горянке нельзя давать волю, ибо она несколько не лучше ишака. Ее необходимо время от времени бить и только тогда из нее выйдет человек»⁷⁰⁶.

Раскрепощению женщины Дагестана мешали и враждебно настроенные по отношению к Советской власти лица, пробравшиеся в советский аппарат и органы юстиции. Так, в 1922—1923 гг., по воспоминаниям свидетелей, эти люди распространяли слухи о том, что советскими органами якобы дано указание о насильственной выдаче замуж. На женских собраниях в некоторых селениях девушек заставляли называть фамилии мужчин, за которых они хотели бы выйти замуж. Сопротивлявшихся сажали в подвал. В одном из селений Андийского округа за отказ выйти замуж—было арестовано 15 девушек⁷⁰⁷.

Перед партией встала задача поднять все партийные, советские, комсомольские организации и трудящихся на борьбу со старыми обычаями,

⁷⁰⁶ «Красный Дагестан», 4. IX 1925 г.

⁷⁰⁷ Полевые записи автора в Ботлихском районе (1951 г.).

за претворение в жизнь советского законодательства о правах женщин.

В 1926 г. ЦИК и СНК Дагестанской АССР в целях окончательного раскрепощения женщин Дагестана и скорейшего приобщения их к общественной, политической и культурной деятельности принял постановление «О правах трудящихся женщин-горянок ДАССР». В этом постановлении подчеркивалось полное равноправие женщины-горянки с мужчиной во всех областях жизни. Ей предоставлялось право свободно избирать занятие и профессию. Согласно постановлению, строго карались лица, принуждавшие несовершеннолетнюю к вступлению в брак или уже вступившие с нею в брак. Брачный возраст для горянки устанавливался с 16 лет. Женщина: получала полную свободу брачного выбора. Исходя из конкретных местных условий Дагестана, постановление устанавливало меры наказания за двоеженство, калым, похищение женщин и другие преступления⁷⁰⁸.

Советские органы широко разъясняли среди трудящихся масс декрет о правах горянок вплоть до устройства показательных судебных процессов над его нарушителями.

Уже в 1926 г. работа среди женщин Дагестана дала первые положительные результаты. Если в 1920 г. в Дагестане насчитывалось всего 20 женщин-делегаток, то в 1926 г. их число возросло до 1893 человек. В

1924 г. в члены партии вступило 37 горянок, а к 1926 г. эта цифра увеличилась до 188 человек. В комсомол в 1924 г. было принято 15 горянок, а к 1926 г. в его рядах насчитывалось 731 женщина. Несколько медленнее проходил процесс привлечения женщин к советскому строительству. В

1925 г. женщины составляли всего 4% состава сельских исполнительных комитетов, 14%—городских, 7% —окружных исполнительных комитетов и 5 % — членов Дагестанского ЦИК⁷⁰⁹.

Большую роль в приобщении женщины к общественной жизни и производственной деятельности сыграли кооперация, кустарные артели и профсоюзные организации. Кооперативные организации в 1924 г. объединяли всего 57 крестьянок и 770 работниц, а в 1925 г. их число возросло соответственно до 295 и 2037 человек. Заметно увеличивалось число женщин — членов профсоюза. В 1924 г. в профсоюзы вступило всего 35 горянок, а в 1926 г. во всех профессиональных союзах Дагестана было уже 272 женщины-горянки. Большую роль стала играть женщина и в общественном производстве. Семнадцать суконно-бурочных, ковровых, трикотажных и

---

⁷⁰⁸ ЦГА ДАССР, ф. 566 р, оп. 5, д. 3, лл. 2, 3.

⁷⁰⁹ Там же, оп. 2, д. 1, лл. 6—8.

суконных артелей в 1926 г. объединяли уже 1580 женщин⁷¹⁰.

Политическое просвещение горянок, приобщение их к производственной жизни тормозилось в первые годы Советской власти почти поголовной неграмотностью. Работу по ликвидации неграмотности, повышению культурного уровня женщин в этот период взяли на себя пункты по ликвидации неграмотности (ликпункты), клубы, сабли горянок, различные культурно-просветительные кружки. К 1926 г. в Дагестане существовало 25 ликпунктов, которые охватили 250 человек, в селениях создавались сабли горянок. Так, в сел. Касумкент в 1925 г. была оборудована сабля горянки, в которой под руководством опытного инструктора еженедельно проводилась политико-воспитательная работа, действовал кружок по ликвидации неграмотности, была открыта школа кройки и шитья. В окружных центрах — Буйнакске, Хасавюрте и Кизляре были созданы уголки крестьянок. Большую работу среди женщин проводили клубы горянок, один — в Кайтаго-Табасаранском округе, другой — в Махачкале. Они явились первыми очагами просвещения женщин в Дагестане. Махачкалинский клуб был открыт в октябре 1925 г. В 1926 г. он объединял около 200 человек. При клубе действовали драматический, музыкальный и хоровой кружки. Горянки устраивали концерты и спектакли. Члены клуба посещали лик-пункт, брали книги из местной библиотеки. Клуб организовал курсы по подготовке работников женотделов и ковроткацкие мастерские. При клубе в Махачкале был открыт интернат для горянок, который играл большую роль в деле их просвещения и воспитания, освобождения от влияния старых адатов и обычаев. В клубах, саблях и уголках горянок издавались стенные газеты⁷¹¹.

В 1927 г. при Президиуме ВЦИК была создана специальная Комиссия по улучшению труда и быта женщин Востока (КУТБ). Свою работу она осуществляла через соответствующие комиссии, организованные при ЦИК АССР и облисполкомах автономных областей. В задачу местных КУТБ входило изыскание средств и проведение в жизнь мероприятий, способствующих улучшению положения трудящихся женщин, а также выявление и устранение причин, мешающих участию их в общественной жизни и производственной деятельности.

Необходимо отметить, что в 20-е годы работа среди женщин Дагестана проводилась не всегда регулярно и систематически. Очень часто она оживлялась и приурочивалась лишь к определенным политическим кампаниям — по подготовке празднования 1 Мая, 8 Марта и т. д. Но и в этом случае она безусловно давала свои положительные результаты. На широких собраниях трудящихся и в печати разъяснялись отрицательные явления

---

⁷¹⁰ Там же.

⁷¹¹ ЦГА ДАССР, ф. 566 р, оп. 2, д. 1, лл. 6—8.

старого быта, популяризировались советские законы, направленные на раскрепощение женщины, доводились до сведения населения меры борьбы с их нарушителями. В 1929 г. ко дню 8 Марта был организован культурно-бытовой поход, который сыграл большую роль в деле развития инициативы женских масс, увеличил ряды актива, пробудил к общественной жизни сотни новых женщин.

Однако, несмотря на успехи, достигнутые в борьбе за раскрепощение женщины Дагестана, работа в этой области в первое десятилетие Советской власти все еще продвигалась медленно. Частыми были случаи выдачи замуж несовершеннолетних, получения калыма и другие пережитки старого быта. Враждебные элементы тормозили проведение в жизнь постановлений партии и правительства о правах горянки. А местные власти, плохо разбираясь в советском законодательстве, подчас действовали по своему усмотрению. Например, в 1926 г. на заседании Кадарского сельского совета при рассмотрении вопроса о калыме, было принято решение, противоречащее действующему общесоюзному законодательству и декрету о правах горянки. В решении говорилось: «В дальнейшем установить следующий размер калыма за выходящих замуж девушек; а) за самую хорошую в высшей степени девушку деньгами в сумме 120 р, 2 шт. постели, 2 одеяла, 2 подушки, больше ничего не давать, б) все эти перечисленные вещи должны быть в ее распоряжении как собственность, в) за девушку низшего круга (?), а также за вдову отдавать по соглашению обеих сторон, ни в коем случае не больше установленного в пункте 1 размера»⁷¹². Другой пример: одна из женщин сел. Губден, не выдержав издевательств мужа, убежала к отцу. Последний послал в дом ее мужа стариков с просьбой дать развод. Но муж на развод не согласился. Родители женщины обращались за помощью к председателю сельсовета и к секретарю партийной ячейки, но и они не встали на защиту женщины⁷¹³.

В апреле 1929 г. на состоявшейся X Дагестанской партийной конференции был снова рассмотрен вопрос о задачах местных партийных и советских органов по проведению в жизнь законов о раскрепощении женщин. Конференция приняла решение усилить борьбу с многоженством, калымом, выдачей замуж несовершеннолетних, потребовала от судебных органов быстрого и строгого разбора бытовых дел и дел, «связанных с убийством женщин на почве их общественной деятельности». В качестве ближайшей задачи конференция выдвинула задачу расширения сети культурно-просветительных и социально-бытовых учреждений, привлечения горянок к

---

⁷¹² «Красный Дагестан», 8.111 1926 г.

⁷¹³ Там же, 21.1 1927 г.

труду на промышленных предприятиях, повышения их квалификации. Особое внимание в резолюции обращалось на кооперирование горянок-кустарей, улучшение условий их труда⁷¹⁴.

Работа партийных и советских организаций, комиссий по улучшению труда и быта женщин дала положительные результаты. Значительно возросла политическая активность женщин. Если в выборах советов в 1924 г. участвовало всего 2,6 % женщин от общего числа избирателей, то через четыре года эта цифра возросла до 41%. Увеличилось число женщин, избранных в члены сельсоветов. Оживилась культурно-просветительная работа. В 1928 г. имелось 12 саблей горянок, а в 1929 г. их было уже 30. Сеть женских ликпунктов увеличилась в 1929 г. до 63. Улучшилось обслуживание горянок медицинской помощью. На начало 1929 г. в Дагестане насчитывалось: постоянно функционирующих детских ясель по округам—16, летних сельских ясель —41, домов матери и ребенка—1, домов ребенка для круглых сирот—2, консультаций для женщин и детей—16. В округах проводилась санитарно-просветительная работа, читались лекции и доклады о болезнях и мерах борьбы с ними. С каждым годом росло число женщин, обращавшихся за медицинской помощью.

Одним из важнейших средств в достижении фактического равноправия женщин Дагестана являлось вовлечение их в промышленное производство, а с началом коллективизации — в колхозное строительство.

«Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной,— указывал В. И. Ленин,— нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде»⁷¹⁵.

Несмотря на большие усилия партийных и советских органов в первые годы Советской власти в Дагестане выполнение этой задачи осуществлялось довольно медленно. Первые успехи в этой области наметились лишь к началу первой пятилетки. Так, если в 1926 г. женщины составляли только 10,5% от общего числа рабочих, то к 1929 г. эта цифра возросла до 18,4%⁷¹⁶. На текстильных предприятиях Дагестана на 1 октября 1927 г. работало 9,75% женщин-горянок, а на 1 ноября 1928 г. их было 10,4%⁷¹⁷. В консервной промышленности Дагестана в 1927 г. было занято 31% женщин, а в 1929—1930 гг.—50,4%. На шерстепрядильной фабрике в Дербенте в 1929—1930 гг. работало уже 27% женщин⁷¹⁸.

⁷¹⁴ «Красный Дагестан», 21 .IV 1929 г.

⁷¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 201.

⁷¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 37р, он. 1, д. 148, лл. 6-9.

⁷¹⁷ Там же, ф. 556, он. 4, д. 4, л. 25.

⁷¹⁸ Там же. ф. 37р. он. 21, д. 235, л. 116.

Встав на путь активного строительства социализма, женщины-горянки добивались повышения производительности труда и высокого качества выпускаемой продукции, вносили свой вклад в выполнение заданий пятилеток. Многие работницы-горянки показывали пример социалистического отношения к труду, включались в стахановское движение. Инициатором применения стахановских методов труда на махачкалинских предприятиях была горянка Л. Давыдова. Она первой на рыбоконсервном заводе перешла на обслуживание трех станков и добилась выполнения норм выработки на 373%⁷¹⁹. За высокие производственные показатели она была награждена орденом Знак Почета. Лучшей стахановкой текстильной фабрики им. III Интернационала считалась А. Алиева — браковщица прядильного цеха, депутат Верховного Совета Дагестанской АССР⁷²⁰. Ежемесячно выполняли производственные задания на 120—140% стахановки Хасавюртовского консервного завода Х. Исламгереева и З. Алибекова⁷²¹.

Роль женщины-горянки в производстве особенно возросла в дни Великой Отечественной войны. Около 4 тыс. горянок трудились в годы войны в различных отраслях промышленности Дагестана. Они овладевали новыми сложными профессиями, выполняли и перевыполняли нормы, боролись за максимальное увеличение выпуска продукции, за бесперебойное снабжение фронта вооружением, боеприпасами, снаряжением и продовольствием. В дни войны из аула Вачи Кулинского района на завод пришла А. Гусейнова, Вначале она работала обруб птицы, а затем овладела специальностью котельщицы и систематически перевыполняла задания. Ее труд отмечен орденом Красной Звезды⁷²². За восемь месяцев 1943 г. выполнила годовую программу вязальщица Буйнакской артели «Красная звезда» Б. Тагибова⁷²³, выполняла норму на 120—150% на восьми-десяти станках ткачиха фабрики им. III Интернационала З. Нур-баганова⁷²⁴.

В первую послевоенную пятилетку, когда весь советский народ боролся за восстановление и развитие народного хозяйства, горянки с удвоенной энергией продолжали трудиться на промышленных предприятиях Дагестана. В 1947 г. 42,3% промышленных рабочих в Дагестане составляли

⁷¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 59р, он. 17, д. 6, л. 32.

⁷²⁰ «Дагестанская правда», 4.VI 1938 г.

⁷²¹ ДГА ДАССР, ф. 37р, оп. 23, д. 34, л. 8.

⁷²² «Дагестанская правда», 7.III 1943 г

⁷²³ Там же, 6.XI 1943 г.

⁷²⁴ Там же, 23.X 1945 г.

женщины, из них около 30% — женщины-горянки⁷²⁵. По примеру передовиков в Дагестане широко развернулось социалистическое соревнование за лучшее использование машин и оборудования, за скоростные методы труда, за рационализацию производства, за бережливость и экономию сырья и материалов, за снижение себестоимости, в котором активно участвовали женщины.

Заслуженным уважением в Дагестане пользовались П. Шейхгасанова — лучший оператор Махачкалинского нефтепромысла, депутат Верховного Совета Дагестанской АССР⁷²⁶. С 1938 г. работала на Буйнакском консервном заводе П. Саидова. Глубоко изучив несколько специальностей, она систематически перевыполняла нормы на 150%. За высокие производственные показатели П. Саидова была награждена орденом Трудового Красного Знамени⁷²⁷. Только отличного качества давала продукцию работница фабрики им. III Интернационала Г. Мирзамагомедова и ее подруги по бригаде⁷²⁸.

Женщины Дагестана работали мастерами, начальниками цехов, инженерами. Прекрасные ковры с многоцветными рисунками ткали женщины-горянки, объединенные в ковровые артели. Среди них — старшая мастерица Межгюлинской артели С. Алибалаева. В 1930 г. она одной из первых вступила в артель и стала лучшей ковровщицей. Земляки избрали ее депутатом Верховного Совета Дагестанской АССР. Замечательные произведения искусства создавали мастерицы Ортастальской артели — Э. Муртазалиева, М. Несретдинова, С. Оруджева и др.

Тысячи женщин Дагестана участвовали и продолжают участвовать в осуществлении развернутой программы коммунистического строительства. Они овладевали сложнейшей техникой и новыми специальностями, вносили рационализаторские предложения и добивались роста производительности труда. Уже в 1960 г. число женщин, занятых в промышленности и на транспорте, в строительных организациях и совхозах Дагестана, равнялось 23 тыс. человек, или 37,6% от общего числа рабочих⁷²⁹. Когда в стране развернулось движение за коммунистический труд, в нем приняли участие и женщины Дагестана. Тысячи работниц различных промышленных предприятий боролись за звание ударников коммунистического труда. В 1967 г., когда вся страна встала на трудовую вахту в честь 50-летия Великой

---

⁷²⁵ Там же, 4. III 1949 г.

⁷²⁶ Там же, 2. I 1951 г.

⁷²⁷ Там же, 9. II 1951 г.

⁷²⁸ Там же, 15. I V 1952 г.

⁷²⁹ Р. А.-В э л ь д а р о в а. Славный путь борьбы и побед. Махачкала, 1965, стр. 123.

Октябрьской социалистической революции, женщины Дагестана также включились в социалистическое соревнование. Передовиками соревнования явились лучшая укладчица консервного цеха Махачкалинского рыбоконсервного комбината Д. Халимбекова⁷³⁰, швея-мотористка Махачкалинской фабрики Х. Гаджиханова⁷³¹, ежедневно выполняющие нормы на 120—140 процентов, и др.

Вместе со всеми трудящимися республики продолжают соревнование за достойную встречу 100-летия со дня рождения В. И. Ленина лучшая закатчица Касумкентского консервного завода, ударник коммунистического труда С. Генджамалиева и уварщица Г. Гусейнова, более 10 лет работающая на заводе и выпускающая продукцию только отличного качества⁷³².

В настоящее время нет такой отрасли промышленности, где бы нетрудились женщины-дагестанки. Все они, начиная от простой работницы и кончая руководителем производства, вносят свой вклад в дело расцвета народного хозяйства республики, в дело построения коммунистического общества.

Одновременно с привлечением женщин Дагестана к труду в промышленности шла активная работа, ставящая целью приобщить горянок к колхозному строительству. Вопросы коллективизации сельского хозяйства тесно связывались с вопросом полного раскрепощения женщины. «Только тогда,— писал В. И. Ленин,— когда мы от мелких хозяйств перейдем к общему и к общей обработке земли, только тогда будет полное освобождение и раскрепощение женщины»⁷³³.

Руководствуясь указаниями партии и Советского правительства, коммунисты Дагестана проводили большую работу по вовлечению горянок в колхозы. Эта работа проходила в острой классовой борьбе с кулачеством и духовенством. Пользуясь общей отсталостью горянок, враждебные элементы распускали самые нелепые и провокационные слухи, убеждали женщин саботировать колхозы, действовали угрозами и запугиванием. Перед партийными и советскими организациями Дагестана встал вопрос об усилении работы среди женщин. XI Дагестанская партийная конференция (1930 г.) предложила Дагобкому обратить самое серьезное внимание на массовую работу в селе, добиться решительного перелома в работе среди горянок на местах — путем усиления делегатских собраний, выдвижения на

---

⁷³⁰ «Дагестанская правда», 15.1 1967 г.

⁷³¹ Там же, 8. V 1967 г.

⁷³² Там же, 25. X 1968 г.

⁷³³ В. И. Л е н и н. Ноли. собр. соч., т. 37, стр. 186.

практическую работу наиболее активных батрачек, беднячек и середнячек, путем развития подсобных отраслей колхозного хозяйства, ликвидации неграмотности женщин и улучшения их быта, путем усиления работы по охране и защите прав женщин.

Большую роль в привлечении женщины к колхозному строительству сыграли проведенные в 1931 г. межрайонные конференции колхозниц и I Махачкалинский съезд колхозниц. Они помогли женщинам убедиться в преимуществах колхозного строя, осознать права, предоставленные им Советской властью. Вскоре по всей республике стали организовываться колхозы, и крестьяне целыми группами вступали в них. Вместе с мужчинами в колхозы пришли и женщины-горянки.

Роль женщины-горянки в сельском хозяйстве особенно возросла в дни Великой Отечественной войны. После ухода мужчин на фронт на колхозные поля, на животноводческие фермы пришли тысячи женщин, им страна обязана успехами, достигнутыми в сельском хозяйстве в военное время. За самый короткий срок на руководящую работу в колхозах было выдвинуто 935 женщин. Председателями сельисполкомов и колхозов работало 70 женщин, бригадами — 308, заведующими животноводческих ферм—140, счетными работниками—255⁷³⁴. Успешно справлялись с работой председателя колхоза М. Магаромова (Дербентский район), С. Магомедова (Гунибский район), З. Джафарова (Касумкентский район) и многие другие⁷³⁵, Несколько лет подряд держала первенство по проведению весенних полевых работ комсомольско-молодежная бригада К. Ши-дибековой из колхоза «Дагестанская правда» Касумкентского района⁷³⁶. Высоких урожаев зерновых культур и кукурузы, хлопка и овощей добивались горянки, работавшие звеньевыми. Среди них — К. Курбаналиева из колхоза им. Калинина Табасаранского района и М. Зайпулаева — из колхоза им. Ленина Сергокалинского района⁷³⁷.

В районах Дагестана организовывались курсы по подготовке бригадиров, трактористов и комбайнеров, горянки получали новые специальности и заменяли ушедших на фронт. А. Гаджиева из колхоза им. Дахадаева Буйнакского района, окончив краткосрочные курсы бригадиров, сменила призванного в армию бригадира — мужчину. Рядовые колхозницы из этой же артели А. Насретдинова, К. Шейхисмаилова и другие были выдвинуты звеньевыми⁷³⁸.

⁷³⁴ «Дагестанская правда», 8 III 1945 г.

⁷³⁵ Р. А.-Б. Э л ь д а р о в а . Указ. соч., стр. 84.

⁷³⁶ «Дагестанская правда», 11.III 1944 г.

⁷³⁷ Там же, 8 III 1945 г. и 16.XII 1944 г.

⁷³⁸ Полевые записи автора (г. Буйнакск, 1948 г.).

Многие женщины успешно овладевали мужскими профессиями. Так, в Лакском районе в 1943 г. 542 женщины работали косарями, сеяльщиками и пахарями⁷³⁹. До войны в республике не было женщин-чабанов. Когда мужчины ушли на фронт, горянки овладели и этой профессией. Только в одном Докузпаринском районе в 1944 г. работало свыше 100 женщин-чабанов⁷⁴⁰. Первыми из горянок повели трактор П. Иналова из Чирюртовской МТС и Х. Курбанова из Сергокалинской МТС. Хорошей трактористкой зарекомендовала себя Х. Мурзаева (Махачкалинская МТС)⁷⁴¹.

Активное участие принимали женщины-колхозницы в сборе средств на оборону страны, теплых вещей и подарков воинам, строительстве оборонительных сооружений. По почину тамбовских колхозников в селениях Дагестана широко развернулся сбор средств на строительство танковой колонны «Колхозник Дагестана». Аварка Рамазанова выступила инициатором патристического движения — сбора в фонд обороны серебряных украшений. По ее почину в одном Гляратинском районе было собрано около 100 кг. серебра⁷⁴². Руками горянок для бойцов Красной Армии было изготовлено более миллиона пар носков и перчаток⁷⁴³.

Трудовые подвиги патристок были высоко оценены правительством. За период Великой Отечественной войны 12 851 женщина Дагестана награждена орденами и медалями Советского Союза, 1270 женщин — почетными грамотами Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР, 33 женщинам присвоены почетные звания⁷⁴⁴.

Женщины-дагестанки работали фельдшерами, медсестрами, санитарками, связистами. 2 тыс. горянок стали сандружинницами, более 600 — медицинскими сестрами. Орденами и медалями за участие в Отечественной войне были награждены лезгинка А. Гюльмагомедова и лачка У. Омаргаджиева — зенитчицы, аварка П. Микаилова — связистка, кумычка Р. Пашаева — санитарка, только в одном бою вынесшая 40 раненых, татка В. Ханукаева-радистка⁷⁴⁵.

В послевоенный период перед тружениками сельского хозяйства встала новая задача — претворение в жизнь четвертого пятилетнего плана, предусматривающего восстановление и дальнейший подъем земледелия и

⁷³⁹ «Дагестанская новвада», 8.III 1944 г.

⁷⁴⁰ Там же, 8.III 1945 г.

⁷⁴¹ Там же, 23.V 1943 г.

⁷⁴² «Дагестанская правда», 29.VIII 1942 г.

⁷⁴³ Там же, 11.II 1943 г.

⁷⁴⁴ Из материалов Президиума Верховного Совета ДАССР (группа награждения). Махачкала, 1951 г.

⁷⁴⁵ С. Ш. Г а д ж и е в а, А. Г. Мелешко. Женщины Советского Дагестана. Махачкала, 1960, стр. 66—70.

животноводства, обеспечение населения продовольствием и промышленности сырьем. Уже в 1947 г. многие районы Дагестана (Каякентский, Касумкентский, Хасавюртовский и др.) получили стопудовый урожай колосовых культур. И в этом была немалая заслуга женщин-горянок. Даргинка Ханум Магомедова из колхоза им. Ленина Сергокалинского района г 1947 г. вырастила небывалый урожай озимой пшеницы — в среднем по 42,6 центнеров с каждого гектара на площади 9 гектаров, закрепленных за ее звеном. Такого обильного урожая в Дагестане до нее никто не получал. Знатная звеньевая одной из первых среди горянок была удостоена высокого звания Героя Социалистического Труда. Около 20 лет она руководила звеном, активно участвовала в общественной жизни республики — избиралась депутатом сельского и районного Советов депутатов трудящихся, членом обкома партии, депутатом Верховного Совета РСФСР⁷⁴⁶.

В 1948 г. в колхозе «Путь к коммунизму» Дербентского района звеньевая Гюльбоор Давыдова на площади 3,7 гектара собрала с каждого гектара по 197,3 центнера винограда. За этот трудовой подвиг ей было присвоено звание Героя Социалистического Труда. «Раньше занятие виноградарством считалось мужским делом,— рассказывала Гюльбоор.— Когда я пришла в колхоз, мужчины надо мной смеялись, они говорили: «Из мула лошади не будет, а из женщины — работника». Но Г. Давыдова доказала своим трудом, что свободная женщина является таким же умелым работником, как и мужчина. Гюльбоор вместе со своими подругами много работала, изучала агротехнику, ухаживала за каждой лозой. В результате ее звено получило небывалый урожай⁷⁴⁷.

Колхозный строй дал возможность женщине-горянке стать полноправной труженицей и проявить свои организаторские способности. Всему Дагестану хорошо известно имя председателя колхоза «Правда» асумкентского района, активной общественницы, депутата Верховного Совета Дагестанской АССР Зарбаф Джафаровой. Руководимый ею колхоз в трудные годы войны был передовым в районе, а в 1944 г. занесен на республиканскую Доску почета. Высоких правительственных наград — ордена Знак Почета и двух медалей — была удостоена она за свой 20-летний труд на посту председателя колхоза⁷⁴⁸.

В настоящее время тысячи горянок работают на колхозных полях, добываясь высоких урожаев зерновых культур, плодов, картофеля, сахарной свеклы, борются за повышение продуктивности животноводства. Успешно

⁷⁴⁶ Полевые записи автора (Махачкала, 1951, 1967 гг.)

⁷⁴⁷ Полевые записи автора (г. Дербент, 1951 г.).

⁷⁴⁸ «Дагестанская правда», 15.11 и 8. III 1950 г.

трудятся звеньевая колхоза им. Агасиева Ахтынского района Саимат Ферзалиева и доярка колхоза им. XXII партсъезда Ленинского района Кавсарат Мужавова, удостоенные высокого звания Героя Социалистического Труда⁷⁴⁹. Много лет подряд добывается высоких надоев молока лучшая доярка колхоза «Заветы Ильича» Дахадаевского района М. Рабаданова, награжденная орденом Трудового Красного Знамени⁷⁵⁰

Женщины-горянки наравне с мужчинами активно участвуют в колхозном производстве, заботятся об укреплении колхозного строя. Только Советская власть и колхозный строй обеспечили женщине-крестьянке широкие возможности для проявления ее творческих сил и организаторских способностей.

Полное и окончательное освобождение женщины невозможно без активного участия ее в общественной жизни и государственном строительстве. Неоднократно подчеркивая необходимость и важность вовлечения женщины в общественно-политическую жизнь страны, В. И. Ленин писал: «Надо, чтобы женщины-работницы все больше и больше участия принимали в управлении общественными предприятиями и в управлении государством. Управляя, женщины научатся быстро и догонят мужчин»⁷⁵¹.

Как уже отмечалось, партийные и советские организации Дагестана с первых же лет Советской власти начали работу по политическому просвещению горянок, приобщению их к общественной жизни. Эта работа велась по линии вовлечения женщин в кооперативное, профсоюзное, советское и партийное строительство. Женотделы, непосредственно руководившие работой среди женщин, привлекали их к общественной жизни путем организации конференций, общих женских собраний и специальных собраний делегаток. Делегатские собрания работали по определенной программе, утвержденной ЦК ВКП(б). Делегатки прикреплялись к школам, больницам, крестьянским комитетам общественной взаимопомощи, кооперации, вели широкую разъяснительную работу о правах, предоставленных горянке Октябрьской революцией.

В условиях Дагестана, где издавна широкое развитие получили кустарные промыслы с применением женских рук, промысловая кооперация имела особенно большое значение для привлечения женщины к коллективному труду. Именно эта форма кооперации была характерна для республики в 1930-х годах.

Выдвижению женщин на руководящую работу в системе промысловой кооперации мешали старые традиции, еще стойко сохранявшиеся в быту

⁷⁴⁹ Там же, 17.V и 25.XI 1966 г.

⁷⁵⁰ Там же, 24.I 1907 г.

⁷⁵¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 40, стр. 157, 158.

Поэтому в 1928 г. Дагестанский Центральный Исполнительный Комитет поставил перед советскими организациями задачу развернуть на местах широкую кампанию по вовлечению трудящихся женщин в члены кооперации и выдвижению их на руководящую работу.

Другим путем приобщения женщин Дагестана к общественной деятельности было вовлечение их в работу Советов. Женщины стали участвовать в борьбе бедноты за овладение Советами, твердо отстаивали своих кандидатов, проявляли при выборах большую организованность и сознательность. Горянки смело выступали против вековых устоев и обычаев. На целом ряде отчетных предвыборных собраний имело место активное выступление горянок с указанием недочетов в работе и предъявлением требований кооперирования женщин, организации кустарных артелей, выдвижения женщин на ответственную работу, усиления культурно-просветительной работы, проведения в жизнь закона, запрещающего выдачу замуж малолетних, увеличения карательной санкции за убийства и насилия и т. д. Особенно организованно в перевыборной кампании 1927 г. выступали горянки Тляратинского района, отстаивая своих бедняцких кандидатов. Женщины Кюринского округа на избирательном собрании отказались голосовать за кандидатов, предложенных кулаками, заявив, что их мужья, уезжая на промыслы, давали им наказ выбирать в Совет бедняков и середняков. В Андийском и Аварском округах горянки не расходились с собрания до тех пор, пока на голосование не был поставлен предложенный ими список⁷⁵².

В 1927 г. первое совещание по советскому строительству приняло решение о еще более широком вовлечении горянок в практическую работу Советов, их секций, комиссий и т. д. Оно обязывало председателей сельсоветов поручать женщинам определенные участки работы (по секциям), прикреплять их к учреждениям — кооперативам, артелям, лик-пунктам, больницам, консультациям. В 1930 г. на XI партийной конференции Дагестана обсуждался вопрос о работе среди женщин. Отмечая возросшую активность женских масс, конференция указывала на недооценку работы среди женщин низовыми и частью районными партийными! организациями. В резолюции, принятой конференцией, Дагестанскому областному комитету партии предлагалось добиться решительного перелома в работе среди женщин на местах, принять меры к более решительному выдвижению активных беднячек и середнячек на практическую работу в группы бедноты

---

⁷⁵² ЦГА ДЛСР, ф. 37р, оп. 1, д. 82, л. 72-76.

при Советах, кооперации и т. д.⁷⁵³ Несомненно, что все эти мероприятия способствовали развязыванию женской самодеятельности и инициативы.

Вовлечение женщин в практическую работу Советов происходило в довольно тяжелых условиях. Зачастую можно было встретить факты противодействия со стороны мужчин, стоявших во главе органов власти. Имелись случаи неприглашения женщин — членов Советов на заседания. Работа женщин—председателей сельсоветов в ряде мест тормозилась тем, что мужчины — члены сельсоветов, в силу старых традиций, не хотели работать вместе с ними. Во время отчетно-перевыборной кампании 1927 г. во всех нагорных округах отмечались случаи выступления мужчин с заявлением о том, что участие женщины в работе Советов противоречит шариату. В селениях Цельмес и Хиндах Аварского округа мужчины, подстрекаемые муллами, провалили список кандидатов-горянок. Некоторые юрцы-коммунисты запрещали своим женам-активисткам заниматься общественной работой, заставляли их выходить из рядов комсомола.

Желание женщин активно включиться в общественную жизнь вызывало сопротивление классовых врагов, прибегавших не только к угрозам, но и к террористическим актам. Они организовывали травлю передовых женщин-общественниц. Имелись случаи, когда под влиянием кулаков, угрожавших убийством, девушки-комсомолки возвращали свои комсомольские билеты. Нередки даже в начале 30-х годов были случаи террористических актов. Так, в 1931—1932 гг. в селениях Дагестана были убиты 32 женщины-общественницы⁷⁵⁴. В 1935 г. в Акушинском районе произошло убийство одной из лучших активисток — Салихат Юсуповой. В 1925 г. Салихат избрали женделегаткой. Она вступила в партию, вела большую партийную и советскую работу, была парторганизатором и председателем сельсовета. Все эти годы муж, под влиянием кулацких элементов, систематически избивал ее, издевался, запрещал работать в сельсовете. Но угрозы и побояны не помогали, тогда Абдул Керимов Яхья-Гаджи убил свою жену⁷⁵⁵.

Однако все попытки классового врага сорвать мероприятия, направленные на вовлечение женщины в общественно-политическую жизнь страны, терпели поражения, встречали энергичный отпор и со стороны женщин и со стороны самых широких масс трудящихся.

В 1930-е годы общественно-политическая активность женщин про-

⁷⁵³ «Красный Дагестан», 20.VI 1930 г.

⁷⁵⁴ «История Дагестана», т. III. М., 1968. стр. 235.

⁷⁵⁵ ЦГА ДАССР, ф. 37р., оп. 1д. 344, л. 107

должала возрастать. Об этом красноречиво свидетельствуют данные об их участии в избирательных кампаниях. Если в 1929 г. число избирательниц составляло 52,4%, то в 1934 г. достигло 82%.⁷⁵⁶ При выборах в городские Советы в 1926 г. участвовало 51,7% избирательниц, а в 1934 г.— уже 83,1%⁷⁵⁷ членами сельских Советов стали в 1926 г. 1004, а в 1934 г.—3808 женщин⁷⁵⁸.

В 1930—1940 гг. женщины Дагестана выдвинули из своих рядов много способных руководителей, которые заняли ответственные посты, возглавив ряд учреждений и предприятий республики. К ним относится первая женщина-нарком аварка Роза Магомаева. Ее детство прошло в далеком горном селении Гагатль. Отец работал чабаном, мать — батрачила. После Октябрьской революции, благодаря помощи и поддержке краевого женотдела, Роза Магомаева вступила в партию, окончила Даг-совпартшколу. В 1928 г. ее послали на партийную работу среди женщин в наиболее отдаленные районы республики — Ботлихский и Цумадин-ский. Пешком и верхом пробиралась Роза Магомаева к аулам, долго и терпеливо беседовала с каждой из женщин, разъясняла им права и обязанности, предоставленные Советской властью. Немало горьких и обидных слов слышала молодая горянка от несознательных горцев, видевших в ее общественной деятельности позор и бесчестье для женщины. Но Роза Магомаева твердо верила в правоту своего дела, неуклонно проводила в жизнь политику партии. При ее содействии в горных селениях устраивались избы-читальни, организовывалось обучение женщин грамоте. В 1935 г. Р. Магомаеву назначают Народным комиссаром социального обеспечения Дагестанской республики. В годы Великой Отечественной войны она работала на оборонных сооружениях. Ее самоотверженный труд был отмечен рядом правительственных наград.⁷⁵⁹

В 1936 г. была выдвинута на руководящую работу даргинка С. Шапиева. Она стала членом обкома партии и заместителем наркома здравоохранения, депутатом Верховного Совета СССР. Ответственные поручения выполняла А. Османова, член Президиума Дагестанского ЦИК. Председателем детской комиссии работала аварка из Хунзаха Х. Даудова.

В 1950-е годы многие женщины-горянки возглавляли партийные и советские организации, работали секретарями райкомов и горкомов партии и комсомола, председателями колхозов и сельских Советов, председателями районных и городских исполкомов. 193 женщины Дагестана являлись в 1950 г. председателями и заместителями председателей колхозов и сельских

⁷⁵⁶ ЦГА ДАССР, ф. 556р., оп. 4, д. 4, л. 54.

⁷⁵⁷ Там же, ф. 37р., оп. 1, д. 344, л. 50.

⁷⁵⁸ Там же, оп. 4, д. 67. л. 3.

⁷⁵⁹ Полевые записи автора в Ботлихском районе ДАССР (1957 г.

Советов, 35 женщин были секретарями райкомов и горкомов партии, председателями и заместителями председателей районных и городских исполкомов, 229 горянок руководили первичными партийными организациями⁷⁶⁰. Около 800 девушек-горянок работали в 1952 г. секретарями первичных комсомольских организаций, 529 — комсомольскими группорами, 24 горянки возглавляли городские и районные организации комсомола⁷⁶¹

В 1968 г. 275 женщин Дагестана работали председателями и секретарями сельских Советов, 27 — секретарями райкомов и горкомов партии, 537 женщин возглавляли первичные партийные организации. Многие дагестанки возглавляют государственные учреждения и предприятия республики. Семь женщин работали министрами, заместителями министров и начальниками управлений. В том числе Л. К. Керимова — министр социального обеспечения республики, М. Г. Алхасова — министр пищевой промышленности, З. М. Хизроева — заместитель председателя Совета министров ДАССР.⁷⁶²

О высокой политической активности женщин Дагестана в наше время свидетельствуют выборы в местные Советы, проведенные в марте 1965 г. Число женщин, избранных в советы, составило более 35% от общего числа депутатов⁷⁶³. В Верховном Совете СССР Дагестан представляют три женщины-горянки. Это — М. Чавтараева, директор Кулинской школы, заслуженная учительница ДАССР, Г. Султанова — главный врач Ахтынского районного лечебного объединения, Ф. Кадиева — знатная доярка совхоза «Магарамкентский»⁷⁶⁴. Три горянки являются депутатами Верховного Совета РСФСР: Р. А.-Б. Эльдарова — кандидат исторических наук, Шамсият Абухова — рабочая в цехе пошива легкой обуви в Буйнакском кожобувного комбината, и звеньевая совхоза «Коммуна» Касумкентского района Назлу Шабанова⁷⁶⁵. 58 женщин избраны в 1967 г. в Верховный Совет ДАССР⁷⁶⁶.

Участие женщин в общественной и производственной жизни республики находилось в прямой зависимости от успехов культурного строительства в Дагестане, от просвещения горянок.

Сразу же после установления Советской власти в республике развернулась работа по ликвидации неграмотности взрослого населения, по

⁷⁶⁰ «Очерки истории Дагестана», вып. ТТ. Махачкала, 1950, стр. 41.

⁷⁶¹ «Дасестанская правда», 19.XII 1952 г.

⁷⁶² «Из материалов женотдела Дагестанского обкома КПСС». Махачкала, 1968.

⁷⁶³ Р. А.-Б. Эльдарова. Указ. соч., стр. 174.

⁷⁶⁴ «Дагестанская правда», 14.V 1966 г.

⁷⁶⁵ Там же, 19, 21.II 1967 г.

⁷⁶⁶ Там же, 16.III 1967 г.

организации широкой сети культурно-просветительных учреждений. В селениях открывались первые избы-читальни, клубы и библиотеки. В 1922—1925 гг. в республике уже действовали 229 ликпунктов, 85 избчитален, 8 библиотек⁷⁶⁷. В эти же годы проводилась большая работа по строительству новой советской школы. В 1921 — 1922 гг. в Буйнакске ж Дербенте были открыты первые педагогические курсы и педтехникумък В 1924/25 учебном году в Дагестане работало 204 школы первой ступени, в которых обучалось 16 075 детей.⁷⁶⁸ С этого времени неуклонно растет число учащихся, увеличивается количество новых школ, расширяется бюджет ассигнований на народное образование.

Учитывая бытовые особенности, затрудняющие вовлечение женщин в общие ликпункты и школы малограмотных, еще в 1925 г. было принято решение о создании для женщин-горянок специальных ликпунктов. и школ политеграмоты, о развитии сети школ-интернатов, клубов, саклей горянок.

Решающую роль в деле ликвидации неграмотности взрослого населения и создания национальной школы сыграло постановление Центрального Комитета ВКП(б) от 25 июня 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении». Поднятию культурного уровня населения республики и ликвидации неграмотности способствовал также проведенный в 1931—32 гг. по решению обкома ВКП(б) культсанштурм. В результате культсанштурма процент грамотности населения поднялся с 33,8% до 84%, было обучено грамоте в ликпунктах 111328 человек, более половины из них составили женщины⁷⁶⁹.

Вовлечение горянок в культурное строительство встречало сопротивление духовенства и кулачества. Антисоветские элементы твердили о преждевременности просвещения горянки. Ссылаясь на бытовые особенности горцев, они говорили, что женщина должна принадлежать только семье, поэтому ей незачем учиться грамоте, посещать ликпункт, заниматься в школе. Однако все попытки сорвать мероприятия Советской власти по культурному строительству в республике были обречены на провал.

В предвоенные годы в Дагестане в основном был выполнен закон о всеобщем начальном обучении и завершена работа по ликвидации неграмотности взрослого населения. В 1940 г. в республике насчитывалось 1210 школ, т. е. в 15 раз больше, чем в 1913 г.⁷⁷⁰

Большая работа по [вовлечению девушек-горянок в средние и

⁷⁶⁷ «Дагестанская АССР...», стр. 102.

⁷⁶⁸ «На путях к всеобщему обучению». Махачкала, 1927, стр. 42.

⁷⁶⁹ ЦГЛ ДАССР, ф. 37р, оп. 1, д. 365, л. 5.

⁷⁷⁰ А. А. Абилов. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 84.

высшие учебные заведения была проделана в послевоенные пятилетки. Этому немало способствовало открытие в Дагестане женского педучилища (1944 г.) и женского учительского института (в 1954 г. преобразованного в педагогический институт), увеличение числа специальных школ-интернатов, а также предоставление горянкам определенных льгот при поступлении в вузы. В 1947/48 учебном году в педучилищах и техникумах республики обучалось 579 девушек-горянок⁷⁷¹. В 1952 г. среди студенток женского учительского института были представители почти всех народов Дагестана — 32 девушки-кумычки, 27 — аварок, 41 — лачка, 35 — лезгинок, 17 — даргинок⁷⁷². С каждым годом росло число выпускников этого института. В 1963 г. оно превысило 1 тыс. человек. В 1966 г. в республике имелся 21 интернат для горянок. В них воспитывалось и обучалось свыше двух тысяч девочек⁷⁷³. Большую помощь в подготовке женских кадров Дагестану оказывают соседние - республики и города РСФСР. За последние пять-шесть лет, с 1962 по 1968 г., около 30 тыс. девушек закончили среднюю школу, 16 тыс. получили среднее специальное и 7 тыс. высшее образование⁷⁷⁴.

Значительный вклад внесли женщины-горянки в развитие социалистической культуры, науки, искусства, в создание национальных кадров интеллигенции.

Уже в 1950-е годы более 4 тыс. женщин республики работали учителями, директорами школ, заведующими кафедр и преподавателями вузов.

В 1960/61 учебном году 2622 горянки работали учителями. 86 женщин Дагестана были директорами школ, 3 — педагогических училищ, 5 женщин руководили отделами народного образования⁷⁷⁵.

Женщина-горянка, пользовавшаяся в прошлом услугами невежественных знахарей, стала в Советском Дагестане сама проводником медицинских знаний. В 1968 г. число женщин — медицинских работников составило 6815 человек⁷⁷⁶.

Большой вклад внесли женщины Дагестана в развитие науки. Сейчас в республике трудятся 7 женщин докторов наук и 99 женщин кандидатов наук⁷⁷⁷. Над важными вопросами этнографии народов Дагестана работает заведующая сектором археологии и этнографии Института истории языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР кумычка Сакинат Гаджиева,

⁷⁷¹ «Дагестанская правда», 4. III 1949 г.

⁷⁷² «Дагестанская правда», 4. VII 1952 г.

⁷⁷³ «Дагестанская правда», А. XI 1966 г.

⁷⁷⁴ Там же, 8. III 1968 г.

⁷⁷⁵ Р. А.-Б. Эльдарова. Указ. соч., стр. 139.

⁷⁷⁶ «Дагестанская правда», 8. III 1968 г.

⁷⁷⁷ Там же, 8. III 1968 г.

первая женщина-горянка, доктор исторических наук. Далеко за пределами республики известны труды доктора филологических наук лезгинки Унейзы Мейлановой, доктора геолого-минералогических наук кумычки Эльмиры Даидбековой, докторов медицинских наук лезгинок Камер Адигезаловой-Палчаевой и Фатьмы Аликберовой. Плодотворно трудятся в области этнографии и истории кандидаты исторических наук лезгинка Сария Агангиринова и даргинка Айшат Гасанова. Старший научный сотрудник отдела почвоведения Дагестанского филиала АН СССР, кандидат сельскохозяйственных наук Султанат Бартыха-нова руководит работами по изучению агрофизических свойств почв ряда районов Дагестана.

Общий подъем культуры способствовал развитию в Дагестане литературы и искусства, которые за годы Советской власти достигли подлинного расцвета. Широкой популярностью в республике пользуются произведения поэтов Машида Гаирбековой и Фазу Алиевой. В их поэзии раскрывается мир новой социалистической морали, новых социалистических отношений.

В настоящее время в Дагестане работают семь государственных, пять народных театров, филармония, ансамбль народного танца «Лезгинка». На сценах театров с успехом выступают горянки-актрисы. Трудящиеся республики высоко ценят мастерство народной артистки СССР, депутата Верховного Совета ДАССР Барият Мурадовой. Их любовью пользуются заслуженная артистка РСФСР и народная артистка ДАССР, лауреат Государственной премии Исбат Баталбекова и многие др.

* * *

Социалистические преобразования, осуществленные за годы Советской власти в Дагестане, затронули в значительной мере и область семейных отношений. В современной дагестанской семье женщина занимает равное с мужчиной положение, ее роль в семье неизмеримо возросла⁷⁷⁸. Благодаря участию в общественно-производительном труде женщина-горянка обеспечила себе и материальную независимость, а это в свою очередь отразилось на отношениях между членами семьи.

Сейчас ни у кого не вызывает осуждения, если в присутствии старших или посторонних супруги разговаривают между собой, появляются вместе в общественных местах — на колхозных собраниях, праздничных вечерах и т. д.

Стали иными и имущественные отношения супругов. Прошли те времена, когда муж безраздельно владел всем имуществом дома и жена лишь с

---

⁷⁷⁸ О семье и ее структуре у народов Дагестана см.: С. Ш. Г а д ж е в а. Семья а семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1967; Г. А. С е р г е е в а. Арчинцы. М., 1967.

его согласия могла продать или обменять свою долю. В наше время имущество, нажитое супругами во время совместной жизни, является их общим достоянием. Размер принадлежащей каждому супругу доли в случае развода устанавливается с обоюдного согласия сторон, а при возникновении спора определяется судом. Имущественные и наследственные права женщины охраняются действием советского законодательства.

Изменилось и само понятие главы семьи, которым может быть не обязательно старший по возрасту мужчина.

Воспитание детей в семье стало делом не только матери, но и отца. Родители в одинаковой степени заботятся о том, чтобы дети получили навыки в ведении хозяйства, учились в школе, участвовали в общественной жизни. Исчезла неограниченная власть отца над судьбой и жизнью своих детей. Отец не стыдится приласкать ребенка и уделить ему внимание в присутствии посторонних.

Рождение дочери в семье дагестанца в наши дни является таким же радостным событием, как и рождение сына. Родители стараются создать девочке все условия для занятий. Ей отводят уголок в комнате, где она готовит уроки, читает, рисует. Если раньше единственным назначением девушки было готовить себя в жены, то теперь родители заботятся о том, чтобы девочка училась в школе, получила среднее или высшее образование, была хорошим работником в колхозе или на производстве.

Большую помощь в воспитании детей оказывает родителям школа. Она влияет на развитие советской семьи, вносит в нее новые черты социалистического быта и сознания, помогает детям преодолевать религиозные и другие вредные пережитки прошлого.

За годы Советской власти произошли большие изменения в области брачных отношений. Заключение брака у дагестанцев происходит на основе свободного выбора. Воля родителей не является для девушки законом, как это было в дореволюционное время. По обычаю, девушка или юноша, вступающие в брак, сообщают родителям о своем решении, советуются с ними, но последнее слово всегда остается за молодыми. Важно отметить в браке факт большей самостоятельности девушки, которая смело борется со старыми обычаями и отстаивает свои права.

Прошли те времена, когда девушка была предметом купли и продажи. Ныне отказ девушки вступить в брак не вызывает у юноши кровную обиду и желание мстить. Отношения молодежи отроются на чувстве уважения и взаимного доверия.

В настоящее время отпала и материальная заинтересованность сторон, являвшаяся основным стимулом при заключении брака в прошлом. Зажиточная жизнь привела к ликвидации былого имущественного неравенства горцев. Достоинство девушки теперь определяется не степенью

богатства, а, наряду с личными качествами, ее местом в трудовом процессе, в общественной жизни. В корне изменился взгляд мужской части молодежи на брак. В основе его лежит чувство глубокого уважения к женщине. Этот принципиально новый взгляд, характерный для большей части молодежи Дагестана, хорошо, на наш взгляд, выразил один из жителей сел. Карабудахкент Гаджи-Али М.: «Я хочу видеть в лице моей жены не робкую и покорную рабу, исполняющую мое любое желание, а гордую и сильную женщину, творящую рядом со мной новую счастливую жизнь»⁷⁷⁹.

Изжитыми оказались многие черты прежней тухумной идеологии, сословные предрассудки. Потеряла свое значение и эндогамия. В наши дни стали привычными браки не только между жителями различных селений, но и между представителями различных национальностей.

В последние годы они получили значительное распространение особенно в городах, где национальный состав населения довольно неоднородный. Так, по данным 1967 г. 30,6% браков, заключенных в Махачкале, являлись смешанными; из них более половины составляли браки с дагестанцами. Представители коренных народов вступают в браки не только между собой (таких браков было 32% к общему числу браков с участием дагестанцев), но и с представителями других народов, живущих на территории республики (русскими, украинцами, армянами и т. д.).

С каждым годом увеличивается число смешанных браков с участием женщин-дагестанок. Например, если в 1947 г. количество таких браков, заключенных лезгинками, составляло всего 8,3% в общем числе смешанных браков данной национальности, а в 1957 г. — 12,5%, то в 1967 г. их было уже более 16%. Особенно высока доля участия в смешанных браках женщин-кумычек, составлявшая в 1947 г.—40,7%, в 1957 г.—51,7% и в 1967 г.—51,4%⁷⁸⁰.

В процессе формирования социалистического быта в Дагестане постепенно исчезали такие обычаи, как насильственная выдача замуж, обручение малолетних, умыкание невест и т. д., хотя среди некоторой части дагестанцев все еще встречаются факты патриархально-феодалного отношения к женщине.

Из пережитков прошлого наиболее устойчивым оказался калым. Различные формы существования его отмечаются и в наши дни. В ряде случаев калым выступает в завуалированной форме, как подарок родителям или родственникам.

Обременительной статьей расходов крестьянской семьи в прошлом была традиция преподношения дорогих подарков при сватовстве и сговоре. В

⁷⁷⁹ Полевые записи автора в Карабудахкентском районе, 1949 г.

⁷⁸⁰ Рассчитано на основании данных текущих архивов отделов ЗАГС Дагестанской АССР.

настоящее время выполнение этого обычая не является обязательным условием при заключении брака. Много традиционного сохраняется в свадебном ритуале — сватовство, сговор, преподношение подарков, различные церемонии во время шествия невесты в дом жениха и на свадебном пиру и др., однако содержание этих обрядов уже переосмыслено, в них отражаются новые условия советской действительности.

В последние годы в Дагестане, как и во многих других местах Кавказа, стали устраивать комсомольско-молодежные свадьбы⁷⁸¹ с торжественной регистрацией брака, при широком участии общественности. Сватами в наши дни бывают или наиболее уважаемые люди села, района, города или ближайшие родственники. В современной свадьбе сокращается срок между сговором и свадебным торжеством, уменьшается число праздничных дней, в связи с работой ее участников. Свадьбу обычно устраивают осенью, к концу хозяйственных работ, в свободный от работы день. Важно отметить, что в настоящее время свадьба является делом не только двух семей, в ней принимает участие часто весь коллектив, в котором живут и работают молодые. Официально приглашаются лишь родственники и близкие знакомые. В первый день свадьбы происходит гражданская запись молодых. Во многих селениях после регистрации брака супругам в присутствии их друзей и (представителя местного Совета или колхоза вручается брачное свидетельство. К вечеру первого дня свадьбы в доме жениха собираются гости, туда же родственники и друзья с обеих сторон переводят и невесту.

Свадебное торжество обычно заканчивается через два-три дня и молодая невестка приступает к своим обязанностям по хозяйству.

* * *

Партийные, советские и общественные организации Дагестана ведут постоянную и упорную борьбу по ликвидации пережитков прошлого. Эта борьба ведется прежде всего путем широко развернутой массово-политической и идеологической работы. В республике создана широкая сеть политшкол, кружков и общеобразовательных школ для повышения марксистко-ленинской подготовки трудящихся. Ежегодно читаются сотни лекций на естественно-научные темы.

---

⁷⁸¹ См.: С. С. Агаширинова, Г. А. Сергеева. К вопросу о формировании новых праздников и обрядов у народов Дагестана. «Сов. этнография», 1966, № 4; Я. С. Смирнова. Новые черты в адыгейской свадьбе. «Сов. этнография», 1962, № 5.

В настоящее время перед партийными, советскими и общественными организациями Дагестана стоит задача еще выше поднять уровень идеологической работы, еще нитре развернуть решительную борьбу с проявлениями пережитков прошлого в семейном быту народов Дагестана, смелее выдвигать горянок на руководящую партийно-советскую и хозяйственную работу и вовлекать их в активную производственную и общественную деятельность. Новые условия жизни — неуклонное улучшение материального положения, создание широкой сети школ, детских яслей и садов, клубов и других культурных учреждений — все это вместе взятое оказывает огромное влияние на развитие советской семьи, на положение женщины в обществе и в семье.

Постоянная забота партии и правительства о женщине-горянке вызывает небывалый рост политической, культурной и трудовой ее активности. Свою творческую энергию женщины Советского Дагестана направляют на осуществление величественной программы построения коммунистического общества.

Д.-М. С. ГАБИЕВ

ЭВОЛЮЦИЯ ЛАКСКОГО ЖИЛИЩА (XVIII—XX вв.)

Исследование процесса развития лакского жилища, проведенное на ряде поселений⁷⁸², позволило выявить во всем кажущемся единообразии домостроительства лаков основные типы и характерные различия, существующие между ними. Результатом прослеженных нами изменений в жилом и хозяйственном комплексе, происходящих поэтапно на протяжении нескольких веков, является публикуемая работа.

Переход от одноэлементного жилища в многоэлементное в вертикальном плане, а затем в многоэлементное в горизонтальном: плане в наше время происходил отнюдь не стихийно. Закономерность данного явления зиждется на социально-экономических предпосылках, возникающих в определенные исторические периоды: и затрагивающих семейные отношения. Изучение этих жилищ выявляет интересные тенденции, возникающие в домостроительстве в различные исторические периоды. Если, например, в период развитого феодализма (XVIII—XIX вв.) в горах Дагестана жилой комплекс с хозяйственным по площади соотносился как 1:3, то в капиталистический период, уже как 1:2. В наше время в этом соотношении происходит резкое изменение, оно выражается, как 3 : 1.

Одни из рассматриваемых нами жилищ по времени застройки¹ относятся к различным периодам феодализма (конец XVII—начало XVIII в., XVIII—XIX вв.), другие — ко времени проникновения капиталистических отношений в Дагестан (конец XIX — начало XX в.) и, наконец, третьи — к нашему времени.

Тип старого жилища. Лакские поселения располагаются обычно на склонах гор под углом от 15° до 30°. Во всех случаях их основатели старались придерживаться следующих условий: 1. Ориентации на солнечную сторону (сун). 2. Наличия вблизи родников (щараци). 3. Ветрозащита (марчул буручаву). 4. Удобства подъездных путей (кьулайсса лухччинувухсса ххуллурдаву). 5. Близости расположения пахотных (гъайчаву), покосных (цулуцавул) и пастбищных (гъаттарал лухччи) земель. 6. Удобства обороны. Естественно, что все эти условия не всегда могли быть соблюдены. Дома в лакских селениях размещались уступами (лах1лув),

---

⁷⁸² Материалы собирались автором с 1954 по 1963 г. в сел. Бурши, Куба, Кубра, Кума, Кумух, Кули, Мукар. Хури. Читур, Шовкра, Унчугат — Лакского и Балхар — Лкушинского районов Дагестанской АССР.

террасообразно. Малое количество полезных земель вынуждало аборигенное население занимать под поселения непродуктивные, а подчас и труднодоступные зоны. Такое расположение селения имело и военно-

Нижний и средний кварталы сел. Куба Ланского района

Срез угла дома и водослив в стене
Сел. Уичугатль Лапского района

оборонительное значение, и этот фактор часто превалировал над

кономическим. На этапе разложения родовых отношений и перехода общества к феодализму этот фактор усиливается, ему придается большая значимость. Со времени же присоединения Дагестана к России он исчезает.

Первоначальный принцип малых территориально-родовых поселении у лаков нарушается в период между XIII—XVI вв. В это время начинают возникать большие территориально-соседские поселения с количеством жителей, превышающим 1000 человек. Нередко поэтому в сообщениях арабских географов и историков того времени, касающихся дагестанских населенных пунктов, начинает фигурировать термин «город»⁷⁸³

Исследование поселений дает нам основание лишний раз подтвердить, что в их типологии заложена социально-экономическая природа, и что жилые и хозяйственные постройки являются как отраслью материальной культуры, так и продуктом социально-экономического строя. Лакские селения расположены обычно в получасе ходьбы друг от друга. Приближаясь к селению, порой трудно определить, как в него войти — так на первый взгляд плотно друг к другу построены дома. При ближайшем рассмотрении замечается узкая и кривая улочка между первыми домами. Пройдя по ней несколько поворотов, можно попасть на более широкую улицу и внезапно очутиться в центре селения. По поводу таких впечатлений о дагестанских селениях Н. Дубровин сказал: «Улицы аулов Дагестана чрезвычайно извилисты и узки, круты и состоят часто из ступенек, образуемых из беспорядочно набросанных камней... Там, где нет леса, сакли и все надворные службы сложены из камня на глине, а другие просто сложены из камня без глины... Все дома построены сжато: один прилеплен к другому»⁷⁸⁴ Светло- или темно-серые дама словно нависают над улицей и кажутся действительно как бы прилепленными друг к другу. С первого взгляда почти невозможно разобраться в структуре селения. Общественные постройки, две-три мечети сливаются с жилым ансамблем селения, не выделяясь своими размерами и декорировкой из общего комплекса. На самом же деле в каждом селении существует своя определенная стройность и система в расположении жилищ.

Внутри селения улицы узки и извилисты. Для расширения проезжей части углы домов срезаются на высоту 1,5—2 м от земли (селения Кумух, Унчугатль Бурши, Балхар). На две трети ширины улицы, обычно с одной

---

⁷⁸³ «Дагестанские летописи. Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом Рафи». «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. V. Тифлис, 1871, стр. 19, 21, 23.

⁷⁸⁴ Н. Д у б р о в и н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I. СПб., 1871, стр. 333, 334.

стороны, прокладывался тротуар, для чего возводилась земляная насыпь, она уплотнялась и вымачивалась камнем. Остающаяся треть ширины улицы использовалась в качестве водосточной канавы, по которой отводилась дождевая вода, а также сливались из домов бытовые отходы по каменному желобу, вделанному в стены домов.

Исследование дошедших до наших дней поселений приводит к выводу, что расселение в них строилось чаще всего уже не на основе родовых отношений, а по территориальным признакам, хотя тяготение к патристическому единению продолжало существовать и при случае осуществлялось. Этот принцип также прослеживается и в фактах создания родовых кладбищ, которые, по мере роста поселений, оказывались в их черте. В селениях существовало разграничение по кварталам (махла, ма-хале— арабск.). Большинство кварталов носило территориальные названия, лишь незначительная часть — родовые. Каждый квартал имел свою мечеть (мизит), кладбище (хлятталу), источник воды (зилу) крытого типа, поверхностный или заглубленный, купальню (кьюлла) и место собраний (курча)⁷⁸⁵. До середины XIX в. расселение в кварталах было поту-хумное, классово дифференцированное. Рабы поселялись на окраинах селений, на выселках или же ниже остальных, по склону горы. Уздени селились отдельно и от рабов, и от податных крестьян, а две последние категории также отделялись друг от друга. После 60-х годов XIX в. началось взаимное проникновение представителей различных классовых категорий в кварталы друг друга.

Для возведения различного рода строений Дагестан всегда располагал в достаточном количестве строительным материалом: плотным песчаником и сланцем, который добывается в карьерах и каменоломнях, расположенных вблизи каждого селения. Лишь в одном бывшем Казикумухском округе насчитывалось более тридцати каменоломен. В кладке стен употреблялся и речной обкатник. Добыванием бутового камня каждый сельчанин занимался индивидуально, а в каменоломнях сезонно работали жители сел. Гергебиль Аварского округа. Вырубленный и Стесанный строительный камень должен был пролежать на месте всю зиму и полтора весенних месяца. Выдерживание камня на воздухе продолжительное время требовалось в целях увеличения его прочности и придания ему

⁷⁸⁵

«Курча», или «куруча» означает на лакском языке «сказать на кругу свое слово», т. е. принять участие в решении общественных вопросов. Этот обычай но является исключительно лакским. Народные собрания с участием всех мужчин, владевших собственностью и посему имевших право голоса, или совет старейшин (*кью-нисринал батБлей*) — представителей от тухумов, были известны у горцев Кавказа под различными названиями: у хевсур — *санехно*, у сванов — *ланкав*, у тушин — *саанджамо*, у мохевцев — *салакбо*, у ингушей — *пех*. В некоторых округах Дагестана совет старейшин носил название *джамаат*, обозначавшее также и «общество».

соответствующей пористости. В зависимости от этого стоимость его колебалась в среднем от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. за кубическую сажень⁷⁸⁶. На постройку же 18-метровой комнаты уходило 4 сажени строительного камня. Обычно размеры грубоотесанных каменных блоков—25x36x XII см, гладкоотесанных—30X40X20 см, но встречаются в постройках и камни большей кубатуры.

Своего строительного леса лаки не имели и до середины XIX в. он доставлялся «...из Аварского округа, сплавом по р. Аварское Койсу из селения Глярата и затем почтовым трактом от Карадахского моста (по преимуществу сосновые бревна), а после 1860 г. из России через Астрахань, Петровск и Темир-Хан-Шуру»⁷⁸⁷

В годы, предшествовавшие Октябрьской революции, постройка средней величины двухэтажного дома с восьмью — десятью помещениями, без плотничных работ, кроме частичного обтесывания бревен, обходилась в 250—300 руб. Среднего достатка горец, конечно, не имел возможности в один сезон выстроить дом. Строительство его продолжалось иногда несколько лет.

При земельном достатке могло происходить приращение жилых и хозяйственных построек в горизонтальной плоскости, но ввиду того, что большая часть Центрального Дагестана представляет собой поверхность, мало способствующую хлебопашеству и даже устройству поселений, жилища чаще возводились в вертикальном направлении. Старое лакское жилище (но не самое древнее) было преимущественно двухэтажным, только в исключительных случаях оно насчитывало до пяти этажей. Здание закладывали «лицом» к солнцу, на восток или юго-восток. Задняя стена дома, обращенная к северу или к северо-западу, — глухая (къабакса чIару). Стены, ориентированные на север (ухссавнил чIару), бывали всегда в 2—3 раза толще остальных.

При постройке дома не составляли, конечно, планов и смет в современном понимании. Потомственные мастера-строители, жители сел. Согратль Гунибского округа, возводили строение со знанием локальных условий, имея в этом деле богатый опыт. Они выполняли обычно всю работу, за исключением штукатурки стен, настилки полов, покрытия кровли. Мастеру в работе помогали ученики. Пользовались мастера примитивным инструментом: ломami, топорами, теслами, воротами, противовесами.

Глубина заложения фундамента (гъалу) любого (старого и современ-

⁷⁸⁶ Сведения информаторов о стоимости строительного материала до 1917 г.

⁷⁸⁷ Н. И. Кузнецов. В дубрах Дагестана. «Известия Кавказского отдела РГО», кн. 49, вып. 1—3. Тифлис, 1913, стр. 152—154.

ного) лакского дома не превышает 70 см. Ширина фундамента в средней его части — 0,45—0,50 м, в основании он немного расширен. В некоторых строениях каждая пара последующих блоков, начиная с четвертого или шестого слоя кладки (считая от уровня земли), укладывалась на 0,03 — 0,05 м вглубь. При близком рассмотрении такого типа кладки создается впечатление несколько наклонно уходящей внутрь здания стены. Толщина стен колеблется от 0,25 до 0,65 м. В кладке фундамента (чларил бувса) применялся земляной (из разрушенных сланцевых пород) или глинистый с саманом раствор. Кладка же стен производилась как на земляной сухой подсыпке (клавкьавса), так и без скрепляющего раствора и подсыпки. В целях антисейсмичности в кладку фундамента и в стыки этажей вставлялись деревянные связки, а также применялась кладка «в елочку».

Высота этажей здания обычно не превышала 4,2 м. Старые лакские строения перекрывались плоским деревянно-земляным покрытием. Плоская кровля (цлиялу, магьи) представляла собой перекрытие, состоявшее из поперечных балок (утусса), опирающихся на продольные стены, досок (ула), лежавших сверх балок вдоль стен и пригнанных плотно друг к другу, затем укладывался плотный слой хвороста (щарпи) или сушеных стеблей трав, засыпанных сверху землей и, наконец, укладывались сланцевые плиты (ххиялчи чару) 3—5 см толщины, несколько выступавшие над краем крыши и создававшие карниз (чламу). Всю плоскость кровли обмазывали раствором глины с саманом и после подсушки уплотняли с помощью каменного ручного катка (чарил ччехул). Для стока дождевых вод на крыше устраивались каменные, керамические или деревянные водосливы. Если плоскость перекрытия по длине превышала 5 м, поперек консольных балок ставилась опорная балка, под которой укрепляли подпорный столб, иногда украшенный резной капителью. Необеспеченность лаков лесоматериалом в прежние времена принуждала их делать пол второго этапа глинобитным (на сланцевых плитах), а также вместо деревянных подпорных столбов применять каменные.

Длительное время существовало неверное представление о том, что в Дагестане плоскость кровли нижнего дома служит своеобразным двориком для расположенного выше. На самом же деле по адату, окончательно оформившемуся после ликвидации ханской власти в XIX в., над домом соседа запрещено было пробивать даже двери и окна, поскольку все пространство над домом считалось собственностью его владельца. Делать это разрешалось лишь в исключительном случае, если у соседа не было иного источника дневного света. Для получения такого разрешения требовалось согласие владельца стоящего ниже дома. Несоблюдение этого адата могло вызвать обиду и даже кровную месть. И в настоящее время в лакских селениях при террасном расположении жилищ лишь крыша первого этажа

хозяйственного помещения дома может служить своеобразным двориком или верандой для выхода из второго жилого этажа.

В дагестанском жилище плоскую крышу обычно используют для хозяйственных нужд: на ней сушат кизяк, сено, хворост, пищевые продукты, производят некоторые работы и спят в летнее время. Универсальный способ

Наружная лестница в стене дома. Сел. Балхар Акушинского района

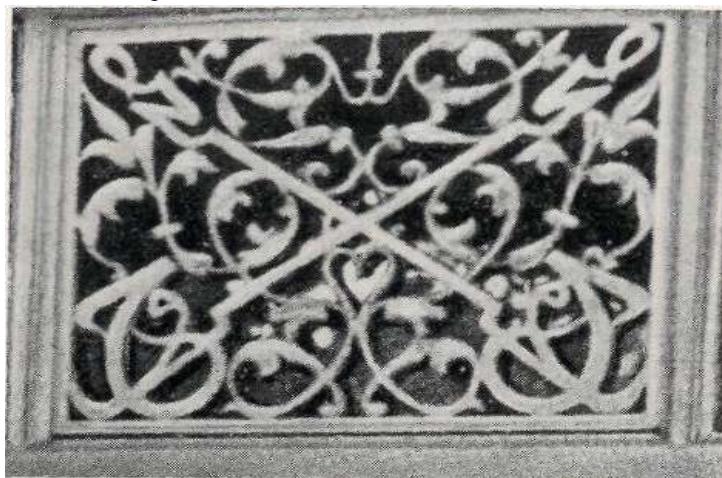
перекрытия жилищ плоской кровлей являлся отличительной чертой в строениях горного Кавказа, исключение составляют спорадические включения в данный ареал культуры жилища с двускатной кровлей в Сванетии и Ингушетии.

Для межэтажных и внутриэтажных сообщений служили деревянные (иногда переносные) и каменные лестницы (чуртту), а также переходы обычного балконного типа, с перилами и без них. Лестницы были наружные (стационарные) и внутренние (иногда стационарные, иногда переносные, приставные). Кроме того, в лакских жилищах при возведении северной или вообще глухой стены в нее вставляли каменные¹ плиты, выступающие на 15—18 см. Они располагались одна над другой, несколько смещаясь в сторону, ж проходя почти по диагонали плоскости стены. По такой лестнице можно было взойти на крышу дома, прислоняясь для удобства и безопасности спиной к стене.

В решении наружных фасадов домов существовали две различные,

но отчетливо выраженные традиции. В одном случае фасадная стена бывала глухой (исключая отдушины типа бойниц — ч'аллил ккут), зато был внутренний двор при жилище. В другом случае дом не имел внутреннего дворика (вивсса хью), и вход (бухханса хулла) вел с улицы непосредственно в жилое помещение.

Непременной архитектурной формой эпохи родового строя является дом с глухой фасадной стеной и внутренним двориком (тип дома-крепости). После распада родовой общины, а тем более после присоединения Дагестана к России (первая половина XIX в.) и устранения ханской власти в наружных фасадах начинают пробивать окна (чава ххулу), сооружаются навесные (на выносных консолях) балконы (ларзу), эркеры; глухие стены на втором этаже разбираются и преобразуются в застекленные галереи, что расширяет доступ света и воздуха. Старая горская сакля с ее полутьмой и законченностью отходит в область предания.

Резная, узорная филенка верхней части оконной рамы. Сел. Ницовкра Лакского района

В архитектурное оформление лакского дома в XIX в. начинают вводиться арки, которые часто возводят и при строительстве современных домов. Арками же перекрывались и улицы в селениях. Над аркой надстроены комнаты или проходят крытые переходы из одного дома в другой, если дома принадлежат представителям одной фамилии. В декорировку жилищ зажиточных слоев населения до Октябрьской революции входили изразцы с национальным орнаментом, изречениями из корана, вписанными в виньетки на сланцевых плитах, диабазовых блоках, с указанием даты постройки или

реставрации дома. Встречаются дома, постройка которых датируется концом XIX в., с декорировкой скульптурными или рельефными (высеченными из камня) вставками с изображением голов зверей или птиц, с резными каменными столбами, с базами и пилястрами, правильным (симметричным) набором резных выступающих консолей (чламу) под козырьком ворот (дарваза, капу) у входа в дом, с пропиленными ажурными деревянными филенками с национальным орнаментом, вставленными как перед стеклом (чаще), так и за стеклом в верхней части окна.

В стенах дома изнутри при строительстве выкладывали ниши (тахъча) небольших размеров для столовой посуды и мелких предметов домашнего обихода (glaxlnu — klichly) и ниши большого объема для постельных принадлежностей (шану—kларалу). Шерстяные матрасы (тушак, шану), подушки (kларалу) и одеяла (виргъан) днем убирались в ниши, которые бывали завешены пологом. Постельного белья лаки в прошлом не употребляли.

Так как в домах не существовало шкафов для каждодневной одежды, а от лежания в сундуках (гъ [в] аржа) она сильно слеживалась, то ее развешивали по стенам. Для этого на высоте двух метров от пола в стену вбивали деревянные колышки. В некоторых домах, чаще в богатых, чайная и обеденная посуда содержалась в стенных или приставных угловых деревянных шкафах, а также в специальных поставцах (в виде сундучков с отделениями), окованных цветной жстью. Полы устилались коврами, домоткаными дорожками (парас, бартбису) и грубыми циновками (цликри), стены завешивались ткаными безворсовыми изделиями (чубчу еытта). О'бувь снималась у входа в комнату. «Зеркала и посуда (фаянсовая) служат исключительно для украшения жилища горца,— писал Н. Дубровин,— Два-три «стула» с треугольным сидением, утвержденным на трех ножках, не более четверти аршина высотой, довершают убранство сакли»⁷⁸⁸

В архитектурном отношении интерьер дома дополняли высокие пороги (лахъсса бухк'ллу), узкие и низкие проемы дверей (нузру). Во входную дверь (или ворота) вделывались железные кольца (nlicpu) для навешивания замков (къункъула), которые, кстати, почти всегда отсутствовали. Вместо них кольца перевязывались веревкой, чтобы в отсутствие хозяев в дом не вошла скотина; над дверью навешивались звонки-бубенцы, и когда дверь открывалась, они оповещали о приходе кого-то в дом. Двери и дверные проемы жилых и хозяйственных помещений различались между собой. Входная дверь (дарваза) бывала обычно высотой в рост

---

⁷⁸⁸ Н. Д у б р о в и н. Указ. соч., стр. 537.

человека, двустворчатой, толщиной до 7 см, составной, иногда украшалась вбитыми плоскими и выпуклыми фигурными железными украшениями в виде звездочек, овалов, ромбов и кругов. Дверь, ведущая в жилое помещение (нуз), чаще всего бывала также двустворчатой, с филенками, иногда по высоте ниже человеческого роста. В хозяйственные и иные вспомогательные помещения вели дву- и одностворчатые низкие двери.

Балки, доски перекрытия, опорные внутри здания и подпорные столбы в целях сохранения от грибка, древоточильщика и действия времени обмазывались мазутом (лук и навт), потом подвергались действию копоти (к1у) из открытого очага. Разительный контраст с закопченным потолком

Изображения кисти руки на стене хозяйственного помещения
Сел. Балхар Агушинского района

составляла подбеленная нижняя часть стены.

После возведения Дома большое внимание уделялось отделочным работам. Для обмазки стен глину готовили за несколько дней. Ее месили ногами до придания вязкости, затем оставляли в воде, чтобы не затвердела, а в день обмазки вновь месили, подсыпая саман. Глину на стены наносили руками, затем заглаживали поверхность дощечками. Внутри помещений при обмазке стен делались на различной высоте карнизы для руками, затем заглаживали поверхность дощечками. Внутри помещений при обмазке стен делались на различной высоте карнизы для крепления на них посудных полочек. Побелка стен производилась обычно куском овчины, окунутым в

жидко разведенную белую глину (клясса). Во вспомогательных работах, связанных с обмазкой стен и крыши, принимали участие специально для этого приглашенные девушки-родственницы или соседки. Этот обычай соседской взаимопомощи носит у лаков название марша. (Марша устраивалась и при сельскохозяйственных работах, требующих применения большого числа рабочих рук). После окончания совместной работы хозяева устраивали обильное угощение для всех, принимавших участие в работе⁷⁸⁹. Аналогичное явление взаимопомощи наблюдаем мы и в горной Грузии, где оно носит название дадзахили, в переводе на русский язык означающее «призванные», а также у азербайджанцев — хой⁷⁹⁰ и под разными названиями у многих народов Кавказа.

Известен также другой весьма интересный старинный обычай. Лет 80—100 тому назад после обмазки стен старшая по возрасту женщина по обеим сторонам двери хозяйственного помещения делала отпечаток кисти своей правой руки с растопыренными, обращенными вверх пальцами. Данное изображение имело первоначально характер охранительного знака — оберега. В. В. Бардавелидзе и Г. С. Читая указывают, что аналогичные явления известны и по археологическим данным из эпохи неолита в Передней Азии. Подробно исследуя вопрос о содержании и способах изображения кисти руки как символа на стенах домов и предметах домашнего обихода у народов Кавказа, они отмечают, что этот обычай встречается у хевсур, сванов, ингушей, чеченцев, дагестанцев и у многих других древних народов. Например, в родовом обществе хевсур обычай требовал отрезать кисть руки у убитого кровника и в качестве трофея прибить к наружной стене своего дома⁷⁹¹. Аналогичный обычай зафиксирован был и у тушин. В позднейшие эпохи отрезание кисти руки заменено ее рельефным, а затем графическим изображением как символом, выражающим власть, силу, право собственности, гордость творца, знак благополучия, оберег и др. В настоящее время этот обычай выполняется изредка лишь в наиболее отдаленных селениях.

⁷⁸⁹ Марша, помимо непосредственной цели взаимопомощи, играла вообще немало важную роль в жизни сельской молодежи. В это время, как и на свадьбах, и в день «первой борозды», и «первого снопа», юноши и девушки могли без особенного на блюдения старших встречаться, знакомиться и вступать в разговоры. Девушки и юноши соревновались в пении, остроумии и острословиях. В это время проходили смотрины и выбор невесты.

К. Т. Каракашлы. Материальная культура азербайджанцев северо-восточной и центральной зон Малого Кавказа (историко-этнографическое исследование). Баку, 1964, стр. 255.

В. В. Бардавелидзе, Г. С. Читая. Грузинский народный орнамент, т. I. Хевсурский орнамент. Тбилиси, 1939, стр. 52, 53.

Световые проемы старого (слева) и нового (справа) типа. Дом Ражкуевых в сел. Кумух Лакского района

При строительстве домов, особенно более позднего времени, большое внимание уделялось разработке рациональной системы естественного освещения. Существование в современных хозяйственных помещениях верхнего освещения говорит в пользу того мнения, что в древности у некоторых народов горного Кавказа, как указывал И. Пантюхов, «...бывали жилые помещения с верхним естественным освещением»⁷⁹². «Дома здесь были подземные, с верхним отверстием...»⁷⁹³, — говорится в другом источнике. В Лакском районе к нашему времени не осталось ни одного дома, жилое помещение которого освещалось бы только верхним светом. С верхним освещением мы находим лишь вспомогательные хозяйственные помещения, в основном кладовые (курувалу, лувчин), освещающиеся и через дверные проемы.

Претерпевают коренные изменения и бойницы-скна, относящиеся также к системе естественного освещения жилых помещений. Окно — отдушина или бойница, проделанная в стене почти под потолком, к XVIII в. начинает расширяться в горизонтальном, а затем в вертикальном направлении. В конце XIX — начале XX в. появляются застекленные поднимающиеся рамы, крепящиеся на петлях; проемы, устроенные ближе к

⁷⁹² И. Пантюхов. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896, стр. 103

⁷⁹³ К с е и о ф о н т. Анабасис, кн. IV. М.—Л., стр. 112 (25).

наружной части, зарешечивались железными прутьями (муххал ххах). В бойницы и отдушины, которые оставались ранее между каменными блоками при кладке стен, позднее стали вставляться деревянные рамы. В настоящее время бойницы используются в качестве отдушин в сеновалах и сохраняются как декоративный мотив у лаков, пшавов, тушин и сванов.

Конструкция, материал и функции ставен также изменяются. Сначала проем окна просто закрывался сланцевым щитом, затем щит стали прижимать запорным брусом (сситтил ч1ул), вставленным в пазы в стене. Позднее ставни-щиты стали изготавливать из нескольких сбитых досок и крепить деревянными клиньями. Ставни не доходили до верхнего края рамы, чтобы над ними проходил в комнату свет. Наконец, на рубеже XIX—XX вв. появились двустворчатые ставни, прикрепляемые к раме сперва на кожаных, затем на железных петлях.

В качестве искусственного освещения жилища употреблялись светильники из следующих материалов: выдолбленные из камня (сланцевые) (биягь ва чирах), керамические (сына — аьршул), красной меди (дукнилул), бронзовые (тЫйлул), литые латунные (рурт1уну дурсса). По типу они были переносные (ласаймур), подвесные (лувшхан) и стояки (бавц1усса). В светильниках жгли сало (май) или нефть (навт). В зажиточных домах пользовались привозными, в основном из Персии, латунными чеканными и прорезными подвесными люстрами.

В домах старых типов существовало три системы, отопления. Прежде всего следует назвать открытый очаг, находившийся посреди комнаты или реже — у стены, огражденный сланцевыми или диабазовыми плитами, с висящей над очагом железной надочажной цепью (ссинжир), с крючьями для подвески на них котлов. Крючья служили также для укорочения или удлинения цепи. Часть дыма от горящих поленьев, хвороста или тлеющего кизяка уходила в отверстие потолка, остальной стелился по всему помещению. Такого вида очаг мы наблюдали в высокогорном селении Бурши Лакского района. Аналогичного устройства очаги встречаются и в горной Грузии.

Второй вид очага — тондир (лах, виллах.) В помещении на 2/3 площади сооружалось дощатое возвышение (лахлу) высотой в 60—80 см, которое обмазывалось сверху и сбоку глиной с саманом и белилось. В центре этого возвышения вырезалось отверстие, куда вставлялся керамический тондир, установленный на каменной плите (толщиной до 5 см), лежащей на полу помещения. Тондир на 5—7 см выступал над уровнем возвышения. Сверху в тондир засыпался угольный жар. Отверстие «печи» накрывали деревянной овальной крышкой для сохранения в ней тепла. Затем крышка и вся площадь возвышения покрывалась сверху домоткаными дорожками (бартбису) или войлоками (варси) и кошмами, а сверху укладывались

матрасы и подушки. Здесь в зимнее время семья спала, располагаясь ногами к центру, к тондиру. Такую систему отопления мы наблюдаем не только в Дагестане, но и у грузин, армян, азербайджанцев. Ареал распространения данного вида отопительной системы значительно шире и встречается у многих народов мира, различаясь лишь в деталях.

Летняя кухня на веранде второго этажа.
Сел. Балхар Акушинского района

Третий вид очага — камин (тав, пав) встречается в строениях середины XIX в. Он является значительно более поздним, по сравнению с первыми двумя очагами, видом отопления. Приставной же дымарь к очагу, как указывают некоторые информаторы, является архаичной формой, дошедшей до наших дней в несколько измененном виде. В древности дымарь устраивался над очагом, расположенным в центре комнаты. На таком очаге готовили пищу, тут же принимали ее и спали вокруг очага в холодное время года. К концу XIX в. место приготовления пищи отделяется от жилого помещения и перемещается во вспомогательное.

В лакских домах встречаются два вида кухонь: расположенная на открытом воздухе, ничем не огражденная, с навесом или без него — летняя (п1уртухалу) и зимняя (ц1урихъу), находящаяся в помещении с дымарем и дымоходом, выведенным на крышу. В обоих случаях для приготовления пищи служит приставной к стене, типа тондира (к1вара), керамический, округлый очаг, открытый спереди и сверху, обмазанный глиной с саманом и

побеленный снаружи. Топливом служили дрова (тлама), хворост-валежник (шарри тлама), торф (кунцТуллул) и, наконец, квяк (бя), который обычно заготавливали сами хозяева.

Эволюцию лакского жилища небезынтересно проследить на примере дома семьи Муркелинских (муркIелинакIал) — жителей селения Кумух. По преданию два брата по неизвестным сейчас уже причинам выделились в начале XIX в. из рода, жившего в Лултуши (название квартала), и не получили разрешения общества селиться в черте селения. Под постройку им был отведен участок на юго-восточной окраине селения, за кладбищем, у края каньона р. Казикумухское Койсу. Данное место по отношению к селению является выселками (на местном кумухском наречии — муркIели), отсюда и пошло прозвище, а впоследствии и фамилия выселившихся.

За кладбищем, у купальни для омовения людей, участвовавших в похоронах, братья сделали врезку в склоне, в которуюстроили комнату с заглублением уровня пола на 0,2 метра. Такой тип жилища З. А. Никольская называет полупещерным. Аналогии к нему встречаются до настоящего времени в высокогорной Аварии (Гергебиль). Для подземной части жилища обычно использовались естественные углубления в склоне горы, предварительно увеличенные и расширенные, реже вырывался искусственный котлован⁷⁹⁴.

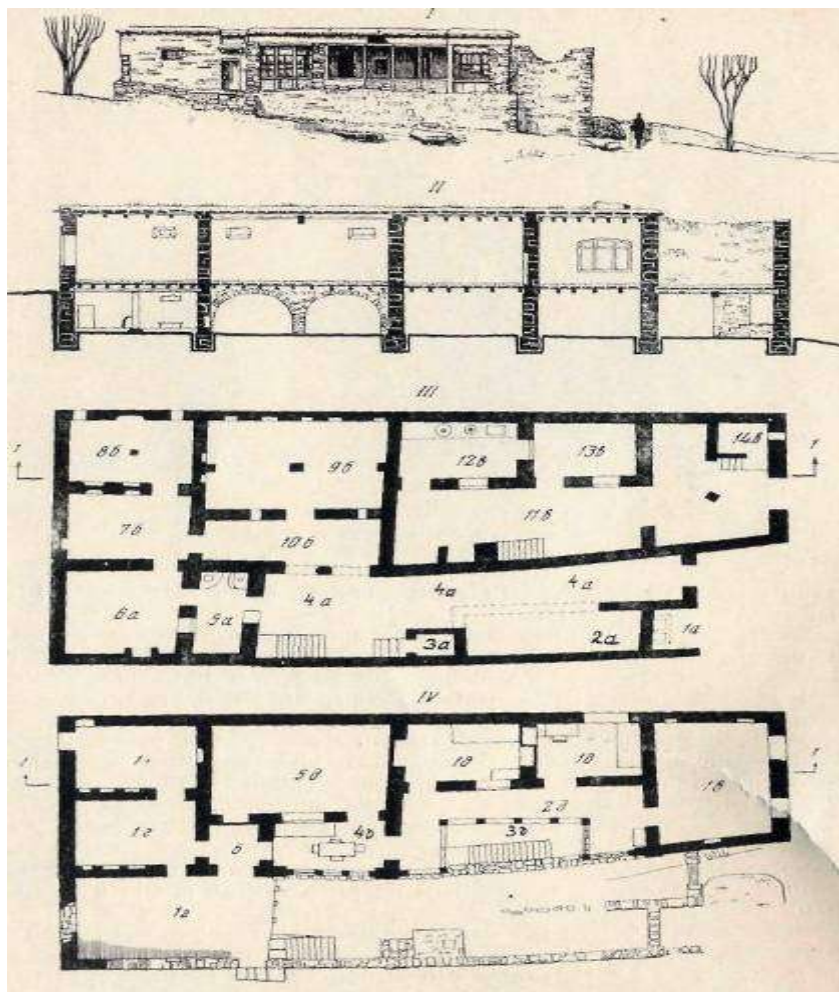
Через два года братья купили у сельского общества землю рядом с домом и пристроили за первой жилой комнатой еще три помещения: коровник, кладовую и заком. От расположенной рядом купальни был сделан отвод, и новоселы имели уже свой источник питьевой воды, огороженный, стенами с купольным покрытием. С двух сторон дома был разбит сад, с третьей — огород. Кроме того, братьями был куплен участок пахотной земли и взят в аренду покос. В последующие годы семья Муркелинских стала ощущать необходимость в дополнительных жилых помещениях. Вскоре к дому были пристроены еще две комнаты, отгорожен еще один внутренний дворик, и на втором этаже на арочных опорах выстроена гостевая комната с двумя окнами на восток. Помещения первой, второй и частично третьей очереди застройки располагались во врезке склона, тем самым они утеплялись естественным путем в зимнее время и были прохладными летом.

По прошествии шести лет осуществляется застройка четвертой очереди: три жилых помещения на втором этаже. В конце XIX в. восточное крыло объединяется с западным путем пристройки еще четырех помещений: двух жилых комнат, застекленной лоджии и кладовой. Впереди комнат сооружается балкон, переносится лестница, над которой оборудуется летняя кухня.

⁷⁹⁴ З. Л. Никольская. Из истории аварского жилища. «Сов. этнография», 1947, Дк 2, стр. 155. 156.

К 1900 г. данный жилой и хозяйственный комплекс был населен уже тремя семьями одной фамилии, самостоятельно ведущими хозяйство, где Мужчины были заняты в отходничестве ювелирным ремеслом, а хозяйство вели женщины с помощью детей. Занятием их были полеводство, огородничество и побочный приработок ремеслом. Материальное благосостояние двух семей стало возрастать, и вскоре они обзавелись еще двумя пахотными участками земли, двумя лошадьми, двумя парами быков, ослом, двумя коровами и несколькими овцами. Возникло, таким образом, середняцкое хозяйство. Наемным трудом они не пользовались и всю работу выполняли сами или при помощи родственников и соседей, по традиции участвующих во взаимопомощи — марша. Мальчики, достигшие девяти-, десятилетнего возраста, отправлялись в качестве подмастерьев в Среднюю Азию, где они работали у отцов и приобретали мастерство. К 1912 г. в этом жилище оставалось уже две семьи (третья переселилась за пределы округа). В итоге многолетнего проживания и изменений жилого и хозяйственного комплекса каждая семья располагала тремя-четырьмя жилыми комнатами (в том числе и гостевой), кладовой, закромом, кухней, туалетом, а также коровником-овчарней и конюшней общего для обеих семей пользования. Во время первой мировой войны хозяйство начало клониться к упадку: продаются один за другим земельные участки, скот, рушатся без присмотра жилые и хозяйственные помещения. Помещения третьей и четвертой очереди застройки становятся непригодными для жилья, некоторые помещения, в особенности первой очереди, перестраиваются и начинают служить в качестве вспомогательных. В это же время из рассматриваемого комплекса выделяется одна семья и переселяется в центральную часть селения, а некоторые ее члены выезжают за пределы округа. К 1954 г. мы застаем в данном комплексе одну семью из двух человек, владеющую четырьмя жилыми помещениями на втором этаже и не полностью используемыми пятью хозяйственными помещениями в первом.

К многоэтажному виду старинного жилища (бюхттулсса) относятся весьма интересные комплексы, реконструированные из старых, бытующих в сел. Куба, насчитывающем в настоящее время около 160 домов. С востока на запад селение пересекают три улицы (кличиравалу), так что за каждым домом одного ряда проходит улица. Из всей массы многоэтажных построек, исследованных в сел. Куба, мы выделили две наиболее типичные — пятиэтажный дом Г. Гасанова и четырехэтажный М. Ахмедова. Дом Г. Гасанова состоит из пяти неполных этажей. Общая полезная площадь жилища составляет 243, 4 кв. м. В 30-х годах XX в. он был полностью перестроен, но сохранены его первоначальный вид и конструкция. Судя по количеству помещений и метражу жилой площади, в доме некогда жила

Дом И. Муркелинского в сел. Кумух Лакского района:

I — фасад. II — разрез 1—1. III — план первого этажа: 1 — молельня; 2 — источник; 3 — туалет; 4 — двор; 5 — кухня; 6 — жилое помещение; 7 — кладовая; « — заком; 9 — коровник; 10 конюшня; 11 — внутренний двор; 12, 13 — хозяйственные помещения; 14 — туалет IV план второго этажа: 1 — жилые помещения; 2 — балкон; 3 — внутренний двор; 4 — застекленная веранда; 5 — жилое помещение; 6 — прихожая; а, б, в, г, в — застройка 1, 2, 3, 4. 5 очереди

большая семья. В настоящее же время в нем проживает семья из четырех человек. Первый этаж в доме Гасанова изолирован от остальных этажей и отведен под сарай для хранения сена и топлива. Вход в него — с первой опоясывающей селение улицы, через боковой тупик (кьунбакьс-са кличиривалу).

На втором этаже в одном из помещений также устроен сеновал. Вход в него ведет по каменной лестнице с третьего этажа. На третьем этаже (считая с нижней улицы) размещается коровник и два вспомогательных помещения, из которых одно — овчарня (яттил ппал). В коровник вход ведет с верхней (второй) улицы через открытый дверной проем по наклонным ступеням. На ночь проем двери перегораживается запорным брусом (чула). В передней части коровника отделен стенкой небольшой закуток для коновязи с каменными яслями (т1уну). Оба помещения скупо освещаются через узкие проемы (ч1алил ккут!), расположенные на уровне второй верхней улицы. Задняя стена первого и второго этажей опирается в скальную основу, на которой построен дом.

В передней части третьего этажа размещена пасека в виде крытой на столбах веранды, за которой устроена кладовая. Вход в нее ведет по наружной каменной лестнице (без перил) с четвертого этажа. В жилое помещение, размещающееся на четвертом этаже, можно попасть с верхней улицы, пройдя через двухметровую прихожую. Из прихожей дверь налево ведет в туалет (хлажатхана), дверь, расположенная прямо — на деревянную лестницу, ведущую на застекленную с фасада площадку. На площадке с левой стороны находится высокая двустворчатая дверь, ведущая на обширную застекленную галерею, вторая дверь ведет на лестницу, спускающуюся на пасеку. Из внутренних помещений на галерею выходят три двери: слева — двуступенчатая лестница и дверь на пятый неполный этаж, который расположен в $\frac{2}{3}$ своей высоты на четвертом ж в $\frac{1}{3}$ высоты возвышается над ним. Два окна последнего этажа, начинаясь с пола, выходят на галерею на $\frac{2}{3}$ высоты. Есть еще одно окно, устроенное обычным способом в стене, обращенной на запад.

Прямо против входа на галерею расположены две двери: левая—в кунацкую⁷⁹⁵ и справа—на открытый балкон, укрепленный на выносных кон-

---

795 В кавказоведческой литературе не раз проводились обстоятельные описания бычаев и порядков, связанных с гостевой (*кунацкой*) комнатой, существующей и в настоящее время у всех народов Кавказа. Нам известны три вида «кунацки»: а) принадлежащие обществу, расположенные на площадях селений, в виде постоялого двора, но без какого-либо обслуживающего персонала, помещения, откуда сельчане вводили приезжих к себе домой. Такие «кунацки» известны у осетин; б) отдельное отгороженное строение для гостей на территории усадьбы у черкесов; в) гостевая, часть жилого комплекса на мужской половине дома у многих народов Кавказа.

солях с подпорами. На балкон выходят окна и двери трех жилых комнат (две расположены за гостевой). Весьма интересно на галерее устроена вентиляция: между балками перекрытия и верхней границей застекленной части галереи оставлено открытое пространство в 15—20 см высотой. Пятый, неполный этаж — это рабочая комната для женщин и одновременно кухня. Здесь установлены два очага (плеара) типа «тондира» для приготовления пищи, с дымоходами в стене и своеобразным, не встретившимся нам больше нигде в Лакском районе, выводом на крышу.

Весь жилой и хозяйственный комплекс по своей конструкции относится к башенному типу. При осмотре дома сбоку заметно, что фасадная и задняя стены расположены не строго вертикально, а с наклоном внутрь, по направлению вверх. В кладке стен первого этажа уложены каменные блоки размером 0,6X0,7X0,4 м. Размеры блоков последующих верхних этажей уменьшаются и доходят до 0,15X0,2X0,15 м, что необходимо для облегчения конструкции. Обращенная к югу фасадная стена дома и обе боковые стены сверху донизу обмазаны желтой глиной с саманом и побелены.

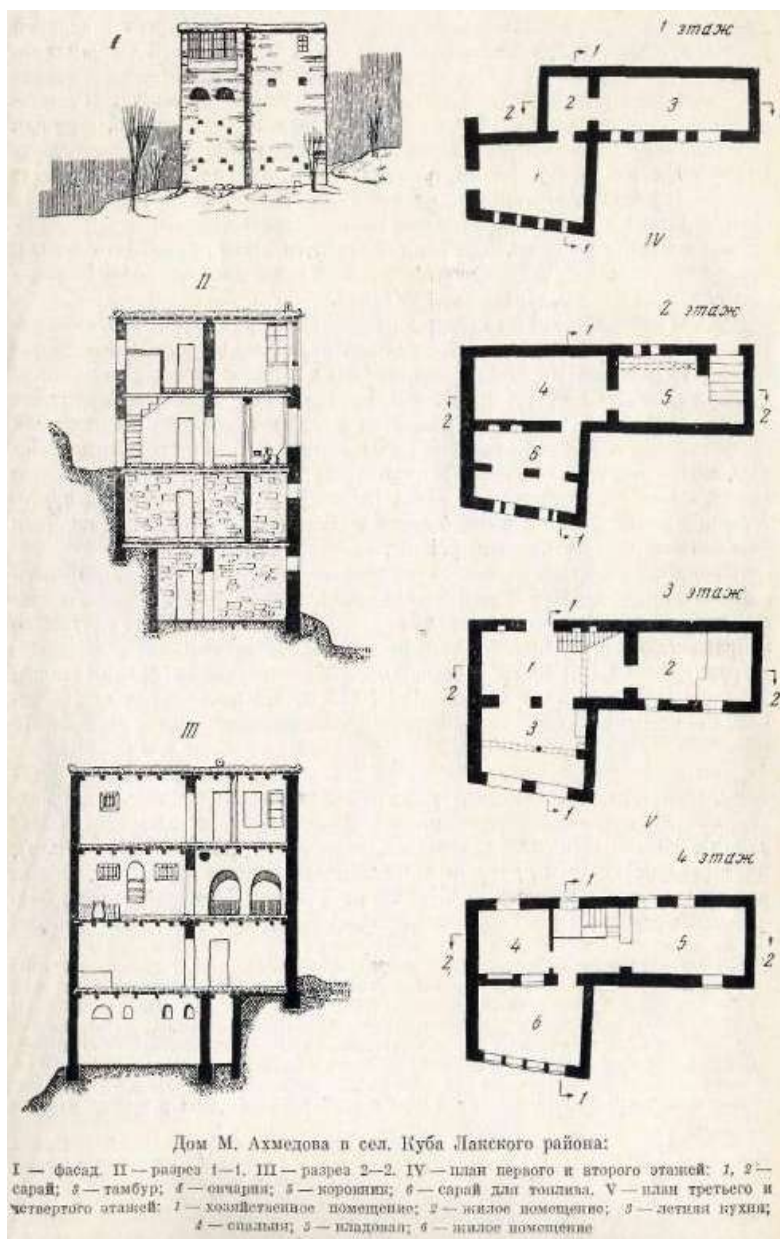
Четырехэтажный дом М. Ахмедова отличается от первого лишь деталями. Вход в дом М. Ахмедова ведет непосредственно с улицы, в помещение, выполняющее функцию дворика. В нем содержатся волокуша (ххюр-ххулу), корзины (ч1апа) для навоза, вьючные седла (гивхулул к1или), плуг (къарас) и много другого сельскохозяйственного инвентаря. Общая полезная площадь жилища — 151,9 кв. м. В южной фасадной части третьего этажа расположены общая комната для семьи, кухня и летняя спальня.

Это помещение имеет арочное сообщение с двориком. Окна заменяют две полукруглые возвышенные арки, упирающиеся в невысокие подоконники. Стрела арки равна 1,24 м. В межэтажном перекрытии использованы сланцевые и шиферные плиты, уложенные на несущих продольных балках.

Такого же типа арочные, ничем не прикрытые, но меньшие по размеру проемы со стрелой арки 80 см имеются на обращенных к югу фасадных стенах почти всех домов сел. Куба. Они выполняют функции

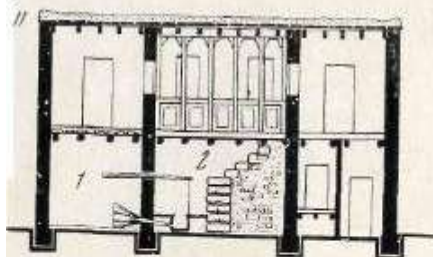
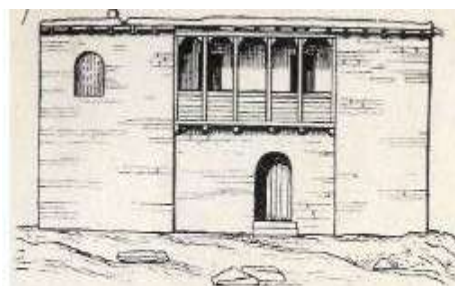
У лаков одна из комнат, самая удобная, служит приемной для гостей, как мужчин, так и женщин, и носит название *ккун ккатта*. В некотором расстоянии от своих домов, во дворе, более зажиточные казикумухцы строили отдельные комнаты, которые служили для приема гостей — исключительно мужчин. Говоря о мужской половине и «кунацкой» в ней, можно предполагать, что это наиболее древняя, архаическая форма, служащая уединенным местом для юношей и мужчин, где первые проходили срок инициации. С течением времени назначение ее меняется и лишь некоторые функции остаются неизменными, как традиция, о значении которой уже не помнят. Затем «кунацкая» индивидуализируется и становится принадлежностью каждой семьи в качестве отдельного помещения для мужчин. При этом расположение ее за оградой древнее, чем в ограде.

отдушин в сараях, на сеновалах и в иных вспомогательных помещениях. Северные стены — в основном глухие, исключая одну-две двери, две-три узкие отдушины и изредка окно. Арка является наилучшим способом решения межэтажной опоры. В сел. Куба этот способ использован в наилучших вариантах в каждом доме как в южных фасадных стенах, так и во внутренней конструкции.

Поскольку значительную долю занятости лаков составляло после полеводства ремесло, это не могло не отразиться на особенностях и такого

Дом О. Малла-Омарова
в сел. Шовкра Лакекого района:
I — фасад. II — вертикальный разрез;
1, 2 — мастерская кинжалыциса

крупного бытового комплекса, как жилище. Типичными жилищами горцев-ремесленников, не оторвавшихся от крестьянского хозяйства, являются дома кинжалыциса Омара Малла-Омарова в сел. Шовкра и медника Адама Адамова в сел. Хури. Эти дома, располагающие несколькими жилыми и хозяйственными помещениями, отличаются от домов горцев-землепашцев наличием в них мастерских и кладовых для сырья и готовой продукции.

Все сказанное о жилище лаков представляет собой характеристику старого традиционного домостроительства. Еще продолжают сохраняться очень старые жилища такого типа. Так, по сообщению Л. И. Лаврова, «...одному из домов в старинной части селения Кумух жители приписывают тысячелетнюю

давность».⁷⁹⁶ Развалины этого дома расположены в верхней части селения, у бастионов старинной крепости. Остаток основания восточной стены своеобразен по технике кладки. Это — кладка «елочкой». Такой же вид кладки зафиксирован во многих селениях Лакии, но уже не у основания, а на различной высоте, в виде спорадических прослоек в передних и задних фасадных стенах домов. Есть основание считать, что Дом, о котором говорит

⁷⁹⁶ Л. И. Лавров. Лакцы. В сб. «Народы Дагестана». М., 1955, стр. 169.

Антисейсмическая кладка «елочкой» в стене нового дома.
Сел. Балхар Акушинского района.

И. Лавров,— одно из наиболее древних сооружений Кумуха, тем более что он возведен у основания крепости.

Старые строительные традиции особенно ярко проявляются в двух-этажной конструкции по утвердившейся и распространенной повсюду в Дагестане схеме: хлев (первый этаж), жилье (второй этаж), а также выносные на консольных балках крытые деревянные балконы во всю длину фасада вместо обычных, углубленных в тело здания лоджий и галерей. Трехэтажные здания имеют следующую вертикальную (снизу вверх) схему: хлев — сеновал — жилье. Примерно так же делятся четырехэтажные дома. Четырехэтажные с выступающей частью пятого имеют еще рабочую комнату и кухню.

Внутренний дворик в жилом комплексе у лаков — явление почти повсеместное. Исключение составляют лишь жилища в сел. Куба и Бурши, где двориками служат крыши хозяйственных помещений или место двора занимают глубокая лоджия или открытая веранда. Встречаются также случаи, когда сеновалы находятся за пределами усадьбы, в заброшенных развалинах (сел. Кумух), но это уже позднее явление, относящееся к XX в. К старому типу жилищ относятся весьма своеобразные строения, которые мы встречаем в альпийской зоне, на юго-западной окраине лакской территории,

на высоте 2100 м над уровнем моря, в сел. Бурши. Селение располагается на южной части холма, занимая три четверти его (считая сверху). Ориентация его в основном солнечная.

Наиболее древние дома находятся в верхнем ярусе холма. Строения размещены амфитеатром. Холм полуопоясан шестью улицами и с него спускаются еще три улицы в радиальном направлении. Селение не районировано по патронимическим кварталам, кроме верхнего яруса, который в старину носил определенное название (о чем помнят старожилы, но само название уже забыто). Сообразуясь с рельефом местности, в верхних двух ярусах на северо-западной окраине ступенчато расположены полуовальные в плане боевые башни (бурж) высотой до 4,5 м, с бойницами в верхней трети стены. Башни сложены без скрепляющего раствора. В настоящее время их внутренние помещения используются под сеновалы, а бойницы служат в качестве отдушин, для вентиляции.

Дома в сел. Бурши строились местными мастерами, а чаще — и самими хозяевами. Строительный камень добывался в полукилометре выше селения (плотный черный плитняк). Все дома (а их в селении насчитывается около 80) — двухэтажные, приземистые, этажи не превышают 2,3 м. Первый этаж — хозяйственный; в нем расположены коровник и сеновал, на втором этаже — жилые помещения, кухня и кладовая.

Приготавливают пищу жители исключительно на тлеющем кизяке. Ввиду нехватки топлива жилые помещения не отапливаются. В целях утепления комнат, последние строились малого размера (12—14 кв. м), высота их не превышала двух метров, с низкими и узкими дверными проемами, высокими порогами, малым размером окон и толщиной стен, доходящей до 70 см.

Редким, оригинальным и своеобразным видом каменных перекрытий между первым и вторым этажами строения в сел. Бурши отличаются от домов остальных лакских селений. Перекрытие состоит из уложенных радиально на капитель опорного столба восьми массивных каменных балок равной длины (по 2,6 м). Ввиду того что балка, положенная диагонально, не доходит до угла помещения на 0,35—0,4 м, из угла выдвинута консоль, на которой покоится конец балки. Сверх каменных балок положены плотно друг к другу восемь пар каменных плит размером 2X0,6X0,1 м. Над ними делалась плотная земляная засыпка, затем клался плитняк, на котором выстилался глинобитный пол. Если в перекрытии жилого этажа лакского дома в других селениях использовались поперечные и продольные деревянные балки, то здесь клали лишь одну поперечную, массивную каменную балку, обшивая ее досками. Не располагая лесным материалом, буршин-пы нашли оригинальный выход из создавшегося положения путем применения в строительстве камня.

Каменные межэтажные перекрытия и развалины дома
сел. Бурии Лакского района:

а — опорный столб под каменными плитами межэтажного перекрытия (вид сбоку);
б — радиальные каменные плиты межэтажного перекрытия (вид сверху)

Ввиду узости улиц, проходов между домами, углы домов, как и во многих других лакских селениях, срезаны снизу до высоты 1,1—1,2 м для облегчения движения на поворотах при перевозке и переноске различных объемистых грузов.

Полуопоясывающие селение улицы соединяются между собой наклонными переходами, проходящими под домами (узкие и низкие коридоры, оставленные при строительстве под первым этажом.) По этим переходам можно попасть в коровники и сеновалы. Арочных переходов, перекрывающих улицы, в селении насчитывается 112. Вообще, арочная система перекрытия улиц в сел. Бурши является наиболее развитой по сравнению с другими лакскими селениями. Входные проемы дверей в старых жилищах низки и узки—0,7X0,5 м — и напоминают своим видом лазы, протиснуться в которые непривычному человеку бывает чрезвычайно трудно. Двери — одностворчатые, но встречаются дверные проемы, завешенные лишь бараньими шкурами. Некоторые двери представляют из себя деревянные щиты, не доходящие до верхнего среза проема на 0,1—0,15 м. Такие двери запираются изнутри запорным брусом. В домах встречаются жилые помещения, расположенные на одном этаже, ко на различных уровнях.

В жилое помещение с улицы ведут узкие и крутые, боковые и прямые лестницы без перил, чаще представляемые беспорядочным нагромождением каменных плит, с узким шагом ступеней. Почти над каждым входом и оконными проемами выдается каменный козырек. Название двери — чава хулу — означает: «маленькая дверь», «маленький вход», «маленькая дорога», «маленький проход», что полностью оправдано. Если так малы входные двери, то окна — еще меньших размеров. Этажи низкие, и при взгляде на дом издали он кажется игрушечным.

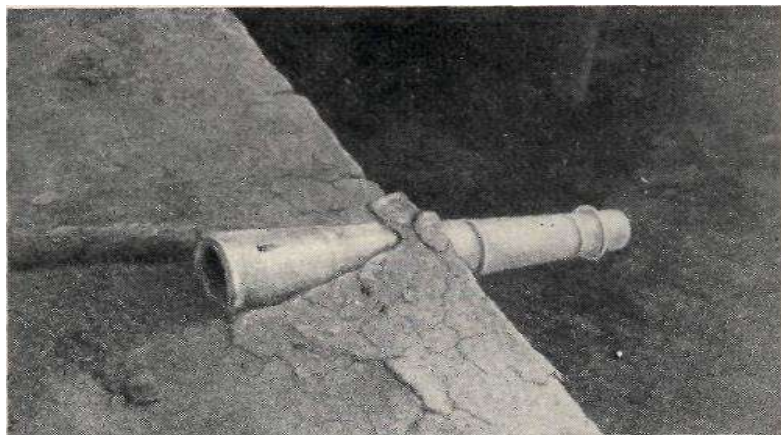
Каменные блоки кладки стен тщательно отесаны и плотно пригнаны. В стенах первого этажа они крупные (0,45X0,26X0,2 м), сложены на глинистом растворе, на втором этаже — мельче (0,28X0,16X0,1 м) и сложены с применением земляной подсыпки. В фасадных стенах сел. Бурши встречается спорадически, на различных высотах кладка в один — два ряда «елочкой», с применением промежуточного горизонтального слоя. Происхождение и природу данного явления старожилы не могут объяснить. Вероятно, этот элемент внесен извне. В народе по этому поводу существует предание, что предками буршинцев были грузины, поселившиеся в данной местности в периоды нашествий иноземцев на Грузию. Данный элемент кладки распространен в широких масштабах по всему Большому Кавказу и может быть объяснен сейсмичностью этого района. Хотя нам известно, что Кавказский перешеек является интенсивно-сейсмичной зоной, но именно район сел. Бурши ни разу не подвергался землетрясению, поэтому такой вид

кладки мог употребляться лишь по традиции. В настоящее время он применяется как декоративный элемент. В фасадных стенах вокруг окон, входов, между оконными проемами сделаны каменные вставки: узорчатые, рельефные или грубо прочерченные, с изображениями животных, птиц, людей (иногда в перевернутом виде), с геометрическим орнаментом и непонятными знаками, а также арабскими надписями и отдельными словами и буквами, обрамленными фигурными виньетками. Все внутренние помещения тщательно обмазаны плотным слоем глины с саманом (до 0,03 м) и обязательно подбелены. В стенах, как обычно принято во всех дагестанских домах, имеются различных размеров ниши.

В тех случаях, когда расположение дома (среди других домов селения) и его конструктивные особенности не представляли возможности осветить жилое помещение через оконные проемы, помещение освещалось верхним светом через потолочное свето-дымовое отверстие (вьярчу). Так, в четырех домах, построенных в сел. Бурши до XVIII в., обнаружены верхние световые отверстия в жилых помещениях. До настоящего времени сохранилось лишь одно жилое помещение, ныне превращенное в кухню, где мы наблюдали свето-дымовое отверстие. Остальные три дома с верхним освещением представляют собой развалины. Все четыре дома расположены в верхнем квартале селения, у оборонительных башен, и относятся по времени к первым, наиболее древним постройкам.

Аналогичные устройства свето-дымовых отверстий в кровле жилого помещения со ступенчато-венцеобразным перекрытием бытуют у соседствующих с Дагестаном народов Закавказья: у грузин — в домах «дарбазно-го» типа, у азербайджанцев — в «карадаме», у армян — в «глхатуне». В их конструкциях количество ступенчато расположенных венцов колеблется от 8 до 22, и в плане по форме венцы бывали четырех и шестиугольные. Свето-дымовые же отверстия в буршинских домах образованы очень примитивно, из деревянного четырехугольного венца у основания, на который укладывались ступенчато еще два венца, составленные из каменных плит.

В одном только доме обнаружены были остатки очага архаической формы, расположенного непосредственно на полу. Ограничен он был с трех сторон каменными плитами. В настоящее время ограждение нарушено ввиду использования данного помещения не по назначению и оставлена на месте лишь правая плита, а также продольное возвышение, идущее вдоль очага с левой стороны, примыкающее вплотную к стене. Оно некогда служило местом трапезы мужчин. Возвышение носит название утту квану. Над очагом была обнаружена надочажная железная цепь (муххал ссинжир). Три свето-дымовых отверстия (проема), типа вытянутых вертикально бойниц, освещают место вокруг очага.

Водосточные трубы на крышах:

а — керамический водослив в сел. Балхар Акушинского района;
 б — каменный водослив в этом же селении

Помимо жилых и хозяйственных построек, находящихся на собственно лакской территории (бывший Казакумухский округ), нами исследовались также лакские селения, расположенные на территории расселения соседних народов. Лакское сел. Балхар (Бархал) находится в центре нагорного Дагестана, в Акушинском районе, где живут в основном даргинцы. В разговорной речи балхарцы пользуются собственным диалектом, незначительно отличным от кумухского диалекта лакского языка.

В период существования у лаков родоплеменных союзов за

различные провинности и проступки перед общиной отдельные ее члены изгонялись, подвергались остракизму. Они находили себе убежище в ближайших иноплеменных обществах, в частности у акушинских кадиев. Так случилось с лаками, основавшими на даргинской территории несколько селений, в том числе и сел. Балхар. Наиболее ранним из лакских поселений здесь было сел. Кхоли-Бухна, затем Уллучара и Цуликан. Приняв под защиту иноплеменных изгнанников, даргинские кадии не баловали их своими щедротами. Под поселение им выделили наиболее неудобную и плохую в климатическом отношении территорию с мизерным количеством полезных земель (сел. Кхоли-Бухна имело 179,5 десятин, сел. Балхар — 465 десятин, сел. Уллучара—179 десятин, сел. Цуликан—178 десятин при количестве населения обоого пола соответственно 408 человек, 1392, 360, 786 человек⁷⁹⁷. Вдобавок земли были на отшибе, у границы с лакокой территорией.

Между сел. Балхар и Цуликан местность заболочена и в летнее время здесь влажно, воздух насыщен вредными испарениями. Вокруг сел. Балхар находятся большие залежи глины в открытых разработках, но лучшая глина добывается на территории болот, на большей глубине. Горы вокруг Балхара безлесны. Условия малоземелья на раннем этапе заселения этой территории принудили население заняться ремеслом, в данном случае, гончарным, затем начало развиваться скотоводство и земледелие. Впоследствии на основе скотоводства опять-таки стало развиваться ремесленное шерстоткацкое производство. Основными видами ремесел в сел. Балхар и по сей день являются гончарно-керамическое и шерстоткацкое.

Сел. Балхар расположено на выжженном солнцем и пологом к юго-востоку холме, который находится между двумя горными долинами. Одна из них простирается горизонтально перед селением, к югочвостоку, а другая спускается за ним на север. Холм — высотой до 200 м. Как в большинстве горных селений, и в Балхаре имеется несколько улиц прямых, остальное же пространство между домами состоит из переулков, кривых и узких тупиков.

Балхар в наши дни — светящийся белизной, слепящий, брызжущий отражением яркого солнечного света амфитеатр домов с плоскими крышами. Все дома свежесве побелены. Открытые и застекленные веранды выкрашены яркими красками. Селение начинается с обширной площади, несколько повышающейся к северо-западу, огражденной двухэтажными домами, где в центре, немного выдаваясь на площадь, расположен закрытого вида источник питьевой воды, справа, у входа на площадь, — небольшое искусственное озеро. От площади по направлению вверх расходятся радиально улочки.

---

⁷⁹⁷ «Дагестанский сборник. Дагестанский областной статистический комитет», -вып. 1. Темир-хан-Шура. 1902, стр. 68, 69.

Неровная каменная поверхность проезжей части улицы является скальным основанием, на котором построено селение, и поэтому строения с окружающей местностью представляют собой как бы сплошной монолитный массив. Строительный камень добывается недалеко от селения, на горе Мигкакал, на всем протяжении ее солнечного склона снизу доверху, в особенности на вершине, а также на теневом склоне. Разработкой камня занимались специальные рабочие, жители этого же селения — каменоломы. Ломку камня начинали осенью. Сложенный сажеными штабелями, он лежал (выдерживался) всю зиму под снегом и лишь весной поступал в продажу.

В сел. Балхар, как и во всем нагорном Дагестане, наблюдается развитие жилища и хозяйственных помещений в вертикальном плане. Крыши домов — плоские, за исключением семи новых домов. Сток дождевых вод с плоских крыш происходит в основном, через керамические водосливки но изредка еще употребляются и каменные.

Для предотвращения всяческих несчастий в доме, «от сглаза» на крышах в прошлом укрепляли черепа рогатого скота и туров. На пасеках и куполах печей для обжига посуды навешивали конские черепа — талисманы, охраняющие, по поверью балхарцев в прошлом, «от сглаза» пчел, и посуду от порчи во время обжига. В чудодейственную силу талисманов (гъайчали) в настоящее время никто не верит, и они остаются висеть лишь по традиции. Большинство домов в селении имеет внутренние дворы, чаще — не более 16 кв. м. Изредка двором служит крыша хозяйственного помещения своего дома.

Из старых типов домов наиболее характерным является комплекс, принадлежавший некогда нукеру Казикумухского правителя Магомед-хана (1748—1789 гг.) Давди (Дауди) Балхарскому. Постройка дома относится к первым годам XVIII в. Первоначально он был одноэтажным и состоял из двух помещений. Глухой фасад и ворота выходили на левую сторону сельской площади {майдан}. Слева от ворот, в стене, сохраняются и в настоящее время три ружейные бойницы (ттупангчирал ч'ал-лил ккурл), две из них — в виде вытянутого узкого прямоугольника, третья — в виде треугольника, причем расширяющегося внутрь.

Когда длина фасадной стены превышала 15 метров, как в данном доме, для ее устойчивости закладывался контрфорс. Левое помещение (20 кв. м) служило кладовой (къурувалу), среднее помещение (13,5 кв. м) являлось жилым (къатга) и правое (11,5 кв. м) — хлевом (оълил ппал). В среднем помещении сохранился пристенный камин (бухар, пав, тав), возле которого место слева принадлежало старшему в семье, а остальные члены располагались по его правую сторону.

Ночью в зимнее время семья спала в одной комнате на возвышении (лахлу) типа «кана». Сбоку в него встраивалась печь, в которой в течение

ночи тлел кизяк. Стены печи накалялись, и тепло распространялось под настилом возвышения. Сверх дощатого настила (лахлу) расстилались

Штабель кизяка на крыше дома с амулетами от «сглаза».
Сел. Балхар Акушинского района

Контрфорс стены дома Г. Магомедова («Давди-Балхарского»)

матрацы или шубы, где и располагалась семья. В летнее время мужчины спали на веранде, а женщины с детьми — в комнате. В свободное время старший в семье располагался на возвышении пола в комнате или на веранде на треугольной, трехногой резной скамейке (ута), опираясь спиной на «корневой» столб (тьарц). Иногда, к таким скамейкам приспособливали нечто напоминающее спинку.

В некоторых домах и поныне существуют корневые столбы, но чаще они имитируются и сохраняются по традиции как декоративная деталь интерьера.

Столбы такого рода бывают в виде каменного оштукатуренного полукружия типа пилястра, выдающегося из угла, простенка комнаты или веранды, с рельефным изображением цветов или птиц, предметов домашнего обихода, геометрических фигур.

«Корневой» столб являлся в прошлом необходимой архитектурной деталью в системе перекрытий. Перекрытие бывало тяжеловесным, так как состояло из продольной балки (уттусса), поперечных (члурду) фашин из камыша, валежника (ширпи, тлама) или прутьев (члахла), земляного слоя (арыши), сланцевых плит (ххялчи) и глинистого утрамбованного наката. Поэтому под продольные балки устанавливался подпорный столб, чаще четырехгранный, иногда резной, фигурный, с резной же капителью. В подпорный столб во все его четыре стороны на высоте человеческого роста вбивали деревянные колышки (тяннул мяр), слегка загнутый кверху, для подвешивания на них различных предметов.

Хозяйственные помещения — кладовые, сараи, коровник, овчарня и другие — чаще всего были полутемными, так как освещались скудным светом, который просачивался сквозь узкие окна (чаба хулу, чава хулу) типа

Часть фасада с деревянными ставнями в оконных проемах и бойницами. Дом Г. Магомедова («Данди-Балхарского») в сел. Балхар Акушинского района

бойниц. Пищевые продукты хранились вдоль стен, на возвышении из досок или ящиков. Здесь же расставлены затейливо расписанные керамические сосуды (кьякви) больших размеров. В каждом таком сосуде помещается от двух до трех пудов припасов. В них держат пшеницу, кукурузу, горох, бобы. В керамических сосудах меньших размеров — (бартлаки, урша, накъришу, кюнари) — держат воду, хранят молоко, сыворотку (айран), (бузу), сыр в рассоле и другие продукты. В деревянных резных и крашенных ларях {су, саннух) хранилось толокно (иникьма), мука (ини) и некоторые виды пшеницы (лач1а, сарабугъда — азерб.). Бараньи туши, курдюки (утулу) и домашняя колбаса (куркимай) подвешивались на специальных жердях (хвану) под потолком, картофель (нувци) хранилась в ямах (къурувалу). В хозяйственных и жилых помещениях на поперечные балки под потолком клали для просушки пучки различных трав, употребляемых в пищу, в качестве лекарств, а также предохраняющих деревянные части дома от древоточины, к примеру польнь (ла).

Из сохранившихся до наших дней наиболее ранних строений в селении Балхар дом Давди Балхарского — наиболее старый. Остальные постройки этого же времени представляют собой развалины или вовсе не сохранились и на их месте возведены новые. Рассматриваемый нами дом на протяжении длительного периода подвергался переделкам. Над первым этажом надстроен второй (ялу бичал — верхний дом). Фактура и техника кладки стен первого и второго этажей различны. В фасадной части стены над воротами проделано окно из жилой комнаты верхнего этажа. В стене некогда жилого помещения заложены камнем стрельчатые окна. Над бывшим жилым помещением первого этажа воздвигнута веранда (ларзу). Ко второму этажу пристроена каменная лестница (ч1урту). Во дворе возведены одноэтажные надворные постройки: хлев (пял, ппал), конюшня (тавла), гостевая комната (павхана — гавхана), сеновал (хлу, ххулув, ххалил ч1арку) и туалет (гъажат хана). Двор вымощен камнем, под вымосткой проведена водосливная канава. В доме Давди имеется кухня, расположенная на краю веранды и объединяющая две тондирного типа печи (квара) с ветрозащитной загородкой. Дверные проемы в доме — не выше среднего человеческого роста. Двери открываются внутрь помещения, они — двустворчатые, но не на петлях, а на деревянных осях. Архаичными и поэтому оригинальными выглядят запоры — замки (бнола, к1унк1улла). Внутри помещения над дверью в центре оставлена ниша, через которую вставляется запор-чека, которая, проходя в отверстие верхней рамы, запирает цверь. Ставни прижимаются к окну задвижкой-брусом.

На крыше постоянно лежит каменный каток (муккури) для утрамбовки земляного ее слоя. Это необходимо ввиду того, что с плоских крыш постоянно сдувается и смывается глина с саманом. В зимнее время года с

крыши ежедневно счищается снег, чтобы крыша под его тяжестью не провалилась.

В доме в настоящее время две жилые комнаты: хозяйская — площадью 8 кв. м и гостевая — в 13,5 кв. м, с отопительным приспособлением (лах-лу), и имеется семь хозяйственных помещений общей площадью 111,3 кв. м. Средняя высота помещений колеблется от 2,05 до 2,45 м, высота дверных проемов — от 1,5 м до 1,9 м.

При дележе имущества дом доставался младшему сыну, так как считалось, что ему дольше других пришлось бы накапливать средства для постройки собственного дома. К тому же предполагалось, что он будет жить дольше старших братьев и тем самым сохранит дом предков и недвижимое имущество, накопленное предшествующими поколениями.

В отношении последовательности развития жилого и хозяйственного комплекса интерес представляет дом Гаммуева Магами Гаммуевича, расположенный в самом верхнем ярусе селения. Стройка его началась в третьей четверти XVIII в. Сперва были построены три комнаты в один этаж с выходом на верхнюю, опоясывающую селение улицу, общей площадью 47,4 кв. м. В последующие годы к ним были пристроены еще три помещения, всего площадью 47,5 кв. м. Затем пристройки начали наращивать по склону вниз, и в настоящее время мы застаем трехэтажный террасный комплекс, где жилые и некоторые хозяйственные помещения расположены на верхнем этаже. Три хозяйственных помещения (42,5 кв. м) и двор (27 кв. м) — на втором этаже; основанием двора служат крыша складского помещения и гончарной мастерской (34 кв. м) на нижнем этаже. К верхнему этажу пристроена веранда площадью 18,5 кв. м. Общая полезная площадь дома составляет 184 кв. м.

Назначение помещений всех рассмотренных жилищ, техника их возведения и материал почти не различаются между собой. Однотипны, к примеру, во всех домах кухни, их расположение на открытой веранде и устройство ветрозащиты. Зато различны убранство интерьера и отдельные детали: форма и величина арок, окон, всевозможных проемов в стенах, высота порогов и пола. Различной формы и величины выступы на стенах для установки светильника (чирах бихъу), а также, естественно, всегда индивидуально изображение кисти руки, вдавленное в глинистый слой штукатурки.

Аналогичен вышеприведенному и соседствующий с ним дом, построенный в конце XVIII в. Начало свое он ведет от одной комнаты площадью 13,5 кв. м и высотой 2,2 м. Комната имела широкий вход и окно, ориентированное на юго-восток, впоследствии заложено. К этому помещению были пристроены еще два хозяйственных помещения, разделенных между собой лишь арочным проемом. Одно — площадью 14,5

кв. м и высотой 2,27 м, и второе — площадью 20 кв. м и высотой 2,35 м. Пол второго помещения с несколько пониженным уровнем. Затем к этому комплексу было пристроено еще одно помещение площадью 11 кв. м и высотой 2,3 м, а также туалет. Над первым этажом после этого возвели второй, состоящий из трех помещений: двух жилых, площадью 14,7 и 10,3 кв. м, одного хозяйственного, площадью 25 кв.м (высота всюду — 2,45 м). Между помещениями — веранда, из которой через двустворчатые ворота выход ведет Прямо на верхнюю улицу. Площадь прихожей и соединенной с ней веранды равна 21,3 кв. м. Всего полезной площади в доме — 116,8 кв. м.

Над туалетом проходит лестница, соединяющая между собой этажи. На дворике второго этажа, расположенного над хозяйственным помещением первого этажа, устроена пасека с навесом над ульями и печкой для обогрева их в зимнее время. На веранде слева, с краю, за капитальной ветрозащитной стеной устроена кухня. Гостевая комната находится слева от входа, хозяйская — справа, за ней — обширное хозяйственное помещение. Подпорный столб в доме устроен в прихожей и имеет, помимо своей основной функции, еще и назначение кожемялки, для чего в нем есть отверстие, в которое протаскивают кожу, разминая и размягчая ее. Для обработки кож и витья веревок в дагестанских селениях обычно на площадях у источников установлены больших размеров каменные плиты с круглым отверстием в центре. В специальных каменных ваннах вымачивают кожи и затем, пропуская через это отверстие, мнут и очищают. Обработка кож и витье веревок — обязанность мужчин.

Так как помимо гончарного ремесла женщины-балхарки также искусны и в ткачестве (щазу), то они в свободное время заняты изготовлением ковров, паласов, переметных сум, поясов, тесьмы. Почти в каждом доме имеются соответствующие для этого приспособления. В полу веранды указанного дома проделано два отверстия, через которые пропущены две крученые шерстяные веревки на первый этаж. На нижних концах их укреплены грузила, а, в верхние концы с петлями вдета деревянная ось, являющаяся частью горизонтального станка для тканья паласов. На проволоках, протянутых вдоль веранды, висят катушки, на которых мастерица-ткачиха держит намотанными уже выкрашенные в различные цвета нитки. Пояса же и тесьмы плетутся на специальном приспособлении на руках, с применением пучка основы, прикрепленной в одном месте на перилах балкона.

В стенах комнат и веранды укреплены деревянные колышки, на которых развешена большей частью деревянная посуда: большой поднос (урци) для замеса теста и малый (тамакъ), деревянная резная кружка, деревянные ложки (къусри) различного назначения, переносные столики (во всем селении столики — одной формы, но различных размеров и отличаются

росписью), керамическая посуда своего производства и изделия сулевкентских мастеров. На верандах домов установлены деревянные диваны (шъабикай утгу квани), сборные, с резными фигурными боковинками, подобные которым встречаются повсеместно и в районах горной Грузии и Осетии. В стену этого дома вмонтирована оригинальная каменная лестница в виде выступающих из стены и нависающих плит-ступеней, ведущих на крышу. Такие лестницы — не частое, по характерное явление почти для всех лакских селений.

Каждый член семьи у лаков в прошлом должен был знать свое место и строго соблюдать заведенные как в данном доме, так и в обществе в целом правила и распорядок, основанные на обычном праве — адате. Существовал также установленный определенный этикет и особые обычаи, регламентирующие поведение гостя. Поэтому конструкция и планировка дома, его интерьер служили выполнению этих старинных адатов, отвечали социальным, этпческим и эстетическим запросам местного населения.

Исследование жилых и хозяйственных построек вышеописанного типа приводит к выводу, что необходимость существования многочисленных хозяйственных помещений (ныне пустующих или используемых не по их прямому назначению) находилась в зависимости от условий ведения хозяйства и численности членов семьи, проживавших в данном комплексе.

Жилище переходного (смешанного) типа. Во второй половине XIX в., в результате присоединения Дагестана к России, в горы начинают проникать в широких масштабах товарно-денежные отношения. С этого момента наблюдается гораздо более резкое расслоение внутри сельской общины. Растет богатая сельская прослойка: скотовладельцы, землевладельцы, ремесленники-работодатели, крупные торговцы. Эта часть населения возводит себе жилища иного нежели у остальной массы населения облика. «...В Кумухе было много домов двухэтажных, русской архитектуры с русскими балконами и террасами. Но большинство построек носило или характер смешанной архитектуры, или ярко выраженной восточной. Свободные полукруглые своды с арабскими надписями говорили об архитектуре Передней Азии»⁷⁹⁸.

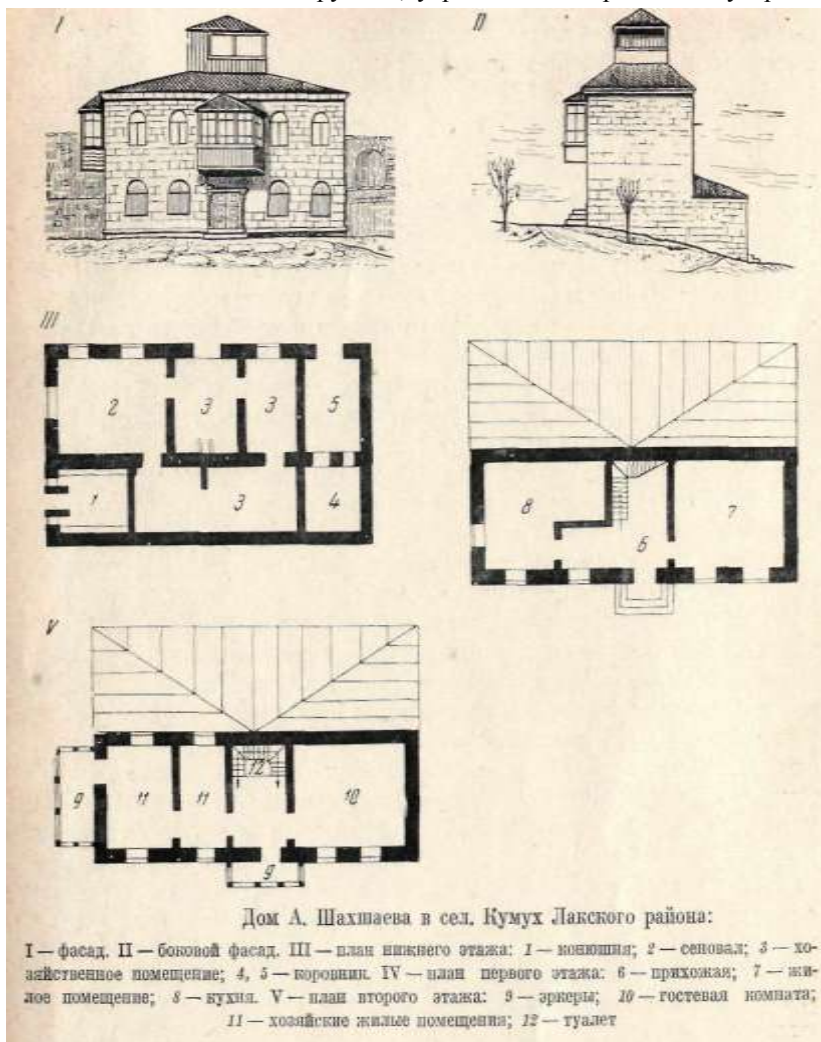
Примером жилища «переходного» типа в сел. Кумух может служить дом, принадлежащий одной из ветви семьи А. Шахшаева. С передней (фа-

---

⁷⁹⁸ Рукописный фонд ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, д. 1521, л. 31. «Описание постройки Кумуха». Рукопись путевых очерков Н. П. Попова, участника этнографической экспедиции 1924 г. в Дагестане, содержащих маршрутное описание Буйнакского, Даргинского, Кумухского, Самурского и Кюринского округов.

садной) стороны он — трехэтажный, а с задней, врезанной в склон горы, — двухэтажный. Кладка стен произведена из тщательно отесанных блоков размером 0,25 X 0,35 X 0,25 м, скрепленных известковым раствором. Крыша дома — четырехскатная, обитая кровельным железом, крашеная, со

слуховыми окнами, выводными печными трубами, с коньками и флюгерами, водосточными желобами и трубами, украшенными просечным узором. Под

крышей устроено обширное чердачное помещение (магъувалу). В центре крыши настелена дощатая площадка, на которой возведена под железной крышей беседка, открытая с трех сторон, и лишь с северной стороны заслоненная деревянным щитом. Она декорирована полукруглыми арками и ограничена перилами из резного и точеного дерева. С улицы к дому пристроена трехступенчатая, трехсторонняя каменная лестница. Парадная входная дверь — очень массивна, состоит из двух створок и украшена просечным железом и фигурными филенками. Дверь обрамлена полукруглой аркой, от пят которой начинается база витых полуколонн с капителью (база с обратной, а капитель с прямой выкружкой). На нижней ступени с двух сторон от входа вделаны в камень и залиты свинцом острые скобы, изготовленные из фигурного железа, которые служат для очистки обуви от грязи. В старое время обувь оставляли в прихожей у порога, предварительно очистив ее о скобу.

Окна первого этажа зашпательны фигурным полосовым железом. Окна второго этажа застеклены и имеют изнутри ставни. Первый этаж со вторым сообщается при помощи полувинтовой деревянной лестницы с перилами, подпираемыми точеными деревянными столбиками. На втором этаже, над подъездом, на выступающих из стены консольных балках надстроен застекленный эркер, такой же эркер устроен на северной стороне второго этажа. Полы в помещении — деревянные, крашенные, за исключением гостевой комнаты; тут они — глинобитные, мазаные, застеленные коврами. В углу гостевой комнаты — камин. Интерьер такого дома частью сохраняет старые традиционные черты, находящиеся в своеобразном сочетании с современным городским убранством и мебелью. Деление жилых помещений на гостевую, хозяйскую, женскую части сохраняется до настоящего времени. Вход в хозяйственные помещения ведет с задней и боковых, сторон здания. Кладовые, сарай, кухня, коровник, конюшня и другие хозяйственные помещения размещены в нижнем полуподвальном этаже. Таким образом, жилище переходного типа сочетает в себе экстерьер нового и интерьер в основном старого типа.

Смешанного типа постройки наблюдаются и в селении Балхар. Они несут в своей структуре черты древних и современных форм сельского и городского типов жилища. Примером может служить двухэтажный дом Мирзаева Махмуда Мирзаевича, возведенный в первой четверти XX в. в один прием. На первом этаже располагаются шесть хозяйственных помещений общей площадью 141,8 кв. м. Средняя высота помещений колеблется от 2,5 до 2,6 м. Двор занимает площадь 30 кв. м, вымощен каменными плитами.

На второй этаж ведет со двора каменная лестница с деревянными перилами через Г-образный балкон, ограниченный высокими перилами на точеных фигурных деревянных столбиках. В левом углу балкона рас-

положена кухня. Рядом — лестница на крышу, где под специальным навесом устроена пасека. На втором этаже — три жилых комнаты: гостевая, площадью 11,2 кв. м. всегда чистая и прибранная, готовая к приему гостей, и две хозяйские — 8,8 и 11 кв. м, а также хозяйственное помещение площадью 24 кв. м. Средняя высота жилых помещений — 2,55 м. Общая большая площадь дома составляет 1978 кв. м. В доме проживает семья состоящая из пяти человек (старший сын отделился, а дом принадлежит младшему).

Почти все предметы домашнего обихода в сел. Балхар сделаны мастерами промыслов Дагестана. В числе утвари находятся деревянные корыта, чаны различных размеров (большие — урцЫ и малые — тIамакъ), подносы (ппаднус, чIутIул аьму) для замеса теста, деревянные резные кружки-мерки для муки (таalh, тIакъа), привезенные из аварских районов, размещены по стенам, гончарный круг (жуллахъ) из орехового дерева, деревянный предмет (ш[в]Iал) для установки на нем сита при протирании закваски для бузы, местного производства деревянные замки. У стен стоят керамические кувшины, керамическая маслoбойка (накърицу). Здесь можно встретить медные, так называемые кубачинские бронзовые котлы, глазурованную сулевкентскую посуду. На кольшках, вбитых в стену, развешаны чесалки для шерсти (ппал бюххай къатIа), совки (шурк, шюрк, хаказ), латунные тазы и кувшины, капканы для ловли птиц (лелухул-ду муххал къатIа). деревянные резные поставцы для ложек (къусри дич-Iу) и многое другое. Из старинной мебели можно видеть деревянную кровать (танънул утту квани — тах) и диван для мужчин (швабикай утту квани, 'шябикай тах).

Среди предметов, ставших уже традиционными для горца, сопутствующих ему с момента присоединения Дагестана к России, является самовар. В настоящее время старинный самовар, а то и несколько их, есть почти в каждом доме. Они начищены до блеска и красуются на шкафу или на полке, хотя явно вышли из употребления, поскольку уже широко используются электрические самовары, чайники, плитки.

Платяных шкафов у горцев не было, поэтому вещи хранили в деревянных сундуках, окованных раскрашенной жстью, с целой системой запоров из просечного железа, изготовленных по стародавним образцам. Количество сундуков в доме, кроме того, зависело от числа незамужних дочерей, так как в сундуках накапливалось их приданое. В хозяйственных помещениях сохраняется часть старинной утвари. Это прежде всего деревянный ларь (иникI малул су) для муки крупного и мелкого помола, резной, с двумя отделениями, а также различных размеров медные луженые кувшины для воды (дувсилул ва дукнилул шиннал nlynnlyp). Все еще в большом ходу керамическая балхарская посуда (гъадара) для жидких и сыпучих продуктов: для воды (шшин), для айрана (маз), животного масла (утту), конопляной

массы (турт), толокна (или), гороха (хьюру), кукурузы (шагнал лачла). Во многих домах встречается бронзовый литой куба-чинский котел (ашак — клункур — лакск.) больших размеров, весом в 6 яталов — 2,4 кг с ковanej крышкой, употребляется для сохранения в нем выпеченного хлеба (чет1). Деревянные корыта (округлые и почти квадратные) употребляются для замешивания в них теста. Медный луженый таз (т1яс) радиусом 1,2 м служит для стирки белья. Настоящими предметами искусства являются применяемые по вполне утилитарному назначению деревянные резные, с инкрустацией подвесные ложечницы (кьюси дичу), кружки (к1ичу), солонки (ц1убичу). Наконец, сохраняются печь-торня (ttleapa) для выпечки хлеба, а также ряд предметов кухонного обихода.

Новые типы жилища. За годы Советской власти быт лакской семьи в горах претерпел коренную ломку. Это отразилось и на развитии жилища. В новых условиях изменился облик и характер усадьбы и хозяйственных построек. Традиции же в строительстве жилого комплекса, в убранстве и порядке в доме оказались наиболее стойкими, подверженными более медленной эволюции. Жилая камера — основное ядро всего комплекса — осталась почти неизменной в пределах одного типа, частные изменения наблюдаются только в порядке расположения служб. Новые типы жилых и хозяйственных комплексов призваны выполнять современные запросы населения, живущего в условиях социалистической действительности, в сочетании с требованиями местной строительной традиции.

Более всего распространенный тип современного жилища — одноэтажный дом. Он весьма удобен по своей планировке жилых и хозяйственных построек и приусадебного участка. В среднем дом располагает четырьмя-пятью жилыми комнатами, кухней (реже двумя — летней и зимней), кладовой с погребом, картофельной ямой, сараем — сеновалом, коровником, конюшней (весьма редко), застекленной галереей или балконом, внутренним двориком и туалетом.

Так как после обобществления большей части домашнего скота отпала необходимость в больших индивидуальных коровниках и конюшнях, количество хозяйственных помещений в них доведено до минимума, и поэтому в современных горских домах жилая площадь в 3—4 раза больше хозяйственной. В настоящее время еще сохраняются в селениях старые формы строений, возведенных в вертикальной плоскости, но, как правило, наблюдается обращение к одноэтажным формам жилища. Исключение составляет в данном случае сел. Куба, где до сих пор в подавляющем числе жилые и хозяйственные комплексы строений имеют от трех до пяти этажей. Рост жилища в вертикальном плане диктуется здесь условиями малоземелья и характером ведения хозяйства. Занятием жителей сел. Куба всегда было овцеводство и молочное скотоводство, поэтому нижние этажи домов заняты

хозяйственными помещениями по переработке молочных продуктов, обработке шерсти, кладовыми для хранения их и т. д.

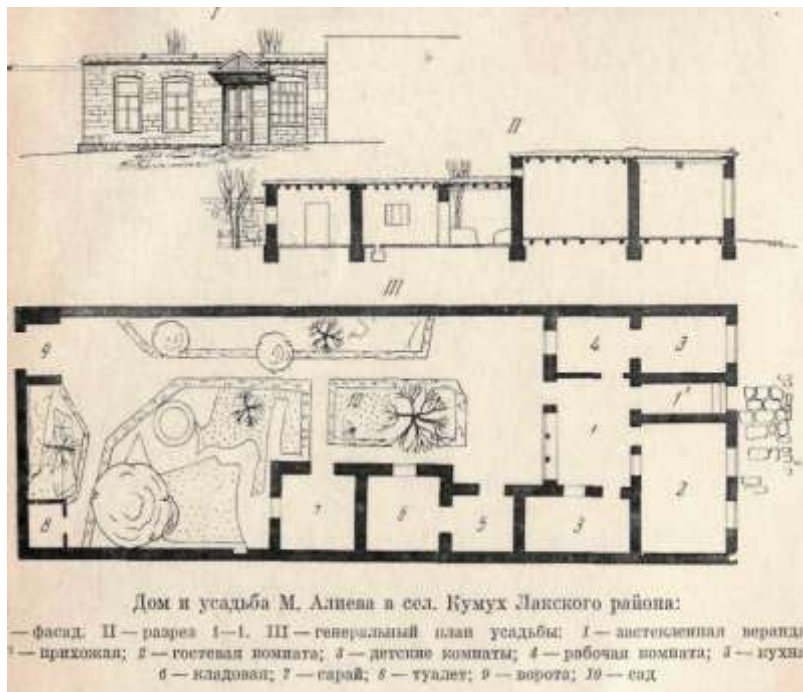
Дома в современных условиях перестраиваются по новому образцу, соответствующему новому укладу жизни лаков. Часто реконструируются дома старого типа, но уже согласно современным запросам. Развалины какого-либо дома или старый дом покупаются для места под постройку, используется оставшийся на месте лесоматериал: стропила, балки перекрытия, подпорные и опорные столбы, рамы, двери, оконные и дверные коробки и т. п., поскольку лес здесь и в настоящее время является предметом острого дефицита.

На фоне старых строений в селениях резким контрастом выделяются новые, современные жилые и хозяйственные постройки: одноэтажные под плоской или двухэтажные под четырехскатной железной или комбинированной кровлей (шифер и кровельное железо), с тремя или четырьмя жилыми помещениями и обязательным балконом, наполовину или полностью застекленным и превращенным в галерею.

Типом такого одноэтажного дома в сел. Кумух может служить дом, принадлежащий М. Алиеву. Он состоит из трех помещений, выстроенных в одну линию. В центре всего строения расположена хозяйственная комната (11,9 кв. м). С одной стороны от нее — детская (12,3 кв. м). В обеих комнатах имеются подпорные столбы, но без капители. С другой стороны — гостиная (16,8 кв. м). Все три комнаты сообщаются между собой. Если в хозяйской и детской комнатах еще можно встретить предметы домашнего обихода старого образца, то в гостиной интерьер устроен на современный лад. В ней пол — крашенный деревянный, стены побелены и на них по трафарету наведен рисунок, на окнах тюлевые занавески, над дверью — гардины, круглый стол с камчатой скатертью, стеклянный графин со стаканом на столе, тумбочка с радиолой, две никелированные кровати, покрытые шелковыми покрывалами, подушки с белоснежными наволочками, гардероб с зеркалом, мягкие стулья, книжный шкаф. Высота жилых помещений — 2,6 м.

За кухней имеется два хозяйственных полуподвальных помещения с заглубленным уровнем пола: сарай для топлива (20 кв м) и коровник (14,6 м). Высота их — 1,9 м. За коровником устроен туалет. Перед жилым помещением с выходом во дворик расположена галерея. Общая площадь жилых помещений составляет 50 кв. м. У дома имеется приусадебный участок (0,15 га).

Аналогично описанному современному жилому и хозяйственному комплексу М. Алиева (в конструктивном отношении, по количеству жилых камер и их назначению) в районных центрах возведено уже много домов. Кроме того, строятся и коммунальные одноэтажные и многоэтажные дома

под шиферной или железной двускатной крышей.

С каждым годом все более и более меняется облик старых горских селений. Плоская кровля, требующая постоянного и неослабного ухода (разрушающаяся от выпадения атмосферных осадков), становится нерациональной в современных условиях. Так на наших глазах происходят разительные положительные изменения в жизни горцев Дагестана.

* * *

Наблюдая развитие поселений и форм жилых и хозяйственных построек у лакос, как элементов их материальной культуры, в совокупности с их бытом и социально-экономическим укладом, мы приходим к выводу, что они являются в значительной мере отражением общекавказской культуры. Из общих для всех горных местностей Кавказа черт можно назвать такие, как террасообразность построения жилища, развитие его преимущественно в вертикальном плане, система и техника перекрытий, кладка стен, применение арок, однотипность оборонительных сооружений (возведение глухих фасадных стен), устройство тока на кровле, система отопления,

многие порядки и обычаи в семейном и общественном быту, связанные с поселением и жилищем, например, развитая система взаимопомощи при постройке дома.

Местные особенности экономического и общественного уклада жизни в горах диктовали свои законы, отличавшиеся от условий, в которых жило население равнинных районов. Недостаток удобных для обработки земель в нагорном Дагестане и сравнительно большое количество летних пастбищ приводили на протяжении многих веков к необходимости возводить определенный комплекс построек применительно к ведению скотоводческо-земледельческого хозяйства. При таком условии жилые, хозяйственные и вспомогательные постройки чаще бывали объединены в двухэтажном комплексе.

За 50 лет существования Советской власти в горах Дагестана поселение и жилище подверглись существенным изменениям. Они особенно стали ощутимы в современном домостроительстве и устройстве интерьера. Новые горские села теперь как бы стремятся уйти с крутых склонов и располагаются уже на равнинных местах. В них появляется свободная планировка отдельных элементов, выпрямляются некогда кривые улицы. Даже близость к источникам перестает быть одним из доминирующих для поселения условий. В селах проведены водопроводы (сел. Кумух, Акута, Леваши и др.). Возводится большое число общественных зданий: школа, поликлиника, больница, клуб, детские учреждения, почта, столовая, здания местных органов власти и т. п. Это — современного типа строения двух- и трехэтажные, под железной или шиферной крышей.

Если в прошлом хозяйственный комплекс бывал в два-три раза больше по площади, чем жилой, то в настоящее время жилой является несомненно преобладающим. Это порождено современными условиями ведения коллективного хозяйства. Отдельные села или группы сел (укрупненные коллективные хозяйства) располагают благоустроенными общественными помещениями для скота и машинно-тракторного парка, что исключает необходимость возведения обширных индивидуальных хозяйственных помещений. Поэтому современное жилище, как никогда раньше, приспособлено для удобства проживания. Вместе с тем в горах Дагестана продолжают существовать многие положительные традиции старой домостроительной культуры.

А. Г. ТРОФИМОВА

**ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ АПШЕРОНА
(1920—1950 гг.)⁷⁹⁹**

Азербайджанцы Апшеронского полуострова (включая население городских и сельских поселений, подчиненных в течение значительной части исследуемого периода Бакинскому горсовету, а также население г. Баку) представляют собой своеобразную областную группу азербайджанского народа. Коренная часть населения образовалась в результате слияния тюркоязычного азербайджанского населения с ираноязычными татами. Процесс слияния происходил в течение веков, чему способствовали единые социально-экономические и культурные условия жизни обоих народов. Сейчас трудно выделить специфические татские черты в культуре и быте коренного населения Апшерона. Поскольку в настоящее время у апшеронского азербайджанско-татского населения существует единое национальное самосознание — азербайджанское, мы и называем это коренное апшеронское население по национальности азербайджанским. В численном отношении население Апшерона составляет сейчас около 1/2 общего числа населения Азербайджанской ССР.

С начала XIX в. (времени присоединения Азербайджана к России) и особенно с момента отмены откупной системы и развития капиталистической нефтяной бакинской промышленности (70-е годы XIX в.) население Апшерона стало пополняться пришлыми русскими, армянами, поволжскими татарами, грузинами, дагестанцами, тальшами, а также приходившими на заработки из-за рубежа иранскими азербайджанцами. В советское время в силу развития промышленности в других республиках Кавказа оттуда уменьшился приток рабочих, зато усиленно стали прибывать азербайджанцы со всех концов Азербайджанской ССР.

Областная группа азербайджанцев Апшерона безусловно заслуживает внимания этнографов. Вследствие развития нефтяной промышленности в этой части Азербайджана еще в предреволюционное время сформировался национальный пролетариат, быт которого отличался рядом существенных черт от быта окружающей крестьянской среды и влиял на него. После победы советского строя в Азербайджане Баку стал расти

---

⁷⁹⁹ Статья написана на основе полевых материалов, собранных автором в 1950—1951 и 1954—1957 гг. (находятся в архиве Института этнографии, ф. 8, д. 20).

гигантскими темпами, а многие селения нефтеносного Апшерона превратились в поселки городского типа. За это время на Апшероне возникли многие новые рабочие поселки с соответствующим бытовым укладом. Вместе с тем до сих пор на территории полуострова сохранилось и развивается сельскохозяйственное производство, ориентированное на удовлетворение потребностей городского населения. Таким образом, мы имеем возможность наблюдать как бы живую модель общества, в котором тесно переплетены обычаи, традиции и крестьянского, и рабочего быта.

СТРУКТУРА СЕМЬИ. ПОЛОЖЕНИЕ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ

До Октябрьской революции наиболее распространенным типом азербайджанской семьи на Апшероне была семья патриархальная, неразделенная и в большинстве своем моногамная. Многоженство, точнее двоеженство, случалось довольно редко, хотя адат и шариат поощряли полигамию. Чаше всего причинами двоеженства были или бездетность жены, или наличие у нее лишь женского потомства. Кроме того, в богатых семьях для ведения большого хозяйства, носившего натуральный характер, требовались дополнительные рабочие руки и это нередко склоняло главу семьи к заключению второго брака⁸⁰⁰.

Старшинство жен при многоженстве строго соблюдалось. Как правило, хозяйкой-распорядительницей оставалась первая, старшая жена. Однако случалось, что после появления второй жены первая полностью отстранялась от всех дел и оказывалась вместе со своими детьми в полной зависимости от новой жены. Неповиновение с ее стороны могло привести к разводу и удалению из дома без всяких средств к существованию. Бывали случаи двоеженства, когда в семье обходилось без острых конфликтов, но под кажущимся благополучием скрывались большие женские трагедии.

В одной известной нам семье лет пятьдесят назад муж, сославшись на бездетность, взял себе вторую жену — 16-летнюю бедную девушку-соседку, которая ранее помогала его жене в ведении домашнего хозяйства. Первая жена приняла вторую жену благосклонно и ухаживала за ней, как за родной дочерью. Родившиеся у второй жены сыновья называли первую жену

---

⁸⁰⁰ См. об этом: А. Захаров. Домашний и социальный быт женщин у закавказских татар. СМОМПК, вып. 20. Тифлис, 1894, стр. 150; Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 2, СПб., 1871, стр. 368.

своего отца «мэмэ» («грудь», «сосок»), равнозначно русскому «мама»), а свою родную мать—«баджи» («сестра»).

В другой известной нам семье лет шестьдесят назад дочь вышла замуж за своего двоюродного брата. Брак оказался бездетным. Тогда мать молодой женщины подыскала ее мужу вторую жену, у которой впоследствии родилось девять детей. Основную роль в воспитании детей и в ведении домашнего хозяйства играла первая жена. После смерти мужа вплоть до 1950-х годов первая жена оставалась жить вместе со второй женой и ее детьми.

Двоеженство было запрещено законом сразу же после установления в Азербайджане Советской власти, но, естественно, что результаты полигамных браков еще продолжительное время давали о себе знать. В настоящее время случаи двоеженства встречаются очень редко, строго преследуются законом и вызывают резкое осуждение азербайджанской общественности.

В предреволюционное время на Апшеронском полуострове уже не сохранилось больших, многочисленных по составу семей, но трехпоколенные неразделенные семьи в некоторых случаях оставались, а в других районах Азербайджана и особенно в крестьянской среде они продолжали существовать вплоть до 1950-х годов. В газете «Медицинский работник» (№ 48 (912) за 1950 г.) сообщалось: «В селе Шалва высокогорного Лачинского района живет Ибрагим Гаджиев, которому в этом году исполнился 151 год... Семья Ибрагима Гаджиева насчитывает около пятидесяти человек». Лачинской район — район расселения курдов, но там же живут и азербайджанцы. Факт существования в наши дни семьи в 50 человек очень примечателен.

В дореволюционное время отец в семье имел полную власть над всеми ее членами. Он был распорядителем их судеб, хранителем единства семьи и ее законодателем. Он владел всем движимым и недвижимым имуществом семьи, устанавливал распорядок и очередность выполнения работ. Без его ведома и разрешения не производились никакие покупки, даже каждодневные мелкие хозяйственные расходы разрешались и учитывались только им. Подчас женщины вообще не знали счета денег и не имели к ним доступа. Без разрешения главы семьи женщины не могли даже готовить угощение для прибывшего гостя. Эта неограниченная власть часто носила деспотический характер, особенно, если вопрос шел о сохранении единства семьи. Помимо чисто экономических расчетов, сохранению нераздельного хозяйства семьи на Апшероне вплоть до конца 20-х годов нашего века способствовали условия общественной жизни апшеронских крестьян, как и вообще азербайджанской деревни. При экономическом равенстве двух хозяйств больший вес в селении имело то, в котором было больше людей, вернее, больше мужчин. Отсюда стремление отцов больших семейств сохранить единство хозяйства и при женатых сыновьях.

Когда умирал отец, то его женатые сыновья в большинстве своем стремились к разделу хозяйства, но были нередки случаи сохранения единого хозяйства и после смерти отца. Иногда вдовствующая мать не допускала раздела хозяйства между своими женатыми сыновьями, считая, что раздел хозяйства — проявление неуважения к памяти отца и к ней самой. Некоторые азербайджанские семьи Апшерона продолжали существовать как неразделенные вплоть до 1950-х годов. Чаще это были семьи крестьянские или сравнительно недавно расставшиеся с крестьянским трудом. Автору этой статьи в 1950-е годы пришлось познакомиться с одной такой неразделенной семьей, состоящей из девяти человек. Отец семьи, кадровый рабочий (отец его был еще крестьянином), являлся в какой-то мере звеном, сдерживающим раздел семьи. С современной точки зрения эта семья состояла из трех отдельных семей. Во-первых, женатый сын с женой, имеющие ребенка, во-вторых, овдовевшая дочь с двумя дочерьми и, в-третьих, сам глава семьи со взрослыми дочерью и сыном. Все они имели неодинаковое образование, различные специальности и все-таки родственная солидарность была так сильна, что все девять человек жили одной дружной семьей.

Нам кажется, что в данном случае основной, удерживающей от распада эту неразделенную семью, были многие общие взаимные интересы. Так, вполне закономерным кажется возвращение к отцу старшей дочери-вдовы с детьми. Ее помощь в домашнем хозяйстве была нужна престарелому отцу, от которого вскоре должна была уйти младшая просватанная дочь. В то же время овдовевшей дочери была необходима материальная поддержка со стороны отца, кадрового рабочего-нефтяника.

Закономерным выглядит также и стремление невестки выделиться из общего хозяйства со своим мужем и ребенком. Естественно, что молодая женщина хотела иметь свой дом, где бы она себя чувствовала полной хозяйкой и который обставляла бы по своему вкусу. Однако ее муж не торопился уйти из дома отца, очевидно, полагая, что в общей семейной кассе слишком заметна будет убыль его зарплаты.

Случаи существования неразделенной семьи на Апшероне в 50-е годы обуславливались совершенно иными причинами, чем до революции. Совершенно иным стал ее уклад, экономические и нравственные основы. Но в значительной мере и теперь фактором, сдерживающим распад такой семьи, является влияние старшего поколения. Уважение к старшим и сейчас в азербайджанской семье является фактом повсеместным. Советы старших внимательно выслушиваются, к ним относятся с глубоким почтением. Покинутые детьми престарелые родители — явление вообще немыслимое в Азербайджане. Вместе с тем уважение к старшим в семье зиждется на совершенно иной моральной основе. В отличие от дореволюционного времени воля старших утратила свой деспотический характер при

решении основных вопросов, касающихся судеб остальных членов семьи. Это был процесс медленный, но неизбежный в условиях проникновения и развития в семье социалистических отношений. Почти совсем отошли в прошлое ранее повсеместные браки по сватовству, насильственные выдача замуж и женитьба. В первые послереволюционные годы в Азербайджане и, в частности, на Апшероне такие браки если и не носили повсеместный характер, то встречались довольно часто. Теперь подобное явление рассматривается как чрезвычайное происшествие и вызывает общественное осуждение. Молодые люди прекрасно усвоили то, что никто их не может насильно заставить вступить в брак, что их права охраняются советскими законами. Правда, за пределами Апшерона, в азербайджанских селениях и в 50-е годы бывали случаи насильственной выдачи девушек замуж или «умыканий». С каждым годом, впрочем, такие случаи становились все более редкими.

Распространенным на Апшероне, как и по всему Азербайджану, явлением был обычай обручения малолетних детей. Это был обычай, освященный мусульманским вероучением как выражение власти старшего поколения над младшим. Только в редких случаях заключенные на этой основе браки не калечили жизни молодых. Обручение устраивалось иногда сразу же после рождения детей, «при обрезании пупка» — тогда этот обряд назывался «кёбэк кэсди» означает дословно — («отрезали пупок»), либо несколько позже — обычай «бешик кэртмэк» (означает «надрезать люльку», т. е. сделать зарубку на люльке в знак совершенного акта). Обычай обручения малолетних тесно связан с обычаями заключения орто-кузенных и кросс-кузенных браков. В большинстве случаев кузенные браки вызывались экономическими соображениями. Свадьба была делом дорогостоящим. Семья жениха и семья невесты на нее расходовали непомерно большие средства. Устраивая же браки между двоюродными братом и сестрой, близко родственные семьи могли рассчитывать на взаимное снисхождение и облегчение финансовых тягот при бракосочетании. Резко изменилось отношение к кузенным бракам и особенно к обручению малолетних в советское время. Если еще в начале 1950-х годов иногда сказывались последствия обручения малолетних, оформлялись браки обрученных с детства или, наоборот, расторгались эти насильственные сделки, то несколько позже, к середине — концу 1950-х годов, такое событие действительно становилось чрезвычайным происшествием. Нам совсем не приходилось слышать, чтобы в апшеронских семьях обручали детей, рожденных уже в 1950-е годы. Среди старшего поколения о таком обручении могли поговорить лишь в шутку, а младшее поколение и совсем не имеет представления об этом старинном обычае.

Знали апшеронские азербайджанцы и обычай сорората (женитьба на

сестре умершей жены). Следовали этому обычаю еще в недалеком прошлом. Эти браки были вызваны прежде всего экономическими причинами. Если первая женитьба требовала больших расходов, то вторичная женитьба вдовца устраивалась скромнее, проще, а поскольку его новая невеста была из дома его родственников, то брак совершался совсем «по-домашнему». Моральными причинами были забота о сиротах детей, а если детей после умершей не оставалось, то таковой причиной было стремление двух уже породнившихся семей сохранить хорошие отношения. В 1950-е годы случаи сорората в среде азербайджанцев на Апшероне были очень редки. Возможно, причиной этому служил рост самостоятельности девушек и в связи с этим возрастала вероятность отказа их от брака с вдовцами. Большую роль играл и возросший общий культурный уровень населения.

Заметим, что вдовец женился только на младшей сестре умершей жены. Женитьба на старшей сестре была почти невозможна уже потому, что в азербайджанских семьях до недавнего времени существовал обычай выдавать дочерей замуж строго «по очереди». Так что старшие сестры любой женщины были уже замужем ко времени выхода ее самой замуж, либо они были уже давно «забракованы» как возможные невесты.

Второе родственное этому явление в брачных отношениях — левират (выход замуж за брата умершего мужа) встречался явно реже даже и в прошлом. Лишь очень богатую женщину старались оставить в семье вдовца. Кстати, потомство вдовы в любом случае оставалось в семье ее умершего мужа. Ей никогда не отдавали детей, если она вторично выходила замуж. Поскольку и в женитьбе сыновей соблюдалась возрастная очередность, то на вдове в этой же семье мог жениться лишь младший брат умершего. Очень часто он бывал моложе вдовы, а у азербайджанцев жениться на женщинах, старших по возрасту, было не принято.

Таковы некоторые черты брачных отношений в апшеронских азербайджанских семьях. В отличие от крестьянской среды рабочие-нефтяники даже и в дореволюционное время относились с меньшей заинтересованностью к экономическому фактору в вопросах брака. Рабочий не мог накопить богатство, работая на нефтепромыслах, а родственная взаимопомощь в рабочей среде была меньше, чем в крестьянской, поскольку сам круг родственников был уже. Поэтому здесь траты на свадьбу были меньше, как правило, чем у средних и тем более зажиточных крестьян.

Особенностью дореволюционной азербайджанской семьи, в том числе и на Апшероне, хотя и в несколько меньшей степени, было бесправное, униженное положение женщины. Уже сам факт рождения девочки воспринимался в семье как наказание аллаха. Ее неполноценность как члена семьи старались подчеркнуть на каждом шагу. Отец совершенно не интересовался жизнью дочери вплоть до ее замужества, когда нужно было

получить за нее по возможности большой выкуп.

«В домашнем быту,— писал А. Захаров,— девушка-татарка (азербайджанка.— А. Т.) представляет пассивное существо. Мать приказывает ей делать ту или другую работу. Она не имеет права самостоятельно распоряжаться или вмешиваться в хозяйственные распоряжения. Это право принадлежит матери, если только при ней нет свекрови или старшей невестки»⁸⁰¹.

С выходом замуж и вступлением в новую семью прав у женщины не прибавлялось, зато круг обязанностей становился более широким. В семейной иерархии она опять считалась младшей и должна была подчиняться всем старшим родственникам и беспрекословно выполнять требования, предписанные адатом. Ей полагалось как можно реже попадаться на глаза мужчинам — родственникам мужа, она должна была избегать первой заговаривать со свекровью и со старшими невестками. Вместе с тем от нее требовалась постоянная услужливость и покорность. Наиболее черная работа в доме мужа выпадала на ее долю. Младшая невестка должна была последней ложиться и первой вставать. Никаким имуществом, кроме своего приданого, она не могла распоряжаться. Наиболее строго придерживались всех этих обычаев в отношении невестки до рождения у нее ребенка, особенно сына. В случае рождения у нее первенца-сына она легче приживалась в семье мужа.

Но и теперь никаких прав, помимо признанного шариатом для мусульманских женщин права владения и распоряжения своим приданым, она, как и раньше, не имела. По праву наследования женщина получала лишь половину доли мужчины. При свидетельстве в суде показания одного мужчины приравнялись к показаниям двух женщин. Особенно тяжелы и унижительны были для женщины условия развода. Мужчине, пожелавшему развестись с женой, достаточно было, по шариату, в присутствии свидетелей трижды произнести: «Такая-то (имя — рек) мне больше не жена», при этом бросив трижды камешки, и развод считался состоявшимся. Женщина возвращалась в дом отца или брата со своим приданым и с суммой денег, которая обозначалась в брачном договоре (кэбин кагызы). Эта сумма была гарантирована женщине в случае смерти мужа, а также в случае развода по его инициативе. Дети оставались у мужа, лишь грудной ребенок мог временно находиться у матери, затем и он у нее отбирался. Если женщина выступала инициатором развода, она должна была, по шариату, произнести при свидетелях: "Кэбиним алал, джаным азад», т. е. «Возьми мой кебин (брачный договор вместе с гарантированной в нем суммой в пользу жены.— А. Т.) и освободи мою душу». После этого женщина возвращалась в свой

---

⁸⁰¹ А. Захаров. Указ. соч., стр. 118.

родной дом лишь со своим приданым. Дети и в этом случае оставались в семье мужа.

Женщина в семье рабочего-азербайджанца с Апшерона была свободнее женщины-крестьянки в азербайджанской деревне. Особенно эта разница была заметна, если рабочая семья жила непосредственно на промыслах, где бок о бок жили рабочие разных национальностей, взаимно влиявшие друг на друга. Взять хотя бы, к примеру, широко известный обычай ношения чадры мусульманскими женщинами, в том числе и ап-шеронскими азербайджанками. Особенно твердо следовали этому обычаю жительницы города Баку и других городов Азербайджана, от них не отставали женщины из апшеронских селений. Но среди рабочего населения Апшерона женщины-азербайджанки и до революции чадру надевали лишь отлучаясь далеко от дома. На усадьбе же (если рабочая семья жила в селении) или около дома (если жили на промысле) женщины чадру не носили.

Коренные преобразования в семье азербайджанцев-апшеронцев и фактическое раскрепощение женщины началось лишь после установления в Азербайджане Советской власти. Постепенно было сокращено, а затем и совсем запрещено многоженство, введена гражданская регистрация брака, отменена сила прежних мусульманских брачных актов. Попутно с этим Коммунистическая партия и Советское правительство Азербайджана проводили неустанную кропотливую работу по преобразованию семейных отношений и вовлечению женщин в общественную деятельность, приобщению их к общественному труду. В 1921 г. был проведен первый съезд женщин Востока, были образованы женотделы, в 1925 г. в Баку состоялась Закавказская конференция азербайджанок, созывались всеазербайджанские съезды женской молодежи и т. д. Женщина-азербайджанка становилась все более фактически равноправным членом советского общества. Освобождению женщины во многом способствовало привлечение ее к работе в общественном производстве.

Об изменениях в социальном положении женщины-азербайджанки Апшерона и участии ее в общественном производстве свидетельствуют данные архива загса района им. 26 Комиссаров г. Баку за 1929, 1930, 1940, 1950 и 1951 гг.

В 1929 г. женщины-азербайджанки в период вступления в брак в подавляющем большинстве были домашними хозяйками. Среди регистрировавших свой брак в районе имени 26 Комиссаров ни одна из женщин не была занята на производстве. Уже следующий год дал существенное изменение этого положения: численная доля домашних хозяек снизилась среди вступающих в брак женщин на 16,7%, достигнув в 1930 г. 83,3% вместо 100% в предыдущем. А через десятилетие, в 1940 г., домашние хозяйки составили всего 78,6% от всех регистрировавшихся в загсе женщин.

Еще через десятилетие, в 1950 г., численная доля женщин домашних хозяек намного уменьшилась, достигнув 51,0% и примерно такая же доля сохранилась и в 1951 г. (48,0). Хотя мы не располагаем материалами следующих годов о социальном положении женщин, зарегистрировавшихся в загсе, но, по данным полевых материалов, полагаем, что в 1960-е годы категория домашних хозяек несколько уменьшилась.

Участие женщины в общественном производстве стало стимулом для укрепления ее положения в семье. Она стала фактически равноправной с мужчиной, материальная независимость и работа в коллективе помогали ей преодолевать веками внушаемое шариатом и адатами чувство неполноценности и беспрекословного подчинения мужчине. В дореволюционном Азербайджане, в условиях патриархальной семьи, совершенно невыносимым было бы, например, проживание престарелой матери в семье замужней дочери. Она должна была находиться после смерти мужа или в семье старшего сына, или оставаться жить в своем доме. Бесправное положение ее дочери в семье мужа не позволяло ей взять к себе мать, к тому же это считалось бы грубым нарушением адата. Теперь на Апшероне сплошь и рядом можно видеть семьи, где мать проживает вместе с замужней дочерью и является полноправным членом ее семьи. Это ли не яркий показатель того, насколько возросли роль и значение азербайджанской женщины в семье за годы Советской власти, насколько важным и необходимым оказалось участие женщины в общественной жизни и общественном труде для того, чтобы строить семью на новых социалистических началах. Эти коренные изменения в семье, связанные с повышением роли женщины, затронули все стороны семейной жизни. Взять хотя бы новое отношение к рождению девочек. В большинстве современных азербайджанских семей рождение девочки уже не воспринимается, как прежде, и если предпочтение мальчикам еще не изжито окончательно, то в значительной мере ослаблено. Во всяком случае рождение девочки тоже становится большим семейным праздником, и отношение к ней в семье азербайджанца-апшеронца не может вызывать нареканий.

В 1950-е годы мы наблюдали одинаковое отношение к новорожденным обою пола. Редко в каких семьях проскальзывало предпочтение мальчиков девочкам, а обычно в ожидании появления на свет новорожденного выражались лишь пожелание благополучного исхода родов и здоровья роженице и ребенку, независимо от его пола. Так, под влиянием новых условий жизни изменилось положение девочек, которые ныне фактически уравниваются с мальчиками. Исчезла в значительной мере замкнутость и робость в поведении девочек, особенно заметная в прошлом вне дома, а в семье они теперь, как правило, являются всеобщими любимцами и гордостью родителей. Во многих известных нам семьях, младшим девочкам уделяется много внимания, девочки растут развитыми,

бойкими, здоровыми. Старшие дочери получают образование, успешно трудятся и пользуются в своих семьях любовью. С их мнением считаются в решении многих вопросов. Девушки отличаются большой самостоятельностью и пользуются значительной свободой.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СЕМЬИ. СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ.

Будничный день в селениях и поселках на Апшероне начинается рано, в 6—7 часов. Первой поднимается хозяйка дома и готовит завтрак. Работающие на производстве члены семьи встанут следом за нею. После ухода на работу взрослых членов семьи хозяйка убирает в доме. Учащиеся в школе дети поднимаются обычно вместе со старшими или несколько позже. Младшие дети, дошкольники, поднимаются позже, если они не посещают ясли или детский сад. Оставшаяся дома хозяйка кормит детей завтраком и уходит в магазин и на базар за продуктами или приступает к каким-нибудь домашним работам.

Женщины больше мужчин сохраняют этнические черты в быту. Обычные домашние работы женщины разных национальностей выполняют по-разному. Азербайджанка, татка, тальника работают, сидя на низенькой скамеечке-подставке или на полу. Нам несколько раз приходилось видеть, как шили на швейной машине, сидя прямо на полу и установив здесь же машинку. Приготовление пищи также производилось большей частью на полу, на подставках для теста, на обрубках дерева для разделки мяса. Стирают белье в большинстве также сидя на полу перед тазом.

Много внимания и труда женщины в крестьянском хозяйстве поглощала обработка шерсти. В рабочих семьях это занятие осталось в самых редких случаях. Но шерстяная набивка постельных принадлежностей — матрасов, одеял — была распространена и в азербайджанских апшеронских семьях, а это требовало регулярного перетряхивания, промывки и просушки шерсти и простегивания вновь постельных вещей. Женщина также ухаживала за огородом и садом. Если еще учесть рукодельные работы и уход за детьми, то вполне понятно, что у женщины-домашней хозяйки свободного времени оставалось мало.

Женщины, работавшие на производстве, естественно, меньше уделяли времени домашним делам. В азербайджанских, татских, тальшских семьях вообще избегали оставлять дом без хозяйки, и обычно в доме она обязательно бывала. Нам известны семьи, двери домов которых, а также калитки дворов вообще не имели внешнего замка, потому что всегда кто-либо оставался дома.

Дети, благодаря мягкости здешнего климата, почти целые дни, даже в зимнее время, могут проводить на улице. Причем, существующие почти при каждом доме на Апшероне дворы с деревьями и огородами дают им возможность прятаться от дневного зноя.

Часам к 17 — 18 хозяйка готовит обед. Вернувшиеся с работы и с учебы члены семьи умываются, переодеваются из рабочих костюмов в домашние и приступают к вечерней трапезе, или собственно обеду. Вечернее

время проводится весьма разнообразно. Но и русский, и азербайджанец, и армянин, и татарин, и прочей национальности апшеронец в послерабочее время любит или сам заняться спортом (кто помоложе) или съездить на футбольный матч. Из спортивных занятий в последнее время, кроме футбола, сильно развился вело- и автототоспорт. Велосипедисты, мотоциклисты и автомобилисты появились почти в каждой семье. Забыты теперь грубые мужские развлечения — петушиные, бараньи, верблюжьи бои, а также травля собак⁸⁰². Многие любят на досуге читать газеты, книги, журналы. Особенным успехом пользуются классические восточные и азербайджанские поэты: Саади, Хафиз, Фирдоуси, Омар Хайям, Низами, Хагани, Физули и советские писатели и поэты. Жители старшего возраста свой ежедневный отдых проводят за радиоприемником или работая в своих садах и огородах. Распространена среди мужского населения Апшерона игра в «нарды». Особенно увлекаются ею азербайджанцы и армяне. Нарды — настольная игра, внешне напоминающая игру в шашки, но условия игры отличаются, так как в ней отсутствует исходное равенство сил и возможностей сторон, все дело в удаче при бросании костей.

Женский досуг в дореволюционном прошлом на Апшероне выражался обычно в следующем: женщины и девушки собирались у кого-либо дома и под разговоры и беседы рукодельничали: перебирали шерсть, пряли ее, вязали носки или вышивали. В азербайджанских деревнях своеобразным женским клубом была «ода» — какое-нибудь укромное место, вроде конюшни зажиточного крестьянина.

К сожалению, еще и сейчас далеко не все возможности, предоставленные советским строем, используются для досуга женщин домохозяек. В этом сказываются недостатки в культурно-просветительной работе, а также живучесть некоторых вредных традиций, согласно которым для женщин остаются недоступными или запрещенными многие виды развлечений — спорт, частично театр, иногда кино.

Широкая сеть культурно-просветительных учреждений дает возможность апшеронскому населению для занятий в самодеятельных музыкальных, вокальных, хоровых, танцевальных кружках, пользования библиотеками и читальными залами, культурного проведения вечера на лекции, в кино, на спектакле, на концерте. Однако в апшеронских селениях и даже рабочих поселках в 1950-х годах на вечерних спектаклях и особенно на поздних киносеансах было заметно преобладание русского населения, а из азербайджанцев присутствовали преимущественно мужчины. Женщины и

---

⁸⁰² Впрочем, последнее из указанных «развлечений» в редких случаях еще появляется. См.: «Бакинский рабочий», 13.11 1958 г.

девушки из известных нам семей азербайджанцев в большинстве своем предпочитали не ходить на вечерние киносеансы. Тут действовало еще крепко сидящее в сознании самих женщин и девушек убеждение «неприличности» позднего посещения кино и вообще оставления домашнего очага, особенно в позднее время, а также осуждение этого некоторой частью пожилого азербайджанского населения.

Интересно проходит здесь подготовка к встрече и празднование Нового года. Но далеко не во всех азербайджанских семьях принято отмечать начало Нового года 1 января. Это праздник — преимущественно молодежи и детей. Пожилые люди отмечают традиционный старый праздник Нового года («новруз байрам») 22 марта, в день весеннего равноденствия. Раньше этот праздник сопровождался разжиганием костров на улицах и крышах домов и шествием с факелами. Непременным атрибутом этого праздника были и традиционные праздничные блюда («аш»), специальные сладости («ногул», «набат», «пахлава»), а также сушеные фрукты и орехи⁸⁰³. Теперь многие эти традиции не соблюдают. В 1950-е годы в этот день в азербайджанских, татских, талышских семьях готовились праздничные блюда, старики принимали у себя в доме гостей и сами ходили в гости. Этим и ограничивалась встреча Нового года.

Некоторые старые мужчины и особенно женщины еще в 1950-е годы выполняли мусульманские обряды: пятикратную в сутки молитву, держали пост в месяц «рамазан», затем отмечали праздник «ураза байрам». В траурный месяц «махаррам» (месяцубийства внуков пророка Мухаммеда, по мусульманскому вероучению) время от времени старые мужчины, а также отдельно от них старые женщины собирались для траурных песнопений («мэрсий»). Сохранились еще отголоски выполнения праздника («курбан байрам»), а также почитания мусульманских «святых».

Пожилая часть населения, уже не связанная с производственной жизнью, иногда поддерживала в семьях некоторые религиозные семейные обряды и обычаи, в которые порой втягивались дети (на работающих взрослых это обычно не распространялось). Например, детей «предохраняли от сглаза», навешивая на их одежду амулеты и талисманы, дети могли наблюдать совершение молитв и других религиозных обрядов.

Ныне в жизнь апшеронской семьи прочно вошли все советские праздники, которые торжественно отмечаются.

Помимо празднования государственных праздников, в каждой семье отмечаются чисто семейные торжества и обряды. Одним из наиболее значительных и торжественных семейных праздников остается свадьба. Ста-

---

⁸⁰³ «*Ногул*» — мучнистые конфеты с тмином, «*набат*» — прозрачные бесцветные конфеты-леденцы, «*пахлава*» — ромбовидное слоеное печенье с орехами.

ринная азербайджанская свадьба — цикл обрядов, длившийся долгое время, требовавший значительных материальных затрат. «На свадьбу крестьяне смотрят как на общественное дело, и нигде так не обнаруживается стремление к взаимной помощи, как в этом случае», — отмечал А. Захаров⁸⁰⁴. В прежнее время свадьба у азербайджанцев обходилась чрезвычайно дорого, особенно в деревнях, где ритуал был богаче⁸⁰⁵.

Азербайджанская апшеронская свадьба 1950-х годов, тесно связанная с бакинской городской свадьбой, во многом упростилась, многое, чрезмерно громоздкое и хлопотное, было опущено⁸⁰⁶, но и в современном виде свадебный обряд — достаточно красочный и своеобразный. Большинство свадеб в окрестностях Баку устраивалось осенью. Тут, вероятно, сказывалась крестьянская традиция населения Апшерона. Свадебный цикл чаще всего начинался со сватовства. Предшествовал ему либо период личного знакомства юноши и девушки (это — новое явление, начавшее свое существование лишь после установления Советской власти), либо выбор семьей жениха девушки, которую эта семья прочила ему в жены — это старый способ, очень распространенный в прошлом, но уже редко практиковавшийся в 1950-е годы. Сватовство же еще и в эти годы было непременно обрядом даже в том случае, если молодые люди сами договорились между собой о браке.

За сватовством следовал обряд обручения. Непременным элементом свадебного цикла в прошлом была плата «башлыг», которую вносила сторона жениха за невесту ее родителям, точнее, отцу либо другому человеку, выдававшему ее замуж. Выплата багалыга производилась наличными деньгами, вещами, или скотом до женитьбы. Но далеко не везде в Азербайджане этот обычай был распространен. Иногда основной свадебной платой становилась не выплата наличными, а гарантия в пользу невесты на случай развода или смерти ее мужа. Эта гарантируемая сумма («мэхр») записывалась в брачный договор («кэбин кагызы»), тщательно хранимый в прошлом каждой замужней женщиной. Согласно советскому законодательству, взимание башлыга запрещено. С этим видом платы за невесту нельзя смешивать приданое невесты — «джехиз, джихазь. Сюда входили предметы домашнего обихода, одежда и украшения, в крестьянской среде — скот, приводимый невестой с собою в хозяйство мужа. Складывается «джехиз» из предметов, выделенных родителями невесты, из подарков ее родственников и из предсвадебных подарков жениха. В 1950-е годы «джехиз» в Азербайджане всюду сохранялся, но состав его,

⁸⁰⁴ А. Захаров «. Указ. соч., стр. 131.

⁸⁰⁵ Там же.

⁸⁰⁶ Там же, стр. 132.

естественно, значительно изменился. Раньше в приданом значительную часть составляли ковры, паласы домашнего изготовления, медная посуда и утварь, теперь же невеста привозит в дом мужа предметы городской мебели — стол, стулья, диван, гардероб, буфет и т. п., смотря по материальным возможностям.

Еще одной разновидностью свадебной платы со стороны жениха являлся «той хардж», т. е. свадебные издержки. Эти расходы поступают на организацию свадебного торжества и никак не ущемляют прав невесты. Поэтому советским законодательством «той хардж» не запрещен.

Ни одна азербайджанская свадьба в прошлом не проходила без сбора денег с приглашенных. Это было неотъемлемым элементом как «женской» свадьбы (обряд «палтар кэди»), так и основной, так называемой, «мужской». Мужчины платили больше, женщины — меньше, но в общем сумма денежных взносов на свадьбе обычно колебалась от 3—5 руб. до 10 руб. (в переводе на новые деньги). Взнос денег производился так: при входе в дом сидел обычно на полу мужчина (или женщина — на «женской» свадьбе) с расстеленным перед ним (нею) на полу большим головным платком. Входящие клали на платок деньги, а сборщик, обычно самый уважаемый человек из родственников семьи, устраивающей свадьбу, громко провозглашал: «Такой-то дал столько-то! Дай бог, чтобы и твоему сыну (или если дающий холост — тебе самому) дожидаться этого торжества!» Соответственно то же говорили женщине. В настоящее время сбор денег на свадьбе практикуется значительно реже, но не до конца еще изжит.

В 1950-е годы стало модным на Апшероне приглашать на свадьбу неустно, а передавая приглашаемым своеобразные пригласительные билеты, отпечатанные на пишущей машинке или размноженные фотографией с оригинала. Обратимся к конкретным описаниям свадебного цикла.

В 1950 годах в азербайджанской и смешанной с ней татской и талышской среде на Апшероне немислимым стал брачный союз людей, которые до свадьбы были незнакомы друг с другом, что было характерно для многих браков в дореволюционном Азербайджане.

В одной из известных нам азербайджанских семей в начале 1951 г. сын объявил отцу, что хочет жениться на такой-то девушке. После этого вступило в свои права традиционное сватовство. Из родни жениха были выделены его тетка и замужняя сестра для предварительных переговоров с матерью невесты. В недалеком прошлом это был целый обряд с характерными приемами, поговорками, пословицами, со строго установленными ролями и манерой держаться для всех участников церемонии. Теперь все было проще. Но все же пришедшие вели разговор в традиционном духе, несколько иносказательно, но в то же время вполне понятно для хозяев. Свахам в этот раз в семье невесты ничего определенного не сказали, но

приняли их благосклонно, угостили чаем, и это уже было сочтено как предварительное согласие.

После этого семья жениха стала готовиться к официальному сватовству. Именно вся семья принимала участие в подготовке сватовства, а затем собственно свадьбы. На общесемейные деньги сестра жениха купила для невест золотой перстень с алмазом, золотые серьги, крепдешиновый платок с бахромой и вышивкой, отрез крепдешина на свадебное платье бледно-розового цвета.

С подарками сваты-мужчины отправились в дом невесты. Сватов приняли радушно, предложение их было встречено положительно, отец невесты дал согласие на этот брачный союз. Мать ее при этом разговоре не присутствовала, но ее мнение уже хорошо знал ее супруг, так как после предварительного сватовства женщин она сообщила об этом мужу и они обсудили все касающиеся этого вопроса. Это было далеко не обязательное для продшгого; с мнением жены по этому вопросу в дореволюционное время муж мог и не считаться. Девушку также не только поставили в известность, хотя она и сама знала о предстоящем сватовстве, поскольку с молодым человеком все уже было договорено, но и получили ее добровольное согласие на брак.

Этот обряд прихода сватов-мужчин с перстнем и платком для невесты является обручением («нишан»). В тот же день был назначен срок следующего обряда — «кройки одежды» («палтар кэсди»). Он состоялся через два месяца. Раньше этот обряд заключался, как говорит и название его, в кройке одежды (невесте для свадьбы), в этот же день и шили одежду. Теперь, сохранив название, обряд изменил содержание. В этот день отнесли в дом невесты от жениха отрез на ее свадебное платье, а шили его у портнихи за счет семьи жениха. Вместе с отрезом приносили много других подарков — предметы одежды, украшения, предметы парфюмерии и сладости. Сладости («ширни») имели особое ритуальное значение в обряде: древняя подоплека приношения сладостей — магическое воздействие, «чтобы жизнь молодых была сладкой». Раньше традиционными сладостями были на свадьбе «ногул» и «набат». Теперь в качестве сладостей служили обычные конфеты и недорогое, как правило, печенье.

В другой известной нам семье, талышской по национальности, ко дню «кройки одежды» во дворе дома жениха был устроен своеобразный шатер площадью до 50 кв. м и высотой в 2—2,5 м, стены и крыша которого состояли из паласов и ковров. Это сооружение — «свадебное помещение» («той-хана»). Устраивали его обычно в селениях и в рабочих поселках Апшерона во дворах домов на время свадьбы, чтобы удобнее разместить многочисленных гостей, особенно, если свадьба устраивалась в теплое время года. В день «кройки одежды» здесь принималась женская половина родни и

знакомых жениха. Из мужчин допускались к участию в обряде только музыканты (два зурнача и один барабанщик) и ближайшие родные жениха. Сам жених никому из гостей не показывался, его и дома не было. Это — отголосок старины, когда во многих элементах свадебного обряда ни жених, ни невеста участия не принимали.

Часам к 12 этого дня стали собираться гости в «свадебном помещении». Женщины из близкой и дальней родни жениха — мать, сестра, невестка и многие другие — разложили приготовленные подарки на подносы («хон-ча» — старинные медные и железные современные) и приготовились отправиться в дом невесты. Гостей развлекали музыканты, а тем временем в доме хозяева угощали гостей по очереди, группами по 10—15 человек, из-за тесноты помещения. К 17—18 часам угощение всех гостей закончилось, прекратились танцы, и все стали собираться шествовать в дом невесты.

В доме невесты (семья невесты — азербайджанская) уже ожидали гостей. Сама невеста никому не показывалась. Пришедшие из дома жениха занесли подносы с подарками в дом невесты, а сами прошли во двор, где уже приготовлены были скамьи и стулья вокруг места для танцев, устланного паласами. Вскоре начались танцы, которые длились час-полтора. После них состоялся смотр принесенных подарков.

Через 10 дней после обряда «кройки одежды» была назначена собственно свадьба («той»). В этот день примерно с 15 часов в доме невесты и в доме жениха стали собираться гости. День был рабочий (суббота), поэтому часов до 18 среди гостей были преимущественно женщины. Позднее стали «обираться» мужчины в дом жениха. В невестином доме вообще было мало мужчин, только ближайшие родственники. Угощением сначала в обоих домах был чай со сладостями и фрукты. В доме жениха гостей развлекали музыканты, а во время перерывов, пока отдыхали музыканты, женщины запевали свадебные песни. В доме невесты женщины тоже пели песни.

Часов в 17 привезли на грузовой машине с традиционной свадебной музыкой приданое («джехиз») невесты: гардероб, кровать никелированную, многочисленные постельные принадлежности, предметы домашнего обихода, посуду, а так же одежду невесты. В 18 часов из дома жениха снарядились за невестой три машины: два «москвича» и одна грузовая. Невеста была уже готова к отъезду. В свадебном убранстве она вместе с двумя родственницами села в машину. В другом «москвиче» разместились избранные гости, а грузовую машину заполнили музыканты, а затем юноши, девушки и подростки из родни и соседей.

Машины ехали очень медленно, чтобы продлить обряд перевозки невесты из ее дома, недалеко расположенного от дома жениха. Когда вышли из машины у дома жениха, обе женщины осторожно повели невесту в дом. Перед порогом дома жениха невесту обсыпали конфетами, перед ней вылили

воду из графина: «Чтобы жизнь молодых была сладкой и с достатком».

Затем невесту провели в приготовленную для молодых комнату, а гости разместились в убранном коврами свадебном помещении, куда перешли также и сопровождавшие невесту музыканты. Гостей стали угощать небольшими группами в доме жениха в двух комнатах — отдельно мужчин и женщин. Празднество длилось всю ночь.

После свадьбы новобрачная на Апшероне в прошлом не выходила из дома на улицу в течение одного — двух месяцев (у крестьян, а у рабочих этот срок был несколько короче). После этой свадьбы молодая женщина уже через несколько дней свободно появлялась вне дома, независимо от того, работала ли она на производстве или являлась домашней хозяйкой. Безвозвратно исчезли такие символические акты на свадьбе, как сажание на колени невесте мальчика при входе ее в дом жениха, как опоясывание ее поясом при выходе из родного дома младшим братом жениха и тому подобные действия, имевшие целью магически воздействовать на новобрачную, чтобы она рожала сыновей.

Несмотря на сохранение в азербайджанской апшеронской свадьбе различных черт старины, ее наполняло новое содержание, вместе с тем исчезли унижающие достоинство женщины обряды. Среди молодежи в те годы были слышны решительные разговоры о том, что пора устраивать свадьбы по-новому, иногда это обозначали понятием «по-русски», т. е. с непосредственным участием и присутствием на ней жениха и невесты, с устройством «компаний», как это называется здесь, а именно: с устройством совместного для мужчин и женщин застолья, с современными танцами, эстрадной музыкой.

Поскольку такая необходимость изменения свадебного ритуала и его осовременивания явно назрела, в 1950-е годы начался быстрый процесс развития обряда в этом направлении, в том числе проводились комсомольские свадьбы и в Баку, и на Апшероне в целом.

Изменился за несколько последних десятилетий среди азербайджанцев Апшерона и семейный похоронный обряд. В прошлом оплакивание на Апшероне сопровождалось приглашением специальных плакальщиц, которые расцарапывали себе лицо и грудь, распускали волосы и рвали их, что должно было еще более подчеркнуть сильное горе семьи. В 1950-е годы в оплакивании принимали участие лишь члены семьи и близкие родственники покойного.

Захоронение покойника теперь большей частью происходило в гробу а не в матерчатом саване. Обряд выноса тела из дома и обряд захоронения остался прежним, кроме отсутствия муллы. Провожали покойного на кладбище лишь мужчины. В могилу покойного клали на правый бок, лицом к югу; над могилой ставили два камня — повыше в головах и пониже в ногах.

На могиле раздавали халву, а затем по возвращении с кладбища в доме покойного устраивалось угощение. Затем через неделю, через сорок дней и через год семья умершего устраивала поминки («хейрат»). В прошлом на такие поминальные угощения семья покойного совершенно разорялась, так как людей, желавших и имевших право по обычаю угоститься, собиралось очень много. Все люди духовного звания, странствующие дервиши «потомки пророка» — сеиды — все стремились прокормиться за счет паствы, и поминок в округе, конечно, не пропускали. На поминальные обеды в 1950-е годы собирались почтить память умершего его близкие родственники и друзья, обычно специально приглашенные семьей покойного.

К 1950-м годам сглаживается и разница в похоронах мужчины и женщины. В прошлом более торжественны и разорительны были похороны и поминки мужчины. Объяснялось это, конечно, большей его ролью в семье и обществе. Равенство женщины с мужчиной в этом смысле ведет к проявлению равного горя в связи со смертью и мужчины, и женщины в-семье. Но женщину и теперь, как правило, на Апшероне хоронили мужчины — родственники ее (отец, брат, дядя по отцу и т. д.), хотя, конечно, были многочисленные исключения и из этого правила. Полагавшийся в. прошлом срок траура выдерживался и теперь.

К числу старинных семейных традиций у апшеронских азербайджанцев относятся обычаи взаимопомощи и солидарности. Эти традиции существовали и продолжали развиваться и после Октябрьской революции. Об одном проявлении взаимопомощи уже упоминалось при описании свадебного цикла. Речь шла об участии всех членов семьи и более дальних родственников в устройстве свадьбы кого-либо из членов семьи. Материальную помощь и поддержку нуждающимся родственникам безотказно предоставляли и не только в таких чрезвычайных событиях, как свадьба или рождение ребенка, или похороны.

Семьи апшеронцев поддерживали связи и с родственниками-крестьянами, жившими во всех концах республики.

Но иногда родственные связи принимали уродливый характер. Например, непреложным считалось право взрослой здоровой дочери или сестры находиться на иждивении отца или брата до выхода замуж. Подчас не вышедшие замуж девушки становились бичом семьи. Им потворствовали во всех капризах, старались как можно лучше наряжать, так как считали несчастными, неудачницами. Брат такой девушки даже после женитьбы обязан был поддерживать материально свою здоровую и трудоспособную сестру.

Семья апшеронских азербайджанцев не являлась раньше, а тем более в послереволюционное время самодовлеющим замкнутым коллективом. Она была связана с многонациональной окружающей средой. На нефтяных промыслах азербайджанцам приходилось работать вместе с

представителями многих национальностей, с ними вместе они жили и проводили свой досуг. Но даже при наилучших взаимоотношениях браки с иноверцами были неприняты, и всякие попытки к таковым обычно преследовались. Так продолжалось и первое время после установления в Азербайджане Советской власти. Но постепенно в ходе культурной революции и социалистического строительства, вместе с развитием социалистического сознания, религиозные предрассудки утрачивали свою силу и, в первую очередь, в рабочей среде, в этом отношении наступили перемены.

Национально смешанные браки, заключавшиеся в 1930-е годы еще «единично, в послевоенное время стали среди ашшеронских азербайджанцев явлением, не вызывающим в их национальной среде ни осуждения, ни препятствий. Ведущая роль здесь принадлежала азербайджанским мужчинам. Они стали жениться, помимо азербайджанок, на русских, армянках, грузинках, представительницах дагестанских народностей и т. д. К 1950-м годам национально смешанные браки стали распространяться и среди женщин-азербайджанок.

За годы Советской власти произошли определенные изменения и в брачном возрасте. В дореволюционное время средний брачный возраст мужчин-азербайджанцев был 20—22 года, девушек же — гораздо ниже.

Нередки были случаи вступления в брак 10- и 12-летних девочек, а в 14-16 лет это считалось нормой.

Нередким явлением была женитьба 30- и 35-летних мужчин, не имевших возможности ранее вступить в брак в силу материальной необеспеченности.

По сравнению с другим азербайджанским населением, у ашшеронских азербайджанцев имелись здесь некоторые отличия. Прежде всего, если невеста была из рабочей среды, то, конечно, условия брака были демократичнее. Если же рабочий хотел жениться на девушке-крестьянке (пришлые рабочие часто брали себе жен из своих родных и близлежащих селений), то порой требования родных невесты приводили к длительной отсрочке свадьбы, так как жениху трудно было скопить необходимые средства. Таким образом брачный возраст жениха, конечно, увеличивался.

После окончательного утверждения Советской власти в Азербайджане в 1920 г. всякая плата за невесту была запрещена законом, но еще длительное время не были изжиты многие старые обычаи в области семейных отношений. Даже такое казалось бы простое нововведение, как регистрация гражданского брака в загсе, привилось не сразу. В двадцатые годы азербайджанцы далеко не все регистрировали свой брак в загсе, в большинстве случаев они продолжали оформлять его так называемыми кебинными актами, составлявшимися согласно шарияту.

Поскольку регистрация брака в загсе могла быть произведена лишь согласно советскому законодательству, то в число зарегистрировавшихся не могли попасть девушки моложе 16 и мужчины моложе 18 лет. Некоторое представление о возрасте вступающих в брак азербайджанцев и возрастных изменениях, происходивших в течение 1920—1950-х годов, дают материалы загса района им. 26 Комиссаров г. Баку. Из 36 вступающих в брак азербайджанских пар в 1930 г. было 14 женщин в возрасте 16—18 лет, 7—в возрасте 19—20 лет, остальные — в возрасте, не превышающем 30 лет, за исключением одной женщины — в возрасте 41 года и одной — 49 лет (повторные брагеи). Средний брачный возраст женщин, таким образом, равнялся 22,2 года, мужчин — 29,2 года. Средняя разница в возрасте супругов — 7 лет.

В 1940 г. в районе был зарегистрирован брак 14 азербайджанских пар. Показатели брачного возраста таковы: женщин в возрасте 16—18 лет — 5, 19—20 лет — 2; средний брачный возраст женщин — 23,5 года, мужчин — 33 года. Такой скачок в среднем брачном возрасте мужчин объясняется тем, что при малочисленности всей азербайджанской группы было два вторых брака, у одного — в возрасте 50 лет, у второго — в 71 год. Это и дало такое резкое повышение среднего-брачного возраста. Средняя разница в возрасте супругов — 9,5 года.

В 1950 г. в данном районе г. Баку азербайджанскими парами было зарегистрировано 49 браков. Из 49 женщин в брак вступили: в 16—18 лет — 10, в 19—20 лет — 9. Очень больших колебаний в возрасте новобрачных женщин было немного. Лишь две женщины были старше 30 лет (одной — 31 год, другой — 47 лет). Средний брачный возраст женщин немного ниже 1940 г., равняется 21,7 года. Вообще в этом году брачный возраст как-то стабилизировался, подравнялся. Это же происходило и в «мужской половине» новобрачных азербайджанцев. Здесь средний брачный возраст тоже немного ниже, чем в 1940 г. — 25,7 года. Средний брачный возраст мужчин превышает средний брачный возраст женщин на 4,06 года.

Существо изменений, происшедших в брачном возрасте за годы Советской власти, заключается в том, что были полностью изжиты ранее распространенные бракосочетания с несовершеннолетними, уменьшилась разница в возрасте супругов, повысился средний возраст вступающих в брак женщин. За годы Советской власти семья, ее структура и семейные отношения претерпели большие изменения. На смену старой появилась новая семейная обрядность. И все-таки старое, отживающее в семейных отношениях народа порой еще продолжает существовать.

Пожалуй, более всего требует к себе внимания работа с женщинами с целью более энергичного привлечения их к участию в общественно-полезном труде и борьбы с религиозными и другими пережитками в их сознании.

Безусловно, старинная обрядность в семье поддерживается в первую очередь и главным образом женщинами, причем это более всего относилось к неработающим на производстве.

Участвуя в общественном труде, женщина оказывается связанной с передовой социальной и культурной средой. В этой среде уже преодолено большинство вредных обычаев и обрядов и в то же время сохраняются и развиваются лучшие традиции интернационализма, товарищества и т. д.

Само собой разумеется, что старая обрядность, исчезая из семейного быта, должна быть заменена какими-то новыми семейными обрядами. Это уже происходит в значительной степени и в 1950-е годы. Апшеронские азербайджанцы по-новому отмечали праздники, все шире входило в обычай празднование дня рождения членов семьи, торжественно отмечались успехи в работе и общественной жизни, в учебе. В 1960-е годы процесс утверждения социалистического быта принял на Апшероне еще более широкий размах.

СОДЕРЖАНИЕ

- Н. Г. Волкова. Этнические процессы в Закавказье в XIX—XX вв.
Л. И. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в
Г. А. Сергеева. Положение женщины в дореволюционном и советском Дагестане
Д.-М. С. Габиев. Эволюция лакского жилища (XVIII—XX вв.)
А. Г. Трофимова. Из истории семьи азербайджанцев Апшерона (1920-1950 гг.)

Кавказский этнографический сборник, вып. 4

Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редактор издательства Г. В. Шелудько
Технический редактор А. П. Ефимова

Сдано в набор 10/IV 1969 г. Т-11272
Подо, к печ. 26/VIII 1969 г. Формат 70x108 1/16
Бумага типографск. НВ 2. Печ. л. 12,5.
Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 17,3. Тираж 1400 экз.
Тип. зак. 2131. Цена 1 р. 22 к.

Издательство «Наука».
Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва Г-99, Шубинский пер., 10